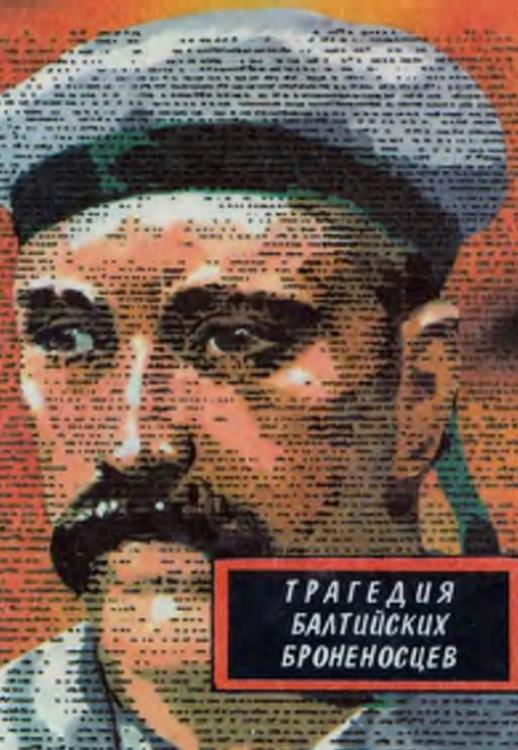

ИГОРЬ БУНИЧ

В ОГНЕ ВОЙН И ПЕРЕВОРОТОВ

ТРАГЕДИЯ
БАЛТИЙСКИХ
БРОНЕНОСЦЕВ

ЧЕРНАЯ КАРТОТЕКА

ИГОРЬ БУНИЧ
В ОГНЕ ВОЙН

И ПЕРЕВОРОТОВ

КНИГА ПЕРВАЯ

Издательство "ПРОФ-ПРЕСС"
Ростов-на-Дону
1995

ББК 63.3(2)712
Б91

Серия основана в 1994 году

Художник *А. Джаникьян*

Бунич Игорь
Б91 **В огне войн и переворотов: Роман в двух книгах.**
Книга I. — Ростов н/Д.: Издательство «Проф-Пресс»,
1995. 480 с. с илл.

В этой книге сделана попытка восстановить краткий, но важный период боевой службы эскадренных броненосцев Российского Флота.

Судьба этих кораблей оказалась столь же трагичной, как и судьба страны. Большая часть кораблей этого класса погибла или попала в плен в ходе русско-японской войны. Уцелевшие, а их оказалось всего пять, пройдя через горнило первой мировой войны и кровавого катаклизма русской революции, дожили до начала 20-х годов в виде разоруженного металлолома и прекратили свое существование.

Печать, копирование и размножение любым другим способом как отдельных разделов настоящего издания, так и всего издания, возможны только с разрешения НПП «Облик» (тел. (812) 235-14-91)

Б 4702010201
95

ББК 63.3(2)712

ISBN 5-88475-020-X

© Содержание. НПП «Облик», 1995
© Издательство «Проф-Пресс», 1995
© Оформление. Оригинал-макет.
Издательский центр «Единорог», 1995

ЧЕРНАЯ КАРТОТЕКА

Стараясь по мере сил содействовать развитию отечественной словесности, Издатели с удовольствием предлагают читающей публике серию «Черная картотека» – достоверное повествование о режиме, процветавшем на одной шестой части земной суши в течение семидесяти четырёх лет.

Авторы, «жившие внутри чудовища и знавшие его досконально», делятся с читателями собственным опытом – зачастую горьким и неизменно обширным.

ПОРТ-АРТУРСКАЯ ЛОВУШКА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Историю России, как, впрочем, и любой другой страны, можно писать по-разному. Можно переписывать государственные акты в архиве, придерживаясь хронологии, как это делали Карамзин и Соловьев. Можно, как это делал Костомаров, составить историю России «В жизнеописании ее главнейших деятелей».

Мы же решили попытаться восстановить краткий, но очень важный период истории нашей страны описанием боевой службы эскадренных броненосцев Российского Флота.

Русские корабли этого класса появились в конце 80-х годов прошлого века, когда на Балтике в 1889 году вошел в строй первый океанский броненосец Российского Флота «Император Александр II». Эпоха броненосцев оказалась очень короткой. Уже в 1907 году появление в строю английского флота линейного корабля «Дредноут» сделало все эскадренные броненосцы устаревшими, и строительство их повсеместно прекратилось.

На этот краткий период Россия, чья судостроительная промышленность в общем русле резкого экономического подъема развивалась невиданными темпами, только на Балтике построила и ввела в состав флота 20 кораблей этого типа. И еще 10 на Черном море. Два эскадренных броненосца были построены по русскому заказу на иностранных заводах (в США и Франции).

Судьба этих кораблей оказалась столь же трагической, как и судьба страны. Большая часть кораблей этого класса погибла или попала в плен в ходе русско-японской войны. Уцелевшие, а их оказалось всего пять, пройдя через горнило первой мировой войны и кровавого катаклизма русской революции, дожили до начала 20-х

годов в виде разоруженного металлолома и прекратили свое существование.

История их была трагической, но удивительно насыщенной и яркой. Появившись на кровавом изломе истории, они сгорели почти мгновенно как метеориты в конвульсиях уже погибавшей по воле рока страны, оставив о себе память в старых корабельных списках и на пожелтевших фотографиях.

Бывалые моряки уверяют, что корабли — это живые существа, наделенные душой и индивидуальными чертами характера. Созданные руками человека, имея на своем борту сотни, а иногда и тысячи людей, боевые гиганты индустриального века жили тем не менее, подчиняясь каким-то мистическим законам собственной судьбы. Поэтому мы и пишем о них, как о живых существах.

Нам кажется, что история русских эскадренных броненосцев, как никакая другая история, перекликается с историей последних 30 лет существования Российской Империи, отражая ее небывалый расцвет во всех областях человеческой деятельности, а также ее обреченность, главным образом из-за радикальной переоценки собственных сил и легкомысленной воинственности.

Жизнеописания эскадренных броненосцев разделены на три тематические подборки: «Порт-Артурская ловушка», где погибли 6 броненосцев; «Мученики Цусимы», где погибли еще 6 броненосцев, а 2 — попали в плен; «В огне государственного катаклизма», где были перемолоты оставшиеся 5 кораблей этого класса.

В нашем перечне отсутствует корабль, который принято считать первым русским броненосцем, — «Петр Великий», во-первых, потому что он фактически был не броненосцем, а разросшимся до невероятных размеров монитором, а во-вторых, потому, что этому кораблю посвящена отдельная книга.

Отсутствует в этом перечне и «Гангут», затонувший на Балтике 12 июня 1897 года, поскольку он, с нашей точки зрения, был, по существу, не эскадренным броненосцем, а броненосцем береговой обороны. И, наконец, у нас нет «Орла» — четвертого броненосца типа «Бородино». В раздел «Мученики Цусимы» он как-то не вписывается, поскольку сдался в плен и два следующих деся-

тилетия служил под японским флагом, называясь «Ивами». Пробыв в строю Русского Флота меньше года, он практически являлся не русским, а японским кораблем. Кроме того, об «Орле» существует такая обширная литература, что трудно сказать о его судьбе что-либо новое.

Не касаемся мы и судьбы черноморских броненосцев, поскольку они представляют отдельную тему. Никогда не покидая своего театра, т. е. Черного моря, они все попали в руки немцев в 1918 году, затем — в руки англичан и, наконец, в виде металлолома были оставлены в наследство большевикам. Мы надеемся описать судьбу каждого из них позднее.

В Российском Флоте никогда не было идентификационных номеров, присваиваемых кораблю на все время его нахождения в строю, как принято, скажем, в американском флоте. Для удобства мы ввели собственную классификацию, где каждый корабль обозначается литерами ББ и номером, соответствующим хронологической последовательности ввода в строй. Так, эскадренный броненосец «Император Александр II» идет под индексом ББ (балтийский броненосец)-2, «Император Николай I» — ББ-3 и т. д.

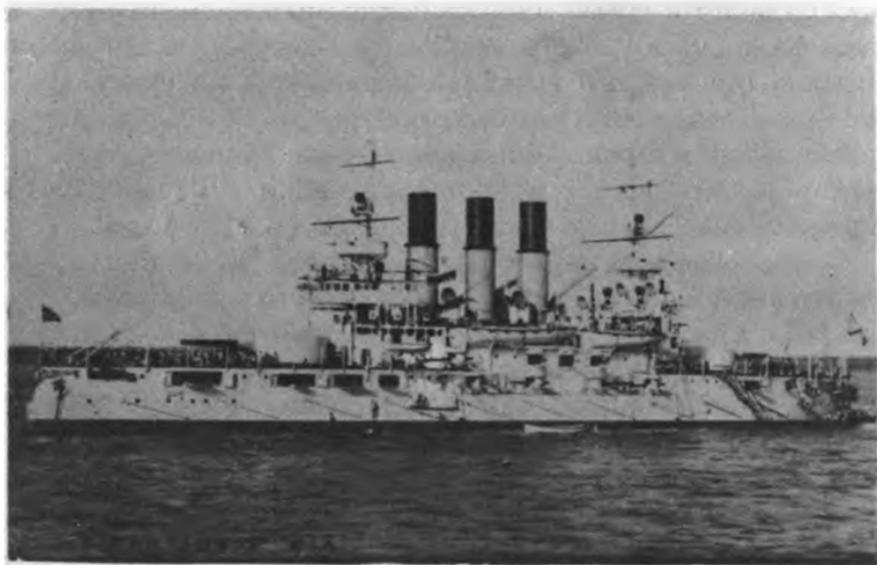
Эта классификация искусственная и ни к чему не обязывает. Во всех странах, являющихся морскими державами или даже претендующими на роль таковых, давно изданы специальные корабельные энциклопедии, подробно описывающие биографии своих боевых кораблей всех классов — вплоть до буксиров, имевших честь нести флаг военно-морского флота.

Неплохо бы и у нас, в России, создать такую энциклопедию хотя бы по основным классам боевых кораблей до подводных лодок включительно. Речь идет не о справочнике (хотя и толкового справочника еще нет), а об энциклопедии, где история каждого корабля давалась бы отдельно и подробно. Конечно, одному человеку создать такую энциклопедию не под силу. В США и Англии, например, этим занимались целые отделы Морского министерства.

Пусть история наших несчастных эскадренных броненосцев станет первым пробным шагом в этом направлении.

РЕТВИЗАН

Ретвизан — шведское слово, означающее «Боевой клич». Шведский 64-пушечный линейный корабль «Ретвизан» был захвачен в плен в ходе Выборгского сражения 23 июня 1790 г. и включен в состав Русского флота под тем же названием. Это название по традиции перешло к другим кораблям Русского флота — к парусно-винтовому линейному кораблю, а позднее к эскадренному броненосцу.

«Ретвизан» (ББ-2)

Водоизмещение: 12902 т

Главные размеры: 117, 9x22x7, 9м

Скорость максимальная: 18 узлов

Вооружение: четыре 12-дюймовых орудия в башнях, двенадцать 6-дюймовых орудия в казематах, двадцать 75-мм, двадцать четыре 47-мм и восемь 37-мм орудий, 2 десантные пушки и 2 пулемета, 4 надводных и 2 подводных ТА

Мощность механизмов: 17000 л. с.

Бронирование: Борта — 51 — 229 мм

Казематы — 152 мм

Башни — 229 мм

Палуба — 51 — 76 мм

Боевая рубка — 254 мм

Экипаж (штатный): 21 офицер и 722 матроса

Тип: «Мэн»

Эскадренный броненосец «Ретвизан» был заложен 17 июля 1899 г. на верфи «Вильям Крамп и сыновья» в г. Филадельфия, Соединенные Штаты Америки. Строительство корабля велось в рамках специальной кораблестроительной программы 1898 г. для нужд Дальнего Востока. Заказ на постройку броненосца в Америке был дан фирме Крампа 11 апреля 1898 г. С русской стороны за постройкой корабля наблюдала целая группа специалистов во главе с корабельным инженером Черниговским, а также капитаны 1-го ранга Бэр, Данилевский и Щенснович. Машины броненосца были изготовлены фирмой «Вифлием Айрон Компани», котлы — фирмой «Николс», броня отлита фирмой «Карнеги Стил Компани», электро-минное оборудование — фирмой «Дженерал Электрик Компани». Артиллерийское вооружение броненосца было заказано Обуховскому заводу, а торпедное — Металлическому заводу в Санкт-Петербурге и было доставлено в Филадельфию 29 декабря 1899 г. на русском пароходе «Владимир Савин». Кораблестроительная фирма «Вильям Крамп и сыновья» являлась одним из старейших судостроительных предприятий Америки. Завод имел 6 открытых стапелей, сухой док и многочисленные цеха и мастерские, где работало более 6500 человек.

Завод одновременно строил броненосец «Ретвизан» и крейсер «Варяг» по заказу Русского правительства, а также броненосцы «Алабама» и «Мэн» для американского флота и ряд других судов. Огромный завод, оснащенный многочисленным и высокоэффективным гидравлическим и пневматическим оборудованием с немыслимой для русских верфей производительностью, культурой и эффективностью труда, был для целой армии русских наблюдателей чем-то совершенно фантастическим, а потому и

предметом злобной зависти. Постройка «Ретвизана» замедлялась совершенно бестолковыми и противоречивыми требованиями с русской стороны, постоянными пересмотрами проекта и прожектерскими предложениями. «Одно и тоже судно, — заметил Чарльз Крамп по этому поводу, — не может одновременно строиться в России и в Соединенных Штатах». Тем не менее работы на «Ретвизане» продолжались быстрыми темпами, поражая своей высочайшей координацией.

10 октября 1900 г. эскадренный броненосец «Ретвизан» был спущен на воду, пробыв на стапеле всего 1 год и 3 месяца. 29 августа 1901 г. броненосец был выведен на испытания, а 15 апреля 1902 г. был сдан русским, освящен и вступил в строй под командованием капитана 1-го ранга Щенсновича. Общая стоимость постройки «Ретвизана» — 12553277 р. (Следует отметить, что «Ретвизан» был построен намного быстрее и намного дешевле, чем любой из броненосцев, строившихся в России. Он был гораздо мореходнее, имел лучшую обитаемость и имел меньшую взрыво- и пожароопасность, чем корабли, построенные на отечественных заводах. Если кто-нибудь хочет убедиться в том, как конъюнктурно пишут наши нынешние морские псевдоисторики, то нет лучшего примера, чем статьи о создании «Ретвизана» и «Варяга», написанные Р. М. Мельниковым. В его книге и статье нет ни единого доброго слова в адрес американских судостроителей. Я не хочу вдаваться с ним в полемику, но только отмечу, что «Ретвизан» был построен за 2 года и 9 месяцев, в то время, как любой из броненосцев типа «Бородино» строился не менее 4 — 5 лет, не говоря уже о качестве постройки.)

30 апреля 1902 г. эскадренный броненосец «Ретвизан» покинул Соединенные Штаты, начав переход через Атлантику, продолжавшийся 14 дней. Корабль шел экономической 10-узловой скоростью, прибыв 13 мая в Шербур, где простоял 13 дней, выйдя в море 27 мая и взяв курс на родину. 1 июня при разрыве трубок одного из котлов были обварены 6 кочегаров «Ретвизана», трое из которых скончались.

По прибытии на родину «Ретвизану» был проведен 18 июня высочайший смотр вместе с пришедшим из Гер-

мании крейсером «Новик». Затем после непродолжительной стоянки в доке «Ретвизан» вместе с броненосцем «Победа» и кораблями учебно-артиллерийского отряда участвовал 24 июля 1902 г. в военно-морском параде по случаю визита в Россию германского кайзера Вильгельма II. Остаток лета 1902 г. корабль провел на Балтике в отряде контр-адмирала Никонова, проводя всесторонние испытания новейших американских гидравлических и электрических систем, которые были на нем установлены. Во время стоянки в Кронштадте на броненосец была установлена новейшая для того времени радиостанция.

Стремясь срочно усилить Русский Флот на Дальнем Востоке, русское командование спешно заканчивало на Балтике формирование целого отряда из новейших кораблей заграничной и отечественной постройки для перехода через три океана в Порт-Артур. Командующим этим отрядом был назначен контр-адмирал Штакельберг, поднявший свой флаг на «Ретвизане». В конце октября отряд сосредоточился в Либаве, а 30 октября 1902 г. эскадренный броненосец «Ретвизан» покинул Либаву, ведя за собой броненосец «Победу», крейсера «Богатырь», «Боярин», «Палладу» и «Диану», а также миноносцы «Бурный» и «Бойкий». 15 ноября отряд адмирала Штакельберга пришел в Портленд, который покинул 26 ноября, взяв курс в Средиземное море. Посетив по пути Виго и Алжир, «Ретвизан» 28 декабря 1902 г. прогрохотал якорной цепью на рейде греческого порта Пирей, приведя туда весь свой отряд. В Пирее стояла русская Средиземноморская эскадра контр-адмирала Кригера. Гремели радостные артиллерийские салюты по случаю встречи, корабли подняли флаги расцветивания. Это была небывалая демонстрация русской военно-морской мощи, чего в течение последующих 60 лет Россия уже не могла себе позволить.

20 января 1903 г. отряд Штакельберга, оставив «Победу» в Пирее, покинул этот греческий порт, взяв курс на Порт-Саид, куда прибыл 29 января. Отряд по-прежнему возглавлял «Ретвизан», но состав отряда изменился. Вместо задержавшихся в Средиземном море миноносцев «Бурный» и «Бойкий», к отряду в Пирее примкнули миноносцы французской постройки «Внимательный», «Вну-

шительный», «Выносливый», «Властный» и «Грозовой». После прохода Суэцкого канала от отряда для выполнения специальных заданий были отделены крейсера «Боярин» и «Богатырь». 26 февраля 1903 г. «Ретвизан» вышел из Адена, ведя за собой только крейсера «Диана» и «Паллада» и 5 «французских» миноносцев. На переходе от Коломбо до Сингапура три миноносца отстали от отряда, а когда 21 апреля 1903 г. «Ретвизан» прибыл в Порт-Артур, с ним были только крейсера «Диана» и «Паллада».

Едва успев прийти в Порт-Артур, «Ретвизан» немедленно включился в крупные общеслужбские учения в Тапиенваньской бухте. После окончания учений корабль вернулся в Порт-Артур, а 15 июня под флагом младшего флагмана эскадры контр-адмирала Ухтомского совершил в составе эскадры показательный переход из Порт-Артура в Дальний по случаю инспекции Порт-Артура военным министром, генералом Куропаткиным. После окончания учений, приуроченных к приезду генерала Куропаткина, «Ретвизан» совместно с другими броненосцами эскадры совершил поход во Владивосток, где все броненосцы за неимением дока в Порт-Артуре прошли доковый ремонт. После выхода из дока на «Ретвизане» поднял флаг новый командующий эскадрой вице-адмирал Старк. «Ретвизан» как один из флагманских кораблей эскадры был вместе с «Петропавловском» перекрашен в августе 1903 г. в боевой оливково-зеленый цвет. В конце сентября 1903 г. броненосец вернулся в Порт-Артур и после краткого пребывания в строю был в конце октября 1903 г. выведен в вооруженный резерв.

Между тем обстановка на Дальнем Востоке продолжала накаляться. Вполне очевидное желание России аннексировать Корею прекрасно дало понять японскому правительству, что дело идет к войне. Япония начала переговоры с Россией не столько потому, что ожидала от этих переговоров какого-нибудь толка, сколько из желания добыть документальные доказательства русских планов захвата Кореи. «А Япония доиграется, что я рассержусь», — заметил Николай II на одном из приемов японскому послу Курино. Столь глупая политика Петербурга, хотя и была выдержана в лучших традициях многовеко-

вой русской внешней политики, тем не менее приводила в отчаянье русское командование на Дальнем Востоке. Войну провоцировали, а вооруженным силам постоянно приказывали «не поддаваться на японские провокации». К середине января 1904 г. адмирал Алексеев, убедившись в неизбежности войны, приказал выводить флот из вооруженного резерва и 18 января начать кампанию. Во исполнение этого приказа 19 января 1904 г. эскадренный броненосец «Ретвизан» с полной водой вышел на рейд, подняв флаг и вымпел. 21 января «Ретвизан» вместе со своей эскадрой совершил знаменитый поход к Шантунгу, по поводу которого командир «Ретвизана» капитан 1-го ранга Щенснович записал в своем дневнике: «Сколько я не вдумывался, в значение этого похода, не могу понять и теперь этого значения. Маневрирования мы никаких не производили, ночью к бою не готовились». Весьма вероятно, что тут командир «Ретвизана» не хитрил по своему обыкновению, а действительно не понимал значения выхода, поскольку не был посвящен в планы превентивного удара, вынашиваемого адмиралом Алексеевым. Когда 22 января эскадра вернулась на внешний рейд Порт-Артура, эскадренный броненосец «Ретвизан» встал на свое место по диспозиции, имея по носу крейсер «Диану», за кормой — броненосец «Севастополь», занимая мористым левым бортом положение между крейсером «Паллада» и броненосцем «Победа» на якорной стоянке № 6.

Между тем 24 января японский флот получил приказ начать военные действия. По плану адмирала Того первый удар должен был быть нанесен японскими миноносцами по русским кораблям на рейде Порт-Артура и Дальнего с достижением всей возможной тактической внезапности с тем, чтобы с первых же часов войны максимально ослабить Русский Флот и захватить стратегическую инициативу в действиях на море. Открытие военных действий планировалось на ночь с 26 на 27 января 1904 г. Между тем адмирал Алексеев, продолжая анализировать последние разведсводки и дипломатические донесения, молил Петербург разрешить начать первым военные действия. Эскадра держалась на внешнем рейде в полной готовности эти действия начать. На кораблях

непрерывно проходили различные учения, с заходом солнца прекращалась всякая связь с берегом. В ночь с 26 на 27 января дежурными по освещению рейда были назначены броненосец «Ретвизан» и крейсер «Паллада», которые с 18:00 освещали рейд своими прожекторами. По свету этих прожекторов, и по огням маяка на Тигровом полуострове и определил место своего 1-го отряда истребителей капитан 1-го ранга Асай Сейдзиро, чьи миноносцы в 23:08 по японскому времени, или в 22:13 по русскому времени вышли на подступы к внешнему рейду Порт-Артура. Капитан 1-го ранга Асай держал свой вымпел на миноносце «Сиракумо» (к-л. Хазама), ведя за собой миноносцы «Асасиво» (к-л. Мацунага), «Касуми» (к-л. Осима) и «Акацуки» (лт. Суецуги). Уменьшив ход, отряд стал подкрадываться к русским кораблям. Луна еще не взошла, и поверхность моря бороздили лишь лучи русских прожекторов. Взяв курс прямо на прожектор «Ретвизана», миноносец «Сиракумо» в 23:33 выпустил первую торпеду в этой внезапной атаке на Русский Флот, которой суждено было изменить и судьбу России, а в какой-то степени, и судьбу мира. В 23:35 вахтенный офицер броненосца «Ретвизан» лейтенант Развозов заметил в свете прожектора крейсера «Паллада» два миноносца, стремительно разворачивающихся на рейде. Лейтенант немедленно приказал открыть огонь. Но прежде, чем команда была выполнена, «Ретвизан» содрогнулся от взрыва торпеды, попавшей в носовую часть левого борта. На «Ретвизане» уже не слышали взрывов торпед, подорвавших броненосец «Цесаревич» и крейсер «Палладу». Сразу же после взрыва торпеды, погасло электрическое освещение, и корабль стал крениться на левый борт. На «Ретвизане» пробили водяную тревогу и затопили патронные погреба правого борта. Броненосец, уже накренившийся на 11°, остановился и медленно стал выпрямляться, уменьшив крен до 5°. На пробойну был заведен подкильный парус, электрическое освещение восстановлено и на «Петропавловск» было передано сообщение семафором: «Имею пробойну, терплю бедствие.» Садясь носом и разводя пары, «Ретвизан» вел беспорядочный огонь в темноту ночи. Никто даже не учитывал расход снарядов. Опасаясь затопления броненосца на 9-сажен-

ной глубине якорной стоянки, капитан 1-го ранга Щенснович с разрешения командующего приказал отклепать якорную цепь (шпиль был поврежден взрывом) и повел «Ретвизан» к проходу на внутренний рейд, хотя до полной воды оставалось еще 3 часа. Вода продолжала прибывать, распространяясь по вентиляционным трубам, шахтам и элеваторам, затопляя смежные отсеки. Нос броненосца садился все ниже и ниже. Единственная водоотливная турбина в носовом отделении была повреждена взрывом. Перепустить воду в котельные отделения, где была более мощная турбина, было невозможно из-за отсутствия клинкетов в переборках. На рейде продолжалась стрельба. Подошедшие после 1-го отряда миноносцы 2-го японского отряда истребителей попали под сосредоточенный огонь русской эскадры (участь любой 2-й волны при внезапном нападении). Миноносцы доблестно пробились через заградительный огонь, выпустили торпеды и ушли в ночь, получив мелкие повреждения, но не добившись уже никаких результатов. «Ретвизан», ведя беспорядочный огонь, продолжал двигаться ко входу в гавань и в 01:30 в самом проходе плотно сел на мель. Течением его корму завернуло к Тигровому полуострову и таким образом «Ретвизан» загородил собой половину прохода. Свободными в проходе оставалось только 49 сажен и то только в полную воду. При обследовании водолазами повреждений выяснилось, что броненосец получил пробоину с левого борта между 16-м и 23-м шпангоутами. Силой взрыва борт был прогнут внутрь на 1,5 фута. Прорыв наружной обшивки был неправильной формы, длиной 20 футов и шириной 12 футов. Вниз и в стороны от пробоины расходились трещины и щели, было много срезанных заклепок. Общая площадь поврежденного корпуса составляла 400 кв. футов, распространяясь на 30 футов по длине и 19 футов по высоте борта. Шпангоуты и стрингера в районе пробоины были переломаны, скручены помяты и развернуты. Внутренний борт был пробит и листы его подняты вверх. Торпедный аппарат и его привод уничтожены. Торпедный аппарат правого борта поврежден. Броневая 9-дюймовая плита нижнего броневых пояса вогнута нижнею кромкою внутрь от 8 до 16 дюймов. Верхняя 3-дюймовая броневая плита выехала

своим углом наружу. Стальная рубашка за броней была разорвана, деревянная прокладка — расщеплена. Броневой нижний шельф был оторван, а броневая палуба и легкая стальная настилка поверх ее — погнуты. Броненосец принял 2200 тонн воды. Были затоплены полностью три отсека. Во время взрыва торпеды на «Ретвизане» погибло 5 матросов, находившихся в отделении подводных торпедных аппаратов. Шестой — минный унтер-офицер — спал в подвесной койке напротив входного люка и при затоплении помещения был вынесен водой на жилую палубу. В первую ночь войны «Ретвизан» выпустил по противнику примерно 150 снарядов разных калибров.

На следующее утро, когда перед Порт-Артуром появились главные силы японского флота, в бою с ними приняли участие и подорванные, стоящие в проходе «Ретвизан» и «Цесаревич». «Ретвизан» выпустил по противнику два 6-дюймовых снаряда, а затем замолчал, поскольку японские корабли вышли из зоны действия его орудий. От ответного огня японцев несколько осколков упало на палубу броненосца, не причинив никаких повреждений.

Отсутствие дока для броненосцев в Порт-Артуре делало ремонт «Ретвизана» очень сложным и проблематичным. Но тут появилась еще одна проблема — быстро снять с мели «Ретвизан» не удалось. Как ни трудились портовые буксиры и землечерпалки, корабль не двигался с места. Приступили к разгрузке новых помещений броненосца и к демонтажу носовых орудий главного калибра. Стоявший в проходе корабль представлял заманчивую цель для противника и требовал продуманно организованной защиты. Заграждение «Ретвизаном» половины входного канала на внутренний рейд навело японцев на мысль окончательно загородить проход пароходами-брандерами, а заодно и добить «Ретвизан». Пока японцы готовили свой удар, в Порт-Артуре принимали лихорадочные меры по обеспечению безопасности стоящего на мели броненосца. С правого мористого борта «Ретвизана» выставили противоторпедные сети, а через несколько дней саженьях в 20 мористее броненосца был поставлен бон из бревен, перевязанных якорным канатом, снятым с портовых барж. Этот бон был установлен на особых якорях

и выдержал самые плохие погодные условия. В свою очередь к бревнам были подвешены противоторпедные сети, снятые с противоположного борта «Ретвизана» и с некоторых других кораблей, где имелись запасные сети. Таким образом «Ретвизан» стоял на мели под защитой двух рядов противоторпедных сетей. Каждый вечер после спуска флага на «Ретвизане» объявлялась боевая тревога и орудия правого борта находились в полной готовности немедленно открыть огонь. Для связи с флагманским броненосцем «Петропавловск» с «Ретвизана» на флагман были проведены телефонные кабели. Кроме того, «Ретвизан» был соединен с телефонной станцией Порт-Артура. Помимо принятых на самом броненосце мер, ежедневно после спуска флага к «Ретвизану» подходили два дежурных миноносца 2-го отряда и сторожевые катера с броненосцев, вооруженные 37-мм орудиями Гочкиса. Катера держались в проходе между Золотой Горой и форштевнем «Ретвизана», приставая в свежую погоду к борту броненосца.

9 февраля, дождавшись более менее хорошей погоды, японский флот, выйдя еще 7 февраля из Чемульпо, сосредоточился на промежуточной базе у северо-западного побережья Кореи. Пять брандеров-заградителей должны были предпринять попытку закупорить выход из Порт-Артура, а сопровождающий их 5-й отряд истребителей («Кагеро», «Мураками», «Сирануи» и «Югири») наряду с обеспечением действий брандеров, должен был пытаться окончательно уничтожить «Ретвизан». Прикрытие операции осуществлялось главными силами адмирала Того и несколькими отрядами эсминцев. К 16:00 февраля японские корабли соединились в 20 милях юго-восточнее острова Раунд. В 20:00 пять брандеров заградителей («Тяньдзин-Мару», «Хококу-Мару», «Джинсен-Мару», «Буйио-Мару» и «Бушиу-Мару») под прикрытием миноносцев 5-го отряда вышли к Порт-Артуру. К 23:00 японские миноносцы, отделившись от пароходов-брандеров, подошли к мысу Ляотешань. Опасаясь быть обнаруженным, отряд под тенью горного берега стал выжидать захода луны. По морю шарили прожектора русских батарей на Золотой Горе, в бухтах Белого Волка и Тахэ. В эту ночь в дежурстве около «Ретвизана» находились ми-

ноносцы «Сторожевой» и «Стерегущий», а цепь катеров состояла из двух паровых катеров с «Пересвета», одного с «Полтавы», одного с канонерской лодки «Бобр», а также баркаса с канонерской лодки «Гремящий». Около 01:30 в луче одного из крепостных прожекторов были обнаружены два дымка, которые тотчас же исчезли. К 02:00 с Ляотешаньского маяка доложили по телефону, что в море скопляется много огней, направляющихся к Порт-Артуру. Около 02:45 сначала в тени, а затем в ярком луче крепостного прожектора был обнаружен японский миноносец «Кагеро», идущий прямо к проходу. «Ретвизан» немедленно открыл огонь из всех орудий правого борта, который продолжался около минуты, поскольку миноносец противника, сблизившись с «Ретвизаном» до 3-х кабельтовых, выпустил торпеду и исчез из луча прожектора. Торпеда прошла мимо «ретвизановского» заграждения, выскочив на берег. В 03:05 был обнаружен второй японский миноносец «Сирануи», который шел прямо на «Ретвизан», находясь уже на дистанции 4 — 5 кабельтовых. За «Сирануи» открылись еще два японских миноносца «Мураками» и «Югири», державшиеся ближе к тигровому полуострову. Миноносцы противника были встречены дружным огнем «Ретвизана», дежурных эсминцев и береговых батарей, охраняющих проход. Все миноносцы противника выпустили торпеды, которые в цель не попали, и спешно стали уходить из лучей русских прожекторов. При этом миноносец «Мураками» вынужден был остановиться не то из-за неисправности в рулевом приводе, как уверяют японцы, не то из-за попадания снаряда, как утверждают все русские источники, подчеркивающие, что из «Мураками» валил пар.

В этот момент с «Ретвизана» заметили, как из-за остановившегося японского миноносца показалось большое облако дыма, за которым обнаружили два парохода, пришедшие на створ входных знаков и повернувшие, передний — на середину броненосца, а задний — на его форштевень. «Ретвизан» немедленно перенес огонь на эти пароходы, что дало японским миноносцам возможность оказать помощь «Мураками» и вывести его из боевой зоны. Между тем пароходы, неся японские флаги, продолжали, не взирая на убийственный огонь, приближаться

к «Ретвизану». «Хококу-Мару» под командованием героического капитан-лейтенанта Хироэ шел прямо на «Ретвизан», имея целью протаранить борт броненосца и взорваться вместе с ним. По доблестному брандеру вели огонь, помимо «Ретвизана», несколько береговых батарей и все корабли, несшие сторожевую службу в проходе, но он, объятый пламенем, упорно шел вперед. Когда до «Ретвизана» оставалось всего несколько десятков метров, русский снаряд перебил на «Хококу-Мару» рулевое управление. Потеряв управление, героический брандер стал уклоняться влево и выскочил на берег под самым входным маяком на Тигровом полуострове буквально рядом с «Ретвизаном». Второй брандер — «Джинсен-Мару» (капитан-лейтенант Сайто) уклонился вправо и затонул под градом снарядов у Золотой Горы. «Хококу-Мару», покинутый командой, продолжал гореть, каждую минуту угрожая взрывом. Пламя его пожара слепило глаза комендорам «Ретвизана», мешая отгонять японские миноносцы, которые носились по рейду, подбирая экипажи брандеров. В 05:45 «Ретвизан» прекратил огонь, выпустив за эту ночь 935 снарядов: 2 — 12", 71 — 6"* , 152 — 75-мм, 590 — 47-мм и 120 — 37-мм. Повреждений и потерь корабль не понес никаких. В отблеске горящего «Хококу-Мару» мимо «Ретвизана» прошли в гавань «Новик» и миноносцы, преследовавшие отходящего противника. Пожар на «Хококу-Мару» продолжался еще целую неделю, хотя для ликвидации пожара из Порт-Артура была вызвана городская пожарная команда.

На одном из затонувших брандеров была найдена схема, на которой было обозначено место «Ретвизана» и дан план заграждения прохода и уничтожения броненосца. Было совершенно очевидно, что не стой «Ретвизан» на мели в проходе как выдвинутая вперед батарея, план японцев мог легко осуществиться. «Спасибо «Ретвизану», — записал в своем дневнике капитан 2-го ранга Семенов, — вот уж действительно, не было счастья — так несчастье помогло!» За этот бой командир «Ретвизана» капитан 1-го ранга Щенснович был награжден Георгиев-

*12. и 6-дюймовых соответственно. Принятое по тексту обозначение калибра орудий в дюймах.

ским крестом 4-й степени, старший артиллерист броненосца лейтенант Кетлинский — золотой саблей с надписью «За храбрость», старший штурманский офицер лейтенант Павлинов — орденом Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом, старший минный офицер лейтенант Развозов — орденом Святого Владимира с мечами и бантом, вахтенные начальники броненосца мичманы Саблин и Гурячков — соответственно орденом Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» — и орденом Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом. Кроме того, 25 матросов «Ретвизана» властью адмирала Алексеева были награждены знаками отличия Военного ордена (солдатский Георгий.)

В ночь с 11 на 12 и 12 на 13 февраля «Ретвизан» неоднократно открывал огонь по подходящим к рейду японским миноносцам, по китайским джонкам и вообще по всему, что двигалось по воде. Подобная боевая напряженность поддерживалась на «Ретвизане» и все последующие ночи, хотя до 26 февраля противник не появлялся перед Порт-Артуром. Одновременно продолжались титанические усилия по снятию броненосца с мели. Носовая часть корабля была полностью разгружена, носовые 12" орудия и броневые плиты сняты, непрерывно работали два мощных землесоса, выкачивая воду из поврежденных отсеков, но все было тщетно — броненосец прочно сидел на мели. Построенный по проекту инженера Свирского кессон пытались завести, оставив «Ретвизан» на мели, но ничего не получалось. Пришлось начать трудоемкие водолазные работы по заделке пробоины и всех ее ответвлений-щелей под водой.

Утром 24 февраля в Порт-Артур прибыл новый командующий флотом вице-адмирал Макаров и поднял свой флаг на крейсере «Аскольд». По случайному, но как все считали счастливому совпадению, именно в этот день водолазы завершили свою работу и «Ретвизан», простояв на мели почти месяц, наконец всплыл, и буксиры потащили подбитого гиганта к стенке Западного бассейна. Совпадение снятия с мели «Ретвизана» с прибытием адмирала Макарова произвело на личный состав эскадры очень сильное впечатление. При проходе «Ретвизана» мимо крейсера «Аскольд» адмирал Макаров, выйдя на

правое крыло мостика, приветствовал команду броненосца. Громовое «Ура!» загремело на всех русских кораблях, подхваченное трубами и литаврами корабельных оркестров. С приездом Макарова деморализованные первым ударом русские моряки на какое-то время поверили в возможность чуда. Сопровождаемый криками «ура» и трубами корабельных оркестров, броненосец «Ретвизан», следуя за буксирами, встал к стенке Западного бассейна. В тот же день под пробоину броненосца был подведен временный кессон и начались работы по капитальной заделке пробоины. Прибывший вместе с Макаровым способный и энергичный корабельный инженер Кутейников умело организовал ремонтные работы. (В Порт-Артуре еще до войны находилась группа инженеров и рабочих Балтийского завода, занимающаяся в эллинге на Тигровом полуострове сборкой миноносцев. С Кутейниковым прибыла партия инженеров и рабочих Невского завода. Составив ремонтные бригады, петербургские кораблестроители, пробыв в Порт-Артуре всю осаду, делали в буквальном смысле слова чудеса. Задыхаясь от нехватки материалов и примитивной базы, они тем не менее сумели обеспечить бесперебойный ремонт боевых кораблей Артурской эскадры, работая круглосуточно при почти непрерывных бомбардировках с моря и суши.)

Буксирный пароход «Силач», подведя к пробоине кессон, пытался своими помпами осушить затопленные отсеки «Ретвизана», но, несмотря на все усилия, этого сделать не удавалось. При наличии дока, найти повреждение, через которое вода продолжала поступать в броненосец, не представляло бы труда. Но дока для броненосцев в Порт-Артуре не было. Перед войной почему-то считалось, что броненосцы всегда смогут пройти докование во Владивостоке. Но сейчас между русскими броненосцами и доками Владивостока стоял флот адмирала Того, чью боевую мощь оценили только после получения первых ударов. Пренебрежительно-снисходительные усмешки мирного времени сменились чем-то очень похожим на отчаянье. Накопившиеся неудачи первых дней войны давили на русских моряков уже каким-то психологическим комплексом, за которым уже вполне реально просматривался призрак неминуемого разгрома, при-

чем такого разгрома, какого еще не знала военно-морская история человечества...

26 февраля 1904 г. около 07:00 японская эскадра снова появилась перед Порт-Артуром, начав бомбардировку порта и крепости перекидным огнем через Ляотешань, которая корректировалась легкими крейсерами, державшимися напротив входа в Порт-Артур. Около 11:00 один из японских снарядов разорвался под самым бортом «Ретвизана», осыпав осколками броненосец и стоявший около него буксир «Силач», откачивающий воду из подведенного к броненосцу кессона. Осколками были перебиты отливные трубы и пробит кессон. Через пробоину в «Ретвизан» снова хлынула вода. Видя, что броненосец неминуемо затонет в гавани, капитан 1-го ранга Щенснович приказал отдать швартовы и выбросился носом на отмель. В этот момент второй снаряд попал в броневой пояс «Ретвизана» с правого борта под кормовой башней главного калибра. Броня выдержала, получив небольшую вмятину. С борта транспорта «Ангара» наблюдал за этой картиной капитан 2-го ранга В. И. Семенов — бессмертный военно-морской публицист и доблестный офицер: «Около 11 часов утра неприятельские снаряды стали ложиться особенно удачно. Я стоял на верхнем мостике «Ангара», когда один из них ударил в «Ретвизан» (между его кормой и нашим носом было не больше 20 сажен). Снаряд только задел его левый борт близ трапа, разорвался, разнес две шлюпки, стоявшие у борта, один из них зажег и осыпал осколками тут же находившийся портовый буксирный и водоотливной пароход «Силач». «Счастливо отделались, — подумал я, — сажени 2 — 3 правее и угодило бы прямо в бомбовый погреб...» Однако на броненосце вдруг что-то усиленно забегали. Вот он отдал носовые швартовы, с помощью «Силача» развернулся вправо и выбросился на отмель носом, который заметно для глаза садился все глубже. Впоследствии выяснилось, что взрывом снаряда повредило кессон, подведенный под пробоину. Не прошло и нескольких минут, как новый снаряд ударил «Ретвизан» в правый борт (теперь обращенный к югу), близ ватерлинии под кормовой башней. Броня выдержала, и когда рассеялось облако дыма и водяных брызг, мы увидели на месте удара

только бурое пятно. Пробоины не было. «Не везет «Ретвизану!» — вздохнул стоявший рядом со мной вахтенный начальник...»

Поврежденный кессон «Ретвизана» был признан негодным (позднее его переделали для ремонта броненосца «Севастополь»). Началась постройка нового кессона. «Ретвизан» продолжал стоять поперек Западного бассейна, кормой отшвартовавшись на бочку, а носом выбросившись на мель. Несмотря на подведенные пластыри, укрепленные водолазами и непрерывную работу землесосов, с трудом удавалось удерживать в поврежденных отсеках воду на постоянном уровне. Нос корабля медленно, но верно погружался в жидкий, вязкий ил дна Западного бассейна.

Чтобы не допустить повторения безнаказанной бомбардировки крепости противником через Ляотешань, адмирал Макаров распорядился установить на этой сопке артиллерийский корректировочный пост и развернуть там батарею 6" орудий. Необходимые орудия сняли с «Ретвизана», корректировочный пост соединили с броненосцем телефонным кабелем и вычислили траекторию до места, с которого японцы обычно вели бомбардировку. А между тем рабочие Балтийского завода, не дожидаясь готовности нового кессона, начали вручную изнутри корпуса срубать заклепки и удалять поврежденные листы обшивки и элементы набора. 8 марта к борту «Ретвизана» был прибуксирован плавкран с новым кессоном. Начался следующий этап ремонтных работ. На следующий день, 9 марта, японский флот вновь предпринял бомбардировку Порт-Артура через хребет Ляотешань. Немедленно был открыт ответный перекидной огонь через Ляотешань, который вели броненосцы «Ретвизан» и «Победа». Первый же снаряд с «Ретвизана» упал на кабельтов дальше ведущего бомбардировку японского броненосца «Фудзи», второй упал с недолетом на два кабельтова. Третий и четвертый — упали вилкой с обоих бортов «Фудзи», а начиная с пятого, снаряды ложились вплотную около японского броненосца. Один снаряд упал в двух саженях от носа «Фудзи», засыпав японский броненосец осколками. Опасаясь получить следующий снаряд в палубу, «Фудзи» резко дал задний ход. (Попадание

«Фудзи» получил 10" снарядом с «Победы».) Ответный перекидной огонь и выход русской эскадры из гавани в малую воду сорвал бомбардировку, задуманную противником.

Между тем ремонт «Ретвизана» продолжался. Адмирал Макаров почти ежедневно посещал броненосец, контролируя ход ремонта. Но Макарову не суждено было дожидаться ввода в строй поврежденных в первую ночь войны кораблей. После гибели командующего флотом над эскадрой еще более повис мрачный рок общей безнадежности и безысходности. Инициатива полностью перешла в руки японцев. В ночь с 19 на 20 апреля противник предпринял очередную, самую крупную попытку запереть выход из Порт-Артура пароходами-брандерами. В отражении атаки среди прочих кораблей участвовал минный катер с «Ретвизана» под командованием мичмана Алексева. Полным ходом подойдя к одному из брандеров на дистанцию полукабельтова, катер выпустил торпеду, которая застряла в аппарате своей хвостовой частью. Катер, ведя по брандерам огонь из пулемета и винтовок, вышел из боя, поскольку маневрировать с торчащей из аппарата торпедой было опасно. Мичман Алексеев приказал прикнуться на мелком месте под берегом, после чего матрос Толстов, работая по горло в воде, разрядил торпеду.

Высадка японцев на Ляодунский полуостров 22 апреля 1904 года полностью изменила стратегическую обстановку на театре. Возникла пока еще отдаленная вероятность падения Порт-Артура и гибели флота.

В кессоне «Ретвизана» продолжались работы. На корабле оставались только 2 — 12" и 4 (по 2 на борт) 6" орудия. Продолжали действовать катера с броненосца, причем 27 апреля один из них, под названием «Авось» (лт. Роццаковский), спасаясь от японского миноносца, выскочил на камни и был взорван своим экипажем. В бою за узловую станцию Кинджоу приняла участие пулеметная команда с «Ретвизана» под командованием мичмана Свинына. В общей панике отступления русских войск от Кинджоу мичман Свинын все-таки не бросил пулеметы и доставил их обратно на корабль. 13 мая, спасаясь от японских миноносцев, выскочил на камни и был взорван экипажем еще один минный катер с «Ретвизана».

Между тем ремонт «Ретвизана» шел к концу. 15 мая на броненосец были установлены носовые орудия главного калибра, а 21 мая — закончена установка броневых плит, снятых для облегчения носовой части корабля. 23 мая 1904 года с броненосца «Ретвизан» был снят кесон — корабль снова был в строю. (Ремонт «Ретвизана» продолжался почти 4 месяца, но учитывая, условия в которых он проходил, его можно считать очень быстрым. Японцы считали, что броненосец выведен из строя до конца войны и его появление в бою было для них весьма неприятным сюрпризом.) 10 июня 1904 года броненосец «Ретвизан» участвовал в попытке эскадренного прорыва из Порт-Артура, которая не была осуществлена, поскольку командующий эскадрой контр-адмирал Витгефт при появлении японского флота приказал возвращаться в Порт-Артур. «Ретвизан» вышел в море, имея 10 шестидюймовых орудий вместо 12 и 16 — 75-мм вместо 20. При возвращении эскадры «Ретвизан» почти не участвовал в отражении атак японских миноносцев, поскольку, встав под берегом, броненосец имел мористее три линии кораблей и выпустил по миноносцам противника всего 39 снарядов. Адмирал Витгефт не смог дать каких-либо удовлетворительных объяснений по поводу своего приказа вернуться в Порт-Артур, не приняв боя с японским флотом. В официальной японской истории войны говорится: «Мы были поражены появлением «Ретвизана», «Цесаревича» и «Победы», приведенных в исправность и дававших русским преимущество над блокирующим флотом... Несколько часов участь войны колебалась до тех пор, пока Русский Флот вследствие какой-то неизвестной причины не повернул обратно в Порт-Артур, не предприняв решительных действий». Хороший психологический момент для прорыва был упущен. Японцы, потеряв совсем недавно на минах два броненосца и увидев в составе Русского Флота корабли, которые они считали выведенными из строя навсегда, 10 июня были наверняка психологически слабее русских, как бы психологически слабыми те не были. Но мрачный рок, поднимаясь над Россией, уже висел над Русским Флотом со времен Крымской войны...

Между тем на сухопутном фронте японцы, тесня рус-

ские войска, начали штурм стратегически важных Зеленых и Волчьих высот. Приморскому флангу японской армии оказывали поддержку боевые корабли, бомбардирующие русские позиции на высотах. 14 июля по просьбе сухопутного командования из Порт-Артура к позициям на высотах был послан отряд русских кораблей в составе броненосца «Ретвизан», крейсеров «Баян», «Паллада» и «Новик» и канонерских лодок «Отважный», «Гремящий» и «Гиляк». Тралящий караван прикрывали миноносцы «Сильный», «Скорый», «Смелый», «Сторожевой», «Строительный», «Разящий» и «Решительный». Броненосец и отряд крейсеров сопровождали миноносцы «Бурный», «Бойкий», «Бдительный» и «Властный». Передовым отрядом командовал контр-адмирал Лоцинский, отрядом артиллерийской поддержки — капитан 1-го ранга Рейценштейн. Медленно следуя за тралящим караваном в бухту Тахэ, «Ретвизан» и «Баян» в 09:15, не доходя до залива Лунвантан, стали на якорь и вместе с канлодкой «Отважный» открыли огонь по японским позициям. Крейсер «Новик» вел огонь по высоте «150», «Гремящий» — по берегу залива Лунвантан. На горизонте виднелись японские корабли 5-го боевого отряда, ожидавшие подмоги. В 09:30 капитан 1-го ранга Рейценштейн перенес свой вымпел с «Баяна» на «Ретвизан». В 09:50 с берега семафором передали просьбу сухопутного командования обстрелять из 12" орудий гору Юпилаза. «Ретвизан» перенес огонь на указанную цель. В 10:00 к отряду присоединился крейсер «Аскольд». В 13:30 с юго-востока показались японские броненосные крейсера «Ниссин» и «Кассуга», впереди которых шел крейсер «Хацидате», а позади — весь 5-й боевой отряд контр-адмирала Ямада. В 13:50 «Ниссин» и «Кассуга» открыли с расстояния 62 кабельтова огонь по «Ретвизану». «Ретвизан» и отряд крейсеров снялись с якорей и пошли за тралями в Артур. Главным шел крейсер «Аскольд», за ним — «Баян» и «Паллада», замыкал строй «Ретвизан», ведя огонь по противнику из орудий главного калибра. Японские снаряды ложились с перелетами, осколки попали в одну из труб «Аскольда». Снаряды «Ретвизана» также давали перелеты, сбив на «Ниссине» антенну беспроволочного телеграфа и пробив стеньговый флаг. Противников раз-

деляли минные заграждения, поэтому бой шел на постоянной дистанции 62 кабельтова. В 14:30 «Ретвизан» и крейсера пришли на рейд и встали на якорь, ожидая разрешения войти в гавань. (При входе в гавань подорвался на mine и вышел из строя до конца войны сильнейший из артурских крейсеров «Баян».) Взрыв «Баяна» прямо в проходе вынудил в течение нескольких часов тщательно тралить проход. «Ретвизан» вошел в гавань только в 20:40. На следующий день сухопутное командование просило флот повторить операцию. «Ретвизану» было приказано развести пары, но приказа на выход в море не последовало: четыре японских броненосца появились у бухты Тахэ. Скрытно и внезапно выйти было невозможно — все подходы к Порт-Артуру до входных бонов были завалены японскими минами.

Сбив русские войска с Зеленых и Волчьих гор, японцы вышли на ближние подступы к Порт-Артуру, войдя в пределы дальности действия корабельных орудий. 17 июля броненосцы начали вести огонь по наступающему противнику прямо из гавани. В этот день «Ретвизан» сделал по противнику 2 выстрела из 12" орудий, обстреливая квадрат, указанный в заявке сухопутного командования. 19 июля в 10:00 «Ретвизан» снова открыл огонь по указанному ему квадрату, но сделал снова всего два выстрела, поскольку стрельба была приостановлена до 14:00. 22 июля «Ретвизан» с 15:30 до 17:15 произвел 9 выстрелов по местам, где японцы разворачивали осадные батареи. В тот же день «Ретвизан» вел стрельбу в 21:00, 22:00 и в 23:00. Кроме «Ретвизана», по графику вели огонь по японским позициям и все другие броненосцы эскадры. Но сорвать план противника не удалось. 25 июля японцы начали бомбардировку Артура с сухопутных позиций. Пока огонь вели только 120-мм осадные батареи. Русские броненосцы по очереди включались в контр-батареинный огонь. В этот день «Ретвизан» вместе с «Пересветом» вел огонь с 12:15 до 14:30. Вечером «Ретвизан» вместе с «Победой» вел контр-батареинный огонь с 19:30. Те японские батареи, местоположение которых на западных склонах Волчьих гор было определено, были подавлены огнем корабельных орудий. Эта первая бомбардировка с сухопутных позиций, хотя и не причинила

кораблям существенных повреждений, однако ясно дала понять, что эскадре в Порт-Артуре оставаться нельзя, если она не хочет погибнуть. 26 июля был получен приказ царя немедленно прорываться во Владивосток. Начались лихорадочные приготовления к выходу эскадры. 26 и 27 июля противник не прекращал бомбардировок. «Ретвизан» и другие броненосцы энергично отвечали, ведя артиллерийскую дуэль с осадными батареями противника. К борту «Ретвизана» подвели баржу с двумя 6" орудиями, снятыми с подорванного крейсера «Баян». К барже был подведен плавкран для установки этих двух недостающих орудий на броненосец. В этот момент в «Ретвизан» один за другим попало 7 японских снарядов. Один из снарядов попал в баржу с орудиями, которая немедленно затонула. Вольнонаемный машинист плавкрана был убит. Другой снаряд ударил в крышу носовой башни главного калибра и, разорвавшись, засыпал осколками мостик. При этом был легко ранен осколками в голову командир «Ретвизана» капитан 1-го ранга Щенснович, потерявший на некоторое время сознание. Кроме того, был тяжело ранен старший баталер броненосца, легко ранены два офицера и 10 матросов. Старший офицер «Ретвизана» лейтенант Скороходов был отравлен газами от разорвавшегося на палубе снаряда. Палуба была пробита в двух местах. Передняя дымовая труба была также пробита и с нее были сняты все 3 паровых свистка и сирена. Осколками было повреждено одно 75-мм орудие. Но больше всего бед наделал снаряд, попавший в носовую часть броненосца ниже броневое пояса и сделавший подводную пробоину площадью 23 квадратных фута. Броненосец принял 400 тонн воды и получил крен на 1 градус. Для уничтожения крена были затоплены соответствующие отделения противоположного борта, в результате чего осадка броненосца увеличилась на 10 дюймов, а ход упал на 1 узел. Капитан 1-го ранга Щенснович немедленно доложил адмиралу Витгефту о пробое, к заделке которой приступили только после окончания бомбардировки около 18:00.

Под руководством корабельного инженера Вешкурцева начались работы по заделке пробоины и подкреплению переборок бревнами. Работы продолжались всю ночь

и только к утру, за несколько часов до выхода эскадры, удалось укрепить внутреннюю переборку и наложить стальной лист на пробойну. Закрыть пробойну герметически так и не удалось. В трюмных отделениях корабля осталось около 500 тонн воды. Адмирал Витгефт, выслушав доклад Щенсновича о результатах ночных работ, высказал сомнение по поводу целесообразности участия «Ретвизана» в предстоящем прорыве эскадры во Владивосток и приказал командиру после выхода на внешний рейд доложить ему о состоянии корабля. 28 июля в 06:00 броненосец «Ретвизан» вышел на внешний рейд и стал на якорь по диспозиции. Капитан 1-го ранга Щенснович отправился на «Цесаревич» и доложил адмиралу о состоянии корабля при движении на различных режимах хода. Выслушав его, адмирал Витгефт решил, что «Ретвизан» пойдет с эскадрой, а если переборки начнут сдавать и корабль будет наполняться водой, то ему разрешается выйти из строя и следовать обратно в Порт-Артур вместе с пароходом Красного Креста «Монголия», который в случае необходимости примет с «Ретвизана» экипаж.

В 08:00 вместе с эскадрой «Ретвизан» снялся с якоря и занял свое место в строю — в кильватер флагманскому броненосцу «Цесаревич». В 12:15 японская эскадра, следуя в кильватере контргалсом, открыла огонь с правого борта с дистанции 80 кабельтовых. Когда расстояние несколько уменьшилось, «Ретвизан», следуя за флагманом, открыл ответный огонь из орудий главного калибра. В кормовой башне вели огонь оба 12" орудия, а в носовой — одно правое, так как у левого не закончили еще установку барабана зарядника, сломанного 15 июля во время перекидной стрельбы. Когда эскадры сблизились на дистанцию 60 кабельтовых, на «Ретвизане» ввели в действие 6" орудия правого борта. Корректировку огня с формарса вели мичман Свиньин и дальномерщики, наблюдавшие за падением наших снарядов. На «Ретвизане» сначала пробовали вести пристрелку одним орудием, что оказалось совершенно невозможным, поскольку на такой дистанции при большом количестве падающих снарядов нельзя было отличить падение своих снарядов от чужих. Пришлось перейти на залповый огонь, что оказалось на таком расстоянии наиболее эффективным. Огонь

велся только фугасными снарядами. Вначале «Ретвизан» вел огонь по флагманскому броненосцу противника «Микаса», а затем переносили огонь на те корабли, которые входили в сектора обстрела орудий «Ретвизана». Когда эскадры разошлись контргалсами, «Ретвизан» сделал несколько выстрелов из кормовой башни по створившимся японским кораблям. В 13:00 на «Ретвизане» был пробит отбой (орудия не разряжались). Очередную вахту оставили у орудий. За этот период боя в «Ретвизан» попало 12 снарядов противника, один из которых сделал пробоину в носовой части правого борта около кондукторской кают-компания над самой ватерлинией. Через эту пробоину на ходу вода вливалась в носовое отделение броненосца. За время первой фазы боя у 6" орудия № 13 на восьмом выстреле вырвало втулку воздушного клапана, а у 6" орудия № 33 на 21-м выстреле выломало зубец подъемной шестерни. Оба эти повреждения были устранены через час.

Около 14:00, когда расстояние до противника снова несколько уменьшилось, «Ретвизан» открыл огонь из 12" орудий. После нескольких выстрелов, давших недолеты, стрельбу прекратили. В это период в «Ретвизан» попало еще два японских снаряда.

В 16:30, сблизившись с противником на 65 кабельтовых, «Ретвизан» открыл огонь с правого борта, направив его согласно переданному семафором приказу адмирала на флагманский броненосец противника «Микаса». Вскоре после начала второй фазы боя исправление зарядника левого 12" орудия в носовой башне было закончено, и башня начала вести огонь двумя орудиями. Корректировка огня велась из боевой рубки. Связь с кормовой башней главного калибра была затруднена, поскольку переговорная труба в эту башню была перебита упавшим на нее гафелем. Была также повреждена и телефонная связь. Пришлось посылать в башню рассыльных с записками (!) и пользоваться голосовой связью через жилую палубу и отделения подачи. В самый разгар боя у обоих 6" орудий верхней батареи сломались зубцы подъемных дуг и шестерен. У одного орудия это произошло на 30-м выстреле, а у другого — на 15-м. По той же причине на 8-м выстреле вышло из строя и одно 6" орудие нижней батареи.

Около 17:00 японский снаряд попал в кромку левой амбразуры носовой башни главного калибра, убив одного комендора и ранив командира башни, артиллерийского квартирмейстера, старшего комендора, старшего гальванера и трех матросов. Башенного командира немедленно заменил артиллерийский кондуктор Емельянов. Убыль пополнили комендорами противоминной артиллерии, которые до этого находились в укрытии под броневой палубой, а артиллерийский квартирмейстер Алексеев после перевязки вернулся в башню. Этот же снаряд раздробил часть свеса над неподвижной броней и заклинил вращение башни, а осколки заклинили орудие в переднем связанном кольце рамы. В момент попадания снаряда комендоры заряжали левое орудие: снаряд и первый полузаряд были досланы до места, а зарядник был поднят в 3-е положение (со вторым полузарядом). От удара снаряд сместился обратно в камеру орудия и сдавил оба полузаряда, заклинив зарядник в верхнем положении и выведя таким образом левое орудие снова из строя. Парусиновые чехлы на амбразурах башни загорелись, огонь перекинулся в башню, начался пожар, при тушении которого вышли из строя от воды реле и электроцепи приборников и вертикального наведения. Пока все эти повреждения исправлялись в течение примерно часа башня не действовала вообще. Башня снова открыла огонь, когда «Ретвизан» после выхода из строя «Цесаревича» пошел на сближение с противником. При этом удалось сделать только три выстрела, поскольку башня не вращалась и вела огонь только в те моменты, когда из-за поворотов броненосца японские корабли сами приходили на прицел. (Осколками этого же снаряда были выведены из строя все приборы управления артиллерийским огнем носовой башни, в то время как другой снаряд, попавший в кормовую батарею, уничтожил все аналогичные приборы орудий правого борта.)

Когда флоты сблизились на дистанцию 30 кабельтовых, на «Ретвизане» по сигналу «короткая тревога» беглый огонь открыли 75-мм орудия. Орудия главного калибра и 6" перешли на бронебойные снаряды, но к этому времени на «Ретвизане» с правого борта действовала только кормовая башня и 2 шестидюймовых орудия, из кото-

рых одно было повреждено. Весь бой «Ретвизан» шел в кильватер «Цесаревичу». Когда последний неожиданно вышел из строя и покатился влево, «Ретвизан» сначала пошел за ним, но вскоре на «Ретвизане» поняли, что на флагманском броненосце что-то случилось. Капитан 1-го ранга Щенснович, зная, что в случае выхода из строя «Цесаревича» в командование должен вступить князь Ухтомский на «Пересвете», приказал наблюдать за ним. Не видя на «Пересвете» никаких сигналов и адмиральского флага, Щенснович приказал положить руль вправо, выводя «Ретвизан» на прежний курс S0-45°. За «Ретвизаном» последовала «Победа», которая вскоре однако отвернула и пошла за остальными кораблями эскадры. Вот тут начинается само интересное. По структуре командования 1-й Тихоокеанской эскадрой в случае гибели адмирала Витгефта и Ухтомского командование эскадрой должен был принять контр-адмирал Рейценштейн, а командование броненосцами — капитан 1-го ранга Щенснович. Однако Щенснович не только ничего не сделал, чтобы организовать боевой порядок броненосцев, но, напротив, сделал все, чтобы отделиться от них. Мы уже знаем с какой легкостью все, кто сумел, разбежались по нейтральным портам после боя 28 июля и разоружились там, имея самые незначительные повреждения или не имея их вовсе. При этом все ссылались на благое намерение идти во Владивосток самостоятельно. После войны стала популярна легенда о «героическом подвиге броненосца «Ретвизан», который прикрывая флагманский корабль «Цесаревич», бросился на сближение с противником, имея целью таранить (!) флагманский японский броненосец «Микаса». В действительности же, отойдя от эскадры кабельтов на 20, «Ретвизан» повернул вправо, идя примерным курсом на последний корабль японского строя броненосный крейсер «Ниссин», совершенно отчетливо демонстрируя желание Щенсновича под кормой японской эскадры прорваться в открытое море, где, пожившись на удачу и американские котлы Николса, добраться до какого-нибудь нейтрального порта. Японцы, охватывая широкой дугой русские корабли, дабы вынудить их вернуться в Порт-Артур, вели в этот момент довольно ленивый огонь по «Ретвизану». В этот период в

броненосец попал всего один снаряд, но его осколком капитан 1-го ранга Щенснович был контужен в живот. Впав в полушоковое состояние от боли, Щенснович потерял самообладание и приказал вызвать в рубку старшего офицера лейтенанта Скороходова, чтобы передать ему командование кораблем. Однако старшего офицера найти не удалось, поскольку, как выяснилось позже, он находился в этот момент в лазарете, принимая меры по предотвращению распространения воды из носовых пробоин. Нос «Ретвизана», несмотря на все принятые меры, продолжал погружаться. А между тем в рубке капитан 1-го ранга Щенснович, уже ничего не соображая от шока, приказал ложиться на обратный курс и возвращаться в Артур. Скорее всего, что в этот момент «Ретвизаном» командовал вахтенный офицер, который и принял это решение. Капитан 1-го ранга Щенснович в своем рапорте писал, что, повернув на обратный курс, он, «считая «Цесаревич» неуправляемым и предполагая, что на «Пересвете» адмирал убит и нет командира, решил, что вести эскадру следует ему.» Как вел эскадру «Ретвизан» говорят такие факты: «Ретвизан» полным ходом начал обгонять «Победу». Командир «Победы», полагая, что он хочет вступить в строй вторым за «Пересветом», оставил «Ретвизану» интервал, но тот обогнал «Пересвет» и пошел дальше... Обгнав «Пересвет», «Ретвизан» стал уходить вперед. Адмирал приказал передать на «Ретвизан» семафором «уменьшить ход». Но на «Ретвизане» семафор не приняли...» Так капитан 1-го ранга Щенснович вел эскадру в Артур. Он не поднял ни одного сигнала и не ответил ни на один из обращенных к нему сигналов. Если беспристрастно разобраться во всем, что произошло на «Ретвизане» и не принимать во внимание рапорты, написанные после боя для самооправдания, и взять на веру более поздние воспоминания служивших на броненосце офицеров, то становится ясно, что после выхода из строя «Цесаревича» «Ретвизан» просто метался, как обезумевшая от страха лошадь, инстинктивно ища того направления, в котором можно было бы быстрее уйти от опасности. (Я вовсе не хочу представить капитана 1-го ранга Эдуарда Николаевича Щенсновича как бездарного труса. Наоборот, это был способный, энергичный и зна-

ющий офицер. Неоднократно рискующий жизнью, несколько раз раненый в ходе боевых действий, он сутками не покидал мостика во время стоянки «Ретвизана» на мели в проходе и в течение его ремонта. Без сомнения, он был прекрасным моряком и, став после войны адмиралом, организовал структуру формирования и боевой подготовки первых соединений русских подводных лодок, которая базисно мало изменилась и в наше время. Но вся беда капитана 1-го ранга Щенсновича, как и подавляющего большинства русских военных моряков, заключалась в исключительно низкой боевой и морально-психологической подготовке в применении к реальной боевой обстановке. Все они были прекрасными мореплавателями, но к войне на море готовы не были и были совершенно деморализованы неудачами, которые в итоге и привели Русский Флот к невиданному в истории морских войн позорному разгрому.) Набирая ход, «Ретвизан» на своих мощных американских котлах оставил позади остальные русские корабли. Лейтенант Развозов доложил Щенсновичу, что остальные корабли отстают, но тот хода не уменьшил, сославшись на возможную атаку миноносцев. Вскоре «Цесаревич», «Пересвет», «Полтава» и «Победа» остались в темноте за кормой. «Ретвизан» остался один в ночном море. Капитан 1-го ранга Щенснович пришел в себя от контузии и трезво обдумал создавшуюся обстановку. О прорыве во Владивосток в одиночку не могло быть и речи. Уход в какой-нибудь из нейтральных портов был рискованным из-за возможного перехвата противником и весьма проблематичным в отношении гарантированной безопасности. Оставалось вернуться в Артур в надежде, что крепость будет деблокирована с суши армией генерала Куропаткина. Ночью при следовании в Артур «Ретвизан» три раза атаковался миноносцами противника, преследовавшими рассеянные остатки русской эскадры. Первые два раза три японских миноносца выпустили в «Ретвизан» торпеды с дистанции 15 — 17 кабельтовых. Оба раза на «Ретвизане», увидев вспышки торпедных залпов, клали руль на борт и уходили от курса вправо на 8 румбов. Третий раз, увидев миноносец на левом траверзе, повернули прямо от него. При уклонении от торпед по миноносцам велся интенсивный огонь.

Миноносцы вели ответный огонь и одним из их снарядов, попавшим в кормовой мостик, на «Ретвизане» убило двух матросов. После 21:00 «Ретвизан» больше не сталкивался с миноносцами противника, которые, потеряв его в темноте, уже не смогли обнаружить броненосец снова. Ночь прошла без происшествий, а с рассветом броненосец «Ретвизан» пришел на меридиан Крестовой батареи. С восходом солнца 29 июля «Ретвизан» встал на бочки дежурных крейсеров на внешнем рейде Порт-Артура.

За время боя 28 июля «Ретвизан» выпустил по противнику 77 снарядов главного калибра (73 фугасных и 4 бронебойных), 300 — 6" снарядов (плюс 18 — при отражении торпедных атак), 281 — 75-мм снарядов и 290 — 47-мм при отражении торпедных атак.

На броненосце были убиты 6 матросов и 38 ранено, из них 4 тяжело. Легко ранены: командир корабля капитан 1-го ранга Щенснович, мичманы Саблин, Гурячков, князь Голицын и Столица.

Во время боя в «Ретвизан» попал 21 японский снаряд. Снарядом пробило фок-мачту, уничтожив в ней винтовой трап и элеватор для подачи снарядов к марсовым орудиям. Разбит фор-марсовый прожектор. Грот-мачта пробита в нескольких местах, грот-марсовый прожектор уничтожен. На верхнем мостике разбиты два прожектора и носовой компас. Повреждены компасы на переднем среднем и нижнем мостиках, которые были изрешечены осколками. На верхнем заднем мостике разбиты два прожектора и поврежден кормовой главный компас. Избит осколками задний нижний мостик. Навесная палуба под мостиками была вся изрешечена, дымовые трубы пробиты во многих местах. Носовая башня дала многочисленные трещины на стыках броневых плит. Уничтожена вся мебель в каюте командира, повреждено много других кают и помещений. Повреждены почти все наружные трапы и леера. Частично уничтожены или повреждены все спасательные плавсредства и шлюпбалки. Отбит ствол у одного 6" орудия и у двух 75-мм, уничтожено четыре 47-мм орудия. Несколько выбоин осколками сделали на 12" орудиях кормовой башни. Повреждены противоторпедные сети и их леера. Утром 30 июля буксиры втянули «Рет-

визан» на внутренний рейд Порт-Артура. Флаг на корабле был приспущен и сознание понесенного поражения охватило личный состав корабля, включая командира. «Бой 28 июля закончился поражением нашей эскадры, — писал капитан 1-го ранга Щенснович в рапорте на имя контр-адмирала князя Ухтомского, — наши суда в настоящее время не способны в составе эскадры прорваться во Владивосток. Возможно сделать отдельные попытки отдельными кораблями прорваться во Владивосток, уклоняясь от встречи с противником, а в случае такой встречи следовать в Вей-Ха-Вей или Киа-Чао (Циндао), где разоружиться и остаться под покровительством международных трактатов... Иного выхода эскадры с рейдов Порт-Артура не считаю возможным».

Вернувшиеся в Порт-Артур корабли получили в свое веденье участки сухопутной обороны крепости, окончательно связав ее судьбу с собственной судьбой. Участок от бухты Тахэ до батареи литера Б был передан «Ретвизану», который передал на сухопутный фронт два 6" орудия, четыре 75-мм, 19 — 47-мм, 25 — 37-мм орудий и 2 пулемета, а также 4 прожектора. Для обслуживания орудий и прожекторов с броненосца на сухопутный фронт ушло 170 моряков.

Сразу же после возвращения эскадры началось наступление японцев по всему фронту. «Ретвизан» вместе с другими кораблями принял участие в бомбардировке передовых позиций и тылов осадной армии генерала Ноги. Продолжали нести сторожевую службу и участвовать в тралении катера с «Ретвизана», а в ночь с 7 на 8 августа «Ретвизан» послал на берег первый крупный десант в составе 206 матросов под командованием лейтенанта Пущина. С 4 по 12 августа при отбитии японского штурма «Ретвизан» ежедневно вел огонь по позициям противника. 8 августа броненосец сделал 17 выстрелов из орудий главного калибра и 29 выстрелов из 6" орудий, подавив японскую батарею. 9 августа «Ретвизан» сделал 69 выстрелов из 6" орудий, уничтожив обоз и вынудив батарею противника сменить позицию. 10 августа «Ретвизан» огнем 12" и 6" орудий рассеял скопление пехоты и кавалерии противника и взорвал склад с боеприпасами. 11 августа «Ретвизаном» была уничтожена 6" осадная бата-

рея противника. 12 августа броненосец уничтожил еще одну батарею и рассеял колонну пехоты и кавалерии противника. В тоже самое время десантная рота с «Ретвизана» отбивала атаки противника на редут № 2, а с броненосца в резерв крепости было послано еще 143 матроса под командованием мичмана Гурячкова. С 12 по 23 августа «Ретвизан» вместе с другими кораблями эскадры продолжал вести бомбардировку японских позиций по заявкам сухопутного командования. 13 августа броненосец выпустил 17 — 12" и 7 — 6" снарядов, уничтожив японскую батарею. 14 августа выпустил 27 — 6" снарядов по скоплению войск противника. 18 августа огнем 12" орудий «Ретвизана» была подавлена еще одна японская батарея, а 21 августа броненосец выпустил 17 — 6" снарядов, заставив замолчать полевую артиллерию противника. Вместе с тем на «Ретвизане» велись ремонтные работы, выделялись катера для траления и сторожевой службы, и корабль был выбран в качестве флагмана новым командующим (уже не эскадрой, а отрядом) капитаном 1-го ранга Р. Н. Виреном. 16 сентября Вирен был произведен в контр-адмиралы и его брейд-вымпел на «Ретвизане» был заменен контр-адмиральским флагом.

Между тем обстановка на сухопутном фронте продолжала ухудшаться, а 19 сентября на корабли и крепость обрушились первые залпы японских 11-дюймовых осадных мортир. Еще в период пристрелки японцами своих огромных гаубиц «Ретвизан» получил попадание двумя 11" снарядами, которые пробили на корабле броневую палубу, но не причинили существенных повреждений. Бомбардировка 11-дюймовыми мортирами, хотя и велась пока вслепую, ясно дала понять командованию Русским Флотом, что расстрел боевых кораблей в гавани всего лишь вопрос времени. Броненосцы пытались подавить огнем осадные батареи, но все было тщетно. 22 сентября инженер-механик «Ретвизана» Лосев с двумя матросами-добровольцами вызвался подорвать 11-дюймовые мортиры противника, которые по сведениям разведки находились в районе бухты Тахэ. Шлюпка с добровольцами-подрывниками была прибуksирована к бухте Тахэ минным катером с «Ретвизана». Однако при попытке пристать к берегу шлюпка была обнаружена японскими

дозорами, обстреляна винтовочным огнем, после чего Лосев со своими матросами на буксире того же катера вернулся в Порт-Артур.

25 сентября японцы с рассвета приступили к массовой бомбардировке гавани, что вынудило броненосец «Ретвизан» выйти на внешний рейд. Вечером, с наступлением темноты, когда бомбардировка утихла, «Ретвизан» вернулся в гавань и встал на бочках в проходе. Около 19:00 японские миноносцы, полагая, что «Ретвизан» еще находится на внешнем рейде, сделали попытку приблизиться к проходу в Порт-Артур, но были отогнаны огнем сторожевой канлодки «Гиляк». Огонь осадных батарей противника с каждым днем набирал силу, в то время, как ответный огонь русских кораблей велся вяло и неорганизованно, поскольку точных сведений о местонахождении 11-дюймовых батарей не было ни в штабе флота, ни в штабе крепости. 29 сентября «Ретвизан» сделал 17 выстрелов из орудий главного калибра, 3 октября — 15 выстрелов и 17 октября — 14 выстрелов. Однако 11-дюймовые японские снаряды продолжали дождем сыпаться на гавань Порт-Артура. Японцы не могли корректировать свой огонь, однако решили эту задачу достаточно остроумно. Зная от китайцев-лазутчиков места всех русских боевых кораблей, приткнувшихся к берегу под Перепелиной горой, японцы, перемещая огонь своих осадных батарей по дуге с радиусом, равным расстоянию от батарей до гавани, вели очень удачный огонь по невидимым целям. Эта система артиллерийской стрельбы получила в Порт-Артуре название «стрельба веером», и японцы пользовались ею до взятия Высокой горы. (В период с 26 сентября по 18 октября, стреляя таким способом, японцы достигли 67 попаданий в русские корабли, из них 41 попадание 11-дюймовыми снарядами.)

Против обыкновения «Ретвизану» везло до 8 октября, когда в броненосец попало три 11-дюймовых снаряда. Первый пробил борт в районе ватерлинии и лег в угольной яме, не разорвавшись. Второй ударил в броню между 53 и 54 шпангоутами и, разорвавшись, повредил противоторпедные сети. Третий пробил левый борт и палубу, разорвавшись в угольной яме. Как ни тяжела была обстановка, «Ретвизан» продолжал жить обычной кора-

бельной жизнью, выделяя катера для траления и сторожевой службы, ведя огонь по закрепленному за ним сектору сухопутного фронта и постоянно пополняя потери сухопутных войск матросами и офицерами своего экипажа. 21 октября минный катер с «Ретвизана» под командованием мичмана В. Дмитриева с экипажем из прапорщика флота Морозова и 10 матросов совершил торпедную атаку на японские миноносцы в бухте Тункао. По русской версии, выпущенная торпеда взорвалась сзади кормовой трубы японского миноносца, по-видимому, сильно его повредив. За эту атаку мичман Дмитриев был награжден Георгиевским крестом 4-й степени (высшей офицерской боевой наградой!) и произведен в лейтенанты, прапорщик Морозов — знаком отличия Военного ордена 3-й степени, матросы — солдатскими Георгиями. Однако японцы не подтвердили этого успеха катера с «Ретвизана», сообщив о нем так: «Ночью 21 октября мичман Дмитриев на миноносце атаковал наши блокирующие истребители и, хотя не имел успеха, но обращает на себя внимание то обстоятельство, что неприятель сам повел на нас атаку, что случилось в первый раз».

Как характерно для всей последующей истории Русского Флота — бездействие крупных боевых кораблей, в то время как на море действовали их катера, а на суше — в пехотном строю их офицеры и матросы, которые несли громадные потери, поскольку были совсем не обучены или плохо обучены сухопутному бою. А многомиллионные гиганты использовались в лучшем случае как плавающие батареи для поддержки приморских флангов сухопутных войск, а то и вообще ничего не делали и в итоге без всякой пользы гибли, попадали в плен, а при лучшем раскладе также без всякой пользы шли на слом.

На сухопутном фронте вся ярость боев постепенно сосредотачивалась вокруг стратегически важной Высокой горы. Десантная рота с «Ретвизана» под командованием мичмана Шефнера и прапорщика Добржанского составляла резерв коменданта горы полковника Третьякова, который несколько раз лично водил ее в атаки и контратаки. 4-м сводным морским десантным батальоном командовал офицер с «Ретвизана» лейтенант Хмелев. После ранения мичмана Шефнера и прапорщика

Добржанского, десантную роту «Ретвизана» возглавили мичманы Свиньин, Столица и Саблин. Мясорубка на Высокой горе требовала новых пополнений и 13 ноября «Ретвизан» направил на сухопутный фронт еще одну роту своих моряков. Командиром сводного морского десанта был назначен старший офицер «Ретвизана» лейтенант Скороходов, вскоре, однако, возвращенный на корабль.

22 ноября японцам на короткое время удалось захватить обе вершины горы Высокой, на которых были немедленно развернуты артиллерийские корректировочные посты. Оба рейда Порт-Артура великолепно просматривались с вершин Высокой и 11-дюймовые осадные батареи открыли прицельный огонь по русским кораблям, выбрав в качестве первой цели флагманский броненосец «Ретвизан». Начав обстрел броненосца в 10:00, японцы вели его до 15:00. Первый снаряд попал в шканцы «Ретвизана», пробил палубу и разорвался в каюте командира, осколками пробив борт и переборки каюты и оторвав ствол у одного 75-мм орудия. Вторым и третий снаряды попали в броню левого борта и никаких повреждений не причинили. Четвертый снаряд, пробив навесную палубу, разорвался в верхней батарее, серьезных повреждений не причинив. Пятый снаряд попал в коечную сетку на кормовом верхнем мостике и, разорвавшись, не причинил серьезных повреждений. Шестым попал в шканцы у правого трапа и разбил кнехт. Седьмым снаряд пробил подводную часть левого борта и междубортное отделение, разорвавшись в погребе № 6, повредив осколками переборки. Восьмым снаряд попал в коечную сетку на продольном мостике. Одним из снарядов, предназначенных для «Ретвизана», в этот день была потоплена «Полтава». Осколками был легко ранен в ноги и спину командующий отрядом, контр-адмирал Вирен, который после этого съехал на берег. Кроме того, был тяжело ранен один матрос. Но корабль еще вполне мог выйти в море, как большинство других кораблей русской эскадры. Но ничего сделано не было. Выглядевший таким инициативным по своим мемуарам капитан 1-го ранга Щенснович не предпринял ничего, чтобы спасти свой прекрасный корабль от неминуемого позора, хотя имел прекрасный пример в лице капитана 1-го ранга Эссена — командира броненосца «Севастополь».

Вечером 22 ноября Высокая гора была окончательно захвачена японцами, а утром 23 ноября противник приступил к спокойному, методичному расстрелу русских кораблей, которые смиренно ждали своей участи, как кролики перед пастью питона.

23 ноября японцы обстреливали почти исключительно один «Ретвизан», поскольку убедились, что бомбардировка предыдущего дня не причинила броненосцу существенных повреждений. Бомбардировка началась около 09:00 и первые же три 11-дюймовых снаряда попали в левый борт броненосца ниже ватерлинии. Через образовавшиеся пробоины хлынула вода, корабль стал крениться на левый борт. Последующими попаданиями была повреждена 4-я кочегарка, в котлах которой были пары. Осколками ранило и обварило трех матросов. Пары в котлах пришлось прекратить. Два снаряда попали в 6-й машинный погреб. Была уничтожена пожарная помпа, пробиты переборки, сорваны с петель и исковерканы броневые и водонепроницаемые двери. Погреб оказался затопленным. Один снаряд попал в навесную палубу, пробил каземат правого кормового 6" орудия и жилую палубу, разорвавшись около элеватора машинного погреба № 5. Вспыхнул пожар, который разгорался от последующих попаданий в жилую палубу, где горели командные вещи и мебель. Пожарная магистраль была перебита, и пожар пришлось тушить брандспойтами и ведрами. Много снарядов попало в броню левого борта, но ни один ее не пробил. Через подводные пробоины в «Ретвизан» продолжала поступать вода. От сотрясений корабля разошлись трещины старой пробоины. Вода разливалась свободно по всему кораблю — пробитые во многих местах водонепроницаемые двери и переборки не могли задержать распространения воды. Водоотливная система была повреждена, да и откачивание воды, которая свободно распространялась по кораблю, уже не имело смысла. В 16:05 броненосец «Ретвизан», погружаясь левым бортом, опустился на грунт. В мелком бассейне вода едва доходила до верхней палубы «Ретвизана» во время прилива. Убедившись, что броненосец затонул, капитан 1-го ранга Щенснович приказал выгружать из еще незатопленных погребов снаряды, заряды, продовольствие и вещи эки-

пажа. В 07:00 24 ноября продовольствие и вещи матросов были свезены на берег на 4-х портовых баркасах. Боезапас был выгружен на баржи и отправлен на склады минного городка. К 08:00 эскадренный броненосец «Ретвизан» был полностью покинут экипажем. За этот день на «Ретвизане» был убит один матрос (сигнальщик, спускавший кормовой флаг при заходе солнца) и ранено 6.

25 ноября по приказу контр-адмирала Вирена на «Ретвизане», как и на других кораблях, за исключением «Севастополя» и «Баяна», были спущены русские военно-морские флаги. В тот же день адмирал Вирен докладывал главному во Владивосток, где в частности о «Ретвизане» было сказано следующее: «После пятидневной бомбардировки, направленной главным образом на «Ретвизан», броненосец разбит, и, получив 7 подводных пробоин, затонул у берега». (Командующий войсками Квантунского укрепленного района генерал-лейтенант А. М. Стессель еще задолго до падения Высокой распорядился сводить адмиралов на Высокую гору, чтобы они убедились в том, что ждет флот в случае падения этой высоты. Сухопутное командование, настаивало на уходе флота из Порт-Артура, морское же командование, оправдывая свою трусость, шло на любые ухищрения, чтобы этого не делать, мотивируя это необходимостью сохранить корабли до подхода 2-й эскадры адмирала Рожественского, а затем — необходимостью оказать содействие сухопутной обороне крепости. Когда же корабли погибли без всякой пользы и без всякой попытки спастись, хотя военные корабли существуют совсем не для того, чтобы спастись, генерал Стессель направил адмиралу Вирену письмо, где, в частности, писал: «22-го и 23-го числа «Ретвизан», «Полтава», «Победа» и «Пересвет» уничтожены. Что же дальше? Боевой флот, на соединение с которым идет эскадра Рожественского, погиб в лужах Порт-Артура... Миллионы погибли... но, кроме миллионов, есть нечто важнее — вечный срам... Считаю себя вправе, хотя флот мне и не подчинен, просить поставить меня в известность относительно дальнейших планов эскадры». Адмирал Вирен ответил на это пространном письмом, где позорную гибель флота пытался объяснить неудовлетворительным состоянием Порт-Артура как военно-морской базы:

«Не знаю, где больше сраму: в том ли, что флот погиб, защищая свое убежище, т. е. часть русской земли (!), использовав для этого весь свой боевой материал и личный состав — или в том, что это убежище оказалось такой ловушкой для флота, какую мы могли бы пожелать только злейшему врагу». Все очень знакомо. Любая база становится ловушкой для флота, если океанские корабли предпочитают прятаться на внутренних рейдах, а не пытаются бороться с противником в открытом море. За 50 лет до Порт-Артура Нахимов с Корниловым, убоявшись кирпичных труб на английских и французских кораблях, не решились напасть на союзный конвой, шедший к Балаклаве, растянувшись на 40 миль, и приказали затопить собственный флот. Через 38 лет после Порт-Артура могучие боевые корабли позорно отстаивались на базах, предоставив действовать торпедным катерам, и к счастью, появившимся уже тогда подводным лодкам. А офицеры и матросы с винтовками в руках дрались с противником за свои базы. Это уже традиция!»)

После капитуляции Порт-Артура, которая была подписана от флота капитаном 1-го ранга Щенсновичем, «Ретвизан» был передан японцам вместе с другим «морским имуществом крепости». Перед сдачей на «Ретвизане» пытались уничтожить все, что только можно было уничтожить, хотя гораздо проще было бы его просто затопить на глубокой воде, а не подставлять под расстрел японских мортир. Побывавший после капитуляции крепости на «Ретвизане» английский журналист С. Райт писал: «Ретвизан» имел почти такие же повреждения, что и «Пересвет»: верхушки барбетов были совершенно сбиты, а станки орудий разбиты вдребезги. Взобравшись на вершину разрушенной башни и ежеминутно рискуя сломать себе шею, мы обошли все кругом, чтобы основательнее взглянуть на царившее в башне опустошение. Мостики на «Ретвизане» были менее повреждены, чем на «Пересвете», но все-таки были обуглены и разрушены... Высокий прилив помешал спуститься вниз. Пришлось ограничиться тем, что я только заглянул в открытый люк. На палубе около него валялась целая коллекция уцелевших от пожара разнообразных вещей: здесь были ценные документы, карты, романы, журналы, га-

зеты, платье, белье, щетки, гребенки, мыло, полотенца и разная мебель. Подобный беспорядок служит, по-видимому, доказательством того факта, что решение покинуть корабль было принято совершенно внезапно и одновременно объясняет, почему приготовления, сделанные для предания корабля огню, были выполнены так торопливо и неэффективно... Осмотрев броненосцы, я пришел к заключению, что через несколько месяцев их вполне можно поднять».

«Ретвизан» был поднят японцами 22 сентября 1905 года. Еще до подъема броненосец был переименован в «Хизен» по древнему названию одной из японских провинций. Включенный в состав японского императорского флота броненосец «Хизен» был отбуксирован из Порт-Артура в Сасебо, где с января 1906 года по ноябрь 1908 года проходил капитальный ремонт и модернизацию. В 1908 году броненосец «Хизен» был переклассифицирован в линейные корабли. В ходе ремонта и модернизации на линкор была установлена артиллерия Армстронга и новые котлы Майябара. Противоторпедный калибр артиллерии был заменен 42-мм орудиями. Была несколько изменена конфигурация труб, перемещены боевые марсы, сняты надводные торпедные аппараты (оставлены только 2 подводных 450-мм торпедных аппарата). С 1908 по 1921 год линкор «Хизен» входил в число линейных кораблей 1-й линии японского флота. После вступления Японии в первую мировую войну линейный корабль «Хизен» вместе с броненосными крейсерами «Идзумо» и «Асама» патрулировал в центральной части Тихого океана, ведя поиск немецкой эскадры адмирала Шпее. После ухода эскадры Шпее из Тихого океана, линейный корабль «Хизен» с крейсером «Асама» патрулировал в районе Гонолулу, блокируя укрывшуюся там немецкую канонерскую лодку «Гейер», пока не было получено сообщение о ее интернировании американцами. В последующие годы «Хизен» действовал в Тихом и Индийском океанах, обеспечивая перевозки союзников из Австралии в Европу. В 1918 — 1921 гг. линкор «Хизен» неоднократно приходил во Владивосток, обеспечивая действия японского экспедиционного корпуса в русском Приморье. 1 сентября 1921 года старый линкор был переклассифицирован в корабли бере-

говой обороны 1-го класса. В апреле 1922 года «Хизен» был разоружен в Сасебо по условиям Вашингтонского договора, вычеркнут из списков флота и переоборудован в корабль-цель. Потоплен 12 июля 1924 года в ходе испытаний новых авиационных торпед.

Корабль находился в строю 22 года, из них 20 под японским флагом. Эскадренный броненосец «Ретвизан» был зачислен в списки Русского Флота 11 января 1899 года. Исключен из списков 15 сентября 1905 года. Корабль числился в «12-м Флотском Ее Величества Королевы Эллинов Экипаже».

Бессменным командиром эскадренного броненосца «Ретвизан» с 1899 по 1904 гг. был капитан 1-го ранга Э. Н. Щенснович.

Русские адмиралы, державшие свой флаг на «Ретвизане»

1902 г. — контр-адмирал Никонов, контр-адмирал Штапельберг

1903 г. — контр-адмирал Ухтомский, вице-адмирал Старк

1904 г. — контр-адмирал Вирен

7 августа 1906 года решением комиссии, разбиравшей бой 28 июля 1904 года, были представлены к награде и награждены бывшие офицеры броненосца «Ретвизан»: капитан 2-го ранга Скороходов — орден Святой Анны 2-й степени с мечами, лейтенанты Алеамбаров — орден Святого Станислава 2-й степени с мечами, Павлинов — орден Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», Свиньин — орден Святого Станислава 2-й степени с мечами, князь Голицын — орден Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом.

ПЕТРОПАВЛОВСК

Петропавловск — город и порт на Камчатке, где 24 августа 1854 года русский гарнизон под командованием генерала За-войко отразил высадку десанта объединенной англо-французской эскадры.

«Петропавловск» (ББ-6)

Водоизмещение: 11354 т

Главные размерения: 114, 3х21, 3х7, 8 м

Скорость максимальная: 17 узлов

Мощность механизмов: 11213 л. с.

Вооружение: четыре 12-дюймовых орудия в башнях, двенадцать 6-дюймовых орудий (8 в четырех двухорудийных башнях и 4 в казематах), десять 47-мм и двадцать восемь 37-мм орудий, 2 десантные пушки, 4 надводных и 2 подводных ТА

Бронирование: Борта — 203 — 406 мм

Казематы — 127 мм

Башни — 254 мм

Палуба — 51 — 76 мм

Боевая рубка — 178 — 229 мм

Экипаж (штатный): 27 офицеров и 606 матросов

Тип: «Полтава»

Эскадренный броненосец «Петропавловск» был заложен 19 марта 1892 года в новом эллинге Галерного острова в Петербурге. Строительство корабля велось в рамках изменений 1890 года кораблестроительной программы 1881 г. Постройкой броненосца руководили корабельные инженеры В. С. Шведов и Е. П. Андрущенко. Работы на «Петропавловске» финансировались средствами Петербургского порта. Машины для броненосца были изготовлены в Англии машиностроительным заводом «Гауторн, Лесли и К°», артиллерия — Обуховским заводом в Петербурге, а броня и башенные установки — Металлическим заводом.

28 октября 1894 года броненосец «Петропавловск» был спущен на воду. Достройка броненосца на плаву шла очень медленно из-за опоздания поставок оборудования заводами контрагентами. В начале сентября 1897 года корабль перешел из Петербурга в Кронштадт, в гавани которого провел всю зиму 1897 и лето 1898 гг., устанавливая артиллерию и торпедные аппараты и завершая прочие построечные работы. Осенью 1898 года «Петропавловск» ушел на зимовку в Либаву, а весной 1899 года возвратился в Кронштадт, где в течение всех летних месяцев проводил окончательные испытания, отрабатывал различные задачи боевой подготовки и полностью завершил достроечные работы. Эскадренный броненосец «Петропавловск» вступил в строй 1 августа 1899 г. Первый командир капитан 1-го ранга Грече. (При нахождении броненосца на стапеле им командовал капитан 1-го ранга Федотов. Затем должность командира долго была вакантной, и корабль достраивался под руководством старшего офицера капитана 2-го ранга Чернышева.) Стоимость постройки «Петропавловска» — 9225309 р. (машина — 1130500 р.). После вступления в строй эскадренный броненосец «Петропавловск» был зачислен в 1-й флотский генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича экипаж. (Впоследствии «Петропавловск» был переведен во 2-й флотский экипаж той же 1-й флотской дивизии).

Перемещение центра тяжести государственных интересов России на Дальний Восток фактически превратило Балтийский флот в «депо» Тихоокеанской эскадры. Постоянные требования командования эскадрой усилить ее корабельный состав привело к тому, что начиная с середины 90-х годов XIX века все вновь построенные крупные корабли стали уходить на Дальний Восток. В силу этих причин эскадренный броненосец «Петропавловск» сразу же после окончания на нем достроечных работ получил приказ следовать в Порт-Артур.

5 октября 1899 года «Петропавловск» вышел из Кронштадта и, посетив по дороге Плимут и Кадикс, прибыл в середине ноября 1899 года на о. Мальта, откуда направился в Смирну, а затем в Пирей, где и встретил новый 1900 г. и новый XX век. Пройдя в Пирее незначительный ремонт, «Петропавловск» направился в Порт-Саид, прошел Суэцким каналом и 28 января 1900 года вышел в Красное море, взяв курс на Аден. Приняв в Адене уголь, «Петропавловск» в конце февраля прибыл в Пуловей, откуда направился в Гонконг. 30 марта 1900 г. броненосец вышел из Гонконга и, зайдя за углем в Нагасаки, прибыл 17 апреля 1900 г. в Порт-Артур — прямо к началу крупных общесфлотских учений Тихоокеанской эскадры. Действуя совместно с броненосцами «Наварин» и «Сисой Великий», «Петропавловск» отрабатывал на этих учениях задачи деблокирования отрезанной с моря крепости, перевозки войск и конвоирования транспортов. На этих учениях в предвиденьи грядущего конфликта с Японией впервые броненосцы действовали отдельным отрядом, практикуясь в ночных плаваниях соединением, в совместном маневрировании и артиллерийских стрельбах. Июнь — август 1900 г. эскадренный броненосец «Петропавловск» провел в китайских водах, принимая активное участие в подавлении Боксерского восстания. Корабль перевозил войска, конвоировал транспорты и неоднократно во многих пунктах китайского побережья «демонстрировал флаг». В боях на берегу принимала участие десантная рота с «Петропавловска», потерявшая в ходе военных действий 4 человека ранеными. (Интересно отметить, что за этот же период от эпидемии гриппа на «Петропавловске» вышли из строя 171 человек. На ко-

рабле чуть не вспыхнула эпидемия тифа (5 случаев), которую с трудом удалось предотвратить.)

После подавления восстания боксеров «Петропавловск» вернулся в Порт-Артур, откуда вместе с «Сисоем Великим» вышел 27 сентября, направляясь во Владивосток для ремонта. В конце октября «Петропавловск» вернулся в Порт-Артур, а в ноябре снова прибыл в Таку, где принял на борт русского посланника Лессара, направляющегося в Японию. В начале декабря 1900 г. броненосец пришел в Нагасаки, где прошел доковый ремонт. Выйдя из Нагасаки в конце января 1901 г., «Петропавловск» посетил ряд портов Кореи и в марте 1901 г. вернулся в Порт-Артур.

В апреле и мае 1901 года эскадренный броненосец «Петропавловск» принял участие в крупных общифлотских маневрах Тихоокеанской эскадры, проходящих в Талиенваньской бухте. В маневрах, кроме «Петропавловска», участвовали еще четыре броненосца — «Наварин» и «Сисой Великий», а также недавно прибывшие однотипные с «Петропавловском» броненосцы «Полтава» и «Севастополь». Маневрами руководил командующий Тихоокеанской эскадрой адмирал Гильтебранд, державший флаг на крейсере «Россия». На маневрах отрабатывались различные варианты действий эскадры в случае конфликта с Японией. После окончания учений эскадра сосредоточилась во Владивостоке, где «Петропавловск» находился по октябрь 1901 года, после чего вместе со всей эскадрой вернулся в Порт-Артур. 16 ноября 1901 г. на эскадренном броненосце «Петропавловск» поднял свой флаг новый командующий Тихоокеанской эскадрой вице-адмирал Скрыдлов. После короткого смотра эскадре в Талиенваньской бухте, новый командующий, держа флаг на «Петропавловске», совместно с броненосцем «Полтава» обошел ряд портов Кореи и Японии, в частности, побывав в январе 1902 г. в Йокогаме, Нагасаки и Мозампо. В феврале и марте 1902 г. «Петропавловск» посетил ряд портов Китая. 26 марта 1902 г. командиром эскадренного броненосца «Петропавловск», сменив капитана 1-го ранга Грече, стал капитан 1-го ранга Яковлев.

В мае 1902 г. «Петропавловск», будучи флагманским кораблем Тихоокеанской эскадры, принял участие в

общефлотских маневрах в Талиенваньской бухте. Маневрами с борта «Петропавловска» руководил командующий эскадрой адмирал Скрыдлов. На учениях отрабатывалась задача действий флота по преграждению пути в Желтое море для японского флота, который по плану учений должен был высадить войска в Чемульпо и в устье реки Ялу.

После окончания учений «Петропавловск» в июне 1902 г. пришел во Владивосток, где адмирал Скрыдлов спустил свой флаг и броненосец был выведен в вооруженный резерв. В августе 1902 г. «Петропавловск» перешел в Порт-Артур, где по декабрь 1902 года пробыл в вооруженном резерве. 30 декабря 1902 г. на «Петропавловске» поднял флаг новый командующий Тихоокеанской эскадрой вице-адмирал Старк. В январе — феврале 1903 г. «Петропавловск» совершил совместно в броненосцем «Пересвет» короткое плавание, посетив ряд портов Кореи и Японии. В конце февраля «Петропавловск» вернулся в Порт-Артур, где адмирал Старк перенес свой флаг на «Пересвет». Март — июнь «Петропавловск» провел в Порт-Артуре, участвуя в различных учениях по плану боевой подготовки, которые имели место на рейде Порт-Артура, в Талиенване и в Дальнем. В июле 1903 г., после смотра, проведенного военным министром, эскадра сосредоточилась во Владивостоке, где на «Петропавловске» снова поднял свой флаг адмирал Старк. После завершения учений «Петропавловск» в августе был переведен в вооруженный резерв, прошел докование и уже в сентябре снова начал кампанию, будучи единственным броненосцем, не находящимся в резерве. Резко накалявшаяся обстановка на Дальнем Востоке, столкнувшиеся в Корее интересы Японии и России и откровенный курс Японии на ликвидацию положений навязанного ей Симонсекского договора — все это заставило командование Тихоокеанской эскадрой форсировать подготовку к войне. Война с Японией, которая еще с 1899 года считалась весьма вероятной, во второй половине 1903 г. уже считалась командованием русской Тихоокеанской эскадры неизбежной. В середине ноября 1903 г. отряд русских боевых кораблей в составе броненосцев «Петропавловск» (флаг вице-адмирала Старка) и «Полтава», крейсера «Бо-

ярин», канонерской лодки «Бобр» и эскадренных миноносцев «Грозовой» и «Внушительный» вышли в море, начав демонстративный поход в Чемульпо с целью охладить горячие головы в Токио. 21 ноября 1903 г. отряд во главе с «Петропавловском» прибыл в Чемульпо, где демонстрировал флаг до 2 декабря, и ушел оттуда после грозного окрика из Петербурга. Русское правительство, надеясь на решение спорных с японцами вопросов путем переговоров, настоятельно требовало от дальневосточного командования «не бряцать оружием, не провоцировать японцев». Штаб адмирала Алексеева и адмирала Старка, с одной стороны, заваливался различными предостережениями, напоминаниями и директивами из Петербурга, требующими терпения, сдержанности и миролюбия, а с другой — разведывательными сводками, показывающими, что война японцами уже решена. Русское командование на Дальнем Востоке, жившее идеей превентивного удара, связанное по рукам и ногам приказами из Петербурга, вынуждено было постоянно ограничиваться полумерами, что в итоге и привело к роковым последствиям.

В декабре 1903 г. «Петропавловск» вернулся в Порт-Артур и был выведен в резерв. Жесткие требования экономики привели к тому, что в самый канун войны в строю находились только броненосец «Полтава» с крейсерами «Баян», «Боярин» и «Новик». Все прочие корабли эскадры, не считая стационаров, были выведены в вооруженный резерв. Однако неопровержимые доказательства неизбежности войны и установление русской разведкой почти точной даты ее начала вынудили адмирала Алексеева 29 декабря 1903 г. (№ 224) отдать приказ о начале кампании. 3 января 1904 г. эскадренный броненосец «Петропавловск», исполняя этот приказ, вышел на внешний рейд Порт-Артура под флагом командующего эскадрой вице-адмирала Старка, где после пробы машин и уничтожения девиации компасов занял свое якорное место по утвержденной диспозиции. До 18 января из резерва один за другим были выведены и все остальные корабли Тихоокеанской эскадры, принимались меры по охране рейда, последние корабли перекрашивались в боевой оливково-зеленый цвет, грузились все виды боевого снаряжения и боезапа-

сы. 19 января 1904 г. в 5:30 утра на броненосце «Петропавловск» был поднят сигнал: «Суда, стоящие на внешнем рейде — учение № 1». По этому сигналу на всех кораблях пробили боевую тревогу и эскадра приготовилась к бою. В 18:30 по сигналу «Петропавловска» дежурные миноносцы вышли на охрану дальних подступов к рейду, а в 21:00 эскадра закрыла все огни. Отныне сообщение с берегом допускалось лишь до 17:00. 20 января на борту «Петропавловска» состоялось совещание под председательством адмирала Алексеева. Обсудив последние разведсводки, пришедшие из Токио, Шанхая и Чифу, участники совещания снова сошлись в мнении о неизбежности войны и о необходимости упреждающим ударом сорвать планы противника. В тот же день адмирал Алексеев запросил разрешение царя на выдвижение флота к Чемульпо для «противодействия высадке японских войск морскими силами» и на мобилизацию войск Дальнего Востока и Сибири. Не получив ответа на запрос, адмирал Алексеев приказал 21 января совершить демонстративный поход всей эскадрой к Шантунгу. В 5 ч утра 1904 г. эскадра начала последовательно сниматься с якоря. «Петропавловск», возглавлявший отряд броненосцев, снялся с якоря в 8 ч утра и вышел в море, взяв курс на Шантунг. Броненосцы и крейсера шли отдельными отрядами. Броненосцы, следуя сигналам с «Петропавловска», производили эволюции по новой двухфлажной сигнальной книге, недавно присланной на эскадру для всесторонних испытаний. В 16:00, когда эскадра уже находилась в видимости Шантунгского маяка, из Порт-Артура последовал телеграммой приказ вернуться назад. В 5 ч утра 22 января «Петропавловск» встал на якорь в Талиенваньской бухте, а в 8 ч утра на его борту состоялось совещание старших штурманов со всех кораблей эскадры, на котором обсуждались меры по оптимизации сигналов при совместном плавании. Эскадра простояла в Талиенване до 11 утра, затем по сигналу с «Петропавловска» снялась с якоря и перешла на внешний рейд Порт-Артура. Выход эскадры к Шантунгу вызвал сильное недовольство в Петербурге и переполох в Токио. Из Петербурга адмиралу Алексееву последовали строжайшие директивы не провоцировать японцев, поскольку «крайне желательно прийти к мирному соглашению с Японией или

по меньшей мере, насколько возможно, продлить обмен взглядов с токийским кабинетом». Японцы же, имея информацию о плане адмирала Алексеева нанести им упреждающий удар, узнав о выходе русской эскадры «в неизвестном направлении», на чрезвычайном совещании правительства под председательством императора 22 января решили безотлагательно начать войну, поскольку «русская эскадра, свободная в своих действиях, могла расстроить все планы и расчеты японского правительства». Но русская эскадра не была свободна в своих действиях! Из Петербурга потоком шли директивы с требованием не предпринимать каких-либо действий, могущих послужить для Японии поводом к войне. С большим трудом адмиралу Алексееву удалось добиться разрешения оставить эскадру на внешнем рейде, чтобы в случае необходимости оперативно ввести ее в бой. Однако специальной директивой ему было запрещено выставлять на кораблях противоторпедные сети, так как эти сети, выставленные в мирное время, могли спровоцировать японцев!

Между тем броненосец «Петропавловск» продолжал нести свою службу в качестве флагманского корабля Тихоокеанской эскадры и русского административно-политического центра на Дальнем Востоке. 24 января адмирал Алексейев получил известие о разрыве дипломатических отношений с Японией и уверения, что этот факт не означает неизбежности войны. Эскадра, возглавляемая «Петропавловском», продолжала стоять по диспозиции боевой готовности. (Впоследствии в общем хоре оправданий по поводу столь позорно закончившейся войны эту диспозицию без зазрения совести стали именовать «диспозицией мирного времени». Уже тот факт, что на внешней линии диспозиции стояли лучшие броненосцы «Цесаревич» и «Ретвизан» говорит о том, что имелось в виду не подставить их первыми под японские торпеды, а сразу же ввести в действие в случае необходимости.) «Петропавловск» стоял в глубине диспозиции, имея по носу броненосец «Пересвет», за кормой — крейсер «Джигит», по правому борту — крейсера «Новик» и «Боярин» и по левому — броненосец «Полтава». Эскадра продолжала жить в напряженном состоянии повышенной боевой готовности. С наступлением темноты закрывались огни,

всякая связь с берегом прекращалась, орудия противоминной артиллерии были постоянно заряжены, комендоры несли вахты круглосуточно. 26 января «Петропавловск» сигналом передал приказ вице-адмирала Старка о выносе принадлежностей сетевого заграждения на палубы и о готовности к немедленной его постановке. Однако исполнительного приказа не последовало. Между тем в штабах Алексеева и Старка вновь стало доминировать мнение о необходимости выхода в море даже, если это мероприятие и пойдет вразрез с приказами Петербурга. 26 января 1904 года эскадренный броненосец «Петропавловск» передал на эскадру следующие сигналы:

10:00 — «Эскадре Тихого океана со спуском флага прекратить сообщение с берегом».

11:35 — «Эскадра Тихого океана — сегодня вступить в дежурство крейсерам «Аскольд» и «Диана».

11:40 — «Эскадра Тихого океана — сегодня дежурными по освещению быть «Ретвизану» и «Палладе».

16:50 — «Эскадра Тихого океана — приготовиться к походу завтра в 8 ч утра, иметь 10 узлов хода, взять провизии на три дня».

17:05 — «Амуру» и «Енисею» с миноносцами идти на внешний рейд завтра в 7 ч 30 мин утра».

17:40 — «Судам, стоящим на внешнем рейде, приготовиться отразить минную атаку, 6" башенные орудия не заряжать».

После передачи последнего сигнала с «Петропавловска» на всех кораблях эскадры была пробита тревога, опробованы прожектора, заряжены противоминные орудия и закрыты все огни, кроме якорных. В 20:00 на борту «Петропавловска» состоялось совещание с участием командующего эскадрой, вице-адмирала Старка, и начальника штаба, заместника контр-адмирала Витгефта, на котором был составлен приказ о выходе эскадры в море 27 января и определен ее состав и походный строй. (В море, выдвигаясь к Чемульпо на перехват японского флота должны были выйти все броненосцы и крейсера, оба минзага, транспорт «Ангара» и оба отряда эсминцев.) Были обсуждены также некоторые дополнительные меры по охране рейда. Совещание закончилось в 23:00. Повальное бегство японцев из Порт-Артура в этот день,

слухи о разрыве дипломатических отношений, а также информация, полученная многими офицерами в частном порядке — все это уже не оставляло никаких иллюзий относительно будущего развития событий. Эскадра находилась в полной боевой готовности. Правда, некоторые корабли были освещены, проводя срочную погрузку угля и горел входной маяк в Порт-Артурскую гавань. Не надо забывать, что Порт-Артур, помимо всего прочего, был коммерческим портом и погасить входной маяк в его гавань было совершенно невозможно. Кроме того, автор вовсе не хочет сказать, что все действия командования 1-й Тихоокеанской эскадры были безупречными — ошибок было сделано достаточно. Самой главной из них можно считать инструкцию, данную дежурным миноносцам: «В случае необходимости... полным ходом возвращаться к эскадре (прорезав 4 линии диспозиции!), подходить к флагманскому броненосцу и докладывать о случившемся». Без всякого сомнения, японцам, имевшим разветвленную сеть в Порт-Артуре, была известна эта инструкция, и именно она легла в основу всего японского плана внезапной атаки миноносцев на русскую эскадру. Расчет был основан на том, что на кораблях примут подходящие миноносцы противника за свои. Недаром японцы шли с открытыми навигационными огнями и отобрали для атаки миноносцы типа «Ярроу», очень похожие на русские эсминцы типа «Сокол».

В 23:35, в самый момент появления на рейде миноносцы противника были обнаружены и освещены прожекторами русских кораблей. Пока на кораблях гадали свои это миноносцы или нет, японцам удалось выпустить торпеды и подорвать три русских корабля — «Цесаревич», «Ретвизан» и «Палладу». Однако, как только враждебные намерения подходящих миноносцев были обнаружены, корабли немедленно открыли огонь, не допустив выхода других японских миноносцев в атаку и в какой-то мере сорвав план адмирала Того. Находящаяся в полной боевой готовности русская эскадра не была поймана врасплох, а стала жертвой непрогнозируемого стечения обстоятельств точно также, как 38 лет спустя жертвой таких же случайностей стал японский флот в сражении у атолла Мидуэй. (Автор столь подробно

останавливается на событиях начала русско-японской войны, во-первых, чтобы показать деятельность броненосца «Петропавловск» в качестве флагманского корабля Тихоокеанской эскадры и, во-вторых, чтобы не возвращаться более к этим событиям при написании истории других кораблей.)

На броненосце «Петропавловск», стоящем в глубине диспозиции, среди ночной тишины услышали взрыв торпеды (попавшей в «Ретвизан») и артиллерийский огонь, открытый всеми кораблями, стоявшими на внешней линии диспозиции. Считая, что «Ретвизан» стал жертвой случайного взрыва, с «Петропавловска» в 24:00 был передан приказ: «Прекратить огонь» и поднят вверх луч прожектора, обозначавшего в мирное время окончание ночного учения. Однако корабли продолжали вести огонь. О взрыве на «Цесаревиче» и «Палладе» на «Петропавловске» ничего не знали, получив эти сообщения соответственно только в 00:35 и 00:40. Таким образом, только в 00:40, т. е. через час после атаки на флагманском броненосце поняли, что произошло. (Это уже наша традиционная организация! Тут ничего не попишешь!) В 00:45 с «Петропавловска» был передан первый боевой приказ, предписывающий крейсеру «Диана» оказать помощь «Цесаревичу», а в 00:55 второй — крейсеру «Новик» по мере готовности немедленно сняться с якоря, преследовать неприятельские миноносцы, которые взорвали наши три корабля». Одновременно с этим в 00:45 через Золотую Гору о случившемся было доложено с «Петропавловска» в штаб адмирала Алексева. Крейсер «Новик», получив приказ в 00:55, в 01:05 снялся с якоря и ушел в преследование противника, что разоблачает еще одну легенду о том, как ничего не ожидавшая русская эскадра стояла по диспозиции мирного времени, без сетей и без паров, в то время, как адмиралы Старк и Алексеев, все командиры кораблей и большая часть офицеров веселились на дне рождения жены адмирала Старка в Порт-Артурском морском собрании. «Петропавловском» же, а следовательно и всей эскадрой, командовал какой-то мичман, а в некоторых вариантах и боцман. (Через 37 лет, когда японцы внезапно напали на американский флот в Перл-Харборе, американцы действитель-

но были пойманы врасплох, в отличие от русских моряков в Порт-Артуре. Однако, находясь в самой низкой степени боевой готовности, в воскресенье утром, американцы, когда в 07:55 на них посыпались первые бомбы, немедленно открыли ответный огонь, в 07:58 радиостанция штаба флота сообщила о налете, в 08:00 об этом было сообщено всем кораблям, находившимся в море, и в Вашингтон, в 08:03 о налете объявила радиостанция Гонолулу. Мне возразят, что другое время, другие средства связи и, что я вообще противоречу сам себе, доказывая, что Артурская эскадра находилась в боевой готовности. Я отвечаю, что боевая готовность складывается из организации службы и боевой подготовки, особенно командного состава и, по-видимому, самая высокая боевая готовность Русского Флота может сравниться с полным отсутствием таковой в американском флоте.)

Ночной поиск, проведенный «Новиком» и другими крейсерами, оказался безрезультатным — противник скрылся. Однако искать его долго не пришлось — в 08:00 27 января японцы появились перед Порт-Артуром и открыли огонь по стоящей на якоре эскадре Тихого океана. Русские корабли, руководствуясь приказами с «Петропавловска», энергично отвечали. Вскоре к ним присоединились и береговые батареи крепости. Во время этого боя «Петропавловск» снялся в 11:00 с якоря и в 11:08 открыл огонь из носовых 12" и 6" орудий, направляясь прямо на противника. В 11:23 «Петропавловск» повернул влево на 8 румбов и открыл огонь всем бортом, которым и действовал до отхода противника на юг (11:50). В 11:55 на «Петропавловске» был поднят сигнал «Адмирал изъявляет свое удовольствие». В ходе боя в «Петропавловск» попало три снаряда. 8" снаряд попал в носовую часть левого борта, сделав пробоину в 2х2,5 фута, повредив осколками палубу и 47-мм орудие. Вторым 8" снарядом, попавшим под носовую 6" башню, вдавило броню, повредив осколками борт. Третьим 6" снарядом, пробило верхнюю палубу, но повреждений не причинило. На броненосце был убит один (Никанор Трачевский) и ранено 5 матросов. (В том числе комендор Клим Феликсов, который, несмотря на рану, остался у орудия и предотвратил взрыв снарядного ящика 47-мм снарядов,

выхватив горящий снаряд и потушив его). За бой «Петропавловск» выпустил по противнику 87 снарядов: 19 — 12" и 68 — 6". За этот бой командир «Петропавловска» капитан 1-го ранга Яковлев был награжден орденом Святого Владимира 3-й степени с мечами. Кроме того, награды получили 4 офицера и 30 матросов с «Петропавловска». (Кроме того, за бой 26 — 27 января 1904 г. были награждены: командующий эскадрой вице-адмирал Старк — орденом Святого Владимира 2-й степени с мечами, флаг-капитан командующего капитан 1-го ранга Эбергард — золотым оружием с надписью «За Храбрость» и младший флагман контр-адмирал Ухтомский — орденом Святого Станислава 1-й степени с мечами.)

28 января 1904 г. в 14:30 «Петропавловск» вместе с другими броненосцами вернулся на внутренний рейд Порт-Артура, с трудом пройдя мимо сидящего на мели в проходе броненосца «Ретвизан» и встал в восточном бассейне у стенки напротив управления командира порта. «Петропавловск» оставался у стенки до конца февраля, руководя оттуда отражением атак японских брандеров, действиями крейсеров на внешнем рейде и, хотя существовали планы вывода броненосцев на внешний рейд для боя с периодически бомбардирующим Порт-Артур японским флотом, они осуществлены не были. Бой с флотом противника вели одни береговые батареи. 24 февраля 1904 г. в Порт-Артур прибыл назначенный командующим флотом вице-адмирал Макаров, который временно поднял свой флаг на крейсере «Аскольд». Вице-адмирал Старк спустил свой флаг на «Петропавловске», сдал дела Макарову и уехал в Россию, сославшись на болезнь.

27 февраля 1904 г. в 4 часа утра на мачте эскадренного броненосца «Петропавловск» был поднят флаг вице-адмирала С. О. Макарова. В тот же день эскадра стала выходить на внешний рейд. «Петропавловск», выйдя на внешний рейд пятым, в 06:00, в 07:00 поднял сигнал: «Сняться с якоря всем вдруг», который был отложен до 09:50, в связи с обнаружением на рейде плавающих мин и необходимостью протралить рейд. В 10:20 эскадра, возглавляемая «Петропавловском», вышла в море строем кильватера и в 11:50, будучи на параллели мыса Ляотешань, прибавила ход, перестроившись в походный ор-

дер. Вначале «Петропавловск» вел эскадру на восток в надежде встретить противника. Однако противника обнаружить не удалось, и эскадра занялась практически эволюциями. В 16:00, не прекращая эволюций, эскадра подошла к Порт-Артуру, и в 19:00 все корабли втянулись на внутренний рейд. Выход эскадры в море 27 февраля продемонстрировал адмиралу Макарову полное отсутствие опыта у большинства командиров кораблей в совместных плаваниях, особенно на боевых ходах, недостаток их тактического образования и отсутствие необходимых военных знаний.

9 марта, после отражения очередной атаки японских брандеров, на горизонте Порт-Артура снова появился японский флот. Как только противник был обнаружен, адмирал Макаров, несмотря на малую воду, решил со своей эскадрой выйти в море и вступить под прикрытием береговых батарей в бой с тем, чтобы отогнать флот противника раньше, чем тот осуществит свое намерение бомбардировать Порт-Артур. В ожидании большой воды Макаров перенес свой флаг на «Аскольд» и вышел на внешний рейд с отрядом крейсеров. Став под прикрытием батарей, адмирал приказал приготовиться к бою и ждал выхода броненосцев. Первым, несмотря на еще малую воду, на внешний рейд вышел «Петропавловск» (09:45) и адмирал Макаров немедленно перенес свой флаг на него. За «Петропавловском» начали выход с внутреннего рейда другие броненосцы. В 12:10 адмирал Макаров, построив эскадру в кильватерную колонну, повел «Петропавловск» к выходному створу, намереваясь под прикрытием береговых батарей открыть огонь по кораблям противника. Этот выход эскадры являлся выдающимся событием, которого еще никогда не было в истории Тихоокеанской эскадры, поскольку до сих пор не было еще ни одного случая, чтобы глубокосидящие броненосцы рисковали выйти в малую воду из гавани. В данном же случае весь выход был закончен к полудню, т. е. за 1,5 часа до полной воды, что произвело ошеломляющее впечатление на противника, построившего все свои планы на невозможности эскадре выйти в малую воду в море. Увидев всю русскую эскадру на внешнем рейде, адмирал Того отозвал выделенные для бомбарди-

ровки Артура через Ляотешань броненосцы, которые и без того не выполнили своей задачи, поскольку находились под огнем русских кораблей, благодаря оборудованному на Ляотешане артиллерийскому корректировочному посту. Подняв сигнал «Быть в строю кильватера», адмирал Макаров на «Петропавловске» направился в море по направлению к бухте Такэ. С моря в это время подходили вызванные адмиралом Того по радио броненосные крейсера противника. С приближением японских броненосных крейсеров «Петропавловск», возглавляющий кильватерную колонну русских кораблей, склонился несколько к югу и сделал прицельный выстрел из 12" орудия по головному броненосному крейсеру противника. Снаряд упал со значительным недолетом. В этот момент японские броненосцы повернули навстречу «Петропавловску», который в свою очередь изменил курс на пересечку броненосным крейсерам. Опасаясь за крейсера, адмирал Того ринулся на соединение с ними, провожаемый пристрелочным залпом из башен «Петропавловска». «Петропавловск» продолжал идти на противника, вызывая его на бой. Однако адмирал Того, соединившись со своими крейсерами, не принимая боя и даже не отвечая на огонь «Петропавловска», повернул на юг и скрылся за горизонтом. Кипучая энергия и талант адмирала Макарова начали делать, казалось бы, невозможные вещи. Японский флот уже не мог безнаказанно хозяйничать в водах Порт-Артура. Волна за волной по ночам шли на Порт-Артур в атаку японские брандеры-заградители в надежде запереть Русский Флот на внутреннем рейде. Противник отложил высадку на Ляодунский полуостров. Господство на море в районе Порт-Артура и инициатива начали постепенно переходить в руки русского морского командования. 13 марта 1904 г. «Петропавловск» снова вывел эскадру в море. В этот день адмирал Макаров предполагал провести рейд к островам Мяо-Тао и снова заняться повышением боевой готовности эскадры в совместном плавании. В 04:45 по сигналу с «Петропавловска» эскадра начала выход на внешний рейд, закончив его в 07:00, когда на «Петропавловске» был поднят сигнал о построении в кильватерную колонну и начале движения к выходному створу. Во время похода к островам Мяо-

Тао был потоплен японский пароход и джонка, а также осмотрены несколько английских пароходов компании «Чайна Навигейшн». Поход к островам Мяо-Тао был прерван из-за столкновения во время эволюций броненосцев «Севастополь» и «Пересвет». В 12:30 «Петропавловск» привел эскадру обратно в Порт-Артур. В ночь на 14 марта японцы провели новую отчаянную попытку запереть выход из Порт-Артура брандерами. Атака была отбита. Утром 14 марта, когда на горизонте появился флот противника, «Петропавловск» с утренней полной водой вывел эскадру в море, показав адмиралу Того, что ночная атака его заградителей окончилась полным провалом.

21 марта на борту «Петропавловска» состоялась торжественная церемония раздачи Георгиевских крестов матросам и унтер-офицерам Тихоокеанской эскадры. С приветствием к награжденным обратился сам адмирал Макаров, который, в частности, сказал: «Получив этот крест — вы тем самым составляете честь той части, в которой вы служите. Вас много, каждого не узнаешь, каждому в душу не войдешь, все вы молодцы, я знаю. Каждый из ваших товарищей горит желанием сразиться и победить». (Впоследствии, в течение 9 месяцев осады крепости ни разу больше не было подобных торжеств на кораблях эскадры.) Между тем по различным разведывательным каналам к адмиралу Макарову стали поступать сведения о готовящейся японцами высадке на Ляодун. Считая местом сосредоточения транспортов противника острова Эллиот, Макаров решил послать к этим островам два отряда миноносцев для ночной атаки с тем, чтобы подойти утром к Эллиоту со всей эскадрой и завершить разгром транспортного конвоя противника. Вечером 30 марта 1904 г. из Порт-Артура, выполняя этот план, вышли два отряда миноносцев. Зная о малой опытности командиров миноносцев в совместном ночном плавании, Макаров дал инструкцию, чтобы отставшие от отряда миноносцы возвращались на рейд, но в гавань до рассвета не входили, поскольку в эту ночь ожидалась очередная атака на Порт-Артур брандеров-заградителей противника и адмирал опасался, что ночью возвращающиеся миноносцы попадут под огонь батарей и кораблей, охраняющих проход. Второй раз неправильно сформулированная незначитель-

ная по важности тактическая инструкция миноносцам имела самые роковые последствия для Русского Флота! Сейчас уже известно, что никакая высадка в конце марта на Ляодун японцами не предполагалась. Напротив, активные действия Русского Флота заставили противника отложить высадку на неопределенное время. Сведения, полученные Макаровым по различным каналам, являлись хорошо продуманной стратегической дезинформацией японского командования. Японцы, имевшие мощную разведсеть в Порт-Артуре и на Ляодунском полуострове, прекрасно знали о замыслах русского командования. Не исключено, что им стала известна и инструкция, данная миноносцам на случай отставания от отрядов, идущих к Эллиоту. Именно этим можно объяснить неожиданную отмену японцами очередной атаки брандеров и проведение ими рискованнейшей операции по постановке мин на внешнем рейде Порт-Артурского залива, под самым носом береговых батарей и дежурных кораблей. Постановка мин была произведена минным заградителем «Кориу-Мару», действовавшим под эскортом трех отрядов эсминцев (4-й, 5-й и 14-й). Одновременно под покровом ночи японский флот отдельными отрядами стягивался к Порт-Артурскому заливу, явно демонстрируя свою полную осведомленность о предстоящем выходе русской эскадры к Эллиоту и о навязчивой идее адмирала Макарова разбить противника по частям. Макаров провел ночь на дежурном крейсере «Диана», с которого были замечены силуэты японских кораблей, ставящих на внешнем рейде мины. Командир крейсера попросил у Макарова разрешения открыть огонь, однако командующий не разрешил, считая, что эти силуэты принадлежат своим миноносцам, которые заблудились во время ночного похода к Эллиоту и вернулись согласно полученной инструкции на внешний рейд. 31 марта в 04:30 адмирал Макаров вернулся с «Дианы» на «Петропавловск». Между тем оба отряда русских миноносцев, не обнаружив ничего у островов Эллиот, повернули обратно к Порт-Артурскому заливу. При этом отставший в темноте миноносец «Страшный» был перехвачен противником на подходах к Порт-Артурскому заливу и после короткого ожесточенного боя утоплен. Высланный для обеспечения возвращения миноносцев в море крейсер «Баян» последовательно доложил на «Пет-

ропавловск» о бое «Страшного» и о появлении на горизонте японского отряда в составе двух броненосных и 4 легких крейсеров. Представлялась прекрасная возможность уничтожить этот отряд и осуществить план разгрома японского флота по частям — заветный план адмирала Макарова! В 05:40 на «Петропавловске» взвился сигнал: «Диане» сняться с якоря и идти на поддержку «Баяна», который пока в одиночку вел бой с японским отрядом, на ходу спустив шлюпки для спасения уцелевших из экипажа «Страшного». Одновременно с «Петропавловска» был отдан приказ крейсерам «Аскольд» и «Новик» находиться в немедленной готовности к выходу в море. В 06:00 на «Петропавловске» был поднят сигнал броненосцам разводиться пары, по готовности сниматься с якоря и выходить на внешний рейд. Первым в 07:00 на внешний рейд вышел «Петропавловск» под флагом командующего флотом адмирала Макарова. При выходе на внешний рейд «Петропавловск» несколько задержался в проходе, приткнувшись на мели, но сразу сошел с мели своими силами. В 07:15 на рейд вышел броненосец «Полтава». Остальные броненосцы несколько задержались, так как сильный ветер не позволял портовым буксирам быстро развернуть броненосцы, носом к проходу. Адмирал Макаров, не дожидаясь остальных броненосцев, двинулся в море на соединение со своими крейсерами. Соединившись с крейсерами, командующий приказал им вступить в кильватер к броненосцам. Получив сигнал с крейсера «Баян», что из экипажа «Страшного» удалось спасти только 5 человек и что в воде осталось еще несколько человек, Макаров приказал «Баяну» вести русские корабли к месту гибели «Страшного». В 07:58 на горизонте было замечено шесть кораблей противника, идущих на северо-восток. Один японский крейсер под прикрытием миноносцев осматривал место гибели «Страшного». В 08:15 противник открыл огонь с дистанции 50 кабельтовых. Русский отряд немедленно стал отвечать, идя кильватерной колонной в следующем порядке: «Петропавловск», «Полтава», «Аскольд», «Баян», «Диана» и «Новик». С приближением русского отряда японцы повернули на 8 румбов вправо на восток и стали удаляться строем фронта, увлекая русские корабли в открытое море из-под прикрытия береговых батарей. Рус-

ские корабли в этот момент уже находились в 17 милях на юго-восток от входного Порт-Артурского маяка. Пока русские корабли продолжали преследовать противника, в 08:40 на юго-востоке появились главные силы адмирала Того в составе 6 эскадренных броненосцев и двух больших броненосных крейсеров «Ниссин» и «Кассуга», которые в этот день впервые появились у Порт-Артура после их приобретения у Италии. На траверзе японской эскадры держался старый броненосец «Чин-Иен». Курс японцев отчетливо демонстрировал их намерение отрезать русские корабли от Порт-Артура. Возможно, впервые за это полное событиями утро Макаров понял ловушку, расставленную ему адмиралом Того. Немедленно по сигналу с «Петропавловска» эскадра повернула на 16 румбов, на обратный курс к Порт-Артуру. Крейсерам, минным крейсерам и миноносцам было приказано идти вперед. На внешнем рейде Порт-Артура к «Петропавловску» и «Полтаве» присоединились вышедшие из гавани броненосцы «Пересвет» и «Победа». Противник, не успевший отрезать русские корабли от базы, остановился на горизонте. Адмирал Макаров приказал миноносцам идти в гавань, а сам, находясь в двух милях от берега, повернул на восток, приказав остальным броненосцам и крейсерам вступить в кильватер «Петропавловску», намереваясь принять бой под прикрытием береговых батарей. Следуя за «Петропавловском», остальные корабли заняли свои места в следующем порядке: «Полтава», «Аскольд», «Баян», «Пересвет», «Победа», «Диана» и «Новик». На левом траверзе «Петропавловска» шли минные крейсера «Гайдамак» и «Всадник». Броненосец «Севастополь», задержавшийся с выходом из гавани, показывался в этот момент в проходе. По мере того, как корабли занимали свое место в строю, «Петропавловск», набирая ход, держался в двух милях от северного берега внешнего рейда, идя курсом зюйд-ост-33°. Противник продолжал стоять, не двигаясь, на горизонте. Расстояние до японцев начало постепенно уменьшаться, но в этот момент, в 09:39 «Петропавловск», находясь в двух милях от маяка на Тигровом полуострове, неожиданно взорвался, наскочив на одну из минных банок, поставленных ночью заградителем «Кориу-Мару». (Адмирал Макаров — ведущий специалист по минному делу, воз-

бужденный гибелью «Страшного» и спеша не упустить отряд японских крейсеров, подсунутых ему адмиралом Того в качестве приманки, не отдал приказа протралить рейд перед выходом эскадры!»)

Со страшным грохотом, напоминающим заглушенный залп из 12" орудий, над «Петропавловском» мгновенно вырос громадный, в два раза превышающий высоту мачт, столб черно-бурого дыма и пламени, в котором совершенно исчезла вся носовая часть броненосца до передней трубы. Взрыв произошел под носовой башней главного калибра, вызвав детонацию боезапаса и торпед в носовых аппаратах. В результате этого через 3 — 4 секунды после первого взрыва произошел еще один взрыв, сопровождающийся массой огня и желто-бурого дыма. Силою этого взрыва была сорвана носовая башня главного калибра, фок-мачта, передняя труба и часть кожуха. При этом мачта и сорванная труба всей своей тяжестью рухнули на развороченный мостик. Резко накренившись на правый борт, «Петропавловск» стал стремительно уходить носом в воду. Когда столб дыма и пламени несколько поднялся вверх, вся носовая часть броненосца, мостик и корпус почти до миделя были уже под водой. Поднятая над водой, объятая пламенем корма «Петропавловска» быстро уходила в воду. В это время произошел третий взрыв, который был значительно слабее двух предыдущих. По-видимому, это был взрыв котлов, поскольку вслед за взрывом показалось густое облако пара. Машины «Петропавловска» продолжали еще работать. Выскочившие наружу винты рассекали воздух, калеча и убивая тех немногих из экипажа броненосца, которым удалось выскочить наверх и попытаться броситься за борт с кормы. Через 1,5 — 2 минуты после взрыва «Петропавловск» уже скрылся под водой, оставив после себя медленно расплывающееся в воздухе облако бурого дыма и черное пятнышко на воде с несколькими десятками людей, хватающихся за обломки и барахтающихся в водовороте. Все произошло столь стремительно, что первое мгновение никто на эскадре не понял случившегося. Эскадра остановилась. Очевидец катастрофы, старший офицер крейсера «Диана» капитан 2-го ранга Семенов вспоминает: «... Стоя у правой шестидюймовки носового плутонга, я отдавал обычные распоряжения старшему

боцману, когда глухой, раскатистый удар заставил вздрогнуть не только меня, но и весь крейсер. Словно где-то близко хватили из двенадцатидюймовки. Я с недоумением оглянулся... Удар повторился еще грознее... Что такое?... — «Петропавловск!»! «Петропавловск!»! — как-то жалобно и беспомощно раздалось кругом разрозненные, испуганные восклицания, заставившие меня сразу броситься к борту в предчувствии чего-то ужасного... Я увидел гигантское облако бурого дыма и в нем как-то нелепо, наклонно, повисшую в воздухе, не то летящую, не то падающую фок-мачту... Третий удар... Клубы белого пара, заслонившие бурый дым... Котлы! Корма броненосца вдруг стала подниматься так резко и круто, точно он тонул не носом, а переломившись посередине. На мгновение в воздухе мелькнули еще работавшие винты... Мне казалось, что эта, единственно видимая за тучей дыма и пара, кормовая часть «Петропавловска» вдруг словно раскрылась, и какой-то ураган пламени хлынул из нее, как из кратера вулкана... Даже несколько мгновений после того, как скрылись под водой остатки броненосца, море еще выбрасывало это пламя...» Следовавший за «Петропавловском» броненосец «Полтава» резко дал «полный назад». С его палубы вместе с сотней других членов экипажа с ужасом наблюдал за катастрофой лейтенант Ренгартен: «Воздух задрожал от громового, раскатистого звука взрыва. Необъятная масса дыма и воды закрыла всю переднюю часть броненосца — трубы и мачты исчезли куда-то. С неумолимой, потрясающей быстротой погибал огромный корабль, уходя носом в воду... погибал на наших глазах, унося жизни 700 человек, и было дико, мучительно страшно, что уже никакая сила не удержит его...»

«На устах у всех был один вопрос: адмирал! Бога ради, где адмирал?! Спасли его или нет?!»

Опомнившись от шока, экипаж минного крейсера «Гайдамак», который в момент катастрофы находился ближе всех к «Петропавловску», начал спускать шлюпки. В воду полетели спасательные круги и койки. Через 4 минуты к месту гибели флагмана подошли шлюпки с «Полтавы», а затем и с других кораблей эскадры. Спасение людей было крайне затруднено очень сильной зыбью, которой захлестнуло паровой катер с «Полтавы». Тысячи

настороженных глаз следили за сигналами, ожидая сообщения о спасении адмирала Макарова. Минный крейсер «Гайдамак» обнаружил в воде и поднял на борт шинель адмирала, но самого его не нашли. Спасенный с «Петропавловска» мичман Яковлев рассказал, как в его памяти осталось впечатление, что адмирал Макаров в момент первого взрыва обеими руками закрыл лицо. Было ли это следствием невыносимой боли от ожога или безмерного отчаяния Макарова, понявшего, что произошло — неизвестно. Сигнальщик Бочков также заявил, что видел адмирала Макарова, лежащего убитым на мостике. Лицо и борода его были в крови. Другой сигнальщик Натанов подтвердил, что видел, как убило адмирала, и тот упал на крыло мостика. В командование эскадрой вступил младший флагман, контр-адмирал князь Ухтомский, поднявший на «Пересвете» сигнал о перестроении эскадры. В момент перестроения на другой минной банке в 10:10 подорвался броненосец «Победа». На эскадре началась паника, «строй спутался... корабли сбились в кучу, со всех сторон загрели выстрелы. Среди беспорядочно столпившихся кораблей вздымались столбы воды от падающих снарядов... Творилось что-то невообразимое... Крики: «Конец пришел! Подводные лодки! Всем пропадать! Стреляй! Спасайся» — перекрывали грохот канонады. Обезумевшие люди вытаскивали койки из помещений, отнимали друг у друга спасательные пояса. «Огонь велся по любому плавающему предмету, убивая еще находящихся в воде людей. Паника на кораблях передалась на берег. Толпы людей бежали к порту, раздавались крики, ругань, рыдания...» Никогда, ни до того, ни после, — записал в своем дневнике капитан 2-го ранга Семенов, — в самых тяжелых условиях войны, не приходилось переживать такого чувства подавленности, такого гнета неотразимого сознания непоправимости разразившегося удара...»

Недостаточно продуманные действия адмирала Макарова дорого обошлись эскадре: один броненосец погиб, второй получил серьезные повреждения. Могло быть, конечно, и хуже. Выведя корабли на минное заграждение противника, Макаров рисковал всем флотом. Катастрофа «Петропавловска» могла завершиться полным разгромом 1-й Тихоокеанской эскадры, если бы на минах

подорвались другие корабли и действующий японцы хоть немного активнее. Однако противник, не двигаясь, продолжал стоять на горизонте.

На «Петропавловске» погибли командующий флотом вице-адмирал Макаров, начальник штаба флота контр-адмирал Молас, начальник военного отдела штаба флота профессор академии Генштаба полковник Агапеев, соратник Макарова, бывший командир ледокола «Ермак» капитан 2-го ранга Васильев, флагманский минер капитан 2-го ранга Шульц, флагманский артиллерист капитан 2-го ранга Мякишев, прибывший из Шанхая командир канлодки «Манджур» капитан 2-го ранга Кроун, флагманский штурман подполковник Коробицын, флаг-офицеры: лейтенант Дукельский, лейтенант Кубе и мичман Бурачек. Из экипажа броненосца: лейтенанты Лодыгин, Вульф, Кнорринг, мичманы Акимов, Клебек, Окунев, Лепешкин, Шишко, Бодиско, Шмидт, инженер-механики Перковский, Сейпель, Смирнов, корабельные врачи Волкович и Костромитинов, священник Раевский, военные чиновники Шмидт и Ладонов и 620 матросов. Кроме того, на «Петропавловске» погиб выдающийся русский художник В. В. Верещагин, находившийся там по приглашению адмирала Макарова. (В то время в Порт-Артуре находился еще один талантливый русский художник Кравченко. Он также пытался добиться разрешения выйти в то утро в море на борту «Петропавловска». Адмирал Макаров отказал ему в этом, указав, что гражданскому лицу не место на военном корабле. Разочарованный Кравченко заметил Макарову, что почему для Верещагина сделано исключение. «Василий Васильевич, — отрезал адмирал, — мой личный друг и Георгиевский кавалер». Весьма расстроенный Кравченко изменил свои планы и отправился утром на батарею Золотой Горы, намереваясь сфотографировать ее личный состав, отличившийся в недавнем бою. Ему удалось сделать с Золотой Горы несколько уникальных фотоснимков гибели «Петропавловска».)

Среди спасенных были начальник военно-морского отдела штаба флота капитан 2-го ранга великий князь Кирилл Владимирович Романов — двоюродный брат царя, командир броненосца капитан 1-го ранга Яковлев, лей-

тенанты Унковский и Иениш, мичманы Шмидт, Яковлев и Шлиппе, а также 73 матроса.

Гибель броненосца «Петропавловск», безусловно, выходит за рамки гибели одиночного корабля при выполнении боевой операции. Не говоря уже о гибели фактически всего штаба и флагманских специалистов, огромного количества документации и архива эскадры, флот мгновенно оказался без боевого, энергичного, агрессивного командующего, без ясного стратегического плана и без руководства. Создававшаяся после гибели «Петропавловска» обстановка уже делала невозможным выполнение широких замыслов адмирала Макарова. То, что до гибели «Петропавловска» признавалось выполнимым, после гибели уже считалось безумием.

Эскадренный броненосец «Петропавловск» был исключен из списков Русского Флота 7 мая 1904 года.

Корабль находился в строю 4 года.

После войны по просьбе Русского правительства японцы предприняли водолазные работы на «Петропавловске» в надежде найти трупы Макарова и Верещагина. Водолазам удалось обнаружить и опознать в кормовой части погибшего корабля труп адмирала Моласа и некоторых других офицеров. Однако ни Макарова, ни Верещагина обнаружить не удалось.

Командиры эскадренного броненосца «Петропавловск» 1892 — 1904 гг.

1892 — 1896 гг. — капитан 1-го ранга Федотов

1896 — 1898 гг. — капитан 2-го ранга Чернышов (и. о.)

1899 — 1902 гг. — капитан 1-го ранга Грече

1902 — 1904 гг. — капитан 1-го ранга Яковлев

Адмиралы, державшие флаг на броненосце «Петропавловск»

1901 — 1902 гг. — вице-адмирал Скрыдлов

1902 — 1904 гг. — вице-адмирал Старк

27. 02 — 31. 03. 1904 — вице-адмирал Макаров

СЕВАСТОПОЛЬ

Севастополь — город в южной части Крымского полуострова, являющийся главной базой Черноморского флота. Во время Крымской войны 1854 — 56 гг. подвергся многомесячной осаде со стороны Союзных сил.

«Севастополь» (ББ-8)

Водоизмещение: 10960 т

Главные размерения: 114х21, 3х7,9м

Скорость максимальная: 15 узлов

Вооружение: четыре 12-дюймовых орудия в башнях, двенадцать 6-дюймовых орудий (8 в четырех двухорудийных башнях и 4 в казематах), двенадцать 47-мм, двадцать восемь 37-мм орудий, 2 десантные пушки, 4 надводных и 2 подводных ТА

Мощность механизмов: 10600 л. с.

Бронирование: Борта — 229 — 369 мм

Казематы — 127 мм

Башни — 254 мм

Палуба — 51 — 76 мм

Боевая рубка — 178 — 229 мм

Экипаж (штатный): 26 офицеров и 625 матросов

Тип: «Полтава»

Эскадренный броненосец «Севастополь» был заложен 22 марта 1892 г. в большом старом эллинге Галерного острова в С.-Петербурге. Строительство корабля велось в рамках изменений 1890 года кораблестроительной программы 1881 года. Постройкой броненосца руководили корабельные инженеры Е. П. Андрущенко и Н. И. Афанасьев. Работы на «Севастополе» финансировались средствами Петербургского порта. В отличие от других броненосцев этой серии, машины «Севастополя» не были заказаны за границей, а изготовлялись Обществом франко-русских заводов в Петербурге. Артиллерия корабля была заказана Обуховскому заводу, а башенные установки и броня — Металлическому заводу. Другими словами, эскадренный броненосец «Севастополь» полностью создавался в России.

Последнее обстоятельство сразу же привело к тому, что «Севастополь» простоял на стапеле на 7 месяцев дольше остальных броненосцев своего типа, с которыми был заложен почти одновременно.

20 мая 1895 года эскадренный броненосец «Севастополь» был спущен на воду. После спуска выяснилось, что машина броненосца, которая стоила почти вдвое больше обычного, собрана неправильно и существенно ее переделать возможности нет. Переделки в машине и, как обычно, опоздания с поставками необходимого оборудования, сильно замедлили достройку «Севастополя». До октября 1898 года корабль провёл у стенки завода в Петербурге, а затем был переведен в Кронштадт еще без брони и артиллерии. Достроечные работы на «Севастополе» продолжались до осени 1899 года, после чего броненосец был переведен в Либаву, где провёл зиму 1899 — 1900 гг., готовясь к испытаниям и окончательно отделывая внутренние помещения. Летом 1900 г. корабль проводил сдаточные испытания в Балтийском море, провёл учебные стрельбы и отработал различные прочие задачи боевой подготовки. В процессе сдаточных испытаний выяснилось, что из-за дефектной сборки машины правого борта броненосец способен развить скорость только 14,5

узлов, при этом плохо слушается руля, особенно на циркуляциях. Все это ставило под сомнение целесообразность посылки броненосца на Дальний Восток. Однако необходимость усиления эскадры Тихого океана была столь острой, что все дебаты на этот счет были прерваны категорическим приказом царя. 15 июля 1900 года эскадренный броненосец «Севастополь» вступил в строй под командованием капитана 1-го ранга Мельницкого. (Стоимость постройки — 10450270 р., машина — 1961000 р. Таким образом, броненосец «Севастополь», будучи самым дорогим кораблем своей серии, был одновременно и самым плохим в техническом отношении.)

Эскадренный броненосец «Севастополь» был зачислен в 15-й флотский экипаж.

Первоначально предполагалось послать «Севастополь» в переход на Тихий океан совместно с броненосцем «Полтава», однако в связи с необходимостью совершить небольшой ремонт в машине «Севастополь» был задержан в Кронштадте, откуда вскоре перешел в Либаву для окончательного ремонта и приема необходимых припасов для дальнего плавания.

10 октября 1900 года эскадренный броненосец «Севастополь» вышел из Ливавы, начав переход на Дальний Восток.

Посетив по дороге Брест и Кадикс, «Севастополь» в конце ноября прибыл в Алжир, где соединился с броненосцем «Полтава». В декабре оба броненосца перешли в Пирей, а затем через Суэцкий канал вышли в Индийский океан. В январе 1901 года броненосцы пришли в Аден, откуда после короткой стоянки направились в Коломбо. 26 февраля «Севастополь» и «Полтава» пришли в Сабанг, откуда «Севастополь» один направился в Нагасаки для ремонта машин.

31 марта 1901 года эскадренный броненосец «Севастополь» прибыл в Порт-Артур, войдя в состав эскадры Тихого океана. Апрель — июль 1901 года «Севастополь» провел в Порт-Артуре, а в августе совершил переход во Владивосток, вернувшись в Порт-Артур в октябре для подготовки к крупным учениям. В ноябре 1901 года «Севастополь» принял участие в крупных общесфлотских маневрах в Талиенваньской бухте, а в декабре был выведен

в вооруженный резерв в Порт-Артуре. С декабря 1901 по апрель 1902 года «Севастополь» находился в вооруженном резерве, начав кампанию в середине мая. После смотра эскадры в Талиенваньской бухте «Севастополь» вышел во Владивосток, посетив по пути Йокогаму. Июль и август 1902 года броненосец провел во Владивостоке, откуда вышел в сентябре 1902 года совместно с броненосцами «Пересвет» и «Полтава». Посетив по дороге корейский порт Гензан, броненосцы сосредоточились в Талиенваньской бухте, где в октябре 1902 года состоялись очередные учения эскадры Тихого океана, главной целью которых был срыв японских перевозок в Корею в случае войны. После окончания учений «Севастополь» был выведен в вооруженный резерв в Порт-Артуре, в котором оставался до марта 1903 года, после чего принял участие в учениях и смотрах по случаю приезда в Порт-Артур военного министра, генерала Куропаткина. Вместе со всей эскадрой «Севастополь» совершил переход в Дальний, а затем во Владивосток, где в августе был снова выведен в вооруженный резерв. В конце сентября 1903 года броненосец вернулся в Порт-Артур, нуждаясь в переборке обеих машин и в ремонте башенных установок орудий главного калибра. Ремонт корабля шел медленно из-за нехватки производственных мощностей Порт-Артурского порта, так что с сентября по декабрь 1903 года «Севастополь» числился в вооруженном резерве. (В конце ноября 1903 года с броненосца «Севастополь» была отправлена в Сеул для охраны русского посольства рота матросов в составе 55 человек под командованием лейтенанта Климова. Став свидетелями всех драматических событий в Чемульпо, «севастопольцы» вместе с командами «Варяга» и «Корейца», персоналом посольства и казаками были на борту французского крейсера «Паскаль» доставлены в Шанхай, где и интернированы до конца войны.)

18 января 1904 года «Севастополь», исполняя приказ заместника, поднял вымпел, однако ремонт на нем был еще далеко не закончен. Оставалось еще много работы в машине ЛБ и в обеих башнях главного калибра. В силу этих причин «Севастополь» не участвовал в походе эскадры к Шантунгу, оставаясь в Артуре и продолжая ремонт. 23 января 1904 года эскадренный броненосец

«Севастополь», окончив ремонт, вышел на внешний рейд Порт-Артура и начал испытания машин. Около 18:00 «Севастополь» вернулся на рейд, встав на свое якорное место (№ 3), и поднял сигнал: «Левая машина работает хорошо, все исправно, проба машин окончена».

Став на свое якорное место по диспозиции, броненосец «Севастополь» имел по носу броненосец «Ретвизан», с правого борта — броненосец «Полтаву» и канонерскую лодку «Гиляк», а с левого борта гораздо мористее — броненосец «Цесаревич». За кормой «Севастополя», примерно в 20 кабельтовых находился берег.

Напряженная обстановка, характерная для второй половины января, распространившиеся по эскадре слухи, подтвержденные повальным бегством японцев из Порт-Артура, и указания командования о повышении боевой готовности — все это привело к тому, что в ночь на 26 января командир «Севастополя» капитан 1-го ранга Чернышев по собственной инициативе выставил на корабле противоторпедные сети. Однако, как и на «Полтаве», сети пришлось снять после категорического приказа командующего эскадрой.

Взрывы японских торпед, подорвавших три корабля эскадры, были слышны на «Севастополе», но на нем, как и на большинстве других кораблей, далеко не сразу поняли, что случилось. После получения сигнала с «Петропавловска» «Севастополь» выслал на помощь «Ретвизану» шлюпки и только что разгруженную угольную баржу.

Утром 27 января при появлении японского флота перед Порт-Артуром броненосец «Севастополь» еще снимался с якоря, когда противник уже открыл огонь. Следуя за «Петропавловском», «Севастополь» открыл огонь из носовых 12" орудий фугасными снарядами. В 11:45 броненосец развил полный ход, держась постоянно на расстоянии кабельтова от переднего мателота, которым сначала был броненосец «Пересвет», а затем — «Полтава». «Севастополь» вел огонь сначала по головному, а затем по концевому кораблю противника, израсходовав 10 — 12" и 62 — 6" снаряда. В процессе этого боя в «Севастополь» попал один 8" снаряд, которым разнесло кормовую дымовую трубу и разбило вельбот. При этом были

легко ранены мичман Петров и 2 матроса. После окончания боя, при перестроении эскадры плохо слушавшийся руля «Севастополь» таранил «Полтаву». В результате столкновения сам «Севастополь» повреждений не получил (см. «Полтава»).

После боя 27 января «Севастополь» вместе с другими кораблями эскадры укрылся на внутреннем рейде Порт-Артура, и его боевая деятельность в этот период ограничилась посылкой небольшого десанта в распоряжение командования крепости для патрулирования побережья. Характерно, что в отличие от большинства других командиров кораблей, командир «Севастополя» не получил награды за бой 27 января в связи со столкновением с «Полтавой», хотя в этом не столько вина командира, сколько строителей «Севастополя».

Приезд адмирала Макарова в Порт-Артур ознаменовался бомбардировкой рейда и крепости японским флотом. Бомбардировка существенных повреждений не причинила, но в ходе ее один крупный снаряд попал в левый борт «Севастополя». Этот снаряд не смог пробить броню и никаких повреждений не причинил.

27 февраля 1904 года эскадра под флагом адмирала Макарова впервые после начала войны предприняла выход в море. «Севастополь» вышел на рейд последним в 7 часов утра (выход начался в 04:45) и занял свое место третьим в колонне броненосцев, в кильватер броненосцу «Полтава». Этот выход в море, хотя и продемонстрировал адмиралу Макарову исключительно низкое состояние боевой подготовки личного состава эскадры на всех уровнях, для самой эскадры имел большое значение, подняв боевой дух офицеров и матросов после звонкой оплеухи, полученной от презираемых «япошат» 26 января. На следующий день при появлении японского флота перед Порт-Артуром броненосец «Севастополь» вместе со всей эскадрой вышел на внешний рейд в «малую» воду, т. е. до полного прилива, что еще более подняло боевой дух эскадры, поскольку ранее этого никогда не удавалось сделать. В этот же день была успешно отражена попытка японского флота бомбардировать Порт-Артур перекидным огнем из-за Ляотешаня. По мере того, как повышалась активность русской эскадры, японский флот

с каждым днем действовал все менее решительно, перенося основной упор на ночные операции брандеров-заградителей. 13 марта 1904 года Макаров вывел эскадру в поход к островам Мяо-Тао, предполагая заняться эскадренными эволюциями и одновременно, впервые за всю войну, потревожить тактические линии японских морских коммуникаций. Эскадренный броненосец «Севастополь» вышел на рейд последним из всех кораблей, в 7 часов утра. При подходе к островам Мяо-Тао, пока русские крейсера проверяли перехваченные торговые суда, адмирал Макаров начал эскадренные учения, обращая особое внимание на практику совместного плавания. Броненосцы маневрировали, постоянно меняя курсы и скорость, отрабатывая последовательные повороты и повороты «все вдруг». При выполнении очередного маневра, в 09:45, броненосец «Пересвет», следуя в кильватер за «Севастополем», несколько растянул строй, а затем, желая занять свое место, увеличил ход до полного, не рассчитав движения и ударил тараном под углом 20° в кормовую часть левого борта «Севастополя». Удар согнул левый гребной винт «Севастополя» и произвел подводную пробоину, через которую начала поступать вода, к счастью, быстро остановленная водонепроницаемыми переборками. «Пересвет», в свою очередь, повредил себе форштевень. После столкновения «Севастополь» вышел на некоторое время из строя, но вскоре снова занял свое место в колонне броненосцев. Однако после столкновения двух броненосцев адмирал Макаров решил прекратить поход и вернул эскадру в Порт-Артур, куда она прибыла в 12:30.

Столкновение «Севастополя» и «Пересвета» вызвало сильный гнев адмирала Макарова. Хотя совершенно очевидно, что в столкновении был виноват «Пересвет», от командования был отстранен командир «Севастополя» капитан 1-го ранга Чернышев, который, по-видимому, слишком горячо отстаивал свою правоту. Известную роль в этом, безусловно, сыграла и интрига между Макаровым и адмиралом Алексеевым, которые желали видеть на посту командиров кораблей своих протеже. 16 марта 1904 года командиром броненосца «Севастополь» был назначен бывший командир крейсера «Новик» капитан

2-го ранга Николай Оттович Эссен — впоследствии один из наиболее выдающихся адмиралов Русского Флота, командующий Балтийским флотом, который приложил невероятные усилия, чтобы заставить русских моряков опомниться от страшного шока русско-японской войны. Капитан 2-го ранга Эссен уже был известен как храбрый и даже несколько беспашашный командир быстроходного, легкого крейсера, однако настоящую славу, которая предопределила будущую судьбу этого замечательного офицера, ему принесло командование тихоходным, неуклюжим и искалеченным «Севастополем». «Признаться, — пишет в своих воспоминаниях Эссен, — принимать броненосец, притом еще в достаточной степени искалеченный, мне было далеко не по сердцу».

Дефектная сборка машин «Севастополя» и повреждение гребного винта от столкновения с «Пересветом» привели к тому, что броненосец мог теперь развить скорость не более 10 узлов. Однако адмирал Макаров решил не выводить «Севастополь» из строя для ремонта до ввода в строй «Цесаревича» и «Ретвизана», предполагая затем поставить «Севастополь» на длительный капитальный ремонт, т. е. фактически исключить его из боевых действий.

В роковой день, 31 марта 1904 года, броненосец «Севастополь» долго не мог выполнить приказ о выходе на внешний рейд из-за сильного ветра, мешавшего ему развернуться носом к проходу. Только в 09:30 с помощью семи портовых буксиров «Севастополь» начал выходить на внешний рейд. В тот момент, когда «Севастополь» показался в проходе, произошла катастрофа с «Петропавловском». Последний сигнал, набранный флагами по приказу адмирала Макарова, который не успели поднять на «Петропавловске» — «Севастополю» встать на якорь».

После гибели адмирала Макарова командование эскадрой принял наместник царя на Дальнем Востоке адмирал Алексеев. Прибытие в Порт-Артур нового командующего совпало с третьей бомбардировкой японцами крепости перекидным огнем через Ляотешань. В 08:30 временно командующий эскадрой контр-адмирал князь Ухтомский поднял сигнал: «Приготовиться к бою на якоре». Броненосец «Севастополь», стоя у северной стенки

Восточного бассейна на швартовых, открыл огонь из орудий главного калибра, руководствуясь указаниями корректировочного поста. Первый залп «Севастополя» лег недолетом, второй — также недолетом, поскольку артиллерийские дальнометры броненосца системы Барра и Струда были рассчитаны на расстояние 70 кабельтовых, а корабли противника находились на дистанции 110 кабельтовых. Третий залп «Севастополя», данный при угле возвышения орудий 15° лег с еще большим недолетом, разорвавшись на рейде и засыпав осколками Тигровый полуостров и стоящие около него собственные корабли. При этом сломался станок одного 12" орудия носовой башни главного калибра, так как при откате орудия увеличившимся давлением сломало контр-шток компрессора. В результате этого орудие ударилось о заднее связанное кольцо станка, сорвав с болтов накатники и переломив фундаментную раму. Исправить повреждение в Порт-Артуре было невозможно. В дополнение ко всем своим бедам несчастный корабль лишился одного (из четырех) орудия главного калибра.

На следующий день, 3 апреля 1904 года, на броненосце «Севастополь» поднял свой флаг принявший командование эскадрой наместник царя на Дальнем Востоке адмирал Е. И. Алексеев. В связи с гибелью практически всего штаба флота на «Петропавловске», адмирал Алексеев сформировал новый штаб во главе с контр-адмиралом Витгефтом. Среди прочих мероприятий, идущих в разрез с планами покойного адмирала Макарова, новое руководство флотом решило отремонтировать броненосец «Севастополь», у которого был погнут винт и не действовало одно 12" орудие в носовой башне. Для исправления винта был построен специальный кессон-колокол, а в Петербурге был заказан новый станок для 12" орудия. Исправление винта было завершено к 15 мая, а о новом орудийном станке из Петербурга пришлось забыть, поскольку 23 апреля японцы начали высадку десанта в Бидзюво и развернули боевые действия, с тем чтобы блокировать Порт-Артур с суши. В предвидении этого адмирал Алексеев получил приказ царя срочно выехать из Порт-Артура, что он и сделал, временно до прибытия адмирала Скрыдлова из Севастополя передав командова-

ние эскадрой своему начальнику штаба контр-адмиралу Витгефту, флаг которого был поднят на «Севастополе» 22 апреля 1904 г. Как командир флагманского корабля капитан 2-го ранга Эссен одновременно начал исполнять обязанности флаг-капитана командующего и был произведен в капитаны 1-го ранга.

Оставаясь флагманским кораблем эскадры, «Севастополь» стал местом наиболее важных совещаний, на которых совместно с представителями армии обсуждались новые задачи флота в свете изменившейся стратегической обстановки. 22 апреля на «Севастополе» состоялось совещание флагманов и командиров, на котором, помимо прочих решений, было принято решение послать минный заградитель «Амур» для постановки мин на пути блокирующего Порт-Артур японского флота. 1 мая 1904 г. в 14: 25 на мачте броненосца «Севастополь» взвился сигнал: «Амуру» идти по назначению. Идти осторожно». (На выставленных «Амуром» минах 2 мая подорвались и погибли японские броненосцы «Хатцузе» и «Яшима», что было фактически единственным светлым пятном на мрачном фоне поражений и неудач этой войны. Тут необходимо заметить, к слову, что считавшийся крупным минным специалистом адмирал Макаров так ни разу толком не использовал находящийся в его распоряжении прекрасный минный заградитель, каким был «Амур», а «нерешительный и безвольный» штабист Витгефт в первый же день своего командования принял решение, которое при благоприятных обстоятельствах могло бы изменить весь ход войны.)

2 мая 1904 г. в 10:45 на броненосце «Севастополь» был поднят сигнал: «Флот извещается, что японский броненосец взорвался на mine». Как только этот сигнал был разобран, на кораблях и на берегу загремело такое неистовое «ура», что, казалось, прорвалось наружу все нервное напряжение людей, порожденное долгими месяцами постоянных военных неудач. Затем сигналом с «Севастополя» было передано поздравление командиру «Амура» капитану 2-го ранга Иванову. То, что адмирал Витгефт не воспользовался катастрофой японских броненосцев и не добил остатки японского отряда, объясняется прежде всего тем, что гибель японских кораблей была для русских

не менее неожиданным событием, чем для самих японцев. Надо еще не забывать, что из всех русских броненосцев в тот момент в строю находилась только «Полтава», а в японском отряде, кроме крейсеров, находился гораздо более мощный броненосец «Шикишима».

Сама боевая деятельность броненосца «Севастополь» до падения Кинджоу ограничилась посылкой к Дальнему своему катера для постановки мин.

После падения Кинджоу, когда Порт-Артур был отрезан со стороны суши, на броненосце «Севастополь» состоялось несколько совещаний для решения вопроса о дальнейших действиях флота. Вопреки мнению большинства командиров кораблей командир «Севастополя», капитан 1-го ранга Эссен решительно высказался за выход эскадры в море и прорыв из заблокированного Порт-Артура во Владивосток. Поскольку капитан 1-го ранга Эссен занимал пост флаг-капитана командующего, его несогласие с мнением адмирала Витгефта привело к тому, что 25 мая 1904 года Эссен был освобожден от обязанностей флаг-капитана, и командующий перенес свой флаг с «Севастополя» на броненосец «Цесаревич», который к этому времени закончил ремонт.

После перенесения флага броненосец «Севастополь» перешел в Западный бассейн, уступив свое место у стенки Восточного бассейна «Цесаревичу».

Между тем исправление винта на «Севастополе» было окончено, и броненосец на пробе машин показал скорость 14,5 узлов. Для введения противника в заблуждение 12" орудие было установлено в башне на фальшивой станине из деревянных брусьев.

10 июня 1904 года, понукаемый приказами сверху, адмирал Витгефт вывел эскадру в море, надеясь воспользоваться ослаблением японского флота после гибели двух броненосцев и дать генеральное сражение, деблокировав Артур с моря. В 4 часа утра эскадра начала выход на внешний рейд — первый выход после гибели адмирала Макарова. Броненосец «Севастополь» занял свое традиционное место в кильватер «Пересвету», будучи 5-м в колонне броненосцев, имея за кормой броненосец «Полтаву». Выход эскадры проводился очень медленно, что дало возможность адмиралу Того подтянуть силы к Порт-Артуру

и перехватить русских всего в 20 милях от берега. При появлении японского флота адмирал Витгефт не решился принять бой и приказал повернуть обратно в Порт-Артур. С наступлением темноты эскадру атаковали японские миноносцы, отбитые артиллерийским огнем кораблей, причем в рапорте командира «Севастополя» говорится о потоплении одного миноносца противника. Атаки миноносцев противника продолжались и тогда, когда русские корабли прибыли на свои якорные места на внешнем рейде Порт-Артура. При подходе к якорной стоянке в темноте броненосец «Севастополь», не рассчитав скорости, слишком близко подошел к следовавшему впереди «Пересвету» и, чтобы избежать столкновения с ним, вынужден был уклониться влево. При выполнении этого маневра «Севастополь» в 21:35 наскочил на японскую мину. С левого борта у носовой башни главного калибра почувствовался сильный удар, корабль приподняло и громадный столб воды, поднявшись выше мачт, обрушился грязным водопадом на ходовой мостик. «Севастополь» грузно опустился носом и стал крениться на левый борт, откуда-то повалил густой черный дым с удушливым запахом. Среди команды броненосца началась паника. Матросы «Севастополя», бывшие свидетелями катастрофических последствий минных взрывов на «Петропавловске» и «Хатцузе», кинулись спускать шлюпки, расхватывая койки и спасательные пояса. Двое матросов выбросились за борт и позднее были подобраны шлюпками крейсера «Новик». Однако благодаря энергичным и спокойным действиям старшего офицера «Севастополя» капитана 2-го ранга Бахметьева и лейтенантов Бестужева-Рюмина и Василисина панику удалось прекратить. Была сыграна водяная тревога, плавсредства приготовлены к спуску и броненосец, освещая путь прожектором, полным ходом направился к западному берегу рейда, встав на якорь на глубине 6 сажен, подойдя почти вплотную к берегу. При движении к берегу выяснилось, что привод штурвала на мостике заклинило стрелой для спуска шлюпок, которая прижала привод к конусам, показывающим положение руля. Пока это выяснилось, корабль управлялся машинами, а затем управление было передано на боевой штурвал в рулевое отделение при помощи прибора Гейслера.

От взрыва мины начался пожар в погребе 6" башни, а переборка подбашенного отделения башни главного калибра вспучилась под напором воды, грозя прорваться. Затопление подбашенного отделения неминуемо бы привело броненосец к гибели. Все гибельные последствия взрыва мины были предотвращены решительными действиями инженер-механика Белова, который сразу же после взрыва, рискуя жизнью, спустился в наполненное удушливыми газами подбашенное отделение, быстро подкрепив с помощью матросов-добровольцев переборки и люки затопленных отсеков, а затем выровнял крен затоплением бортовых коридоров правого борта. (За этот подвиг инженер-механик Белов был награжден высшей офицерской наградой — орденом Святого Георгия 4-й степени.)

Погасив огни, «Севастополь» встал под берегом в бухте Белого Волка и оставался невидимым для японских миноносцев, которые продолжали атаковать русскую эскадру до рассвета.

Утром 11 июня броненосец «Севастополь» на буксире портовых баркасов вслед за тралящим караваном вошел в гавань Порт-Артура и отшвартовался в Восточном бассейне. После осмотра водолазами подводной части броненосца выяснилось, что корабль получил подводную пробоину ниже броневоего пояса, между 23 и 30 шпангоутами, размером 14 на 12 футов. При этом были затоплены погреб 6" башни, угольная яма № 1 и соответствующие бортовые коридоры. От взрыва пострадали два матроса, отравленные удушливыми газами.

Поскольку в Порт-Артуре не было дока для ремонта броненосцев, снова, который раз за войну, встал вопрос о постройке кессона для ремонта «Севастополя». Однако в связи с трудоемкостью работ по постройке кессона было решено использовать старый кессон, построенный в свое время для ремонта броненосца «Ретвизан», который, правда, необходимо было несколько переделать для подводки под «Севастополь». Между тем японцы, продолжая теснить русские войска, выходили на ближние подступы к Порт-Артуру. Становилось совершенно очевидным, что в случае падения крепость станет могилой флота. Поэтому высшее командование в лице адмирала Алексеева насто-

ательно требовало от командования эскадры прорыва во Владивосток. Командование эскадры, страпась решительного боя с японским флотом, всячески уклонялось от выполнения приказа, ссылаясь на неготовность различных кораблей, в частности «Севастополя». Последовал приказ заместника: «На броненосце «Севастополь» вести работы день и ночь, дабы закончить исправление в кратчайший срок»... «Тотчас по исправлении «Севастополя» выйти в море и... идти во Владивосток». К переделке «ретвизановского» кессона приступили немедленно, но работы двигались медленно и только 25 июня кессон был подведен под «Севастополь». На следующий день, 26 июня, рано утром, в кессоне произошел пожар при срезке ацетиленом рваных краев пробойны. Считается, что вспыхнули частицы пороха, разбросанные при взрыве мины 10 июня. Загорелись трос и парусина, пламя через пробойну перекинулось в жилые помещения, где вспыхнули койки и столы. Пожар был потушен через 35 минут при помощи шлангов, поданных с броненосцев «Цесаревич» и буксира «Силач».

Окончание ремонта «Севастополя» совпало с первой бомбардировкой японцами Порт-Артура с суши. Сбив русские войска с Волчьих гор и установив на склонах этих гор полевую артиллерию, японцы 25 июля открыли огонь по гавани из 120-миллиметровых орудий, добившись попаданий в некоторые корабли. Ответный огонь с кораблей оказался малоэффективным. Необходимость выхода в море стала совершенно очевидной. Адмирал Витгефт назначил выход в море на 27 июля, однако дату выхода пришлось отложить на сутки, так как «Севастополь» не мог к этому времени успеть снять кессон и принять необходимые запасы боевого снаряжения. Весь день и всю ночь 27 июля броненосец «Севастополь» грузил боеприпасы и уголь, а также устанавливал дополнительные орудия, снятые с подорвавшегося на mine крейсера «Баян». Работы велись под огнем японских батарей, обстреливавших город и рейд в течение всего дня.

28 июля 1904 года в 05:00 эскадра начала сосредотачиваться на внешнем рейде, готовясь к прорыву. Эскадренный броненосец «Севастополь», выйдя на рейд в 07:50, в 08:15, подчиняясь приказу с «Цесаревича» занял свое

место в строю в кильватер броненосцу «Пересвет», предпоследним в колонне броненосцев. Из четырех 12-дюймовых орудий на корабле действовало 3, а из 12 шестидюймовых — только 6.

Около полудня русская эскадра была перехвачена японским флотом и началось знаменитое сражение в Желтом море. Броненосец «Севастополь» в 12:15 открыл огонь из орудий главного калибра, а по мере уменьшения дистанции до противника ввел в действие и 6-дюймовые орудия. При первом боевом соприкосновении в «Севастополь» попал только один крупный снаряд, который вдавил одну из плит бортовой брони. Когда японцы около 15:00 зашли под корму русской эскадры, засыпав снарядами концевые корабли «Севастополь» и «Полтаву», 12-дюймовый снаряд с «Севастополя» попал в японский броненосный крейсер «Якумо», нанеся ему значительные повреждения и убив 22 человека.

После того, как сражающиеся эскадры разошлись контркурсами и бой временно прервался, на броненосце «Севастополь» были приняты, передаваемые по линии семафором приказы адмирала Витгефта: «Ночью прожекторами не светить», «Стрелять по головному» и «С заходом солнца следить за адмиралом».

С началом второй фазы боя, броненосец «Севастополь», выполняя приказ командующего, открыл огонь по головному кораблю противника — броненосцу «Микаса». Однако трудность корректировки огня вынудили капитана 1-го ранга Эссена перенести огонь на третий корабль в японской колонне — броненосец «Шикишима» и, пристрелявшись по нему, снова перенести огонь на «Микасу». Японцы, сосредоточив вначале свой огонь на головных кораблях русской эскадры, затем постепенно стали переносить его на концевые. В 17:35 двенадцатидюймовый снаряд попал в левый борт «Севастополя» около 6-дюймовой кормовой башни, которым было выведено из строя все электрооборудование для зарядания орудий этой башни. Снаряды в башню пришлось подавать вручную, что привело к многочисленным жертвам в личном составе. Снаряды продолжали засыпать броненосец, решетя трубы, подбивая орудия и калеча людей. С мостика был сбит дальномер и уничтожен верхний ком-

пас. Пробив борт, крупный снаряд попал в кают-компанию, полностью ее разрушив. Начался пожар. Несколько снарядов разбили фок-мачту, уничтожили и все шлюпки броненосца, и три прожектора. Улетела за борт грот-стенга вместе с антенной беспроволочного телеграфа. Около 18:00 осколки крупного снаряда проникли в боевую рубку, тяжело ранив рулевого и сигнальщика и легко — артиллерийского офицера, лейтенанта Овандера. Из-за повреждения дымовых труб упала тяга, скорость корабля уменьшилась до 12 узлов.

После выхода из строя броненосца «Цесаревич» на «Севастополе» вначале не могли понять в чем дело, но видя, что строй нашей эскадры пришел в полное расстройство, а противник, воспользовавшись этим, открыл по сбившимся в кучу кораблям убийственный огонь, капитан 1-го ранга Эссен в первый момент решил выйти из строя и идти на сближение с противником. Однако от этого пришлось отказаться, так как была выведена из действия одна кочегарка и скорость хода броненосца упала до 10 узлов.

Сигнала о передаче командования контр-адмиралу Ухтомскому на «Севастополе» не заметили, поскольку он был поднят в тот момент, когда на броненосце бушевал сильный пожар, дым от которого окутал мостик, мешая сигнальщикам.

Строй эскадры рассыпался. Не обращая внимания на сигналы младших флагманов, пытающихся навести порядок после гибели адмирала Витгефта, корабли один за другим поворачивали обратно к Порт-Артуру. «Севастополь» также повернул обратно в Порт-Артур. Шедший в сторону флагманский броненосец «Цесаревич» начал понемногу перегонять «Севастополь». Не зная, что командование эскадрой передано контр-адмиралу Ухтомскому, капитан 1-го ранга Эссен попытался семафором запросить у «Цесаревича» разрешения идти во Владивосток самостоятельно, но ответа не получил. Когда уже совсем стемнело, к «Севастополю» подошли крейсер «Паллада» и миноносец «Бойкий». Эссен голосом спросил командира «Паллады», согласен ли он вместе с «Севастополем» следовать во Владивосток. Капитан 1-го ранга Сарнавский ответил, что следует соединиться с эскадрой и идти к Порт-

Артуру. Некоторое время «Севастополь», «Паллада» и «Бойкий» шли вместе. «Цесаревич» скрылся в темноте. Была слышна орудийная канонада и видны вспышки выстрелов в разных направлениях между северо-западной и юго-восточной частью горизонта, главным образом в направлении прорыва «Аскольда» и «Новика». Ночь была темная, но ясная. Не имея компасов, «Севастополь» шел, ориентируясь по полярной звезде. Вскоре начались атаки миноносцев противника, которые совершенно неожиданно выскакивали из темноты, сближаясь с «Севастополем» на дистанцию выстрела из 75-миллиметровых орудий. Уклоняясь от атак, броненосец каждый раз поворачивался к миноносцу кормой и увеличивал ход, не открывая при этом огня, чтобы не быть обнаруженным другими японскими миноносцами. Маневрируя таким образом, «Севастополь» уходил от направленных в него торпед, отбрасывая их струей винтов, но зато потерял в темноте «Палладу» и «Бойкий». Курсы свои броненосец прокладывал таким образом, чтобы идти в Порт-Артур не по прямой линии, а по параллелям и тем самым избежать встреч с миноносцами противника, целые флотилии которых ринулись под прикрытием темноты в атаку на остатки деморализованной и рассеянной русской эскадры. Капитан 1-го ранга Эссен рассчитал ход «Севастополя» таким образом, чтобы быть на меридиане Порт-Артура и в 20 милях от него к 4 часам утра и тем самым уклониться от возможной встречи с противником, который мог выдвинуть свои корабли к островам Мяо-Тао. «Севастополь» плохо слушался руля, постоянно рыскал вправо. Утром, когда рассвело, при осмотре повреждений выяснилось, что несколько стрел сетевого ограждения правого борта упали в воду и бороздили, мешая рулю.

К 4 часам утра «Севастополь» вышел на меридиан Порт-Артура в 15 милях от него и, продвигаясь вперед малым ходом, в 5 часов утра был уже в 11 милях от базы. В начале шестого налетевшей дождевой шквал закрыл горизонт. Когда видимость улучшилась, с «Севастополя» заметили броненосец «Ретвизан», стоявший под берегом в бухте Тахэ. В 06:00 «Севастополь» встал на стап-анкер с перлинем в 5 милях от Порт-Артура и сигналом запросил выслать тралы. Скоро к броненосцу подошли и стали на

якорь крейсер «Паллада», миноносец «Бойкий» и госпитальное судно «Монголия». С моря показались идущие к Ляотешаню в кильватерном строю броненосцы «Победа», «Пересвет» и «Полтава». Из Порт-Артура был выслан тралящий караван, который заведя тралы, взорвал несколько мин в районе стоянки «Севастополя», причем некоторые из них оказались в непосредственной близости от броненосца, а одна взорвалась под самым носом, так что корабль испытал сильное сотрясение всего корпуса. Затем тралящий караван пошел навстречу идущим с моря броненосцам, а с «Севастополем» были оставлены только миноносцы 2-го отряда с заведенными тралами. Когда тралы миноносцев, зацепившись за что-то, оборвались, впереди броненосца осталась только пара портовых катеров с тралами. На рейде было замечено много плавающих мин. Некоторые из них были взорваны и уничтожены огнем с катеров, две пронесло течением перед носом «Севастополя», которому пришлось дать задний ход, чтобы на них не наткнуться. Наконец к 10 часам утра «Севастополь» благополучно добрался до входа в порт и, войдя на внутренний рейд с приспущенным флагом, встал на бочки в Западном бассейне. В сражении 28 июля на «Севастополе» было ранено 2 офицера (лейтенанты Бестужев-Рюмин и Черкасов) и 60 матросов, из которых несколько человек умерло еще до возвращения в Порт-Артур. Лейтенант Бестужев-Рюмин, командуя казематной батареей 6-дюймовых орудий, был тяжело ранен несколькими осколками, когда руководил тушением пожара на батареейной палубе. После перевязки доблестный офицер снова вернулся в строй, не переставая принимать деятельное участие во всех работах, пока «Севастополь» не отшвартовался в гавани. Лейтенант Бестужев-Рюмин, в будущем контр-адмирал, командир отряда судов особого назначения (см. «Полтава» и «Пересвет»).

В ходе боя 28 июля и при отражении атак миноносцев «Севастополь» израсходовал 78 двенадцатидюймовых, 206 шестидюймовых башенных, 117 шестидюймовых казематных и 390 снарядов мелкой артиллерии. Корабль принял некоторое количество воды, главным образом, от разошедшихся в нескольких местах швов обшивки, что было вызвано сотрясением от попадания японских снарядов в бро-

невой пояс. В одной из разбитых шлюпок «Севастополя» был обнаружен неразорвавшийся японский 6-дюймовый снаряд, а на мостике кусок ствола 6-дюймового японского орудия, которое, по-видимому, было оторвано при выстреле и улетело на броненосец вместе со снарядом.

На вернувшихся в Порт-Артур кораблях царило уныние. Война, к которой в ее предвидении никто серьезно не относился, война, которая всем представлялась в виде серии блистательных побед, превратилась для флота в бесконечную череду поражений и неудач, неумолимо ведущих к беспрецедентной в военно-морской истории человечества катастрофе.

После возвращения эскадры в Порт-Артур роль флота была сведена окончательно к нулю. Некогда могучая Тихоокеанская эскадра, которая во всех предвоенных планах быстро и решительно захватывала господство на море, стала не более, чем придатком сухопутной обороны обреченной крепости.

При распределении участков сухопутной обороны между кораблями «Севастополю» была выделена оборона Ляотешаньского хребта с вершинами 218 и 200. Броненосец передал на сухопутный фронт 6 шестидюймовых, одно 210-миллиметровое, шесть 2,5-дюймовых, четыре 37-миллиметровых и три 47-миллиметровых орудия, а также 3 прожектора. Для обслуживания орудий и прожекторов с корабля было списано 123 человека. Одновременно на корабле велись работы по исправлению повреждений, полученных 28 июля, а также выделялись люди и средства на тральные работы.

29 июля 1904 года японские войска развернули наступление на Порт-Артур по всему фронту. В отражении атак противника, в бомбардировке японских сухопутных батарей, тылов и обозов приняли участие все броненосцы эскадры. «Севастополь», выполняя заявки сухопутного командования, вел огонь по позициям противника 30 июля, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 8 и 9 августа, выпустив за этот период в общей сложности двадцать четыре 12-дюймовых и сто четыре 6-дюймовых снаряда. В отражении августовского штурма приняла участие десантная рота броненосца «Севастополь» в составе мичманов Петрова и Бухэ и 280 матросов.

9 августа броненосец «Севастополь» получил приказ выйти в море и подавить японскую батарею в бухте Тахэ, которая своим огнем беспокоила правый фланг сухопутной армии и мешала работе тралящего каравана. Для точного определения места этой батареи капитан 1-го ранга Эссен предварительно вышел в море на миноносце «Расторопный». 10 августа 1904 года в 08:55, дождавшись подной воды, «Севастополь» начал выходить из гавани, имея на борту лишь 300 человек экипажа. Уже 320 матросов и офицеров броненосца находились на сухопутном фронте. В виду малочисленности экипажа, а также с учетом того, что предстоящий поход должен был проводиться в водах, где противник постоянно выставлял мины, к орудиям были заблаговременно поданы снаряды, а все погреба тщательно задраены. К люкам и дверям были поставлены дополнительные упоры. Для эскортирования и обеспечения действий «Севастополя» вместе с ним на бомбардировку батареи противника были посланы миноносцы «Выносливый», «Властный», «Стройный», «Скорый», «Разящий», «Смелый», «Статный», «Сторожевой» и «Расторопный». От содействия канонерских лодок капитан 1-го ранга Эссен отказался. Выйдя из Гавани, «Севастополь» встал на рейде в ожидании тралящего каравана, который несколько задержался, буксируя вытраленные утром мины к бухте Белого Волка. Не дождавшись тралящего каравана, капитан 1-го ранга Эссен приказал 4 миноносцам сопровождения идти с тралом впереди «Севастополя» по направлению к бухте Тахэ. Броненосец двинулся малым ходом за тралом, держа в 1,5 милях от берега, прокладывая курс между берегом и границей минного заграждения, которое по имеющимся сведениям было выставлено японцами предыдущей ночью. За кормой «Севастополя» два миноносца отмечали буйками протраленный фарватер, а один миноносец был послан в бухту Белого Волка для передачи приказа тралящему каравану немедленно идти к бухте Тахэ для обеспечения возвращения броненосца в гавань после окончания операции. Сразу же после выхода «Севастополя» на рейд на горизонте появился отряд японских кораблей в составе старого броненосца «Чин-Йен», броненосных крейсеров «Ниссин» и «Кассуга», легких крейсеров «Сума» и «Мацусима», двух канонерок и 28 миноносцев. Противник от-

крыл огонь по «Севастополю» с дистанции 9 миль, причем их снаряды давали даже перелеты, в то время как орудия «Севастополя», стрелявшие только на 7,5 миль, отвечать на огонь противника не могли. Именно это побудило капитана 1-го ранга Эссена начать движение, не ожидая тралящего каравана. С началом движения «Севастополя» корабли противника отошли, видимо, полагая, что вслед за «Севастополем» в море выйдут и другие броненосцы эскадры. В 10:50 «Севастополь» вышел на огневую позицию в бухте Тахэ. Миноносцы сопровождения открыли огонь по берегу, чем вызвали ответный огонь японских батарей, что позволило более точно засечь их место. При ответном огне батарей в «Севастополь» попал один 120-миллиметровый снаряд, но не пробив палубной брони, разорвался наверху, не причинив никаких повреждений. В 10:58 броненосец «Севастополь» с дистанции 35 кабельтовых открыл огонь по японским батареям из 12-дюймовых и 6-дюймовых орудий, выпустив 7 двенадцатидюймовых и 60 шестидюймовых снарядов. Одна батарея противника, состоявшая из десяти 120-миллиметровых орудий быстро была подавлена и замолчала. Пока «Севастополь» вел огонь по береговой батарее, на него несколько раз пытались выйти в атаку японские миноносцы, но были отогнаны огнем орудий правого борта. В это время броненосные крейсера «Ниссин» и «Кассуга» снова сблизилась с «Севастополем» и открыли огонь с дистанции 75 кабельтовых, взяв броненосец в артиллерийскую вилку. В этой обстановке капитан 1-го ранга Эссен принял решение вернуться в Порт-Артур под защиту береговых батарей крепости. При повороте на обратный курс в 11:20 у миноносцев, идущих впереди «Севастополя», лопнули тралы и в непосредственной близости от борта «Севастополя» прошли поплавки тралов с плавающей посреди них огромной сфероконической миной. Мина была расстреляна огнем 47-миллиметрового орудия броненосца и взорвалась, подняв огромный столб воды и черного дыма, засыпав корабль осколками. Пока миноносцы заводили новые тралы, «Севастополь» пытался развернуться машинами, по возможности на месте, чтобы вернуться к Порт-Артуру по обозначенному буйками фарватеру. В этот момент из бухты Белого Волка появился тралящий караван, который, не дойдя метров 500 до «Се-

востополя», развернулся и пошел к Порт-Артуру, предлагая броненосцу следовать в своей струе. Продолжая вести огонь по берегу и по кораблям противника, «Севастополь» двигался обратно в гавань по протраленному фарватеру, буйки которого оказались снесенными с места сильным прибрежным течением. В 11:45, находясь в 1,5 милях к югу от Крестовой батареи, броненосец «Севастополь» левой скулой коснулся японской мины. Взрыв пришелся под носовой башней главного калибра, подняв столб воды и был выше клотика фор-стенги. Броненосец грузно сел носом и стал валиться на левый борт. Решительными действиями дивизиона борьбы за живучесть крен броненосца удалось остановить. Вода, затопив 5 отсеков, в том числе погреб 12-дюймовых снарядов и 2 угольные ямы, была остановлена водонепроницаемыми переборками. Экипаж, помнящий о взрыве 10 июня, вел себя спокойно, никаких признаков паники не было. Стараясь как можно точнее держаться в струе тралящего каравана, чтобы не наскочить еще на одну мину, «Севастополь» пришел на внешний рейд Порт-Артура, куда на помощь ему были присланы портовые буксиры. Пришлось снова стать на якорь, поскольку в тралах каравана взорвалось еще несколько мин и необходимо было завести новые тралы. Остановкой «Севастополя» и скоплением около него нескольких малых судов воспользовались японские крейсера, открыв огонь с дистанции 80 кабельтовых. К счастью, бездействовали миноносцы противника. Под огнем противника, не причинившем, впрочем, никакого вреда, «Севастополь» в 12:40 снялся с якоря и пошел в гавань вслед за тралящим караваном, причем уже в самом проходе в тралах взорвалась еще одна мина. (Вот он наш приоритет в использовании минного оружия!!)

В 13:50 «Севастополь» был введен в гавань и встал на бочку в Западном бассейне. Осмотр водолазами повреждений показал, что полученная кораблем пробоина находится очень близко от прежней, полученной 10 июня. На следующий день начались работы по перестройке старого кессона. Броненосец снова надолго вышел из строя. Адмирал Н. О. Эссен позднее писал: «Я был очень удручен всем случившимся. Только два месяца прошло после получения броненосцем первой пробоины. Сколько было потрачено труда и забот для исправления... и вот пред-

стоял снова тяжелый труд с перспективой работать под огнем противника во время бомбардировок... Пробойна оказалась несколько глубже и ближе к корме, нежели первая, и по величине значительно больше, причем вместимость подводной части корабля доходила до самого киля».

Командующий эскадрой не разрешил сразу приступить к исправлению повреждений броненосца, поскольку предпринятый японцами штурм требовал постоянной артиллерийской поддержки кораблями сухопутной обороны крепости. «Севастополь» был переведен в Восточный бассейн, откуда своим огнем поддерживал правый фланг сухопутной армии. Старый, переделанный в свое время «ретвизановский» кессон был доставлен на Тигровый полуостров, куда еще не залетали снаряды противника, и начались работы по его новой перестройке. Чтобы обеспечить безопасность корабля от бомбардировок с суши, палуба «Севастополя» была блиндирована мешками с углем и полудюймовыми листами корабельной стали. В отражении августовских штурмов получила боевое крещение на сухопутном фронте рота «севастопольцев» под командованием мичмана Василия Петрова, оборонявшая редут № 1. 21 августа в палубу юта «Севастополя» попал 120-миллиметровый снаряд, тяжело ранил одного матроса, но не пробил блиндированной палубы.

24 августа под «Севастополь» был подведен кессон и начались работы по вводу броненосца в строй. Для этой цели корабль снова был переведен в Западный бассейн, где большая в сравнении с Восточным глубина позволила вести работы независимо от высокой или малой воды. Однако пребывание «Севастополя» в Западном бассейне было прервано усилившимися бомбардировками рейда, интенсивность которых резко возросла после захвата противником 7 сентября Длинной горы, откуда просматривалась часть Западного бассейна. В течение двух дней, 15 и 16 сентября, в броненосец попало семь 120-миллиметровых снарядов, что вынудило перевести корабль в ночь с 16 на 17 сентября обратно в Восточный бассейн. 18 сентября 12-дюймовое орудие «Севастополя», у которого был поврежден станок, было передано на броненосец «Полтава» для замены вышедшего из строя.

19 сентября 1904 года на Порт-Артур обрушились 11-

дюймовые снаряды японской осадной артиллерии. Огонь велся пока вслепую, корректируемый только засланными в крепость китайцами-лазутчиками. 4 октября первый такой снаряд настиг «Севастополь», попав в палубу перед носовой башней главного калибра, пробив ее в районе ДП и разорвавшись в цепном ящике. В результате была разбита якорь-цепь, повреждена и прогнута батарейная палуба, вмята жилая палуба и разорван бимс. 6 октября в «Севастополь» попало три 11-дюймовых снаряда. Один из них попал в люк над камбузом, пробил два блиндировочных листа, прошел через две палубы, уничтожив электромотор одной из лебедок, и, не разорвавшись, лег в жилой палубе. Два других снаряда ударили в броню правого борта на миделе, в результате чего от разошедшихся броневых плит оказались затопленными водой бортовые коридоры. От сильного сотрясения корабля несколько потек подведенный под пробоину кессон. 11 октября в «Севастополь» попало несколько 120-миллиметровых снарядов, которые, разорвавшись о блиндированную палубу, не нанесли серьезных повреждений. 14 октября 11-дюймовый снаряд попал в мостик «Севастополя» и, разорвавшись, засыпал осколками корабль, пробив в двух местах блиндированную палубу и ранив трех рабочих, выходящих из кессона. Для уменьшения количества попаданий снарядов противника в «Севастополь» капитан 1-го ранга Эссен до начала очередной бомбардировки, а иногда и во время ее, перетягивал корабль на концах вдоль стенки. Не видя «Севастополя», японцы вели огонь по месту, указанному заблаговременно китайцами-разведчиками. Сведения о смене броненосцем места, по-видимому, приходили в японские штабы со значительным опозданием.

Пока на «Севастополе» шли ремонтные работы по заделке минной пробоины, все новые и новые офицеры и матросы броненосцев уходили на форты и батареи сухопутного фронта. Постепенно наращивая ярость атак, японцы медленно, но верно вгрызались в систему обороны Порт-Артура. Порожденная Крымской войной традиция посылать экипажи боевых кораблей в огонь сухопутных сражений при полном бездействии самих кораблей, не претерпела каких-либо изменений через полстолетия в Порт-Артуре, равно как и через полстолетия после Порт-

Артура в годы второй мировой войны. Плохо, а порой совсем необученные сухопутному бою моряки несли большие потери. Отбивая атаку японцев на батарею литера Б, погиб старший офицер броненосца «Севастополь», капитан 2-го ранга Бахметьев. «Севастопольцы» сражались на форту № 111, на укреплении № 2, на Высокой горе и на многих других участках сухопутной обороны. В решительных сражениях за Высокую был смертельно ранен командир «севастопольской» десантной роты, мичман Василий Петров и контужен его помощник, мичман Шнакенбург. Командование десантниками приняли мичман Александров и инженер-механик Лосев.

А между тем оставшийся на «Севастополе» экипаж (менее 100 человек) продолжал ремонтировать свой корабль, выделяться на тральные работы и нести сторожевую службу на катерах в проходе. 24 октября ремонт на «Севастополе» был окончен, и кессон отведен. Корабль снова вошел в строй и включился в бомбардировку японских позиций. 22 ноября после ожесточенных боев пала гора Высокая и начался расстрел стоящих на внутреннем рейде кораблей русской эскадры. Объятые пламенем, они один за другим тонули на мелководье внутреннего рейда, чтобы через несколько месяцев воскреснуть под японскими флагами. Предвидя эти события, капитан 1-го ранга Эссен обратился 23 ноября к новому командующему эскадрой контр-адмиралу Вирену с просьбой разрешить «Севастополю» выйти на внешний рейд. Вирен отказал, мотивируя отказ теми соображениями, что выход «Севастополя» из гавани потребует отзыва с сухопутного фронта офицеров и матросов его экипажа и, в конечном счете, не принесет большой пользы обороне крепости. В последующие дни с «Севастополя», как и с других кораблей эскадры, свозили по приказу адмирала боезапас, продовольствие и личные вещи экипажа.

К вечеру 25 ноября из всех крупных кораблей эскадры в строю остался только «Севастополь». Остальные были потоплены огнем осадной артиллерии противника. Ирония судьбы! «Севастополь» — калека от рождения, самый несчастливый корабль эскадры, почти всю войну провел, ремонтируя многочисленные боевые и небоевые повреждения, вдруг оказался единственным боееспособ-

ным кораблем, пример которого продемонстрировал всем остальным, что можно было бы умереть и менее позорной смертью. Вечером 25 ноября капитан 1-го ранга Эссен, прибыв на назначенное адмиралом Виреном совещание, снова стал настаивать на разрешении ему выйти на рейд, поскольку завтра «Севастополю», по-видимому, придется разделить общую участь — быть расстрелянным 11-дюймовыми снарядами. Удрученный гибелью эскадры адмирал Вирен махнул рукой и сказал Эссену: «Поступайте, как знаете».

Прямо из штаба командующего Эссен по телефону передал на «Севастополь» приказ приготовиться к выходу на Золотую Гору, обозначить фарватер и развести боновое заграждение. Никто из присутствующих на совещании командиров и флагманов не поддержал Эссена, но те, от кого это зависело, нехотя, согласились оказать ему посильное содействие. Вернувшись на «Севастополь» к 10 часам утра, Эссен приказал немедленно изготовить корабль к выходу из гавани. К полудню броненосец развел пары и с помощью портовых буксиров начал вытягиваться из бассейна. Засвеживший ветер развел в проходе большую волну. Буксиры захлестывало, и они не могли действовать против волны. Отдав концы буксиров, «Севастополь» собственным ходом двинулся в проход. Из-за свежей погоды наружный бон не удалось развести. Времени на ожидания уже не оставалось, наступало время отлива. Набирая ход, «Севастополь» разорвал неразведенный бон тараном и вышел на внешний рейд, где встал на якорь, ожидая катеров с тралями. Так и не дождавшись их, броненосец снялся с якоря и перешел в бухту Белого Волка, где снова стал на якорь рядом с канонерской лодкой «Отважный», семью миноносцами и буксирным пароходом «Силач». Это было все, что осталось от огромной и мощной 1-й Тихоокеанской эскадры. Сразу же после постановки на якорь вокруг «Севастополя» было развернуто сетевое заграждение, дополненное временными сетями с носа так, что незащищенной оставалась только корма. В этот же день с сухопутного фронта на корабль была отозвана часть экипажа «Севастополя», доводя личный состав броненосца до 300 человек. Начались работы по возвращению на «Севастополь» выгруженного накануне боезапаса и по развертыванию нового сетевого

заграждения. План капитана 1-го ранга Эссена, по его собственным словам, сводился к следующему: «У меня была мысль, — пишет в своих воспоминаниях командир «Севастополя», — воспользоваться темной ночью или снежной пургой, прорвать блокаду, дойти к рассвету до мыса Шантунг и взять курс на юг... Я полагал, добравшись до Циндао, погрузить уголь или заказать пароход с углем на один из островов Чужанского архипелага к югу от Шанхая. Затем, погрузив уголь, идти вокруг Формозы на соединение с эскадрой Рождественского. Конечно, трудно сказать, насколько мне бы удалась подобная авантюра. Впоследствии я узнал, что адмирал Того со всеми броненосцами сторожил прорыв «Севастополя» в море. Однако последующие события помешали выполнению моего плана...»

С утра 26 ноября противник, не заметив из-за пасмурной погоды отсутствия в Восточном бассейне «Севастополя», принялся расстреливать место прежней стоянки броненосца, выпустив по этому месту около трехсот 11-дюймовых снарядов.

Придя в бухту Белого Волка и выставив сетевое заграждение, «Севастополь» был приведен в полную боевую готовность. Корабль стоял, потушив все огни, около орудий бесшумно несли вахту комендоры, командир и артиллерийские офицеры не уходили с мостика. На берегу были развернуты прожекторные станции в дополнение к прожекторам, находящимся на кораблях. Днем 26 ноября противник узнал о выходе «Севастополя». Адмирал Того, выяснив обстановку, приказал 9-му и 15-му отрядам миноносцев в течение ночи произвести торпедную атаку на последний русский броненосец. Около полуночи миноносцы 9-го отряда «Аотока», «Кари» и «Касасаги» приблизились к месту стоянки «Севастополя» и поочередно выпустили по одной торпедой в смутно видимый на северо-западе силуэт броненосца. 15-й отряд подошел к бухте около часа ночи, но ослепляемый прожекторами, не обнаружил «Севастополя» и вернулся на базу. С русских кораблей подход миноносцев противника в эту ночь замечен не был, поскольку миноносцы проходили на очень большом расстоянии. Днем 27 ноября катерами с «Севастополя» была задержана большая китайская джонка с бегущими из Порт-Артура китайцами.

Убедившись, что атаки предыдущей ночи не дали никаких результатов, адмирал Того отдал приказ о новой атаке на «Севастополь» в ночь с 27 на 28 ноября. Атаку должны были произвести миноносцы 10-го, 14-го, 15-го и 20-го отрядов. Однако из-за штормовых условий погоды назначенная атака не состоялась.

В ночь с 28 на 29 ноября погода несколько улучшилась и 15-й отряд японских миноносцев, действуя под прикрытием 1-го отряда истребителей, после полуночи предпринял новую атаку на «Севастополь». Миноносцы «Хабари», «Саги» и «Удзура» с дальней дистанции выпустили в «Севастополь» по торпед, ни одна из которых в цель не попала. Остальные миноносцы были обнаружены с береговых постов, обстреляны и отошли, не выпустив торпед.

Утром 29 октября катерами с «Севастополя» был встречен и приведен в Артур английский пароход «Кинг-Артур», который, выйдя из Бомбея, прорвал японскую блокаду и доставил в осажденную крепость 50000 пудов муки.

В ночь с 29 на 30 ноября противник предпринял третью торпедную атаку на «Севастополь» силами 14-го и 20-го отрядов миноносцев, двух минных катеров и отряда прикрытия. Миноносцы 20-го отряда, обнаруженные береговыми постами, ринулись в атаку сквозь огонь, открытый береговыми батареями и «Севастополем». Пробиваясь через заградительный огонь русских, японские миноносцы, выйдя в точку, примерно, в 1500 метрах от броненосца, выпускали торпеды и исчезали в темноте. Два миноносца получили сильные повреждения от огня «Севастополя». Один из них, миноносец № 64, лишился хода и был приведен на базу на буксире миноносца № 65. Около 4 часов утра начали действовать минные катера с броненосцев «Микаса» и «Фудзи». Им удалось сблизиться с «Севастополем» на очень небольшую дистанцию и в упор выпустить в броненосец по торпед. Только после этого катера были замечены и обстреляны. Получив незначительные повреждения, оба катера самостоятельно вернулись на базу. Обе торпеды попали в «Севастополь». Одна застряла в сетях и, не взорвавшись, затонула. Вторая, взорвавшись в сетях, причинила подводную пробой-

ну шириной в 90 см, в результате чего было затоплено помещение подводных торпедных аппаратов «Севастополя». Утром 30 ноября пробойна была заделана деревянным пластырем и затопленное помещение осушено.

Днем 30 ноября «Севастополь» завел с кормы к берегу стоп-анкер и получил возможность подтянуться к берегу кормой, насколько позволяла глубина. В этот же день носовая часть броненосца была дополнительно защищена боновым заграждением.

Ночью с 30 ноября на 1 декабря погода резко испортилась, задул свежий ветер с пургой. Перед бухтой Белого Волка был развернут дозор русских миноносцев и минных катеров. Пять миноносцев противника подходили к бухте, но не смогли из-за пурги выйти в атаку. Выпустив торпеды с дальней дистанции, миноносцы отошли. При этом миноносец № 53 подорвался на mine и погиб со всем экипажем.

В ночь с 1 на 2 декабря погода улучшилась, лишь после полуночи пошел снег. В эту ночь по приказу адмирала Ямада в атаку на «Севастополь» были брошены все имеющиеся в распоряжении блокадного флота миноносцы 2-го, 6-го, 9-го, 10-го, 12-го, 14-го, 15-го, 16-го и 21-го отрядов, а также минный катер с броненосца «Фудзи».

Как только скрылась луна и пошел снег, бросились в атаку миноносцы 6-го и 12-го отрядов. Ослепляемые прожекторами и засыпаемые снарядами с «Севастополя», японские миноносцы упорно шли к цели, исчезая в снеговых зарядах и снова появляясь из них, призрачно светясь в лучах прожекторов. «Картина была поразительная, — вспоминает участник боя лейтенант Дмитриев, — японцы, несмотря на слепившие их прожектора, на убийственный огонь наших орудий, неумолимо шли вперед, поддерживая расстояние, как на маневрах. Подойдя ближе, выпускали торпеды и затем в том же порядке уходили на юго-восток. В этом стройном движении была такая уверенность много и хорошо плавающих людей, что невольно вырывалось: «Ловко идут! Равнение как держат! Точно по дальномеру!» Когда имеешь дело с таким противником, то любая удача еще более поднимает дух». (Оценили!)

Пробившись через заградительный огонь, головной миноносец № 56, подойдя к «Севастополю» на предель-

но близкое расстояние, выпустил в броненосец торпеду. Следующий за ним миноносец № 58, получив 20 попаданий, все-таки вышел на дистанцию залпа и выпустил торпеду. Шедший концевым миноносец № 52 выпустил две торпеды. «Стоял страшный грохот,— пишет лейтенант Дмитриев,— около «Севастополя» то и дело поднимаются огромные столбы воды, закрывая броненосец, но он продолжает стоять без крена, значит, торпеды взрываются в сетях».

Около 2 часов ночи в атаку пошли миноносцы второй волны «Хибари», «Саги», «Удзура» и «Хаситака», затем третьей, четвертой и пятой. Огнем с «Севастополя» и миноносцев был поврежден миноносец № 49 и потоплен миноносец № 42. Шестой волной бросились в бой миноносцы 14-го отряда «Чидори», «Касасаги» и «Манадзуру» и последними миноносцы 9-го отряда «Аотака», «Цубаме», «Кари» и «Хато». «Севастополь» вел убийственный огонь орудиями всех калибров. В миноносец «Аотака» попало несколько снарядов, разбита носовая кочегарка, двое матросов убито и трое ранено. На «Цубаме» разбита правая машина, один матрос убит и шестеро ранено. Выходя из атаки «Кари» столкнулся с «Аотака», при этом оба миноносца получили серьезные повреждения. В эту ночь в атаку на «Севастополь» в общей сложности шло 23 миноносца противника и один минный катер. Около 30 торпед было выпущено в «Севастополь» и в его охранение. Пять торпед попали в развернутые вокруг броненосца противоторпедные сети. При этом четыре торпеды взорвались. Одна торпеда прошла между бонами с носа «Севастополя» и взорвалась в навесной сети, спущенной на особых стрелах для ограждения форштевня. Взрывом была повреждена обшивка около тарана и затоплено все таранное отделение.

В ночь со 2 на 3 декабря началась шестая торпедная атака на «Севастополь». На этот раз миноносцы противника одновременно выходили в атаку с разных курсовых углов. Ночь была темной, шел густой снег. Атаку начали около 3 часов ночи миноносцы 2-го отряда № 37, 36 и 49. Не сразу найдя из-за сильного снегопада русский броненосец, миноносцы, пробившись в итоге через снег и заградительный огонь, выпустили в «Севастополь» торпеды. При этом получил попадание снаря-

дом миноносец № 46, на котором было убито 3 человека. Из миноносцев 21-го отряда сумел выйти в атаку только миноносец № 44, на котором находился командир отряда капитан-лейтенант Эзои. Под прикрытием снегопада миноносец сблизился с «Севастополем» и в упор выпустил в броненосец торпеду. Снарядом с «Севастополя» капитан-лейтенант Эзои был разорван на куски, но миноносцу удалось вернуться на базу. Следующим пошел в атаку 14-й отряд. Шедший головным миноносец «Чидори» в густом снегу проскочил мимо «Севастополя» и выпустил торпеду в пароход «Кинг-Артур», а затем атаковал и подорвал торпедой миноносец «Сторожевой». Следующий за «Чидори» миноносец «Хаябуса» выпустил торпеду, сблизившись с «Севастополем» настолько, что с миноносца ясно видели его якорь-цепь. Концевые миноносцы «Касагаги» и «Манадзуру», пробившись через заградительный огонь, также выпустили свои торпеды почти в упор и скрылись в снеговом заряде. В ходе этой атаки в «Севастополь» попало три торпеды, из которых одна взорвалась в сетях бона, вторая — в бортовых сетях, а третья попала в незащищенную сетями кормовую часть броненосца. Эта третья торпеда произвела сильные разрушения в корме, затопив рулевое, румпельное и провизионное отделения. При этом был поврежден кожух дейдвудной трубы и произведена подводная пробоина 3х1,5 сажени (5,4х2,8 м).

«Севастополь», получив сильный дифферент на корму, отдал левый якорь и начал подтягиваться к берегу до тех пор, пока корма не села на грунт. При взрыве торпеды был потоплен паровой катер, стоявший на бакштове у броненосца, на котором погиб один матрос. Полученные «Севастополем» повреждения были настолько серьезными, что его ремонт с помощью кессона мог потребовать не менее месяца. По проекту корабельного инженера Кутейникова приступили к изготовлению особого легкого пластыря для заделки торпедной пробоины в корме. От пробоин, а также от сотрясений, которые получил корпус корабля при взрывах в сетях многочисленных торпед, броненосец тек, как решето. При приливе вода на «Севастополе» поднималась выше жилой палубы и сравнивалась с уровнем воды за бортом. В малую воду

крен «Севастополя» доходил до 8 градусов, в полную — уменьшался до 4 градусов.

Капитан 1-го ранга Эссен, убедившись, что корабль не может более принести пользы на море, приказал свезти на берег всю артиллерию малого калибра и большую часть экипажа. Оставшийся на броненосце экипаж работал по заделке мелких пробоин, чтобы уменьшить крен корабля. Через несколько дней «Севастополь» открыл огонь из орудий главного калибра по позициям противника на горе Высокой, что было для японцев большой неожиданностью, поскольку они считали броненосец смертельно поврежденным и предполагали, что он не сможет вести огонь через близко расположенные к нему горы. В результате ответного огня «Севастополь» получил еще 10 попаданий крупными (8-дюймовыми) снарядами. Действия броненосца «Севастополь» были отмечены приказом командующего Квантунским укрепленным районом генерала А. М. Стеселя, в котором говорилось: «Гордитесь, славные воины, подвигом броненосца «Севастополь», подвигом героя-командира капитана 1-го ранга Эссена, гг. офицеров и команды. Пусть в сердцах ваших этот славный подвиг займет место и пусть каждый из вас с гордостью будет передавать родине и потомству, как броненосец «Севастополь»... героически отбивал атаки 20 неприятельских миноносцев... Ура героям броненосца «Севастополь»!»

Вывод из строя последнего броненосца русской эскадры японскими миноносцами был отмечен рескриптом Микадо, присланным адмиралу Того: «Находящиеся под Порт-Артуром наши отряды миноносцев, в течение нескольких ночей подряд, не взирая на ветер и снег и преодолевая неприятельскую оборону, атаковывали неприятельский броненосец... и без всякого замешательства стойко исполнили свои обязанности, талантливо управлялись и проявили пример храбрости... Мы глубоко радуемся проявленной в этом деле горячей преданности наших доблестных моряков». На это адмирал Того ответил: «По поводу незначительных действий вверенных мне миноносных отрядов против оставшихся на плаву кораблей противника Ваше Величество соизволили все милостивейше даровать рескрипт. Совершенно не будучи в состоянии сдержать чувства благодарности, отряды минонос-

цев... приложат еще большие старания, чтобы оправдать такую высокую милость».

А между тем в Порт-Артуре приближаясь развязка. Погиб генерал Кондратенко. Пали форты. До последнего момента «Севастополь» вел огонь по позициям противника. Вечером 19 декабря капитан 1-го ранга Эссен получил по телефону секретный приказ адмирала Вирена уничтожить корабли в связи в предстоящей капитуляцией. Капитан 1-го ранга Эссен вспоминает: «На позициях и фортах воцарилась зловещая тишина. Время от времени доносились глухие удары. То взрывались в гавани наши корабли, минные, артиллерийские склады и мастерские порта. Сообщив о полученном приказе командирам «Отважного» и «Силача», я приказал свозить на берег все командные вещи, оставшиеся запасы и всю лишнюю команду. Затем приказал разводиться пары, так как решил потопить корабль на глубине, чтобы он не достался противнику... Перед рассветом все работы были закончены. Полная вода приходилась на 5 часов утра. «Севастополь» был на плаву и начал сниматься с якоря. Сетевой бон, находившийся впереди «Севастополя», был поставлен так прочно, что пароход «Силач» был не в состоянии отбуксировать его и очистить путь броненосцу. Буксиры рвались, а бон не двигался с места. Я решил идти и сорвать бон тараном. Стали сниматься с якоря — якорный канат потянул за собой бон, и шпиль сломался. Все сложилось против нас. Бон не разводился, шпиль сломан, якоря поднять нельзя, руль не действует... Однако все затруднения удалось преодолеть. Якорный канат был отклепан, подан буксир на «Силач», дан ход машинами, — бон потащили за собой. На «Севастополе» оставалось только 40 человек экипажа. Мы отошли от берега к Ляотешаню на глубину 25 сажен. Были отданы буксиры, вся команда посажена в катер и трюмным было приказано открыть кингстоны. Старший офицер обошел все палубы и помещения, чтобы убедиться, что все покинули корабль. Затем он сошел с броненосца на катер с трюмным механиком и оставшейся командой. Я остался один. «Севастополь» быстро погружался и кренился. Не было никакого сомнения, что броненосец скоро опрокинется и затонет. Тогда к борту погибающего «Севастопо-

ля» подошел «Силач», я пересел на него и мы отошли от броненосца. Было около 8 часов утра. На горизонте виднелись миноносцы противника... Крен «Севастополя» быстро увеличивался на правый борт. Палуба вошла в воду — все на ней посыпалось. Но вот корабль зачерпнул трубами и сразу опрокинулся...

Красная подводная часть его показалась на минуту на поверхности, таран приподнялся, корма грузно опустилась, и броненосец исчез под водой. Некоторое время продержалось на поверхности светлое пятно. Всплывали разные вещи. Наконец все исчезло. Многострадальный «Севастополь» перестал существовать...»

После капитуляции крепости офицеру с «Севастополя» лейтенанту Басову удалось спасти флаг корабля. Избитый осколками флаг передан Морскому кадетскому корпусу, а затем — в Военно-морской музей. Эскадренный броненосец «Севастополь» был исключен из списков Русского Флота 15 сентября 1905 года.

Корабль находился в строю 4 года.

Командиры эскадренного броненосца «Севастополь» 1892 — 1904 гг.

1892 — 1893 гг. — капитан 1-го ранга Скрягин

1894 г. — капитан 1-го ранга Остелецкий

1895 — 1896 гг. — капитан 1-го ранга Дикер

1897 — 1898 гг. — капитан 1-го ранга Гаупт

1898 — 1901 гг. — капитан 1-го ранга Мельницкий

1902 — 1903 гг. — капитан 1-го ранга Феодосьев (по октябрю)

1903 — 1904 гг. — капитан 1-го ранга Чернышев (по март)

1904 г. — капитан 1-го ранга Эссен (с 16 марта по 20 декабря)

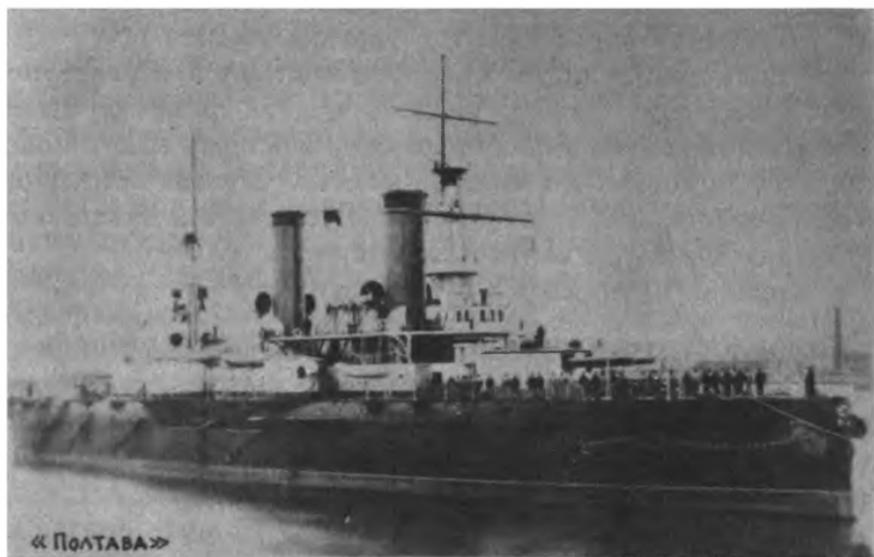
Русские адмиралы, державшие флаг на броненосце «Севастополь»

С 3 апреля по 22 апреля 1904 г. — адмирал Е. И. Алексеев

С 22 апреля по 25 мая 1904 г. — контр-адмирал В. К. Витгефт

ПОЛТАВА

Полтава — город на Украине, в районе которого 27 июня 1709 года произошло сражение между русскими войсками под командованием Петра I и шведской армией Карла XII, закончившееся полным разгромом шведов.

«Полтава» (ББ-7)

Водоизмещение: 10960 т

Главные размерения: 114, 3х21, 3х7, 9 м

Скорость максимальная: 17 узлов

Мощность механизмов: 11255 л. с.

Вооружение: четыре 12-дюймовых орудия в башнях, двенадцать 6-дюймовых орудий (8 в четырех двухорудийных башнях и 4 в казематах), двенадцать 47-мм и двадцать восемь 37-мм орудий, 2 десантные пушки, 4 надводных и 2 подводных ТА

Бронирование: Борта — 229 — 389 мм

Казематы — 127 мм

Башни — 254 мм

Палуба — 51 — 76 мм

Боевая рубка — 178 — 229 мм

Экипаж (штатный): 28 офицеров и 610 матросов

Тип: «Полтава»

Эскадренный броненосец «Полтава» был заложен 15 февраля 1892 года в специально построенном для этой цели новом эллинге нового адмиралтейства в Петербурге. Строительство корабля велось в рамках изменений 1890 года кораблестроительной программы 1881 года. Постройкой броненосца руководили корабельные инженеры Янковский и Леонтьев. Работы по строительству «Полтавы» финансировались правительством. Машины для нового броненосца были изготовлены в Англии машиностроительным заводом «Гомфрейс», артиллерия — Обуховским заводом, а броня и башенные установки — Металлическим заводом в Петербурге. Строительство броненосца «Полтава» ознаменовало впервые в практике русского военного кораблестроения начало постройки по одному проекту относительно крупной серии броненосцев. В основу проекта кораблей типа «Полтава» было положено усиление сосредоточенности артиллерийского огня, для чего артиллерия вспомогательного калибра была расположена в башнях, что позволяло вести огонь из двух 12-дюймовых и четырех 6-дюймовых орудий с носа и с кормы. Подобная система расположения артиллерии главного и вспомогательного калибров уже применялась в США и во Франции. При проектировании броненосцев типа «Полтава» был учтен зарубежный опыт, однако этот опыт получил творческое развитие, особенно в расположении, конструкции и защите орудийных башен вспомогательного калибра. В западных военно-морских кругах корабли типа «Полтава» назывались броненосцами улучшенного типа «Индиана» (США). Как и на броненосце «Сисой Великий», на броненосце «Полтава» массивные, полые мачты служили вентиляционными шахтами, а установленная между дымовыми трубами так называемая стрела Тамперлея демонстрировала оригинальное, хотя и не совсем удачное, решение по расположению прожекторных площадок и деррик-кранов для спуска спасательных плавсредств. (Корабли типа «Полтава», выполненные по одному проекту, различались

высотой труб, что особенно бросалось в глаза на фоне установленной между труб стрелы, которая на всех броненосцах имела стандартный размер. Так, на «Петропавловске», имевшем самые высокие трубы, эта стрела была значительно ниже их уровня, на «Полтаве» находилась на одном уровне с трубами, а на «Севастополе» — значительно выше дымовых труб.)

25 октября 1894 года броненосец «Полтава» был спущен на воду. Достройка броненосца «Полтава», как и всех кораблей этого типа, шла чрезвычайно медленно из-за опозданий с поставками заводов контрагентов, так и из-за плохой организации труда и низкого качества работ на заводе. Летом 1895 года корабль был отбуксирован в Кронштадт, в гавани которого достроечные работы продолжались до января 1897 года. Низкое качество монтажа котлов и механизмов привело к тому, что многие работы пришлось делать заново, в результате чего весь 1897 и большую часть 1898 года «Полтава» провел в Кронштадте и только в сентябре 1898 года, еще без артиллерии вспомогательного калибра, вышел, наконец, на ходовые испытания. На ходовых испытаниях машины броненосца развили мощность в 11255 л. с., что на 655 л. с. превышало проектную. Зимой 1898 — 1899 гг. броненосец «Полтава» находился на паровом отоплении в Кронштадте, одновременно заканчивая установку артиллерии и торпедных аппаратов. Летом 1899 года корабль проводил в Балтийском море и Финском заливе окончательные сдаточные испытания, отбрасывая при этом различные задачи боевой подготовки. Зимой 1899 — 1900 гг. броненосец «Полтава» провел на паровом отоплении в Либаве, где, наконец, закончил все достроечные работы, а также исправил ряд дефектов, которые выявились в процессе испытаний. 3 июня 1900 года броненосец «Полтава» вошел в строй под командованием капитана 1-го ранга Озерова. (Сдаточными испытаниями «Полтавы» руководил капитан 1-го ранга Невинский.) Стоимость постройки броненосца «Полтава» — 9560410 р. (машина — 1254855 р.). События на Дальнем Востоке, связанные с участием России в подавлении Боксерского восстания в Китае и с обострением общей политической обстановки в этом районе, требовали постоянного усиления русской эскадры

Тихого океана. Поэтому, едва войдя в строй, броненосец «Полтава» получил приказ следовать в Порт-Артур.

3 октября 1900 года эскадренный броненосец «Полтава» покинул Кронштадт, начав переход на Дальний Восток. Посетив по пути Шербур и Алжир, «Полтава» в декабре 1900 года пришел в Пирей, совершив переход туда из Алжира совместно с броненосцем «Севастополь». Далее, через Суэцкий канал, Аден, Коломбо и Сабанг броненосцы следовали вместе, придя в Сабанг в конце февраля 1901 года. Затем корабли разошлись — «Севастополь» отправился в Нагасаки, а «Полтава» — в Гонконг, куда он прибыл 18 марта 1901 года. 25 марта броненосец «Полтава» вышел из Гонконга и 30 марта 1901 года бросил якорь на рейде Порт-Артура, войдя в состав эскадры Тихого океана.

С приходом броненосца «Полтава» на Дальний Восток силы русской эскадры Тихого океана были доведены до 5 эскадренных броненосцев, которые в мае 1901 года провели крупные учения в Талиенваньской бухте, отрабатывая задачи совместного маневрирования и боя.

В июне 1901 года броненосец «Полтава» совместно с броненосцем «Наварин» и крейсером «Россия» совершил поход во Владивосток, посетив по пути Нагасаки. Корабль оставался во Владивостоке до сентября 1901 года, а затем вернулся в Порт-Артур, где в ноябре состоялись очередные эскадренные учения в Талиенваньской бухте. В январе — феврале 1902 года броненосец «Полтава» совместно с броненосцем «Петропавловск» посетил ряд портов Кореи и Японии, в том числе Йокогаму и Нагасаки. В апреле корабли вернулись в Порт-Артур, а в мае броненосец «Полтава» принял участие в очередных общесфлотских учениях в Талиенваньской бухте, на которых отрабатывался план вице-адмирала Скрыдлова по срыву японской высадки на территорию Кореи. После окончания учений в июне 1902 года броненосец «Полтава» совершил переход во Владивосток, где до сентября простоял в вооруженном резерве. В середине сентября 1902 года «Полтава» был выведен из резерва и совместно с броненосцами «Севастополь» и «Пересвет» (фл.) направился в Порт-Артур, посетив по дороге корейский порт Гензан. Приняв в октябре 1902 года участие в очередных учени-

ях в Талиенваньской бухте, броненосец «Полтава» в ноябре был выведен в вооруженный резерв в Порт-Артуре, в котором оставался до марта 1903 года. В апреле 1903 года броненосец принял участие в очередных маневрах эскадры в Талиенваньской бухте, на которых отрабатывался измененный план действий в случае конфликта с Японией. Руководил учениями командующий эскадрой вице-адмирал О. В. Старк. В июне — июле 1903 года броненосец «Полтава» вместе со всей эскадрой участвовал в различных смотрах, учениях и походах по случаю приезда в Порт-Артур военного министра генерала Куропаткина, который инспектировал состояние крепости и флота. «Полтава» вместе со всей эскадрой совершил поход из Порт-Артура в Дальний, а затем перешел во Владивосток, где в июле сосредоточилась эскадра Тихого океана. Август и сентябрь 1903 года броненосец «Полтава» провел во Владивостоке в вооруженном резерве, а в начале октября перешел в Порт-Артур. В середине ноября 1903 года броненосец «Полтава» вместе с флагманским кораблем эскадры броненосцем «Петропавловск» под эскортом двух эсминцев и канонерской лодки совершил демонстративный поход в Чемульпо, что вызвало большое недовольство в Петербурге, где шли переговоры с японцами, которых старались не раздражать воинственными выходами, дабы не привести дело к войне. 21 ноября русский отряд пришел на рейд Чемульпо, где к нему примкнул крейсер «Боярин», стоявший там стационаром. После окрика из Петербурга отряд вернулся в Порт-Артур. В декабре 1903 года и январе 1904 года броненосец «Полтава» оставался единственным находящимся в строю броненосцем эскадры Тихого океана — все остальные были выведены в вооруженный резерв. (Интересно отметить, что в ответ на бесконечные запросы как штаба заместника, так и штаба эскадры разрешить в связи с напряженной обстановкой на Дальнем Востоке сокращение программы «вооруженного резерва», т. е. ввести корабли в строй, Главный морской штаб 14 января 1904 года (за две недели до начала войны) прислал в штаб заместника циркуляр, которым извещал русское командование о решении Государственного совета значительно сократить ассигнования по смете Морского министерства. В силу

этого Главный морской штаб предписывал «уменьшить расходы по плаванию кораблей на 1,5 миллиона рублей дополнительно». Это означало, что корабли эскадры Тихого океана отныне могли плавать только 4 месяца и 3 недели в году, а 7 месяцев и 1 неделю стоять в резерве. И только война помешала осуществить эти «грандиозные планы» экономии.)

21 января 1904 года броненосец «Полтава» участвовал в походе эскадры к Шантунгу и 22 января вернулся в Порт-Артур, встав на свое место в глубине диспозиции. С правого борта «Полтавы» находился флагманский броненосец «Петропавловск», а с левого борта — броненосец «Севастополь». С носа по створу «Полтавы» стоял крейсер «Баян», а за кормой «Полтавы» — канонерская лодка «Гиляк».

26 января 1904 года «Полтава» по приказу адмирала сдал в порт на хранение деревянные шлюпки и все лишние огнеопасные предметы, приняв на борт стальные листы для защиты орудий противоминной артиллерии. После того, как по эскадре распространился слух о разрыве дипломатических отношений между Россией и Японией, подкрепленный бегством японцев из Порт-Артура, командир броненосца «Полтава» капитан 1-го ранга Успенский по собственной инициативе приказал выставить на корабле противоторпедные сети. Узнав об этом, командующий эскадрой посетил «Полтаву», выразил свое резкое неудовольствие командиру корабля за самовольные действия и приказал убрать сети.

27 января 1904 года на броненосце «Полтава» слышали взрывы, расколовшие тишину ночи, но не придали им значения. После сигнала с «Петропавловска»: «Послать шлюпки на помощь бедствующему «Ретвизану», броненосец «Полтава» выполнил этот приказ одним из первых, а узнав, что случилось, с «Полтавы» отправили на подорванный «Ретвизан» дополнительный пластырь. Огня броненосец «Полтава» не открывал и об истинном положении вещей на нем узнали лишь через несколько часов после нападения на эскадру японских миноносцев. Утром 27 января 1904 года, когда японский флот подошел к Порт-Артуру, броненосец «Полтава» под огнем противника начал сниматься с якоря. Когда была проби-

та боевая тревога, якорь так и остался на весу. Дав ход и следуя в кильватер «Петропавловску», «Полтава» открыл огонь по противнику. Когда японцы повернули на юг, «Полтава», положив руль влево, вышел из строя броненосцев и начал преследование противника, ведя огонь из носовых орудий. Сигнал адмирала вернул «Полтаву» в строй. Во время этого боя в «Полтаву» попало 8 снарядов (из них 4 крупных), однако никаких серьезных повреждений, кроме незначительных вмятин в броневых плитах, они не причинили. Потерь в личном составе на броненосце не было. В течение боя броненосец «Полтава» выпустил по противнику 67 снарядов: 12 — 12-дюймовых и 55 — 6-дюймовых. Во время боя катер с «Полтавы», действуя под огнем противника, успел подхватить брошенные баржи с углем, которых течением несло на берег и отвести их в гавань.

После отхода японцев, при перестроении эскадры, в 12:52 «Полтава» столкнулся с броненосцем «Севастополь». «Севастополь» несколько обогнал «Полтаву», затем уменьшил ход, стал отставать и в тоже самое время приближаться к «Полтаве». На «Полтаве» было замечено приближение «Севастополя»: руль положили на борт и дали полный вперед. Однако было поздно, и «Севастополь» ударил «Полтаву» носом в борт между 65 и 75 шпангоутами. Удар был нанесен под углом и в результате был смят совок правого подводного ТА, заряженного боевой торпедой, ударник которой погнулся и лишь по счастливой случайности не произошло взрыва. Тем не менее в броненосец начала поступать вода, затопившая два отделения бортовых коридоров. Под пробойну был немедленно подведен пластырь и поднят сигнал: «Имею подводную пробойну». С флагмана немедленно приказали «Полтаве» встать на якорь. Пробойна оказалась незначительной и в тот же день была временно заделана, а пластырь снят. Окончательный ремонт «Полтавы» занял неделю. За этот бой командир броненосца «Полтава» капитан 1-го ранга Успенский был награжден золотым оружием с надписью «За храбрость». Награды получили также ряд офицеров и матросов броненосца.

28 января 1904 года эскадра по приказу адмирала втянулась на внутренний рейд Порт-Артура, где и оста-

валась до приезда адмирала Макарова. За этот период деятельность броненосца «Полтава» ограничилась исправлением полученных 27 января повреждений, свозом на берег небольшого десанта для охраны побережья и выделением паровых катеров для обороны входа в Порт-Артур от атак японских брандеров-заградителей.

27 февраля 1904 года броненосец «Полтава» участвовал в первом выходе эскадры в море под флагом адмирала Макарова, а затем и во всех последующих — 9 и 13 марта. 14 марта 1904 года при отражении очередной атаки японских брандеров активно действовал катер с «Полтавы» под командованием мичмана И. Ренгартена, который сделал попытку торпедировать один из пароходов-брандеров.

В роковой день 31 марта 1904 года «Полтава» стал единственным броненосцем, который без проволочек выполнил приказ Макарова о выходе на внешний рейд. («Петропавловск» вышел в 07:00, «Полтава» — в 07:15, остальные броненосцы задержались из-за сильного ветра, который мешал им развернуться носом к проходу») Следуя в кильватер «Петропавловску», «Полтава» принял участие во всех стремительных событиях этого дня, находясь вместе с минным крейсером «Гайдамак» ближе всех к флагманскому кораблю. Когда в 09:39 «Петропавловск» неожиданно взорвался, попав на японское минное заграждение, и затонул в течение полутора минут, броненосец «Полтава» застопорил машины, затем, дав полный задний ход и удерживаясь машинами на месте гибели флагмана, мгновенно начал спускать шлюпки и катера, которые уже через 4 минуты начали спасение уцелевших из экипажа «Петропавловска». (Был спущен паровой катер под командованием мичмана Ломана, вельбот под командованием мичмана Пчельникова и гребной катер под командованием лейтенанта Роцаковского.) Одновременно с этим с палубы «Полтавы» в воду были сброшены все имеющиеся в наличии спасательные круги, буйки и деревянные предметы. Паровой катер с «Полтавы» был захлестнут волной и затонул, бывшие на нем люди подобраны шлюпками. Всего плавсредствами «Полтавы» было спасено 38 человек из экипажа «Петропавловска». После подрыва броненосца «Победа» и ухода всей эскадры на внут-

ренный рейд, броненосец «Полтава» долго еще оставался на месте гибели своего однотипного собрата, продолжая поиски в надежде найти адмирала Макарова.

2 апреля 1904 года при бомбардировке японским флотом Порт-Артура из-за Ляотешаня «Полтава» вместе с другими кораблями эскадры пытался вести перекидной огонь, однако сумел сделать только 2 залпа, поскольку его орудия были совершенно неэффективны на подобном угле возвышения. В этот период броненосец «Полтава» был одним из двух («Пересвет») броненосцев Тихоокеанской эскадры, находящихся в строю. Помимо несомненного военного счастья «Полтавы», это следует отнести и за счет весьма высокой организации службы на корабле и боевой подготовки как командного, так и рядового состава броненосца. Выход из строя почти всех броненосцев приковал эскадру к внутреннему рейду, а временно назначенный командующим адмирал Алексеев не мог и не хотел предпринимать никаких активных действий.

22 апреля 1904 года одновременно с прибытием нового командующего эскадрой контр-адмирала Витгефта пять матросов с «Полтавы» были награждены Георгиевскими крестами за мужество, проявленное при спасении экипажа «Петропавловска».

А между тем с 23 по 30 апреля 1904 года японцы без всяких помех со стороны Русского Флота произвели высадку своей 2-й армии в Бидзью, отрезав Порт-Артур со стороны суши и полностью изменив стратегическую обстановку на театре. Ожесточенные бои, начавшиеся на подступах к Порт-Артуру, стали диктовать Тихоокеанской эскадре новые задачи, а перспектива падения крепости выделяла главную из этих задач — прорыв из Порт-Артура во Владивосток. В лихорадочном темпе велись работы по вводу в строй поврежденных кораблей, а на броненосец «Полтава», как на один из двух находящихся в строю броненосцев, возлагались практически все задания, связанные с выходом в море. После гибели на русских минах двух японских броненосцев «Хатцузе» и «Яшима» 2 мая 1904 года, а также потери японцами еще нескольких боевых кораблей разных классов, снова стал обсуждаться вопрос о выходе русской эскадры в море для решительного сражения с противником и деблокирова-

ния Порт-Артура со стороны моря. Хотя мнение по этому вопросу не было единым, тем не менее 10 июня 1904 г. по приказу заместителя эскадры начала выходить из гавани. Броненосец «Полтава» шел головным вслед за отрядом крейсеров и тралящим караваном. Сосредоточение эскадры шло очень медленно и только в 16:50 (выход начался в 4 ч утра!) эскадра перестроилась в боевой ордер, в котором броненосец «Полтава» замыкал колонну броненосцев. В 17:05, всего в 20 милях от берега, эскадра была перехвачена японским флотом и, не решившись принять бой, в 18:50 повернула обратно в Порт-Артур. С наступлением темноты на концевые корабли эскадры начались интенсивные атаки японских миноносцев, причем несколько торпед прошло в непосредственной близости от «Полтавы», с которым японские миноносцы сближались на такое расстояние, что в броненосец попало несколько 75-мм и 47-мм снарядов, не причинивших, правда, никакого значительного ущерба. Отражая атаки миноносцев, «Полтава» выпустил по противнику 367 снарядов, из них 5 — 12" и 58 — 6".

Таким образом, не выполнив ни одной из поставленных задач, эскадра вернулась в Порт-Артур, причем при возвращении подорвался на mine и вышел из строя броненосец «Севастополь».

Между тем наступление японцев на Порт-Артур с суши продолжалось, несмотря на содействие, которое корабли пытались оказать приморским флангам сухопутной армии. Выход в море легких сил флота всегда приводил к столкновению с поддерживающим блокаду японским флотом, что отвлекало от выполнения задачи по поддержке действий сухопутных частей. Поэтому 26 июня для обстрела японских позиций в бухте Лунвантан вместе с отрядом крейсеров и канонерских лодок был послан броненосец «Полтава» с тем, чтобы своими 12" орудиями держать на почтительном расстоянии японские корабли. Выйдя из Порт-Артура в 06:45, «Полтава» в 10:25 вместе с крейсерами встал на якорь в бухте Такэ. При этом на броненосце лопнула якорь-цепь и был потерян левый якорь. Несмотря на перестрелку между японскими и русскими крейсерами, броненосец «Полтава» огня не открывал, однако само его присутствие заставило корабли про-

тивника держаться на большом расстоянии и позволило канонерским лодкам и миноносцам осуществить бомбардировку сухопутных позиций противника и обеспечить работу тралящего каравана.

Наступающие на Порт-Артур японские войска к 17 июля вошли в зону действия огня броненосцев эскадры. Броненосец «Полтава» в этот период несколько раз огнем своей артиллерии главного калибра пытался оказать поддержку отступающим русским войскам. Однако особого успеха некорректируемый огонь русских броненосцев не принес. Японцы продолжали теснить русские войска, выходя на ближние подступы к Порт-Артуру и начав бомбардировку крепости и военно-морской базы с сухопутного фронта. Сложившаяся обстановка уже не обеспечивала безопасности Русского Флота в Порт-Артуре, и 26 июля эскадра получила приказ царя немедленно перейти из Порт-Артура во Владивосток. Прорыв через японскую блокаду считался многими командирами кораблей, в том числе и командиром «Полтавы», делом совершенно безнадежным, однако полученный приказ прекратил дискуссии и 28 июля было решено осуществить попытку прорыва во Владивосток. На совещании флагманов и командиров кораблей было выдвинуто предложение оставить броненосцы «Полтава» и «Севастополь» в Порт-Артуре в связи с их тихоходностью и идти на прорыв быстроходными броненосцами. Это предложение было отклонено, и «Полтава» получил приказ готовиться к походу. 27 июля под огнем противника, обстреливавшего гавань с сухопутного фронта из 120-мм полевых гаубиц, броненосец «Полтава» устанавливал дополнительные орудия, снятые с подорвавшегося на mine крейсера «Баян», принимая одновременно различные виды боевого снаряжения.

28 июля 1904 г. в 05:00 начался выход Тихоокеанской эскадры на внешний рейд. В 06:00 из гавани под флагом командующего эскадрой вышел броненосец «Цесаревич», за ним потянулись остальные броненосцы. Последним из броненосцев в 08:05 из гавани в сопровождении канонерской лодки «Бобр» вышел броненосец «Полтава». В 08:45 на «Цесаревиче» был поднят сигнал: «Приготовиться к бою», а в 09:00: «Флот извещается, что ГО-

СУДАРЬ ИМПЕРАТОР повелел идти во Владивосток». Эскадра, построившись в боевой ордер, легла на курс зюйд-ост-20°. Броненосец «Полтава» замыкал колонну броненосцев, имея передним мателотом броненосец «Севастополь». В 11:30 на востоке появились главные силы японского флота, идя на сближение с русской эскадрой. В 12:20 залпом башен главного калибра японского броненосного крейсера «Ниссин» начался знаменитый морской бой, вошедший в историю как «морское сражение в Желтом море 28 июля 1904».

В самом начале боя броненосец «Полтава» получил серьезное повреждение: 12" снаряд попал в его корму примерно в 1,2 м ниже ватерлинии, пробил борт, не разорвался и лег в помещении сухой провизии, которое мгновенно было затоплено водой. Из этого помещения, через щель в броневой шахте, вода начала поступать в помещение рулевых машин, грозя затопить цилиндры рулевой машины. Благодаря энергичной работе личного состава щель в шахте удалось заделать, а незначительный крен выровняли заполнением небольшого носового отсека ЛБ. На первой фазе боя броненосец «Полтава» больше повреждений не получил. Японская эскадра, разойдясь с русской контркурсами, развернулась и, зайдя под корму русской эскадры в 03:45, обрушила сосредоточенный огонь на концевые корабли колонны броненосцев, т. е. на броненосцы «Севастополь» и «Полтава». В 13:50 два 12" снаряда попали в батарейную палубу «Полтавы», разорвавшись под 6" башней, заклинив ее в положении «по траверзу», благодаря чему башня продолжала действовать. В 13:52 два 12" снаряда попали в верхнюю палубу «Полтавы» между спардеком и 12" башней, произведя страшные разрушения: верхняя палуба от борта до борта была вырвана, мамеринец вокруг башни уничтожен, конус башни пробит в нескольких местах, тлеющие куски мамеринца упали по шахте в зарядное подбашенное отделение, наполняя его дымом. Эти же снаряды произвели сильные разрушения в батарейной палубе, убив 6 и ранив 15 человек команды. В 13:55 еще один 12" снаряд попал в кормовое нижнее офицерское отделение, совершенно раскрыв борт от нижней брони до батарейной палубы. В 13:57 туда же попал второй 12" снаряд,

сделав пробоину 7х2м. Эта пробоина была над самой ватерлинией, угрожая поступлением воды в случае усиления волнения на море. В начале боя осколок снаряда попал в подшипник машины ЛБ, который сильно разогрелся и вынудил уменьшить ход. В результате этого «Полтава» отстал от «Севастополя» примерно на 20 кабельтовых. При заходе японцев под корму русской эскадры «Полтава» без сигнала открыл огонь по противнику, начав вторую фазу сражения.

В самом начале боя был смертельно ранен стоящий на дальномере мичман де Ливрон — ему оторвало обе руки. При попадании 12" снарядов в носовую башню главного калибра был ранен командир башни мичман Зилов и все комендоры. Снарядом, разорвавшимся у боевой рубки, был ранен старший артиллерист «Полтавы» лейтенант Рыков, а попавшим в спардек — мичман Феншоу и 6 матросов. Между тем волнение моря усилилось, и в огромную пробоину нижнего офицерского отделения стала поступать вода, затопив отделение примерно на метр, в результате чего броненосец осел кормой.

После выхода из строя флагманского броненосца «Цесаревич» броненосец «Полтава» с прочими кораблями повернул на север, идя в кильватер «Победе», которая в свою очередь следовала за «Пересветом», где находился принявший командование младший флагман эскадры контр-адмирал князь Ухтомский. С наступлением темноты на деморализованную и рассеянную русскую эскадру начали яростные атаки японские эсминцы. В одной из этих атак броненосец «Полтава» лишь по счастливой случайности избежал гибели. Вплотную за «Полтавой» шел русский миноносец «Властный», который то приближался к броненосцу, то отставал. В 12 ч ночи «Властный» находился примерно в 1,5 кабельтовых позади «Полтавы» по правому борту. Неожиданно вблизи «Властного» появились два японских эсминца, по которым с «Полтавы» был открыт огонь. В это время «Властный», подойдя вплотную к «Полтаве», передал на нее голосом, чтобы прекратили огонь, так как миноносцы свои. Командир «Полтавы» приказал прекратить огонь, но в этот момент один из появившихся миноносцев зашел с правого борта броненосца, а второй повернул «Пол-

таве» под корму, заходя с левого борта. Теперь уже стало ясно, что это миноносцы противника и старший офицер «Полтавы» капитан 2-го ранга Лутонин приказал открыть огонь. Но было уже поздно: миноносцы выпустили торпеды, одна из которых шла под прямым углом прямо в борт «Полтавы». Вахтенный офицер мичман Пчельников, увидев идущую в броненосец торпеду, немедленно скомандовал повернуть вправо и дал полный задний ход. Однако торпеда все-таки ударила броненосец в правый борт, правда, под острым углом и не взорвалась. Это спасло «Полтаву», поскольку, получив такие серьезные повреждения в бою, броненосец уже не смог бы выдержать торпедной пробоины. Одновременно с этим под носом «Полтавы» прошли другие, выпущенные японцами, торпеды. Последующие атаки миноносцев противника были отбиты, и утром 29 июля броненосец «Полтава» вместе с броненосцами «Пересвет» и «Победа» пришел обратно в Порт-Артур и около 12:00 вошел в гавань.

В бою 28 июля на броненосце «Полтава» был убит 1 офицер (мичман Б. Р. де Ливрон) и 11 матросов, ранено 3 офицера (лейтенант Рыков, мичманы Зилов и Феншоу) и 40 матросов. Броненосец был сильно поврежден, имея 7 крупных пробоин ниже ватерлинии или вблизи ее. Поврежден был мостик и штурманская рубка, во многих местах пробита верхняя палуба, разбита задняя дымовая труба, выведена из строя носовая башня главного калибра, повреждены 2 шестидюймовые башни и 2 шестидюймовых орудия батареи ПБ, разбиты три 47-мм орудия, уничтожены все шлюпки, кроме одного парового катера, повреждена фок-мачта и стрелы для подъема шлюпок, разбиты все вентиляторы.

После боя 28 июля большая часть эскадры вернулась в Порт-Артур, несколько кораблей погибли или разоружились в нейтральных портах. Вернувшиеся в Порт-Артур корабли входили на внутренний рейд с приспущенными флагами, свозили убитых на берег, служились панихиды, казалось, что 1-я Тихоокеанская эскадра отпеваает сама себя. Дух какой-то безнадежности уже висел над всем флотом. Сознание того, что ни одному из кораблей не удалось выполнить поставленной задачи, давило на командный состав эскадры. Было решено, что корабли

должны разделить судьбу крепости — крепости отрезанной с суши и с моря, падение которой было только вопросом времени.

После возвращения в Порт-Артур на «Полтаве», как и на других кораблях, участвовавших в бою 28 июля, велись ремонтные работы, главным образом, силами экипажа. Вместе с тем с кораблей начали снимать орудия для усиления сухопутной обороны крепости, дав каждому кораблю определенный участок сухопутного фронта. Броненосец «Полтава» должен был укомплектовать орудиями и комендорами участок обороны от реки Лунхэ до укрепления № 4. Для этой цели с броненосца были сняты: одно шестидюймовое орудие, одно 120-мм орудие, 12 — 75-мм, 24 — 47-мм и 10 — 37-мм орудий, а также 2 десантные пушки, 2 пулемета и 3 прожектора. Для обслуживания орудий и прожекторов на батареях сухопутного фронта с броненосца было списано 212 человек личного состава. В период с 29 июля по 12 августа броненосец «Полтава», выполняя заявки командования сухопутных войск неоднократно вел огонь из артиллерии главного и вспомогательного калибров по скоплению войск противника. Ответный огонь японцев велся из-за гор вслепую, корректируемый только китайцами-лазутчиками. Эти бомбардировки велись 6" и 120-мм полевыми гаубицами, не причиняя серьезных повреждений, однако существенно мешая работам по исправлению повреждений кораблей, полученных в бою 28 июля. В этот период броненосец «Полтава», стоявший в Западном бассейне наиболее открыто, получил больше всех попаданий. Один снаряд пробил верхнюю палубу «Полтавы», другой попал в переднюю дымовую трубу, третий сбил прожектор, четвертый разорвался о щит 47-мм орудия, осколками ранив 6 человек. В ночь с 7 на 8 августа 1904 г. японцы начали штурм Порт-Артура. Ожесточенные бои, развернувшиеся на сухопутном фронте, вынудили командование крепости просить своза на берег морского десанта из числа экипажей боевых кораблей. С броненосца «Полтава» было послано на сухопутный фронт 3 офицера (мичманы Ломан и Ренгартен и доктор Воробьев) и 197 матросов. Вечером 8 августа с «Полтавы», как и с других кораблей 1-го ранга, было отправлено на сухопутный фронт еще 100 человек. В от-

ражении штурма приняла участие и артиллерия кораблей. 8 августа на броненосце «Полтава» при ведении огня по сухопутным позициям разорвало одно 6" орудие. 12 августа с «Полтавы» на сухопутный фронт был направлен дополнительный десантный отряд под командованием прапорщика Алалыкина. Оставшийся на корабле экипаж занимался исправлением повреждений и систематически выделялся на тральные работы, которые велись ежедневно на внешнем рейде.

19 сентября японцы начали обстрел Порт-Артура из 11" осадных гаубиц, от огня которых у защитников крепости не было никакой защиты. Огонь противника пока велся вслепую без корректировки, но на сухопутном фронте японцы начали яростные атаки на гору Высокую, с вершины которой можно было корректировать огонь по Порт-Артурской гавани. 20 сентября «Полтава» получил два первых попадания 11" снарядами, которые пробиты броневую палубу и повредили орудие главного калибра. Броненосец был вынужден переменить место. 8 октября «Полтава» получил еще одно попадание 11" снарядом, который, пробив левый борт броненосца, разорвался в лазарете, разрушив его и все прилегающие помещения. При этом был убит один матрос. 28 октября броненосец «Полтава» огнем орудий главного калибра заставил замолчать японскую полевую батарею, 2 ноября броненосец своим огнем рассеял скопление войск противника в деревне Шуйшин, 3 ноября «Полтава» вел сосредоточенный огонь из 12" орудий по захваченному противником Кумирненскому редуту, почти полностью разрушив его. 4 ноября орудия главного калибра «Полтавы» взорвали склад боеприпасов противника на Водопроводном редуте. Между тем все внимание японцев переключается на штурм горы Высокой, являющейся главным стратегическим пунктом в системе обороны крепости. Отряд за отрядом на защиту Высокой уходят офицеры и матросы с кораблей эскадры. Броненосец «Полтава» отдал на сухопутный фронт почти весь свой экипаж. К моменту гибели на «Полтаве» оставалось чуть более 50 человек. Ожесточенные бои на сухопутном фронте достигли кульминации обоюдной ярости в непрекращающихся атаках японцев на гору Высокую. 11" осадные гаубицы вели

непрерывный огонь по вершинам Высокой, поддерживая атаки пехоты. Русские отчаянно защищались, встречая наступающего противника огнем из всех видов оружия, сбрасывая на них морские шаровые мины и даже стреляя торпедами из установленных на суше торпедных аппаратов. Два батальона «Полтавцев» участвовали в обороне Высокой. Офицер с «Полтавы», прапорщик флота Алалыкин, возглавил отряд добровольцев-разведчиков, предпринявших много смелых вылазок. В боях на Высокой погиб лейтенант с «Полтавы» Саймонов, ранены и контужены лейтенант Баранов, мичманы Ренгартен, Ломан и Унковский. С 12 по 16 ноября эскадренный броненосец «Полтава», поддерживая сухопутные войска и десантные отряды моряков, вел огонь из орудий главного и вспомогательного калибров по скоплению японских войск и по артиллерийским позициям противника.

22 ноября японцам удалось временно захватить обе вершины Высокой. Невзирая на контратаки русских и на продолжающиеся бои, японцы немедленно установили на горе корректировочный пост и начали прицельный обстрел эскадренного броненосца «Ретвизан». В 13:30 один из предназначенных «Ретвизану» 11" снарядов случайно попал в левый борт «Полтавы», который стоял к «Ретвизану» ближе всех. Этот снаряд, пробив броневую палубу, проник в погреб 47-мм снарядов, где и взорвался. От этого взрыва сдетонировали 2100 47-мм снарядов, находящихся в этом погребе, вызвав сильный пожар. Система затопления погреба была повреждена еще в предыдущих бомбардировках и не действовала. Поэтому пришлось заливать пожар в погребе, направляя шланги через элеватор и вентиляционные шахты. Однако это не дало никаких результатов, поскольку дно и переборки погреба были пробиты осколками и вода, не задерживаясь в погребе, свободно выливалась в коридор гребного вала. Пожар в погребе раскалил все соседние переборки и воспламенил 40 полузарядов учебных 12" снарядов, находящихся в смежном погребе. Около 14:00 эти 40 полузарядов (1984 кг бездымного пороха) взорвались, производя значительные разрушения переборок, водонепроницаемых дверей и кормовых отростков пожарных труб. Как только на «Полтаве» начался пожар, ко-

мандир спасательного буксира «Силач» по собственной инициативе подошел к броненосцу, пришвартовался к его борту и принял активное участие в борьбе с пожаром. Все шланги «Силача» были направлены в кормовое подбашенное отделение «Полтавы», однако пожар продолжал бушевать, поскольку все водонепроницаемые переборки и двери были разбиты, и вода свободно разливалась по всей кормовой части корабля. От большого количества разлившейся по корме воды у «Полтавы» вскоре образовался дифферент на корму и крен на правый борт. Для уменьшения крена были затоплены левые бортовые корридоры, после чего корабль совершенно потерял запас плавучести и затонул на глубине 11 м, погрузившись в воду по верхнюю палубу с креном в 2°30' на ПБ. И только после этого пожар прекратился.

Таким образом, эскадренный броненосец «Полтава» стал первым, но, к сожалению, не последним кораблем 1-й Тихоокеанской эскадры, потопленным на внутреннем рейде Порт-Артура. В процессе борьбы с пожаром погиб 1 матрос и было ранено 10 матросов. Оставшийся на «Полтаве» экипаж (53 человека) был свезен в артиллерийские казармы Тигрового полуострова.

В момент гибели «Полтавы» через территорию порта шла десантная рота «полтавцев», направляясь к горе Высокой. Командир роты мичман Ренгартен вспоминает: «На «Полтаве» был пожар. Из всех отверстий на корме валил дым... Я знал, что приспособления для затопления кормового 12" погреба не действуют, и эта мысль меня ужаснула... Я поминутно оглядывался назад. Вдруг над «Полтавой» выкинуло громадные клубы желтого дыма и раздался оглушительный взрыв... Мы невольно остановились, потрясенные до глубины души: шли на Высокую, т. е. на верную смерть, и по дороге видели как наша родная «Полтава» взрывается и гибнет...»

Перед капитуляцией крепости на «Полтаве», как и на других затопленных на мелководье кораблях эскадры, были взорваны орудийные башни, жизненные части машин, различные приборы и оборудование.

Взяв Порт-Артур, японцы немедленно приступили к подъему затонувших русских кораблей. Работы, которыми руководил вице-адмирал Сибаяма, шли исключительно

быстро и организованно. 8 июля 1905 года броненосец «Полтава» был поднят со дна. В 15:00 того же дня на корабле были торжественно подняты японские военно-морские флаги, и броненосец был включен и состав японского императорского флота под названием «Танго». 16 августа 1905 года броненосец «Танго» под эскортом вспомогательного крейсера «Маншю-Мару» и миноносца «Акебоно» собственным ходом прибыл в Майдзуру, где прошел дополнительный ремонт и был покрашен в шаро́вый цвет, принятый в японском флоте. 10 октября 1905 года эскадренный броненосец «Танго» принял участие в грандиозном военно-морском параде японского флота, который состоялся в Токийском заливе по случаю победоносного окончания войны с Россией.

В последующие годы броненосец «Танго», перечисленный в класс линейных кораблей (1907 г.), служил в японском флоте в качестве учебного корабля для подготовки строевых матросов и юнг. В 1908 — 1909 гг. линкор «Танго» прошел модернизацию, а затем продолжал служить учебным кораблем вплоть до начала первой мировой войны.

После вступления Японии в первую мировую войну на стороне Антанты линейный корабль «Танго» был включен в состав 1-й дивизии 2-й эскадры вице-адмирала Като и принял активное участие в захвате японцами немецкой крепости Циндао, осуществляя бомбардировки, блокаду и охрану перевозок англо-японского экспедиционного корпуса. После захвата Циндао линкор «Танго» был отозван в Японию, продолжая свою службу в качестве учебного корабля.

В 1916 году Россия обратилась к своим союзникам по Антанте с просьбой о продаже легких крейсеров, чтобы использовать эти корабли для охраны союзных конвоев, следовавших в новый порт Романов-на-Муроме (Мурманск). Как всегда, в прошлом и в будущем, Россия, спровоцировав войну в Европе, оказалась не в состоянии вести ее собственными силами без обильных поставок со стороны союзников. Однако для охраны союзных конвоев от немецких подводных лодок хотя бы на ближних подступах к Мурманску и Архангельску необходимы были корабли, которые можно было приобрести только у тех же

союзников. Переговоры с Англией не дали результатов, однако Япония согласилась продать России три корабля: линкоры «Танго» и «Сагами» (б. «Пересвет») и печально-знаменитый крейсер «Варяг», служивший в составе японского флота судном метеоразведки под именем «Сойя». Не приходится говорить, насколько эти корабли годились для борьбы с подводными лодками, однако выбора не было и три старых трофея русско-японской войны были приобретены Россией. Линкор «Танго» вернулся на Родину 21 марта 1916 года, прибыв во Владивосток вместе с другими купленными у Японии кораблями в составе отряда контр-адмирала Яманака. (Россия заплатила за линкор «Танго» 4, 5 миллиона иен, однако сам факт покупки был скрыт и распространена версия, что Япония уступила России как «Танго», так и другие корабли безвозмездно в рамках союзнической взаимопомощи.)

27 марта 1916 года на линкоре «Танго» произошла церемония освящения, после чего в торжественной обстановке были спущены японские и подняты русские военно-морские флаги, гюйсы и вымпелы. Аналогичная церемония передачи кораблей произошла и на «Сагами», и «Сойе». Однако, если два последних корабля вступили в строй Русского Флота под старыми именами («Пересвет» и «Варяг»), то «Танго» вступил снова в строй родного флота под названием не «Полтава», а «Чесма». На это было две причины: во-первых, в последнюю минуту корабль решили включить в состав Черноморского флота в надежде, что союзникам удастся прорваться через Дарданеллы и, во-вторых — в составе Русского Флота к этому времени уже находился в строю линейный корабль-дредноут «Полтава».

Командиром линейного корабля «Чесма» был назначен капитан 1-го ранга В. Н. Черкасов, в прошлом офицер 1-й Тихоокеанской эскадры, участник обороны Порт-Артура. Кроме того, на «Чесме» подвнял свой флаг контр-адмирал А. И. Бестужев-Рюмин, назначенный командующим «Отдельным отрядом судов особого назначения». По прибытии кораблей на север контр-адмирал Бестужев-Рюмин должен был стать командующим флотилией Северного Ледовитого океана.

Поскольку в период модернизации в Японии линкор

«Чесма» был перевооружен орудиями Армстронга, на нем были поставлены японские котлы Майабара и переделан с учетом японской специфики ряд помещений, пришлось провести ряд мелких ремонтных работ силами Владивостокского порта и обучить личный состав работе с иностранным оборудованием. Кроме того, выход в море был задержан посадкой на камни крейсера «Пересвет». Линкор «Чесма» пытался стянуть «Пересвет» с камней, однако эти попытки ни к чему не привели и за помощью пришлось обратиться к японским специалистам. Аварийно-спасательные работы и последующий ремонт «Пересвета» затянулись и было решено отправить по назначению отряд без него. 5 июня «Чесма» и «Варяг» вышли в Уссурийский залив для отработки задач совместного маневрирования. 11 июня, находясь между м. Поворотный и о. Аскольд линейный корабль «Чесма» провел испытательно-учебные стрельбы из 12" орудий.

18 июня 1916 года линейный корабль «Чесма» в сопровождении «Варяга» покинул Владивосток и 26 июня прибыл в Гонконг. В Гонконге «Чесма» и «Варяг» находились до 7 июля, готовясь к трудному плаванию в тропических водах. 7 июля 1916 года русские корабли вышли из Гонконга и 12 июля прибыли в Сингапур. Поход очень задерживался частыми поломками на «Варяге». 19 июля отряд покинул Сингапур, взяв курс на Коломбо, куда прибыл 26 июля. Погрузив уголь и дав необходимый отдых личному составу, изнуренному тропическим плаванием, «Чесма» и «Варяг» 4 августа 1916 года покинули Коломбо и 11 августа бросили якоря в порту Виктория на Сейшельских островах. Выйдя с Сейшельских островов 21 августа, отряд 27 августа пришел в Аден. По мере приближения к зоне боевых действий на кораблях все более усиливалась боевая готовность. Ночью шли без огней, вахты неслись по боевому расписанию. Миновав Баб-эль-Мандебский пролив и Красное море, «Чесма» и «Варяг» 5 сентября 1916 года вошли с Суэцкий канал и утром 6 сентября бросили якоря на рейде Порт-Саида. 8 сентября контр-адмирал Бестужев-Рюмин перенес свой флаг на «Варяг» и совместное плавание закончилось. «Варяг» взял курс на Мальту, а «Чесма» под

конвоем французского миноносца «Кутлэ» направился в Александрию.

Переход линейного корабля «Чесма» в Александрию был вызван просьбой союзного командования откомандировать линкор в распоряжение французского адмирала Дартижа для демонстративных операций против Греции с тем, чтобы не допустить вступления последней в войну на стороне центральных держав. С 23 по 30 сентября 1916 года линкор «Чесма» вместе с тремя французскими линейными кораблями участвовал в разоружении греческого флота, а затем получил приказ следовать по назначению на север, поскольку надобность в нем в Средиземном море миновала, а прорыв через Дарданеллы в ближайшее время не представлялся реальным. 2 октября 1916 года линкор вышел на Мальту, откуда направился в Гибралтар. На переходе в Гибралтар «Чесма» выдержал жестокий шторм, сильно зарывался носом и принял некоторое количество воды, пробившейся через самодельный деревянный волнолом в подбашенное отделение носовой башни главного калибра.

В Гибралтаре на «Чесме» во время съемки со швартовых, когда левая машина работала задним ходом, в ней произошла крупная авария — отломилась щека параллели ползуна золотника цилиндра среднего давления. Ремонт повреждения занял 3 суток.

Переход от Гибралтара до Ливерпуля, а затем до Белфаста «Чесма» провела благополучно. Однако выйдя из Белфаста в Мурманск, линкор попал в Северной Атлантике в жестокий декабрьский шторм. Волной был снесен стальной волнолом, поставленный в Ливерпуле вместо деревянного, выбита крышка левого шлюза и повреждены надстройки. Линкор обледенел, приняв самую причудливую форму и осев в воду на несколько футов ниже ватерлинии. В таком виде линейный корабль «Чесма» и прибыл 3 января 1917 года в Кольский залив, вступив в отряд судов обороны Кольского залива.

В последовавшей революции, интервенции и гражданской войне линейный корабль «Чесма» оставался в бездействии, служа в разный период плавскладом, плавтюрмой и блокшивом. Старый линкор оставался в Кольском заливе при всей калейдоскопической смене военно-

политической обстановки в Заполярье, а после вступления в марте 1920 г. в Мурманск Красной Армии был включен в состав советских Морских сил Северного моря (Приказ от 26 июня 1920 г.) После окончания гражданской войны Морские силы Северного моря были расформированы и в 1923 году линейный корабль «Чесма» был разобран. Корпусом «Чесма» дожил вплоть до 1932 года и был окончательно разобран в 1933 году при основании Северного флота СССР.

Корабль находился в строю 23 года.

Броненосец «Полтава» был исключен из списков русского флота 20 февраля 1905 года.

Линейный корабль «Чесма» был включен в списки Русского Флота 6 апреля 1916 года.

Примечание. Танго — название провинции в районе Киото.

Командиры эскадренного броненосца «Полтава»/«Чесма» 1892 — 1917 гг.

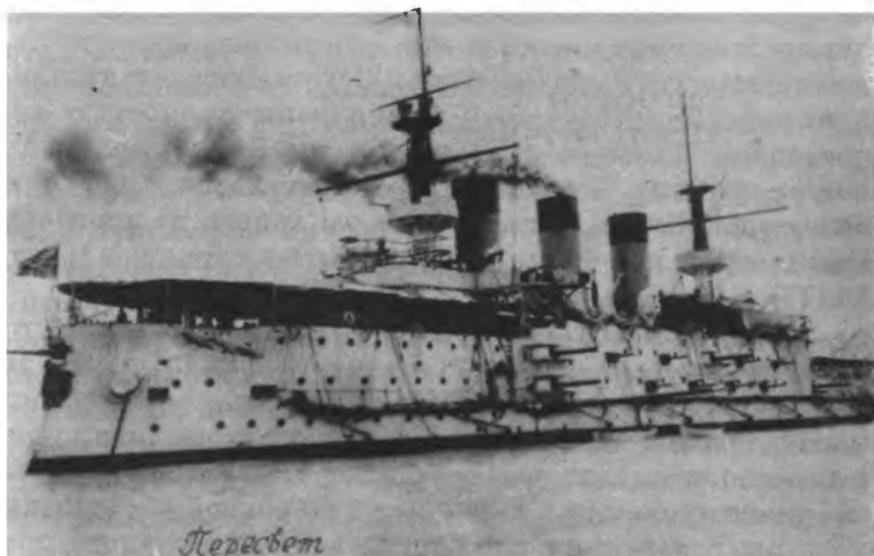
- 1892 — 1894 гг. — капитан 1-го ранга Бауер
- 1895 — 1900 гг. — капитан 1-го ранга Невинский
- 1900 — 1902 гг. — капитан 1-го ранга Озеров
- 1902 — 1904 гг. — капитан 1-го ранга Успенский
- 1916 — 1917 гг. — капитан 1-го ранга Черкасов

Русские адмиралы, державшие флаг на броненосце «Полтава»/«Чесма»

- 8 февраля 1903 г. — контр-адмирал Кузьмич
- С марта по сентябрь 1916 г. — контр-адмирал Бестужев-Рюмин

ПЕРЕСВЕТ

Пересвет Александр — монах Троице-Сергиевой лавры, который согласно преданию был послан Сергием Родонежским в войско Дмитрия Донского для участия в Куликовской битве, произошедшей 8 сентября 1380 года. По тому же преданию, не подтвержденному историческими документами, Куликовская битва открылась поединком между Пересветом и татарским богатырем Челубеем, в ходе которого оба были убиты.

«Пересвет» (ББ-9)

Водоизмещение: 12674 т

Главные размерения: 132, 4х21, 8х7,9 м

Скорость максимальная: 18 узлов

Вооружение: четыре 10-дюймовых орудия в башнях, одиннадцать 6-дюймовых орудий в казематах, двадцать 75-мм, двадцать 47-мм и восемь 37-мм орудий, 2 десантные пушки, 3 надводных и 2 подводных ТА

Мощность механизмов: 13775 л. с.

Бронирование: Борта — 178 — 229 мм
Казематы — 51 — 127 мм
Башни — 229 мм
Палуба — 51 — 82 мм
Боевая рубка — 102 — 152 мм
Экипаж (штатный): 24 офицера и 736 матросов
Тип: «Пересвет»

Эскадренный броненосец «Пересвет» был заложен 9 ноября 1895 года на Балтийском заводе в С.-Петербурге. Строительство корабля велось в рамках кораблестроительной программы 1895 года. Постройкой броненосца руководил корабельный инженер В. Х. Оффенберг. Работы на «Пересвете» финансировались государством и велись в старом деревянном эллинге завода. Машины броненосца были изготовлены на том же Балтийском заводе, броню поставил Ижорский завод, а артиллерийское вооружение корабля было заказано Обуховскому заводу. Броненосец «Пересвет» был фактически полностью «до последней заклепки» сделан в России. Единственный заказ за границу, связанный со строительством корабля, был выдан американскому заводу Карнеги на производство профильной брони для прикрытия казематов (325т/292777 р.)

Со строительства «Пересвета» началось создание второй относительно крупной серии русских броненосцев. (Всего было построено 3 корабля этого типа.) В проекте кораблей типа «Пересвет» совершенно отчетливо видна неспособность политического руководства России правильно ориентироваться в схеме международной обстановки, хотя бы для правильного определения вероятного противника. Призрак войны с Англией настолько влиял на военно-политическое мышление России, что, начиная с середины XIX века все военно-морские программы предусматривали решение различных проблем, связанных с противодействием мощному флоту Великобритании. В силу этого была создана уродливая и совершенно нереальная концепция действий Русского Флота на океанских коммуникациях англичан, совершенно без учета таких факторов, как передовые базы, возможности материально-технического обеспечения рейдеров и т. п. Отрезанный проливами на внутренних театрах Русский

Флот и даже отдельные корабли имели весьма проблематические шансы выйти в океан в случае войны с Англией, а их заблаговременное развертывание на коммуникациях было в тогдашних условиях практически неосуществимо. Тем не менее корабли проектировались и строились с учетом именно этих авантюристических предпосылок. Поэтому при создании броненосцев типа «Пересвет» было решено за счет более высокой автономности плавания (для длительного пребывания на коммуникациях англичан) и скорости хода (чтобы уходить от английских броненосцев) пожертвовать вооружением и бронированием. Без всякого сомнения, в случае войны с Англией эти «рейдеры» были бы «переловлены» в пределах первой недели с момента начала военных действий, но построенные в рамках этой концепции броненосцы типа «Пересвет» имели 10" орудия вместо 12", слабое бронирование и столь ничтожное преимущество в ходе, что не будь оно вообще сведено к нулю более тихоходными кораблями, в одном строю с которыми пришлось в будущем действовать этим броненосцам, оно вряд ли дало бы результаты и при рейдерских операциях. Таким образом, будучи по водоизмещению больше броненосцев типа «Полтава», представляя из себя гораздо более крупную цель, броненосцы типа «Пересвет» были хуже вооружены и хуже бронированы. После ввода этих кораблей в строй невозможно было даже точно определить, к какому, собственно говоря, классу они принадлежат: к тихоходным броненосным крейсерам или к недовооруженным броненосцам. Это был очень неудачный тип кораблей и академик А. Н. Крылов, со свойственной ему грубой прямоотой, называл эти броненосцы «ублюдками».

7 мая 1898 года эскадренный броненосец «Пересвет» был спущен на воду. На церемонии спуска нового головного корабля лично присутствовал русский император Николай II. До ноября 1898 года «Пересвет» достраивался у стенки завода, а затем своим ходом перешел в Кронштадт, где достройка корабля продолжалась вплоть до 1901 года. В октябре 1899 года, еще без артиллерии главного калибра, «Пересвет» провел ходовые испытания машин, показав скорость на 0, 44 узла больше проектной и развив машинами мощность на 32, 67 л. с. больше

предусмотренной. Летом 1900 г. «Пересвет» провел на Балтике, завершая различные недоделки и отрабатывая учебные боевые задачи. Зимой 1900 — 1901 гг. корабль провел в Кронштадте, а весной 1901 года начал окончательные сдаточные испытания, показав на них, что и скорость, и мощность машин у него ниже проектных. После испытаний «Пересвет» вернулся в Кронштадт для производства необходимых исправлений, прошел доковый осмотр и 6 августа 1901 года официально вступил в строй под командованием капитана 1-го ранга Королева. (Общая стоимость постройки «Пересвета» — 11431040 р. (трехвальная машинная установка — 3103000 р.). После введения в строй эскадренный броненосец «Пересвет» был зачислен в 6-й флотский экипаж.

Пока «Пересвет» достраивался и вводился в строй, призрак войны с Англией постепенно растаял в воздухе, уступив место более реальной перспективе вооруженного столкновения с Японией, что было порождено авантюристической и совершенно бессмысленной экспансией России на Дальнем Востоке. Едва успев войти в строй, «Пересвет» получил приказ следовать на Дальний Восток для усиления русской эскадры Тихого океана. Броненосец несколько задержался на Балтике, поскольку специалисты Балтийского завода пытались разобраться, но так и не разобрались в причинах ужасающей неэкономичности его механической установки, пожирающей совершенно немислимое количество угля для корабля такого водоизмещения. Суточный расход угля на «Пересвете» составлял 20,5 тонн — в два раза больше, чем на броненосцах типа «Полтава» и в полтора раза больше, чем на «Ретвизане»! (Подобным качеством прославились все броненосцы типа «Пересвет». Снова уместно вспомнить, что они строились в качестве стремительных и автономных рейдеров!)

11 октября 1901 года эскадренный броненосец «Пересвет» покинул Кронштадт, начав длительный переход на Дальний Восток. 18 октября около 8 часов вечера «Пересвет», идя проливом Большой Бельт, сел в районе Ньюборга на мель, сильно повредив себе подводную часть. «Пересвет» простоял на мели 32 часа и был снят с помощью датских буксиров только в 4 часа ночи 20 октября.

Временно заделав пробоины, броненосец дошел до Шербурга, где намеревался встать на ремонт.

Однако в связи с загруженностью Шербургского порта это осуществить не удалось. В начале ноября поврежденный броненосец покинул Шербург и 17 ноября прибыл в Тулон. 19 ноября «Пересвет» был поставлен в док, где простоял месяц, ремонтируя днище и перебирая машину. Из-за необходимости докового ремонта были отменены планируемые заходы броненосца в Кадис и Алжир. 18 декабря 1901 года «Пересвет» вышел из дока и 19 декабря покинул Вильфранш, взяв курс на Пирей, куда броненосец прибыл 23 декабря, застав на рейде всю русскую Средиземноморскую эскадру во главе с броненосцем «Император Николай I». Офицеры броненосца и часть команды съездили в Афины, осмотрев Акрополь и ряд музеев, а 28 декабря «Пересвет» посетила греческая королевская чета. (На «Пересвете» лейтенантом плавал двоюродный брат царя — великий князь Кирилл Владимирович.) Новый 1902 год все офицеры русской Средиземноморской эскадры, члены греческой королевской фамилии и ряд высших офицеров греческого флота встретили в кают-компании «Пересвета». Один из офицеров броненосца записал в своем дневнике по этому поводу: «В этом месяце мы просто одурели от бесконечных банкетов и, судя по всему, они нам влетят в хорошую копеечку».

3 января 1902 года «Пересвет» покинул Пирей и прибыл в Суду, где провел учебную стрельбу торпедами, после чего взял курс на Порт-Саид. 28 января «Пересвет», пройдя Суэцким каналом, прибыл в Аден, откуда взял курс на Коломбо. На переходе Аден — Коломбо на «Пересвете» произошло 4 взрыва в котлах, трубки которых по словам одного механика «лопались, как мыльные пузыри». 17 февраля 1902 г. «Пересвет» прибыл в Коломбо, где простоял до 27 февраля, перебирая машину. В последний день февраля броненосец покинул Коломбо и, пройдя 9 марта экватор, прибыл 14 марта в Батавию, откуда вышел в Гонконг. После непродолжительной стоянки в Гонконге «Пересвет» снова вышел в море и 5 апреля 1902 г. прибыл в Порт-Артур, где на нем поднял флаг младший флагман эскадры контр-адмирал О. В. Старк. Проинс-

пектировав состояние службы и боевой подготовки на «Пересвете», найдя их весьма низкими, контр-адмирал Старк перенес свой флаг на крейсер «Россия», а экипаж «Пересвета» приступил к подготовке к крупным общевфлотским учениям, назначенным на середину мая.

В конце апреля 1902 года командир «Пересвета» капитан 1-го ранга Королев был произведен в контр-адмиралы и сдал командование броненосцем новому командиру капитану 1-го ранга Бойсману.

В мае 1902 года «Пересвет» совместно с броненосцами «Петропавловск», «Полтава» и «Севастополь», взаимодействуя с другими кораблями эскадры, принял участие в крупных маневрах, происходящих в Талиенваньской бухте. На маневрах отрабатывались действия флота по плану командующего эскадрой вице-адмирала Скрыдлова в случае возникновения вооруженного конфликта с Японией.

После окончания учений «Пересвет» вместе с другими броненосцами эскадры направился во Владивосток, где до сентября находился в вооруженном резерве.

21 сентября эскадренный броненосец «Пересвет» был выведен из резерва и на нем поднял свой флаг младший флагман эскадры Тихого океана контр-адмирал Кузьмич.

22 сентября «Пересвет» в качестве флагмана повел броненосцы «Севастополь» и «Полтаву» из Владивостока в Порт-Артур. Посетив по дороге корейский порт Гензан и японскую базу в Нагасаки, отряд в середине октября прибыл в Талиенваньскую бухту и после непродолжительного совместного плавания, перешел в Порт-Артур.

В январе — феврале 1903 года эскадренный броненосец «Пересвет» совершил непродолжительное плавание, посетив ряд портов Японии и Кореи, в частности Йокогаму и Нагасаки. Пройдя в Нагасаки доковый осмотр и почистив подводную часть, корабль в середине февраля вернулся в Порт-Артур, где до конца марта пробыл в вооруженном резерве. В апреле на «Пересвете» поднял свой флаг новый младший флагман эскадры контр-адмирал князь Ухтомский, под флагом которого броненосец принял участие в эскадренных учениях, начавшихся 20 апреля в Талиенваньской бухте. На таких учениях вновь назначенный командующим эскадрой вице-адмирал Старк

отрабатывал свой план военных действий, отличный от плана вице-адмирала Скрыдлова. После окончания учений эскадра стала готовиться к встрече военного министра генерала Куропаткина, прибывающего в Порт-Артур, чтобы проинспектировать состояние крепости, эскадры и всего Квантунского укрепленного района. Командование эскадрой решило принять министра на борту «Пересвета». Поэтому в начале июня контр-адмирал Ухтомский перенес свой флаг на броненосец «Ретвизан», а на мачтах «Пересвета» взвился флаг командующего эскадрой вице-адмирала Старка. 15 июня 1903 года генерал Куропаткин прибыл в Порт-Артур на борту крейсера «Аскольд». Под грохот артиллерийского салюта брейд-вымпел министра был поднят на «Пересвете» над флагом командующего эскадрой, после чего, возглавляемая «Пересветом» эскадра совершила показательный поход из Порт-Артура в Дальний, произведя по пути учебные стрельбы и эволюции, а затем перешла во Владивосток, где вице-адмирал Старк перенес свой флаг на броненосец «Петропавловск», а на «Пересвете» снова поднял флаг контр-адмирал Ухтомский. Простояв до сентября 1903 г. в вооруженном резерве во Владивостоке, «Пересвет» перешел в сентябре в Порт-Артур, где после непродолжительного пребывания в строю, в конце октября был снова выведен в вооруженный резерв.

Конец 1903 года застал почти все корабли Тихоокеанской эскадры, стоящими в вооруженном резерве либо в Порт-Артуре, либо во Владивостоке, поскольку 1903 год ознаменовался сильным перерасходом средств на содержание эскадры. Нескончаемые директивы из Петербурга постоянно требовали от адмиралов Алексеева и Старка строжайшей экономии средств и материалов, однако неопровержимые доказательства о готовности японцев в любую минуту начать военные действия заставили адмирала Алексеева 29 декабря 1903 года отдать приказ о выводе кораблей из резерва и о начале кампании «вследствие неопределенности политического положения», как туманно говорилось в приказе. Во исполнение приказа эскадренный броненосец «Пересвет», находящийся на внутреннем рейде Порт-Артура, 18 января 1904 года поднял вымпел и 19 января с утренней полной водой вышел

на внешний рейд, присоединившись к уже вышедшим из резерва кораблям эскадры. 21 января «Пересвет» под флагом младшего флагмана эскадры контр-адмирала Ухтомского совершил вместе со всей эскадрой демонстративный поход к Шантунгу, целью которого, согласно официальному приказу, было «упражнение личного состава в эскадренном плавании и маневрировании, а также испытаниях беспроволочных телеграфов». Рассмотрев в этом походе военную провокацию, Петербург приказал адмиралу Алексееву немедленно вернуть эскадру в Порт-Артур. 22 января «Пересвет» вместе с эскадрой вернулся в Талиенваньскую бухту, а оттуда, подчиняясь сигналу флагмана, перешел на внешний рейд Порт-Артура и занял по диспозиции якорное место № 4. В ночь с 22 на 23 января «Пересвет» вместе с крейсером «Баян» заступил дежурным по ночному освещению внешнего рейда.

23, 24 и 25 января «Пересвет» оставался на своем якорном месте, имея за кормой броненосец «Петропавловск», по правому борту крейсер «Боярин», а по левому — крейсер «Баян». Подчиняясь приказу, броненосец держал круглосуточно расчеты у орудий противоминной артиллерии, торпедные аппараты — готовыми к действию, а 25 января сдал в порт все лишнее дерево и часть деревянных спасательных средств. Неизвестно по каким причинам адмирал Алексеев решил не информировать состав эскадры о надвигающихся событиях и даже дал указание старшим офицерам всячески опровергать любые слухи о возможности войны. Офицеры эскадры, уже о многом догадавшиеся по тем экстренным мероприятиям, что предпринимались на кораблях, имели также возможность получать информацию и из различных частных источников. Утром 26 января на броненосец «Пересвет» была доставлена телеграмма, адресованная одному из офицеров корабля — лейтенанту Черкасову. Телеграмма была получена от отца Черкасова, в которой тот благословлял сына-офицера на «ратный подвиг в войне с японцами». Содержание телеграммы сразу же стало известно не только офицерам «Пересвета», но и всех кораблей, что стояли по соседству с броненосцем, а в течение нескольких часов и всем офицерам эскадры. Напряжение среди личного со-

става росло, но когда в ночь с 26 на 27 января на кораблях услышали взрывы японских торпед, люди находящиеся в каком-то странном сомнамбулизме, вначале никак не могли понять, что собственно произошло. На «Пересвете» контр-адмирал Ухтомский, верный инструкциям заместника, начал убеждать офицеров, что это ночное учение, которое действительно, как правило, происходило по понедельникам. Даже, когда посланные с подорванных кораблей катера, разнесли по эскадре сообщение о случившемся, на «Пересвете» (втором флагмане эскадры) все еще отказывались верить в случившееся. По-видимому, адмирал Ухтомский, в свете имеющейся у него информации, не мог примириться с фактом, что русскую эскадру все-таки поймали врасплох. Адмирал приказал спустить вельбот и лично направился с «Пересвета» на «Ретвизан», чтобы собственными глазами убедиться в том, чему ему не хотелось верить. И только после этого «Пересвет» направил шлюпки и катера на помощь подорванным японскими торпедами кораблям. Весь остаток ночи на «Пересвете» лихорадочно готовили корабль к бою, и, когда утром 27 января на горизонте показался японский флот, «Пересвет», как и вся эскадра, был готов к сражению. В 11:07 японцы, приблизившись к рейду, открыли огонь. Невзирая на путаницу, возникшую от противоречивых сигналов растерявшегося вице-адмирала Старка и вмешательства заместника, «Пересвет» в 11:16 открыл ответный огонь, дал ход и, следуя приказу адмирала, вступил концевым кораблем в кильватерную колонну броненосцев. Ведя огонь сначала левым, а затем правым бортом, «Пересвет» по очереди обстреливал все корабли противника, выпустив в течение боя 308 снарядов (17 — 10", 86 — 6" и 205 — 75-мм). В ходе этого боя «Пересвет» не получил, как, впрочем, и не добился ни одного попадания. За этот бой командир «Пересвета» капитан 1-го ранга Бойсман был награжден мечами к ордену Святого Владимира 3-й степени, а державший на броненосце флаг контр-адмирал Ухтомский — орденом Святого Станислава 1-й степени с мечами. Кроме того, различными орденами были награждены четверо офицеров «Пересвета» и 25 матросов.

После окончания боя командующий эскадрой при-

нял решение перевести эскадру на внутренний рейд. Это удалось начать только в 14:30 28 января. Входу броненосцев очень мешал сидящий на мели в проходе подорванный «Ретвизан». Тем не менее в целом вход на внутренний рейд прошел благополучно и только «Пересвет», начавший вход в гавань в 17:20, сел на мель в проходе. Снятый с мели через 20 минут с помощью 5-ти буксиров, «Пересвет» уже не успел войти в гавань до начала отлива и вынужден был остаться на ночь на внешнем рейде, войдя во внутренний бассейн лишь на рассвете 29 января. «Пересвет» оставался со всей эскадрой на внутреннем рейде до приезда в Порт-Артур адмирала Макарова. В течение этого периода боевая деятельность броненосца ограничилась посылкой на берег небольшого десанта для патрулирования побережья и выделением паровых катеров для охраны сидящего на мели в проходе броненосца «Ретвизан».

С приездом адмирала Макарова начался активный период деятельности русской эскадры. На следующий день после своего прибытия в Порт-Артур адмирал Макаров вывел эскадру в море. Это произошло 27 февраля — через месяц после начала войны. Выход начался в 04:45 через 45 минут после того, как адмирал Макаров перенес свой флаг с крейсера «Аскольд» на броненосец «Петропавловск». Вслед за крейсерами «Баян» и «Аскольд» первым из броненосцев в 05:15 на внешний рейд вышел «Пересвет», неся флаг контр-адмирала князя Ухтомского. Это был первый совместный поход эскадры в боевых условиях. «Пересвет» шел четвертым в колонне броненосцев, которые по сигналам с «Петропавловска» совершали различные эволюции в рамках эскадренного маневрирования. В 16:00 «Пересвет» вместе с другими кораблями вернулся в Порт-Артур и вошел на внутренний рейд. 9 марта 1904 года «Пересвет» участвовал во втором выходе эскадры в море, когда была сорвана попытка японцев повторно бомбардировать крепость через высоты Ляотешаня. Это был именно тот день, когда русской эскадре впервые удалось полным составом выйти из гавани в малую воду, что произвело ошеломляющее впечатление на противника, и так шокированного меткостью перекидного огня русских кораблей. «Пересвет», получивший

приказ наблюдать за действием отряда японских кораблей, бомбардировавших крепость, поднял сигнал: «Неприятель отступил, получив повреждение», что было встречено громким «ура» на всех кораблях эскадры. Японцы, прекратив бомбардировку на два часа раньше, чем в предыдущий раз, стали отходить в море, демонстрируя явное нежелание вступить в бой с русской эскадрой и даже не отвечая на огонь «Петропавловска». Русская эскадра, продолжая двигаться за противником, ожидала присоединения «Пересвета» и «Победы», которые могли выйти на рейд только с началом прилива. (Ко всем своим прочим недостаткам корабли типа «Пересвет» имели еще и слишком большую осадку.) С началом прилива в 12:10 (за полчаса до полной воды) «Пересвет» и «Победа» вышли из гавани, когда противник уже скрывался за горизонтом. В 12:15 оба броненосца получили приказ вернуться на внутренний рейд.

13 марта «Пересвет» принял участие в походе эскадры к островам Мяо-Тао для нанесения удара по морским коммуникациям противника. Пока крейсера останавливали и осматривали перехваченные пароходы, броненосцы, подчиняясь сигналам адмирала Макарова, снова практиковались в совместном маневрировании при быстрых изменениях скорости. При выполнении этих маневров броненосец «Пересвет», следуя за «Севастополем», несколько растянул строй и в 09:45, желая занять свое место, увеличил ход до полного, не рассчитав движения и ударил «Севастополь» тараном в кормовую часть левого борта. Удар пришелся под углом в 20 градусов. «Севастополь» получил серьезные повреждения, а «Пересвет» повредил себе форштевень. Из-за повреждений, полученных «Пересветом» и «Севастополем», адмирал Макаров прервал операцию и в 12:30 эскадра вернулась в Порт-Артур. Недовольство адмирала Макарова низкой боевой подготовкой эскадры на всех уровнях остро прорвалось после столкновения «Пересвета» и «Севастополя». Оба командира получили выговор в приказе, а командир «Севастополя» капитан 1-го ранга Чернышев был снят с должности. (Адмирал Макаров планировал отстранить от командования и командира «Пересвета» капитана 2-го ранга Бойсмана, заменив его командиром канонерской

лодки «Манджур» капитаном 2-го ранга Н. А. Кроуном, которого адмирал вызвал из Шанхая. С трудом пробравшийся из Шанхая в Порт-Артур капитан 2-го ранга Кроун успел только узнать о своем новом назначении и через несколько часов погиб вместе с адмиралом Макаровым при взрыве «Петропавловска».) В выходе эскадры 14 марта «Пересвет» не участвовал, ремонтируя полученные накануне повреждения.

В роковой день, 31 марта, когда нервы адмирала Макарова не выдержали, и он попался в довольно простую ловушку, расставленную адмиралом Того, броненосец «Пересвет», снимаясь с бочек и готовясь выйти на рейд вслед за «Петропавловском» и «Полтавой», сел в 17:45 на мель, с которой сошел только через полчаса, и таким образом смог присоединиться к эскадре только в 08:40, когда Макаров, по-видимому, начав разгадывать план противника, приказал эскадре повернуть на 16 румбов. «Пересвет» шел четвертым в колонне в кильватер крейсера «Баян», имея за кормой броненосец «Победа». Когда в 09:39 «Петропавловск» неожиданно взорвался и почти мгновенно затонул, все корабли застопорили машины и начали спускать шлюпки, посылая их к месту гибели своего флагмана. Командование эскадрой принял находящийся на «Пересвете» контр-адмирал Ухтомский, который, опасаясь возможных действий противника и паники на своих кораблях, поднял в 09:55 сигнал: «Всем кораблям построиться в кильватерную колонну за флагманским броненосцем «Пересвет» и выйти за линии створных знаков». В момент перестроения эскадры в кильватер своему новому флагману «Пересвету» в 10:10 на mine подорвался броненосец «Победа». На эскадре началась паника. Считая, что взрывы «Петропавловска» и «Победы» вызваны нападением японских подводных лодок, корабли начали вести огонь по всему плавающему на поверхности воды. Строй эскадры смешался. Видя это, адмирал Ухтомский приказал «Пересвету» полным ходом идти на внутренний рейд, подняв сигнал: «Всем кораблям войти в гавань, начиная с броненосцев». В 12 часов дня все корабли русской эскадры вслед за поврежденной «Победой» втянулись на внутренний рейд, после чего с «Пересвета» последовал приказ приготовиться к

перекидной стрельбе, поскольку адмирал Ухтомский не исключал возможности бомбардировки противником крепости. Однако противник не воспользовался возможностью развить успех и, простояв на горизонте до 15:00, скрылся в юго-восточном направлении.

2 апреля, когда в Порт-Артур прибыл принявший на себя командование флотом адмирал Алексеев, японцы предприняли очередную бомбардировку крепости с моря через Ляотешань. В 08:30 по сигналу с «Пересвета» корабли приготовились к ответной перекидной стрельбе, а броненосцу «Победа» и сигнальной станции на Золотой Горе было приказано перебивать большой искрой радиопередачи японцев, чтобы лишить противника возможности корректировать артиллерийский огонь своих кораблей. Бомбардировку крепости вели броненосные крейсера «Ниссин» и «Кассуга», выпустившие 190 снарядов. Отвечал им практически один «Пересвет», сделавший 28 выстрелов из 34 в общем объеме ответного огня. Остальные корабли не могли вести ответного огня либо из-за слишком большой дистанции, либо из-за необходимости слишком большого угла возвышения орудий главного и вспомогательного калибров. Хотя «Пересвет» и добился одного попадания в японский крейсер «Ниссин», капитан 1-го ранга Бойсман после боя докладывал, что «даже при стрельбе с 90 кабельтовых броненосец и башни получают слишком сильные сотрясения, а при углах возвышения орудий 25 — 30 градусов начинает ненадежно работать система электрической подачи в башнях».

3 апреля в 08:00 служба «Пересвета» в качестве флагманского корабля эскадры закончилась. Прибывший в Порт-Артур адмирал Алексеев поднял свой флаг на броненосце «Севастополь». Однако «Пересвет», оставаясь вторым флагманским кораблем, был единственным, не считая «Полтавы», броненосцем, находящимся в строю и в боевой готовности. Необходимо помнить, что «Пересвет» считался флагманским кораблем отряда броненосцев, т. е. основной ударной силы флота, и на нем держал свой флаг командир этого отряда контр-адмирал князь Ухтомский — человек крайне нерешительный, безвольный и слабо подготовленный для своей должности. В свое время адмирал Макаров поднимал вопрос о замене контр-

адмирала Ухтомского, но не успел этого сделать. О том же просил адмирал Алексеев, уезжая из Порт-Артура. Однако князь Ухтомский заменен не был и в его руках оказалась судьба эскадры в бою 28 июля.

После гибели адмирала Макарова активность действий Русского Флота резко изменилась. Японцы снова начали спокойно хозяйничать в водах около Порт-Артура, все сильнее сжимая кольцо морской блокады. В ночь с 19 на 20 апреля противник предпринял третью, самую серьезную попытку заблокировать выход из Порт-Артура брандерами-заградителями. Попытка была сорвана и все 9 брандеров противника затонули далеко от входа в гавань. Один из брандеров, прорвавшийся дальше всех и направляющийся точно по острову в проход, был взорван катером с броненосца «Пересвет», который действовал под командованием мичмана Беклемишева. Торпедировав брандер, катер, повернувшись к нему кормой, открыл огонь из 37-мм орудия и винтовок по японцам, которые пытались покинуть тонущее судно. 22 апреля перед отъездом из Порт-Артура адмирал Алексеев, передавая командование эскадрой своему начальнику штаба адмиралу Витгефту, наградил большое количество матросов эскадры знаками отличия Военного ордена. Среди награжденных было 6 матросов с броненосца «Пересвет». А между тем, не встречая никакого сопротивления, японцы без всяких помех высадили десант на Ляодунском полуострове в составе целой армии, которая, отрезав Порт-Артур с суши, создала на театре военных действий совершенно новую стратегическую обстановку. Высадившаяся на Ляодунский полуостров 2-я армия генерала Оку, тесня русские войска, выходила непосредственно к Порт-Артуру. Было совершенно ясно, что боевым кораблям русской Тихоокеанской эскадры уже нельзя оставаться в крепости, блокированной и с суши, и с моря. После ослабления японского флота из-за гибели нескольких кораблей на минах и в результате столкновений, штаб русской эскадры решил предпринять попытку прорыва из Порт-Артура во Владивосток. 10 июня 1904 года, дождавшись вступления в строй после ремонта «Цесаревича» и «Ретвизана», русская эскадра вышла в море, однако, встретив японский флот, не решилась принять бой и

повернула обратно в Порт-Артур. Броненосец «Пересвет» принимал участие в этом выходе и активно участвовал в отражении атак японских эсминцев после наступления темноты, доложив о потоплении двух из них, что однако не подтверждается противником. При отражении торпедных атак «Пересвет» израсходовал чудовищное количество снарядов — 644 (7 — 10", 61 — 6", 150 — 75-мм и 426 — 47-мм).

События на сухопутном фронте продолжали развиваться весьма неблагоприятно для Русской Армии. Японцы продолжали теснить ее, и 17 июля, выходя на ближние подступы к Порт-Артур, передовые отряды японской армии уже вошли в зону действия огня корабельных орудий броненосцев Тихоокеанской эскадры. В этот же день русские броненосцы оказали своим огнем первый раз непосредственную поддержку сухопутным войскам. Выполняя заявки армии, «Пересвет» сделал 7 выстрелов из орудий главного калибра по скоплению войск противника. В ходе ожесточенных боев за Волчьи горы броненосец «Пересвет» совместно с другими кораблями эскадры в период с 18 по 24 июля неоднократно вел огонь своими десятидюймовыми орудиями по скоплению и перемещению войск противника, которые занимали исходные позиции для решительного штурма крепости. 25 июля 1904 года японцы, сбив русские войска с Волчьих гор, установили там 120-мм осадные орудия и начали методическую бомбардировку внутреннего рейда Порт-Артура. Стоящие в гавани броненосцы, в том числе и «Пересвет», вели с японцами ожесточенную контрбатареиную дуэль. «Пересвет», который снова стрелял чаще и лучше других кораблей, уничтожил несколько артиллерийских позиций противника, за что был отмечен специальным сигналом командующего флотом. Некорректированный огонь японских сухопутных батарей не нанес значительного ущерба, однако он произвел сильное моральное воздействие на командование флотом, снова продемонстрировав, насколько флоту опасно оставаться в Порт-Артуре. 26 июля последовал личный приказ царя, предписывающий эскадре немедленно покинуть Порт-Артур и прорываться во Владивосток. В тот же день японцы провели вторую бомбардировку крепости с сухопут-

ных позиций, открыв огонь в 07:45. Первым в 08:12 открыл ответный огонь «Пересвет», показав снова отличную стрельбу, быстро уничтожив две артиллерийские позиции японцев и заставив батареи противника 4 раза менять место. Отличная стрельба «Пересвета» снова была отмечена специальным сигналом командующего, выразившего броненосцу «свое особое удовольствие». Между тем выход эскадры на прорыв был назначен на 28 июля. Корабли срочно принимали необходимые запасы и уголь, устанавливали ранее снятые орудия. На «Пересвет» было решено установить несколько 6" орудий, снятых с крейсера «Баян», который незадолго до этого подорвался на mine и не мог принять участия в прорыве. Работы продолжались всю ночь и весь день 27 июля под непрерывным огнем противника, который с 07:55 начал очередную бомбардировку гавани со всех своих позиций на Волчьих горах. Не прерывая работ, броненосцы «Пересвет», «Ретвизан» и «Победа» в 08:30 открыли ответный огонь. На этот раз огонь противника был эффективнее обычного, так как корректировался с высоты «67», откуда был частично виден внутренний рейд. Благодаря этому японцы добились нескольких попаданий в русские корабли, в том числе и в «Пересвет», получивший два попадания 120-мм снарядами, которые, правда, не причинили броненосцу особых повреждений. Кроме того, один снаряд попал в кран, устанавливавший на «Пересвет» снятые с «Баяна» орудия. Тем не менее установку орудий удалось закончить, после чего поврежденный кран был отведен на мелкое место. К утру 28 июля 1904 г. эскадренный броненосец «Пересвет» был готов к выходу в море, чтобы в составе эскадры попытаться покинуть обреченную, блокированную крепость и прорваться во Владивосток. (В период с 14 мая по 28 июля все корабли эскадры, включая и «Пересвет», выделяли людей и средства для производства ежедневных тральных работ на внешнем рейде. Всего за это время была обнаружена и обезврежена 201 японская мина. С «Пересвета» в тралении участвовали сам капитан 1-го ранга Бойсман, а также лейтенант Остелецкий, штабс-капитан Лизоблюдов и мичманы Андросов, Рыжей, Денисов и Грече.) Всю ночь с 27 на 28 июля на «Пересвете» устанавливались в нижней батарее

снятые с «Баяна» 6" орудия. Только к утру 28 июля была закончена установка броневых щитов в казематах. Не спавшие двое суток комендоры были сильно утомлены, а впереди их ждал бой. На борт был принят полный артиллерийский боекомплект, 20 шаровых мин и 5 зарядных отделений торпед. Кроме того, на броненосец был погружен трехмесячный запас продовольствия и 1500 тонн угля. (Полный запас угля у «Пересвета» составлял 2050 тонн, но при такой нагрузке сильно увеличивалась осадка броненосца, что позволяло ему выходить из гавани только в пожную воду. Вследствие этого еще адмиралом Макаровым «Пересвету» был установлен запас угля 1500 тонн.)

Утро 28 июля было ясное и тихое. С рассвета корабли Тихоокеанской эскадры начали сниматься с якорей и выходить в море. По ордеру выхода «Пересвет», неся флаг контр-адмирала Ухтомского, снялся с якоря в 07:40 и вышел на внешний рейд вслед за броненосцем «Победа». В 08:45 на флагманском броненосце «Цесаревич» был поднят сигнал: «Приготовиться к бою», а в 09:00: «Флот извещается, что государь император повелел идти во Владивосток». Между тем эскадра медленно двигалась вперед за тралящим караваном навстречу сражению, которое вошло в историю как морское сражение в Желтом море 28 июля 1904 года. С началом движения эскадры «Пересвет» занял свое место в строю в кильватер броненосцу «Победа», четвертым от флагманского броненосца «Цесаревич». В кильватер «Пересвету» следовал броненосец «Севастополь». Около полудня русская эскадра была перехвачена объединенным флотом адмирала Того Хайхачиро, а в 12:15, когда расстояние между противниками уменьшилось до 65 кабельтовых, «Пересвет» первым открыл огонь из носовой башни главного калибра. В ходе первой фазы боя, около 12:30, в «Пересвет» попал всего один 12" снаряд, который, ударившись в четырехдюймовую броню жилой палубы под кормовыми казематами, разорвался, не пробив брони. Осколки этого снаряда проникли через прицельные прорезы в 3-й каземат, где вывели из строя 6" орудие и ранили 3 комендоров.

В 16:30, когда японцы, разойдясь с русской эскадрой контркурсами, снова настигли ее, началась вторая

фаза боя. Сражение велось на дистанции 40 — 45 кабельтовых. Японцы сосредоточили свой огонь на флагманских броненосцах эскадры «Цесаревиче» и «Пересвете», засыпая их снарядами. В ходе второй фазы боя в «Пересвет» попало 40 японских снарядов. Два крупных снаряда попали в носовую башню главного калибра, убив командира башни лейтенанта Салтанова, старшего комендора Шевченко и комендора Вдовицкого, ранив при этом почти всех находящихся в башне. Осколками этих же снарядов были погнуты угольники мамеринца, которые заклинили башню настолько, что 10 человек едва могли повернуть ее вручную. Кроме того, часть осколков попала в боевую рубку, где перебила кабели управления огнем и переговорную трубу в носовую башню. Следующий снаряд попал в жилую палубу правого борта впереди носовой переборки. В пробоину хлынула вода, покрывшая палубу примерно на полметра, однако распространение воды было задержано носовой переборкой. В 16:40 еще один снаряд попал в жилую трубу, на этот раз позади носовой переборки, образовав громадную пробоину. Проникшая через эту пробоину вода, хлынула затем в подбашенное отделение, в боевые погреба, в отделение подводных торпедных аппаратов и боевых динамомашин. Вследствие этого пришлось остановить динамомшины, вывести из отсека людей и задрать водонепроницаемый люк. Однако, поскольку носовая башня главного калибра продолжала вести огонь, было невозможно вывести людей из подбашенного отделения и боевых погребов. Поэтому все двери и люки, ведущие в подбашенное отделение, и погреба были задрены, а отрезанные там 25 человек продолжали подавать снаряды и полузаряды в башню, вращая ее вручную, поскольку электрическая система вращения башни вышла из строя. Дальнейшее распространение воды через эту пробоину было остановлено третьей переборкой впереди носового траверза. Заделка пробоины из-за ее большого размера и сильной зыби была невозможна. В 16:43 12" снаряд попал в семидюймовый броневой пояс ниже ватерлинии и, не пробив брони, помял 5 шпангоутов и переборку. Почти в то же самое время в броневой пояс носовых казематов попал еще один 12" снаряд, образовав пробоину в виде треугольни-

ка с основанием 2 фута и высотой 8 футов. Через эту пробоину было принято 160 тонн воды, что образовало значительный крен, который удалось выровнять затоплением отделений противоположного борта.

Около 17:00 в «Пересвет» попало сразу три 12" снаряда. Один из них ударил в борт под самой верхней палубой, под запасным якорем пробил борт, разворотил палубу, выбив два контр-форса в якорь-цепи. Осколками этого снаряда осыпало палубу и боевую рубку, где был серьезно ранен командир броненосца капитан 1-го ранга Бойсман. Второй 12" снаряд, пробив борт, разорвался в гальванопластической мастерской, уничтожив все, что там находилось, выпучив переборку. Третий снаряд уничтожил корабельную канцелярию, которая была затоплена водой. Ведя огонь всем правым бортом, «Пересвет» продолжал одно попадание за другим. В 17:05 крупный снаряд попал в передний траверз кормовой рубки, разбил машинный люк и осколками вывел из строя среднюю машину броненосца, в результате чего скорость корабля упала до 12 узлов. Вследствие многочисленных попаданий в верхнюю палубу и надстройки «Пересвета» на броненосце были сбиты обе стены, разбиты и разворочены трубы, уничтожены все дальномёры, компасы и приборы управления огнем, разбиты все спасательные плавсредства и прожектора, надстройки и палуба изрешечены осколками, снесены и исковерканы вентиляционные трубы. Из 10 шестидюймовых орудий было повреждено 7, из 20 75-мм орудий разбито 9, практически выведена из строя носовая башня главного калибра и повреждена кормовая. При перекладке руля броненосец начинал медленно крениться в сторону, противоположную повороту, а вода, залившая жилую палубу, перекачиваясь с борта на борт, увеличивала крен, который доходил до 8°. При этом «Пересвет» оставался в подобном положении до перекладки руля, а затем начинал валиться в противоположную сторону. Это объяснялось частично опустошением угольных ям и боевых погребов, что опасно повысило метацентрическую высоту броненосца. Пришлось затопить все междудонное пространство, после чего устойчивость броненосца улучшилась.

Когда флагманский броненосец «Цесаревич» не ожи-

данно вышел из строя, «Пересвет», уменьшив ход, последовал за ним. В момент поворота на «Пересвете» разобрали сигнал: «Адмирал передает командование», который означал, что в командование эскадрой должен вступить находящийся на «Пересвете» контр-адмирал Ухтомский. Поскольку на «Пересвете» были сбиты обе стеньги, контр-адмирал Ухтомский приказал поднять сигнал: «Следовать за мной» на леерах правого крыла ходового мостика над боевой рубкой. Сигнал этот был плохо видим и на многих кораблях его не заметили. Было предложение поднять сигнал «следовать за мной» на боевом марсе, однако туда было трудно добраться, поскольку мачта рядом с боевой рубкой была разбита попаданием 12" снаряда, оба трапа внутри мачты были повреждены и завалены обломками. Там же лежал труп убитого матроса, а сама мачта ежеминутно грозила упасть. Кроме того, весь выигрыш в высоте составил бы 10 — 12 футов, а на «Пересвете» рассчитывали, что, если адмирал передал командование, то все корабли обязаны следить за сигналами «Пересвета». Одновременно с подъемом сигнала на поручнях мостика, его пытались продублировать семафором и с помощью большого рупора — голосом на ближайšie корабли, но это не дало никаких результатов. Строй эскадры смешался, на кораблях все были охвачены паникой, каждый думал только о себе. Без всякого сомнения, многие видели, если не сигнал «Пересвета», то уж наверняка сигнал «Аскольда», но никто уже не хотел им подчиняться. Еще никем не разобранные моральные уроки боя 28 июля красноречиво говорят о том, что не только разбили и рассеяли русскую эскадру, но и нанесли ей такой моральный удар, от которого она уже не могла оправиться, что в известной степени и объясняет ее позорный конец.

Через несколько минут после подъема сигнала: «Следовать за мной» под носом «Пересвета» прошли крейсера «Аскольд» и «Диана», причем последний настолько близко, что старший штурман «Пересвета» капитан Лизоблюдов голосом предупредил «Диану», что броненосец плохо управляется и существует опасность столкновения. Это услышали, но приказ флаг-офицера лейтенанта Стеценко, чтобы «Диана» подняла сигнал: «Эскадре следо-

вать за «Пересветом», оставили без внимания. Позже офицеры «Дианы» клялись, что ничего не слышали и не видели. Быстро темнело, и корабли исчезали в темноте. После 19:00 можно было с трудом различать силуэты только близко идущих кораблей.

Убедившись, что ему не удалось принять командование эскадрой и что последняя прекратила свое существование в качестве организованного боевого соединения, адмирал Ухтомский провел краткое совещание с командиром и старшим штурманом «Пересвета», решая вопрос о дальнейших действиях броненосца. Было ясно, что «Пересвет» со своими разбитыми трубами (вследствие чего увеличился и без того огромный расход угля), с вышедшей из строя средней машиной и с многочисленными пробоинами у ватерлинии не сможет самостоятельно прорваться во Владивосток. Сначала поэтому было решено остаться на ночь на месте боя и принять окончательное решение утром. Однако чуть позднее выяснилось, что броненосец «Ретвизан», с которым удалось установить связь, повернул в Порт-Артур. Командир «Пересвета» посоветовал Ухтомскому поступить так же. После некоторого колебания адмирал согласился, что это наиболее оптимальное решение. «Ретвизану» было приказано вступить в кильватер «Пересвету». Однако «Ретвизан», игнорируя этот приказ, обогнал «Пересвет» и стал удаляться полным ходом. По приказу Ухтомского на «Ретвизан» семафором передали приказ уменьшить ход. Однако и этот приказ не был выполнен «Ретвизаном», который быстро скрылся в темноте. Для тех, кто считает, что сражение 28 июля окончилось почти «вничью», пусть хотя бы этот пример послужит доказательством, что русская эскадра была разбита, рассеяна, морально уничтожена и панически разбежалась во все стороны. Позднее на «Ретвизане», конечно, утверждали, что не «разобрали» сигналов с «Пересвета», но, как выяснилось, командир «Ретвизана» капитан 1-го ранга Щенснович почему-то считал себя, а не Ухтомского командиром отряда броненосцев, а посему не считал себя обязанным выполнять приказы адмирала. Вся история Русского Флота полна склок подобного рода, но если капитан 1-го ранга Щенснович считал себя командиром отряда, то

почему же он так позорно бежал, оставив свой отряд на милость судьбы и миноносцев противника?

«Пересвет» остался один в темноте. Вскоре с броненосца заметили какой-то корабль и открыли по нему огонь, думая, что это японский миноносец. Но затем, почему-то именно тогда, когда этот корабль стал отвечать на огонь, на «Пересвете» решили, что случайно встретились с только что потерянным из виду броненосцем «Ретвизан», отдали приказ прекратить огонь. А между тем неизвестный корабль оказался действительно миноносцем противника, который сблизился с «Пересветом» настолько близко, что один из его 57-мм снарядов попал в ствол правого носового орудия главного калибра, сделав на нем выбоину глубиной около 5 см и выведя его окончательно из строя. К счастью для «Пересвета», атаковавший его миноносец «Мурасаме», уже израсходовал все свои торпеды. Ночью броненосец шел без огней, отражая не особенно интенсивные атаки миноносцев. Исправных компасов на «Пересвете» не было, шли, ориентируясь по полярной звезде, не зная точно своего места. На рассвете выяснилось, что около «Пересвета» остались только броненосцы «Полтава» и «Победа», а также миноносец «Властный». На горизонте был виден островок, который сначала приняли за о. Кэп, но потом выяснили, что это о. Роунд. На «Пересвете», не имея возможности точно определить свое место, попросили показать место броненосец «Победа». Снова встал вопрос, куда следовать дальше? Идти во Владивосток с таким немногочисленным отрядом адмирал не решился, видя насколько избиты «Полтава» и «Победа» и зная, как серьезно поврежден «Пересвет», способный дать ход только в 10 узлов. Поэтому адмирал принял окончательное решение вернуться в Порт-Артур, чтобы своими уцелевшими орудиями и людьми оказать содействие обороне крепости. Приняв это решение, адмирал запросил броненосец «Победа», может ли он вести отряд в Порт-Артур. Получив утвердительный ответ и выяснив, что полный ход, которым может следовать отряд, равен 9 узлам, Ухтомский приказал миноносцу «Властный» следовать вперед, чтобы выяснить обстановку на подходе к Порт-Артуру. Вскоре «Властный» вернулся и доложил на «Пересвет», что

подход к Порт-Артуру охраняется крейсером противника. Предполагая, что противник отрезал возвращающиеся корабли от базы, на всех трех броненосцах приготовились к бою. Однако, подойдя ближе, обнаружили, что корабль, принятый миноносцем «Властный» за крейсер противника, в действительности является пришедшим накануне броненосцем «Ретвизан», за которым виднелись броненосец «Севастополь» и крейсер «Паллада». Миноносец «Властный» был послан за тралящим караваном, с помощью которого «Пересвет» и все остальные корабли втянулись на внутренний рейд Порт-Артура, идя тем же фарватером, что и накануне перед выходом в бой.

В бою 28 июля на броненосце «Пересвет» был убит один офицер (А. В. Салтанов) и 12 матросов. 69 человек было ранено, в том числе и командир «Пересвета» капитан 1-го ранга В. А. Бойсман, получивший осколочные ранения в плечо, живот и ногу. Получив первую помощь, капитан 1-го ранга Бойсман через 10 минут снова вернулся в рубку и оставался на ногах в течение всего боя и ночного похода. Командир покинул свой пост только тогда, когда «Пересвет» в 11:00 29 июля вошел в Западный бассейн Порт-Артура и встал на бочки. После этого командир был отправлен на госпитальное судно «Монголия», а в командование «Пересветом» вступил лейтенант Дмитриев 5-й. (Впоследствии, уже находясь в японском плену, Василий Арсеньевич Бойсман скончался от осложнений, вызванных ранами, полученными им в бою 28 июля.) Интересно отметить, что во время боя 28 июля на «Пересвете» находились две женщины — жены офицеров — Ольга Черкасова и Лидия Непенина. Когда началось сражение, они, обеспокоенные за судьбу своих мужей, покинули лазарет, где должны были находиться, и бегали по всему кораблю, вызывая огромное удивление у всего экипажа. За время боя и при отражении атак миноносцев эскадренный броненосец «Пересвет» израсходовал 109 десятидюймовых снарядов, 720 шестидюймовых, 315 — 47-мм снарядов. (Через несколько лет после окончания войны группа офицеров «Пересвета», некоторые из которых уже ушли в отставку, получили награды за бой 28 июля. Награды получили офицеры многих других кораблей, за исключением интернированных.)

В тот же день, когда избитые в бою русские корабли вернулись в Артур с приспущенными флагами, японцы возобновили бомбардировку гавани с сухопутных позиций. На этот раз корабли и сооружения военно-морской базы обстреливались не только 120-мм орудиями, но и подтянутыми к Артуру 6" осадными батареями. Бомбардировка создавала очень нервную обстановку на кораблях, но существенных повреждений она не приносила, поскольку огонь японских осадных батарей велся вслепую и корректировался только китайскими шпионами. После совещания на борту «Пересвета» 6 августа 1904 года, на котором было принято решение разделить судьбу крепости, корабли получили под свою ответственность различные участки сухопутного фронта. «Пересвету» достался участок от укрепления № 4 до батареи литера Д. Броненосец сдал на сухопутный фронт три 6" орудия, два 75-мм, два 47-мм и четыре 37-мм орудия, а также 3 прожектора. Для их обслуживания с «Пересвета» было списано на берег 103 человека.

Решение совещания, которое имело место 6 августа на борту «Пересвета», вызвало резкую критику со стороны находящегося в Мукдене адмирала Алексева, который настаивал на скорейшем ремонте кораблей и новом выходе в море для прорыва во Владивосток. Полемика между Ухтомским и Алексеевым привела к тому, что приказом № 115 от 15 августа 1904 года контр-адмирал Ухтомский был снят со своего поста и отчислен в распоряжение штаба заместника, а на «Пересвете» поднял свой брейд-вымпел вновь назначенный командующим отдельным отрядом броненосцев и крейсеров в Порт-Артуре (так теперь стала скромно именоваться некогда могучая Тихоокеанская эскадра) капитан 1-го ранга Вирен — бывший командир крейсера «Баян». (Через несколько дней капитан 1-го ранга Р. Н. Вирен был произведен в контр-адмиралы и, спустив свой брейд-вымпел на «Пересвете», поднял свой контр-адмиральский флаг на броненосце «Ретвизан».)

Между тем японцы, перегруппировав свои силы, начали генеральный штурм крепости. Со всех кораблей на усиление сухопутного фронта были посланы десанты. «Пересвет» послал на берег 213 матросов под командова-

нием мичманов Максимова и Витгефта. В период штурма с 30 июля по 12 августа броненосец «Пересвет» вел наиболее интенсивный огонь из орудий главного и вспомогательного калибров, оказывая непосредственную артиллерийскую поддержку обороняющимся русским войскам. Огонь велся по скоплению войск противника, по его артиллерийским позициям, по складам и передовым штабам. При этом «Пересветом» было уничтожено несколько артиллерийских батарей и уничтожено много живой силы противника. С 13 по 21 августа «Пересвет» поддерживал своим огнем русские контратаки, которые велись в тщетных попытках отбить захваченные японцами позиции. Неся большие потери от огня русских кораблей, японцы вели своими осадными батареями непрерывный огонь по внутренним бассейнам Порт-Артура. Сбив русские войска с вершины Длинной горы, противник получил возможность относительной корректировки перекидного огня своей артиллерии. С вершины Длинной горы был виден небольшой участок акватории Западного бассейна, где и стоял броненосец «Пересвет». Естественно на нем и сконцентрировался артиллерийский огонь противника, однако 120-мм и даже 6" японские снаряды не причинили, да, пожалуй, и не могли причинить броненосцу существенных повреждений. Всего за период с 5 по 18 сентября «Пересвет» получил 17 попаданий. За это время «Пересвет» продолжал ежедневно вести перекидной контрбатарейный огонь по японским позициям, брал на себя заведывания тралением и охраной рейда, а также обеспечивал действия своего десанта на берегу.

19 сентября 1904 года японцы начали бомбардировку Порт-Артура из 11" осадных мортир, которые им удалось скрытно доставить и развернуть в боевых порядках своей осадной армии. В первый же день бомбардировки в «Пересвет», который был ясно видим с Длинной горы, попало 9 одиннадцатидюймовых снарядов. Из этих снарядов только один, попавший в борт вблизи ватерлинии, нарушил водонепроницаемость «Пересвета», остальные разорвались, не причинив особых повреждений. Однако материальный ущерб первого дня бомбардировки из 11" мортир не шел ни в какое сравнение с их моральным

воздействием на личный состав эскадры. Все отлично понимали, что от этих снарядов защиты нет. Пришлось приостановить ремонтные работы и свести на берег во избежание напрасных потерь в личном составе большую часть экипажей. Все корабли подтянулись ближе к Перепелиной горе, чтобы по возможности стать менее видимыми с Длинной горы. До 25 сентября японцы, развернув 11" осадные батареи, вели ими довольно вялый огонь, испытывая итальянские мортиры на дальность и кучность огня, одновременно заканчивая оборудование и маскировку их позиций. (Интересно отметить, что 5 броненосцев, имея в общей сложности девять 12" и восемь 10" орудий, так и не смогли в течение всей осады не только подавить осадные батареи противника, но даже нанести им какой-нибудь ущерб, поскольку точно установить их позиции так и не удалось.)

26 сентября противник начал интенсивный методический обстрел фортов и гавани Порт-Артура из своих тяжелых осадных орудий. 28 сентября в броненосец «Пересвет» попало одиннадцать 11" снарядов. Первый из этих снарядов, пробив батарейную палубу «Пересвета», прошел через угольную яму, разорвался на жилой палубе, уничтожив торпеду (без зарядного отделения) и турбину. Второй снаряд пробил сетку с койками, навесную палубу верхней батареи, уничтожил элеватор 37-мм орудия, пробил палубу нижней батареи, повредил рефрижератор, пробил в двух местах карапас и, разорвавшись, уничтожил еще одну торпеду. Третий — пробил кожух средней дымовой трубы и навесную палубу, уничтожил отростки главной пожарной магистрали, пробил палубу верхней батареи, разбил трубы рефрижератора, уничтожил ледник и элеватор подъема мусора, пробил пустую угольную яму, двойной борт, наружную обшивку до четырехдюймовой брони и, не разорвавшись, лег за двойным бортом. Четвертый — повредил носовую шлюпбалку и разорвался о броню каземата № 7. Пятый — повредил заднюю дымовую трубку, пробил кожух и, выйдя на палубу верхней батареи, пробил ее, откатился под рукав угольной ямы, разбив по пути вентилятор боевого погреба № 3 и трубы парового отопления, к счастью, не взорвавшись. Шестой — пробил элеватор 75-мм орудия и на-

весную палубу, разорвался на палубе верхней батареи, пробив ее осколками, уничтожив при этом динамомашину, масляную цистерну, изрешетив палубу нижней батареи и ранив 4 человека. Седьмой — пробил навесную палубу, уничтожив склад артиллерийских принадлежностей, пробил наружный борт, скользнул по станине 75-мм орудия и, не разорвавшись, откатился к борту. Восьмой — повредил мостик, уничтожив койки, ограждавшие рубку, пробил навесную палубу и шахту левой машины, прошел через палубу верхней батареи, пробил двухдюймовую броню каземата № 4 и, разорвавшись, повредил 6" орудие.

30 сентября в «Пересвет» попало 4 снаряда. Первый — пробил три палубы, уничтожил мощную динамомашину. Второй — попал в левый борт броненосца, пробил его и, разорвавшись у переборки 66, повредил ее и водонепроницаемую дверь из левой машины в кочегарку. Третий — попал в правый борт «Пересвета», сорвал дверь угольной ямы и повредил турбину. Четвертый — попал в броню верхнего каземата носового 6" орудия, повредив полупортик. Расстрел «Пересвета» продолжался, а оставшиеся на нем люди ждали своей судьбы. В те дни на «Пересвете» побывал военный корреспондент Е. К. Ножин, который впоследствии вспоминал: «Воскресенье. День ясный, теплый. Ветра нет. Внутренний рейд, как зеркало. Бомбардировка только что началась. У берега ни одной шампуньки. Недавно в пристань попал снаряд — все разбежались. На одном из судовых катеров добрался наконец до «Пересвета». Большой, темный и грозный стоял он в центре Западного бассейна... Зияют, словно раскрытые ворота, огромные надводные пробоины, всюду и везде следы взрывов неприятельских снарядов... Между тем бомбардировка усиливалась — японцы пристреливались. Через полчаса два снаряда попали в адмиральское помещение. Затем попадания участились — огонь японцев сосредоточился исключительно на «Пересвете». Вышли наверх. На верхней палубе никого — только вахтенный офицер, подвахтенный и часовой у кормового флага. Громада броненосца стоит недвижимо. Снаряд за снарядом падает в воду, вздымая при взрыве огромные столбы воды. Слышен вой снаряда, сердце зам-

рет, прислушиваешься — куда упадет? Ждешь... В воду. Опять вой! В воду. Опять. Еще, еще. Вой — долгий, протяжный. Треск, гул — ударило в борт. Громада броненосца как бы нервно вздрогнула. Спустились вниз. Вестовые подали чай. Присутствующие офицеры непринужденно болтают. Кто пьет чай, кто читает... Бомбардировка продолжалась. Я зорко наблюдал за офицерами и матросами. Полное безразличие к смертельной опасности. Жизнь текла обычным путем. Только в самый момент попадания все прислушивались, стараясь угадать, где упал снаряд. А каждый следующий снаряд мог упасть именно сюда, где мы сидели. Попадания все чаще, чаще. Бомбардировка усиливалась. Около 5 часов снаряд разорвался на камбузе, где люди брали кипяток. Побежали туда. Несколько убито, несколько ранено. Двум оторвало ноги. В помещении стоял густой, удушливый дым. Стоны раненых, испуганные лица уцелевших. В дыму суетятся санитары и фельдшеры. Кровь, кровь, лужа крови, куски одежды, куски мяса...»

В ночь на 1 октября «Пересвет» перешел на новое место ближе к берегу под защиту Перепелиной горы.

Между тем на сухопутном фронте с каждым днем возрастала жесточенность боев. Не считаясь с потерями, японцы яростно штурмовали гору Высокую, которая господствовала над крепостью и гаванью. И японцы, и русские отлично понимали, что падение Высокой — это падение Порт-Артура и гибель заблокированной в нем эскадры. Тяжелые осадные батареи, прекратив обстрел гавани, переключились на поддержку сухопутных войск, которые непрекращающимися волнами шли на штурм Высокой горы. На головы атакующих обрушивались шаровые мины, торпеды, их засыпали снарядами, ручными гранатами и просто камнями, поливали пулеметным огнем и мощными залпами русских трехлинейек. Сойдясь врукопашную, люди дрались прикладами, штыками, пашками, просто кулаками, рвали друг друга зубами, душили. Японцы откатывались, и на скопление их войск обрушивались 12" снаряды броненосцев. В боях за гору Высокую принимал активнейшее участие десант моряков с «Пересвета» под командованием мичманов Рыжея, Максимова, Денисова, Буткевича, инженер-механика Гебен-

штрейта и прапорщика Семенова. Минный офицер с «Пересвета» лейтенант Кротков изобрел электрическое проводочное заграждение, развернутое на подступах к Курганной батарее, после штурма которой было обнаружено 150 трупов, убитых током, японских солдат.

И тем не менее ярость японских штурмов возрастала. Их неистовость и полное презрение к смерти наряду с прекрасной боевой подготовкой в итоге сделали свое дело. В ночь на 22 ноября русские были сбиты с обеих вершин Высокой. Еще под огнем отчаянных русских контратак на Высокой начали разворачиваться артиллерийские корректировочные посты, и утром 23 ноября осадные батареи обрушили прицельный огонь 11" снарядов на русские корабли. В этот день целью японцев был броненосец «Ретвизан», однако 5 снарядов попало и в «Пересвет». Первый снаряд, пробив палубы, уничтожил механическую мастерскую. Второй снаряд попал в носовой кочегарный кожух, пробил его, и не разорвавшись, лег на верхней палубе. Третий попал в кормовую кочегарку, пробил котел и также не разорвался. Четвертый — проник в тросовое отделение и, разорвавшись, причинил подводную пробоину. Пятый уничтожил офицерский камбуз и разорвался в кормовом кочегарном кожухе. Все понимали, что корабли обречены, но приказа выйти в море так и не последовало. Какое-то проклятие висело над Русским Флотом, лишив его последнего права погибнуть достойно.

Покончив 23 ноября с «Ретвизаном», японцы с расцветом 24 ноября приступили к расстрелу «Пересвета». За день в броненосец попало 20 одиннадцатидюймовых снарядов. После первых десяти попаданий на корабле вспыхнул сильный пожар, бороться с которым под градом снарядов было совершенно невозможно. Командовавший броненосцем капитан 2-го ранга Дмитриев, опасаясь взрыва и надеясь этим прекратить бомбардировку (!), приказал открыть кингстоны и затопить «Пересвет». Объятый пламенем корабль, опустился на грунт на ровном киле, погрузившись в кормовой части почти до верхней палубы. Однако это не прекратило расстрел «Пересвета». В уже погибший корабль японцы всадили еще 10 снарядов и только после этого перенесли огонь на броненосец «Ретвизан».

носец «Победа». После затопления с «Пересвета» были свезены на берег остатки экипажа и боевых запасов. Перед капитуляцией крепости все затопленные в гавани корабли были взорваны. Руководивший уничтожением «Пересвета» лейтенант Черкасов, в ответ на появившиеся сообщения о подъеме «Пересвета» японцами, по-видимому, не кривя душой, писал: «За время войны, как от боев, так и от бомбардировок и собственной стрельбы все корабли были расшатаны и изрешечены, и заплаты ставились на заплаты. «Пересвет» в бою 28 июля получил 40 снарядов, из которых один сделал подводную пробоину и три, близких к ватерлинии. Были дни, когда, стоя на рейде, «Пересвет» получал по 3, 8, 10, 13, 22 и 27 одиннадцатидюймовых снарядов, пробивавших корабль почти до самого киля, и массу шестидюймовых снарядов. В общем, было много больше сотни попаданий, а из них больше пяти подводных. После потопления, когда броненосец сел футов на 8 глубже в малую воду, то в этих восьми футах небронированного борта было еще больше пробоин, сделавшихся таким образом тоже подводными, которые для подъема корабля надо также предварительно зачинить. Палубы и водонепроницаемые переборки до самого киля были все изрешечены и покороблены, разные трубы и вспомогательные механизмы повреждены, котлы — разбиты... Кроме этого, перед капитуляцией на броненосце пироксилином было уничтожено все, что имеет какую-либо боевую ценность... Из всего этого видно, что поднять корабли, затопленные в Артуре, представляется делом весьма сложным, трудным, кропотливым и страшно дорогостоящим. Раньше, чем поднимать, их придется чинить под водой. Починка кессонами, как чинили мы свои корабли, теперь невыполнима, так как кессон может присосаться только к находящимся на плаву кораблям... Следовательно, для подъема наших кораблей японцам придется построить кругом каждого броненосца по сухому доку и, откачав воду, чинить повреждения, если только от подобной стоянки на грунте поврежденные корабли не развалятся сами собой. Понятно, что постройка одного только такого дока займет 2 — 3 года работы и обойдется дороже нового современного броненосца! Кроме того, мы знаем, что до

марта 1905 года японцы и не приступали к подъему кораблей. Весь японский гарнизон Порт-Артура состоял из 1000 — 2000 человек, несших исключительно караульную службу. На кораблях находились только вахтенные, никаких работ не было видно. Не могли же они (японцы) в четыре месяца (с марта по июль) поднять все корабли, починить их и привести машины, котлы, палубы, переборки и все жизненные части в такой вид, чтобы корабли эти «под собственными парами» могли выйти из Артура — нет, это вещь абсолютно невозможная! Стоит только представить себе картину разрушений, чтобы быть совершенно спокойным и уверенным в вымысле японских сообщений. Порт и мастерские были настолько разрушены, что к исправлению их положительно не стоило приступать. А ведь раньше, чем чинить корабли, японцам пришлось бы восстанавливать мастерские, а на это тоже нужны время и деньги... Нет, корабли наши могут быть только проданы как железный лом, который при том надо еще добывать из воды». Не будем говорить о познаниях лейтенанта Черкасова в вопросах судоподъема, но писал он вполне искренне. После захвата Порт-Артура японцами на затопленном «Пересвете» побывал английский журналист Н. Сеппинг-Райт, которому, по мнению некоторых советских историков, подчинялся адмирал Того. Сеппинг-Райт пишет: «На «Пересвет» мы поднялись с некоторым затруднением по очень слабо укрепленному трапу, поручни которого были совершенно уничтожены. Палуба представляла картину разгрома и разрушения... Носовая башня была полуразрушена, орудия и станки — разбиты вдребезги... Снаряд сбил верхнюю часть башни и на палубе лежала ее крыша. Остальная часть башни вся распаталась и представляла сходство с лопнувшим гранатовым яблоком. Мостик был уничтожен, а попавший в боевую рубку снаряд, привел ее в полную негодность. Все закоптело и искорежилось от действия пожара. Огонь dokonчил разрушение всего, уцелевшего от действия японских снарядов. Сильно пострадали дымовые трубы: одна из них имела вид безобразной груды изогнутого железа. Задний мостик находился в таком же состоянии разрушения, как и передний, хотя бушевавший на броненосце пожар сгладил много следов

повреждений, нанесенных японскими снарядами. Повреждения машинного отделения оставались пока еще тайной, обнаружить которую можно было, только выкачав оттуда воду».

Захватив Порт-Артур, японцы назначили командиром порта способного и энергичного вице-адмирала Сибайяма — крупного специалиста аварийно-спасательных работ. В середине марта 1905 г. под его руководством начались работы по подъему и исправлению затопленных в гавани русских кораблей, которые были организованы настолько быстро и велись настолько эффективно, что у лейтенанта Черкасова, привыкшего к совершенно другим темпам и другой организации работ, безусловно были все причины сомневаться в правдивости японских сообщений. 29 июня 1905 года броненосец «Пересвет» был поднят японцами, переименован в «Сагами» (древнее название японской провинции Канагава) и торжественно включен в состав императорского флота Японии. Через несколько дней броненосец «Сагами» своим ходом направился в Сасебо, где он был поставлен в док. 17 августа 1905 г. броненосец «Сагами» закончил доковый ремонт и направился в Токийский залив для подготовки к торжественному военно-морскому параду японского флота по случаю победоносного завершения войны. Из окна военно-морского госпиталя за уходом «Сагами» с болью наблюдал пленный русский офицер капитан 1-го ранга В. Семенов, который записал в своем дневнике: «17 августа — «Пересвет» вышел из дока и пошел куда-то... Боже, какой позор! Больно глядеть. Как ударило по сердцу! Идет под своими машинами, под японским флагом!»

Приняв участие 10 октября 1905 года в торжественном военно-морском параде победы, броненосец «Сагами» был поставлен на капитальный ремонт и модернизацию. Модернизационные работы на броненосце продолжались до 1909 г., после чего «Сагами» служил в составе японского флота в качестве корабля береговой обороны. (После модернизации «Сагами» японцы распустили дезинформацию о том, что на броненосец вместо 10" орудий поставлены 12" системы Армстронга. Только после вступления Японии в 1914 году в войну на стороне Ан-

танты выяснилось, что на корабле осталась десятидюймовая артиллерия.)

«Пересвет» оставался в японском плену до 1916 года, после чего он был продан обратно России за 7 миллионов иен в связи с необходимостью усиления вновь созданной русской флотилии Северного Ледовитого океана. 21 марта 1916 г. линейный корабль «Сагами», ведя за собой на Родину своих пленных товарищей — линейный корабль «Танго» (б. «Полтава») и крейсер «Соя» (б. «Варяг»), прибыл во Владивосток в составе отряда японского контр-адмирала Яманака. 27 марта японский линкор «Сагами» был снова переименован в «Пересвет», переклассифицирован в класс броненосных крейсеров и в 10 часов утра, когда на нем снова взвились русские военно-морские флаги, вторично вступил в строй Русского Флота под командованием капитана 1-го ранга Д. Д. Заботкина. Кроме того, на «Пересвете» поднял свой флаг командующий отрядом контр-адмирал А. И. Бестужев-Рюмин. В процессе подготовки к длительному переходу из Владивостока в Мурманск «Пересвет» 23 мая 1916 года вышел из Владивостока в море под флагом командующего отрядом для испытания машин и производства артиллерийских стрельб. Погода была не совсем благоприятной — над морем периодически спускался туман, поэтому предполагалось до захода солнца возвратиться на базу. Завершив испытания, «Пересвет», находясь в семи милях восточнее маяка Скрыплева, повернул на обратный курс и, следуя 7-узловым ходом, стал возвращаться во Владивосток. В это время туман стал настолько плотным, что маяк Скрыплева совершенно скрылся из вида и направление на него было определено только по звуку сирены. В данной обстановке, не зная точно своего места, «Пересвет» повернул влево на 6°, намереваясь пройти серединой фарватера. В 18:58, через 16 минут после поворота, в тумане справа по носу был замечен скалистый берег, прямо на который шел «Пересвет». Командир, заметив навигационную ошибку, дал полный ход назад, однако «Пересвет», продолжая по инерции двигаться вперед, выскочил носом на прибрежный риф в 120 м от берега, получив крен 2° на левый борт и дифферент на корму. Когда туман рассеялся, было установлено, что крейсер

сел на камни в 1,5 кабельтовых к востоку от мыса Иродова. Осмотр отсеков показал, что «Пересвет» получил ряд подводных пробоя, в результате чего некоторые носовые водонепроницаемые отделения оказались затопленными водой, в том числе и подбашенное отделение носовых орудий главного калибра. А это свидетельствовало о необходимости полной замены вертикального килля, а также шпангоутов до первого непроницаемого стрингера наружной обшивки внутреннего дна и некоторых платформ. Произведенный водолазами вокруг корабля осмотр грунта показал, что «Пересвет» сидел днищем до 10 шпангоута на каменной плите, имевшей небольшой склон к морю. При этом наружное дно между 11-м и 30-м шпангоутами на протяжении 22, 8 м было повреждено, а киль разбит на протяжении 34, 8 м (от 5-го до 34-го шпангоута). Все попытки сойти с мели собственными средствами, давая машинами задний ход, не привели ни к каким результатам. Пришлось запросить помощь.

Контр-адмирал Бестужев-Рюмин доложил по радио об аварии командующему Сибирской флотилией вице-адмиралу М. Ф. Шульцу, прося его прислать портовые средства для производства спасательных работ, а затем дал радиogramму на «Чесму» (б. «Полтава»), приказав линкору развести пары и находиться в готовности к выходу на помощь «Пересвету».

Первыми к месту аварии в 2 часа дня прибыли из Владивостока мощные портовые буксиры «Надежный» и «Свирь». На «Надежном» находился командир Владивостокского военного порта. Затем прибыл линейный корабль «Чесма», с помощью которого и было решено снять «Пересвет» с камней. С «Чесмы» на корму «Пересвета» был подан буксирный конец, и в течение последующих 30 минут линкор пытался стянуть своего товарища с мели. Однако все попытки оказались тщетными. Тогда к линейному кораблю «Чесма» присоединился буксир «Надежный», с которого на «Пересвет» в течение одного часа 40 минут подавали мощный буксирный конец. Однако этот конец лопнул после 10 минут буксировки.

25 мая линейный корабль «Чесма» и оба буксира продолжали попытки снять «Пересвет» с камней. Носовая часть корабля была разгружена, а в кормовые отде-

ления было принято 200 т воды для уменьшения дифферента на нос. Однако все усилия были тщетными. Буксирные перлины рвались один за другим, а «Пересвет» не двигался ни на дюйм. В конце дня работы по спасению «Пересвета» были временно приостановлены. Видя тщетность усилий снять «Пересвет» с камней своими силами, командование Сибирской флотилии 26 мая послало телеграмму русскому военно-морскому атташе в Токио капитану 2-го ранга А. Н. Воскресенскому с просьбой прозондировать почву о возможности привлечения к работам по снятию «Пересвета» с камней японских спасательных компаний. 30 мая капитан 2-го ранга Воскресенский сообщил о согласии японского командования оказать содействие спасательным работам на «Пересвете». 1 июня во Владивосток из Японии был отправлен японский крейсер «Касаги» с группой специалистов спасателей и необходимым оборудованием.

В ожидании прибытия японских специалистов вокруг «Пересвета» продолжались водолазные и подрывные работы, в результате которых уменьшилась площадь касания днища крейсера с выступающими из плиты камнями. Одновременно из Владивостока к месту аварии были доставлены баржи-понтон, которые 3 июня были заведены под нос «Пересвета». 4 июня началось откачивание воды из барж и отсеков корабля, но в связи с малой мощностью насосов работы шли медленно и неэффективно. Новые попытки буксировки «Пересвета» с помощью «Чесмы» и двух буксиров снова практически ни к чему не привели. После этого было принято окончательное решение передать спасательные работы на «Пересвете» в руки японцев, поскольку к этому времени крейсер «Касаги» уже доставил во Владивосток группу японских специалистов.

7 июня 1916 года японцы приступили к работам по снятию «Пересвета» с камней. Используя мощные насосы, они быстро откачали воду из «Пересвета» и, осушив внутреннее дно, залили цементом обнаруженные пробойны. Укрепив переборки и разгрузив носовую часть «Пересвета» еще на 400 т, японцы подвели под корабль 4 баржи-понтон и в тот же день, 7 июня, в 20:45 «Пересвет» был снят с камней и отведен на буксире во Владивосток,

где был поставлен в док для производства временного ремонта, чтобы корабль мог совершить переход в японский порт Майдзуру для более капитального ремонта. 25 июля «Пересвет» вышел из дока во Владивостоке, а 27 июля покинул Владивосток, взяв курс на Майдзуру, куда он прибыл через 63 часа, идя со скоростью 8 узлов. 6 августа «Пересвет» был введен японцами в док военно-морской базы Майдзуру, где корабль простоял более месяца. 12 сентября доковые работы были закончены и «Пересвет» начал подготовку к почти к кругосветному переходу в Мурманск. 19 октября 1916 года «Пересвет» вышел из Майдзуру и, зайдя по дороге в Гонконг, Сингапур, Аден и Суэц, прибыл 6 декабря 1916 года в Порт-Саид. В этот период, в разгаре первой мировой войны, в Восточном Средиземноморье резко возросла активность немецких подводных лодок, которые, помимо обычных атак на союзные корабли и конвой, еще и выставляли мины на вероятных путях их движения. Особенно интенсивно немецкие подводные лодки действовали у побережья Египта на торговых путях из Суэцкого канала. В начале декабря 1916 года немецкая подводная лодка «U-73» произвела несколько минных постановок у побережья Египта на подступах к Суэцкому каналу.

22 декабря 1916 г. (4 января 1917 г.) «Пересвет» в сопровождении английского эсминца вышел из Порт-Саида. Корабль следовал в полной боевой готовности на случай отражения возможных атак немецких подводных лодок. Отойдя на несколько миль по прямому курсу от Порт-Саида, английский эсминец, эскортирующий «Пересвет», пошел зигзагами, и его примеру последовал «Пересвет», стараясь ворочать в точках поворота своего мателота. В момент третьего поворота для выполнения зигзага, в 17:30, «Пересвет» последовательно подорвался на двух минах. Первый взрыв произошел в носовой части левого борта напротив носовой 10" башни, что вызвало детонацию боезапаса главного калибра. Мощный двойной взрыв снес крышу башни главного калибра и, прорвав все палубы, поднял высоко над кораблем страшный смерч зелено-оранжевого огня и желто-черного дыма. Взрыв в носу отразился двойным взрывом в корме и «Пересвет» стал быстро зарываться носом

в воду. Считая, что корабль торпедирован немецкой подводной лодкой, расчеты противоминной артиллерии открыли огонь по воде. «Пересвет», ваясь на левый борт, продолжал уходить носом в воду и в наступившей после взрыва тишине был ясно слышан скрежет, ломаемых водой водонепроницаемых переборок. Видя, что гибель «Пересвета» неминуема, командир крейсера, несмотря на контузию в голову, успокоил личный состав и отдал приказ покинуть обреченный корабль. Попытки спустить шлюпки большей частью окончились неудачей — их разбивало волной. Удалось спустить только один паровой катер, на который стали поднимать из воды людей, плававших около гибнущего корабля. В 17:47 (через 17 минут после взрыва) «Пересвет», перевернувшись через левый борт, затонул на глубине 45 метров. Жизнь многострадального ветерана закончилась. Место гибели «Пересвета» — в 10 милях на NO-24° от выхода из Порт-Саида. В течение четырех часов английский эсминец и подошедшие французские траулеры спасали экипаж «Пересвета». Всего удалось поднять из воды 557 человек, из которых 9 впоследствии умерли в госпитале Порт-Саида. Погибло 252 человека — 30,4% личного состава.

(Стоимость аварийно-спасательных работ и ремонта в мае — сентябре 1916 г. — 740000 р.)

Корабль находился в строю 15 лет, из них 11 — под японским флагом. Эскадренный броненосец «Пересвет» был зачислен в списки Русского Флота 3 октября 1895 года. Исключен из списков 15 сентября 1905 г. Крейсер «Пересвет» был вторично зачислен в списки Русского Флота 6 апреля 1916 года. Исключен из списков 28 марта 1917 года.

Командиры эскадренного броненосца «Пересвет» с 1895 — 1917 гг.

1895 — 1897 гг. — капитан 1-го ранга Филисов

1897 — 1902 гг. — капитан 1-го ранга Королев

1902 — 1904 гг. — капитан 1-го ранга Бойсман

1904 г. — капитан 2-го ранга Дмитриев

1916 г. — капитан 1-го ранга Заботкин. (Капитан 1-го ранга Дмитрий Дмитриевич Заботкин — дед популярной

в наше время балерины и киноактрисы Ольги Заботкиной — был снят с должности после посадки «Пересвета» на камни в мае 1916 г., хотя в своем рапорте он уверял, что «Пересвет» был сознательно посажен на камни штурманом — немцем по происхождению. А это доказывает, что попытки свалить низкую боевую подготовку и общее отсутствие элементарного порядка на происки шпионов, диверсантов и вредителей были изобретены не после 1917 года, как многие думают, а намного раньше.)

1916 (17. 08 — 22. 12) — капитан 1-го ранга Иванов 13-й

**Русские адмиралы, державшие свой флаг на
«Пересвете»**

1902 г.— контр-адмиралы Старк и Кузьмич

1903 г.— вице-адмирал Старк и контр-адмирал князь Ухтомский

1904 г.— контр-адмирал князь Ухтомский и контр-адмирал Р. Н. Вирен

1916 г.— контр-адмирал Бестужев-Рюмин

ПРИЛОЖЕНИЕ

«ПЕРЕСВЕТ»

Кір Иванов 13-й: «Как и кем была произведена приемка «Пересвета», но она была совершена недостаточно серьезно, требовательно и внимательно. Запаклевавши и замазавши непроницаемым толстым слоем краски все дефекты, японцы привели их во Владивосток, где состоялась передача, и наших многострадальных, старых ветеранов вновь осенил славный Андреевский флаг...»

Людевиг (волонтер): «Домерщик Мих. Мих., новый «старшой», тотчас же по прибытии на корабль произнес две речи перед офицерами и командой. Перед первыми он развил мысль о необходимости воздействия на матросов не кулаком и наказанием, а личным примером добросовестного отношения к службе. Тенденция эта встретила резкую оппозицию офицеров. Во всяком случае, повышение требования к офицерам, с одной стороны, и защита интересов матросов, может быть иногда в ущерб престижу офицеров, с другой стороны, повели к тому, что старший

офицер оказался совершенно изолированным от остальной кают-компания. Матросам Домерщиков сказал, что он будет строго требовать службу, но зато обещал заботиться о пище, а со своими нуждами разрешил без стеснения ходить к нему. Следуя программе, высказанной перед офицерами, он первое время ни одного взыскания не накладывал и пытался воздействовать словом. Но вожжи слишком быстро были распушены. До того незаметное тайное пьянство на корабле стало явным, а число краж увеличилось. Число метчиков все росло и дошло до баснословной цифры, в 20 с лишним человек в день. Пришлось снова вводить строгости... По словам офицеров, вахтенных начальников, командир был предупрежден английскими властями о том, что в Порт-Саиде предполагаются германские агенты и что необходимо принять строжайшие меры по охране корабля от проникновения посторонних лиц. На словах были даны строжайшие распоряжения, чтобы абсолютно никто без специального разрешения на корабль не пропускаться, но на деле было вовсе не так. Разные прачки, портные, торговцы свободно разгуливали не только в офицерских палубах, но даже и в обеих командных. Рабочие одного из порт-саидовских заводов, работавшие по ремонту мусорных эжекторов, всходили на корабль, иногда даже не спрашивая разрешения вахтенного начальника. Часовые у трапов, привыкшие к халатному отношению к своим обязанностям и к беспрепятственному посещению корабля посторонними лицами, даже не всегда вызывали вахтенного унтер-офицера. Посторонние на корабле, распушенность экипажа, доступность к погребам, вообще порядки, которые ни один капитан торгового, грузового парохода у себя не допустил бы, делали на «Пересвете» вполне возможным устройство взрыва со злым умыслом... В Порт-Саиде находился агент пароходного общества РОПиТ господин Пахомов, тип очень небольшого удельного веса, и еще какие-то двое русских, темные типы, избравшие себе знакомство с кондукторами и нижними чинами, отпускаемыми на берег... Война кончается, бессмысленно идти на верную гибель в кипящее немецкими подлодками Средиземное море и губить сотни матросских жизней ради того, чтобы перегнуть на Север ржавую, никому не страшную коробку...

День отхода держался от экипажа в секрете, и даже в последние дни в точности не было известно, когда мы уходим. Как это всегда бывает, лучше всех были осведомлены поставщики, и от них-то мы узнали, что уходим 22-го в четыре часа. Но около двух часов дня от начальника обороны Порт-Саида и Суэцкого канала — французского адмирала пришло распоряжение выходить в три часа, т. е. на час раньше. В последние минуты, когда сообщение с берегом было уже прекращено и отдавались последние перлины, неожиданно на палубу вышли каких-то два «вольных человека». Никто их не остановил. Они сели в шлюпку и съехали. По словам кондуктора Николайчука, это были два брата, русские подданные, один из них служил когда-то фельдфебелем. Они были приглашены в кондукторскую кают-компанию баталером Пален. Он их угощал...»

Кір Иванов 13-й: «Ровно в 3 часа якоря были убраны и мы вошли в канал, следуя за идущим впереди конвоиром. Перебравшись в походную рубку, я занял свое место на мостике, где у главного компаса находились оба штурманских офицера и сигнальщик-англичанин. Я сделал распоряжение о разводке очередной смены по боевому расписанию к орудиям, погребам и на корабельные посты.

Время подходило к 05:30 вечера, сумерки начинали сгущаться, пошел небольшой дождь, и погода заметно стихла. В свое время была дана боцманская дудка к ужину, вскоре после которой конвоир вновь начал делать зигзаг вправо, меняя курс. Наш поворот в его месте удался очень хорошо, но только что, завершив циркуляцию, мы легли ему в кильватер, как я почувствовал два последующих сильных подводных удара в левый борт, около носовой башни; корабль сильно вздрогнул, как бы наскочив на камни, и прежде, чем можно было отдать себе отчет в происходящем, рядом, поднявши по борту столб воды, из развороченной палубы с левого борта около башни вырвался громадный столб пламени взрыва, слившись в один из нескольких последовательных взрывов по направлению к мостику. Было ясно, что за последовавшим наружным двойным взрывом детонировали носовые погреба правого борта, разворотили палубу и сдвинули броневую крышу у

носовой башни. Я застопорил машины, а судовая артиллерия открыла огонь, стреляя из носовых шестидюймовых орудий ныряющими снарядами по неопределенной цели, ибо никому не удалось увидеть ни лодку, ни перископ, да и открыть последний и в более спокойной обстановке было бы затруднительно, а гулявшие беляки служили хорошим прикрытием для подводной лодки.

Положение «Пересвета» было угрожающим. Тотчас же после взрыва, корабль сильно осел, и волны начали заливать бак, образуя крен на левый борт, все время увеличивавшийся. Было ясно, что никаких мер к спасению корабля из-за полученных сильных повреждений предпринять было уже невозможно, и была дана команда: «Всем надеть пояса!» и «Всем на гребные суда!»

Спускаемые гребные суда разбивались о борт в щепу, обрывались тали. Взяв себе пробковый матрас из кем-то расшнурованной и брошенной на мостике койки, я вернулся в него и, кое-как обвязав вязки (они наполовину были оборваны), стал ожидать своей участи. Набежавшей на мостик волной я был подхвачен и брошен в открытый порт правого носового шестидюймового барбета, в котором я застрял, но следующая волна выжала меня из порта и бросила на свободную воду...»

«... Когда основание носовой башни стало входить в воду, старший офицер скомандовал: «Прыгать всем за борт!» Он строго наблюдал, чтобы по возможности прыгали отдельными шеренгами и попавшие в воду скорее отплывали от тонущего броненосца, не мешая друг другу. Французское командование впоследствии отметило, что благодаря распорядительности старшего офицера «Пересвета» спаслось так много команды. Бывший старший офицер Домерщиков, узнав в Специи, что есть слухи, направленные против Ренштке, специально приезжал в Брест и, узнав историю с термографом, рассказал матросам, как он возвращал в Порт-Саиде Ренштке сигнальный ящик для залповой стрельбы, который он брал в кают-компанию. Но Домерщикову рассеять подозрение не удалось...»

ПОБЕДА

Победа — русское слово, означающее торжество над противником.

«Победа» (БВ-10)

Водоизмещение: 12674 т

Главные размерения: 132, 4х21, 8х7, 7 м

Скорость максимальная: 18 узлов

Вооружение: четыре 10-дюймовых орудия в башнях, одиннадцать 6-дюймовых орудий в казематах, двадцать 75-мм, двадцать 47-мм и восемь 37-мм орудий, 2 десантные пушки и 4 пулемета, 3 надводных и 2 подводных ТА

Мощность механизмов: 14500 л. с.

Бронирование: Борта — 178 — 229 мм

Казематы — 51 — 127 мм

Башни — 229 мм

Палуба — 51 — 82 мм

Боевая рубка — 102 — 152 мм

Экипаж (штатный): 20 офицеров и 725 матросов

Тип: «Пересвет»

Эскадренный броненосец «Победа» был заложен 9

февраля 1899 года на Балтийском заводе в С.-Петербурге как третий корабль типа «Пересвет». Строительство корабля велось в рамках кораблестроительной программы 1895 года. Постройкой броненосца руководил корабельный инженер В. Х. Оффенберг, в прошлом строитель «Пересвета». Работы на «Победе» финансировались государством и велись в каменном эллинге Балтийского завода. Машины и котлы броненосца были изготовлены на том же Балтийском заводе, броню поставил Ижорский завод, торпедные аппараты и электротехническое оборудование — Путиловский завод, а артиллерию — Обуховский завод. В 1898 году специально для броненосца «Победа» были спроектированы новые 10" орудия, прочность которых увеличилась на 6%, а вес каждого орудия — на 4,9 т. Всего было изготовлено 5 таких орудий, четыре из которых пошли на «Победу», а пятое было оставлено в запасе.

Строительство броненосца «Победа» шло исключительно быстро и координированно с применением самых передовых методов, известных судостроению того времени. Координированно и своевременно выполнили свои поставки заводы-контрагенты. В результате стапельный период строительства броненосца был исключительно коротким в сравнении с другими кораблями этой серии. Эскадренный броненосец «Победа» был спущен на воду 11 мая 1900 года, простояв на стапеле всего один год и три месяца. (Стапельный период «Пересвета» составлял 2 года и 7 месяцев, а «Осляби» — 2 года и 3 месяца.) Лето 1900 года «Победа» провела у достроечной стенки завода, а затем была отбуксирована на противоположный берег Невы — к стенке Франко-русского завода, где на корабле были установлены башенные установки с орудиями главного калибра. Зимой 1900 — 1901 гг. броненосец провел в Петербурге, а весной 1901 года перешел в Кронштадт для установки торпедных аппаратов, артиллерии вспомогательного калибра и окончательной достройки. В июле 1901 г. «Победа» вышла на ходовые испытания, которые в целом прошли удовлетворительно. Тем не менее, несмотря на то что «Победа» была технологически лучше собрана с более высоким качеством выполнения работ, чем на других броненосцах этой серии, ей были свойственны все недостатки кораблей этого крайне неудачного проекта.

Проведя зиму 1901 — 1902 гг. в Кронштадте, эскадренный броненосец «Победа» 19 мая 1902 года был официально освящен и вступил в строй под командованием капитана 1-го ранга Запаренного.

Общая стоимость постройки броненосца «Победа» 9535924 р. Стоимость минно-артиллерийского вооружения броненосца 510064 р. После вступления в строй эскадренный броненосец «Победа» был зачислен в 19-й флотский экипаж.

24 июля 1902 года броненосец «Победа» вместе с пришедшим из Соединенных Штатов «Ретвизаном» и кораблями учебно-артиллерийского отряда Балтийского флота принял участие в военно-морском параде на ревальском рейде в честь встречи императора Николая II с кайзером Вильгельмом II, который прибыл с визитом в Россию на борту своей яхты «Гогенцоллерн». На фоне черных корпусов кораблей учебно-артиллерийского отряда особенно подчеркивалась белоснежность бортов «Победы» и «Ретвизана», готовившихся к дальнему переходу на усиление эскадры Тихого океана в Порт-Артуре. На «Победе», которая, как и другие корабли, подняла флаги расцвечивания, а также стеньговый и немецкий флаги, гремели залпы артиллерийского салюта. Оркестр броненосца исполнил немецкий гимн. Кайзер Вильгельм II, сопровождаемый в числе других и адмиралом Тирпитцем, вместе с императором Николаем II посетил броненосец, сказав много лестных слов, как в адрес самого корабля, так и его экипажа. (Именно на этой встрече кайзер убеждал Николая II сосредоточить как можно большие силы Русского Флота на Дальнем Востоке и стать владыкой Тихого океана. Германия, безусловно, была более всех заинтересована очистить Балтику от стремительно растущего Русского Флота.)

Лето 1902 года броненосец «Победа» провел на Балтике, завершая подготовку к переходу на Дальний Восток. Необходимость срочного усиления эскадры Тихого океана перед лицом все более реального вооруженного конфликта с Японией привела к формированию на Балтике крупного отряда из только что построенных кораблей, которые совместно должны были совершить долгое плавание в Порт-Артур. В этот отряд, командование над

которым принял контр-адмирал Штакельберг, кроме броненосца «Победа», входили броненосец «Ретвизан» (фл), крейсера «Богатырь», «Боярин», «Паллада» и «Диана», а также два миноносца — «Бурный» и «Бойкий». Местом сосредоточения отряда была назначена Либава.

26 октября 1902 года эскадренный броненосец «Победа» вышел из Кронштадтского дока и 27 октября покинул Кронштадт, взяв курс на Либаву. 30 октября «Победа» прибыла в Либаву, а 31 октября отряд адмирала Штакельберга, ведомый «Ретвизаном», вышел в море, начав долгий переход в Порт-Артур.

15 ноября отряд адмирала Штакельберга (без миноносцев, которые пошли в Брест) пришел в Портленд. 20 ноября броненосец «Победа» как новейший корабль отечественной постройки представлял Русский Флот на традиционном военно-морском ревью в Спитхеде. Опытные, зоркие глаза англичан мгновенно подметили все вопиющие недостатки нового русского корабля. «Огромная, громоздкая, слабовооруженная цель», — писал о «Победе» английский военно-морской ежегодник «Брассей».

26 ноября отряд адмирала Штакельберга вышел из Портленда, и, посетив по пути Виго и Алжир, прибыл 28 декабря 1902 года в Пирей, где полным составом стояла русская Средиземноморская эскадра контр-адмирала Кригера. Это была наиболее внушительная демонстрация русской военно-морской мощи в Средиземном море за 100 прошедших лет. В не очень просторной гавани греческого порта Пирей стояли три русских броненосца, четыре крейсера, две канонерские лодки и 13 эсминцев, включая 3 эсминца, переходящих с Балтики на Черное море. Радостное настроение, царившее на русских кораблях, было несколько омрачено на броненосце «Победа», поскольку на переходе в Пирей на корабле произошла авария в машине, требующая продолжительного ремонта. Поэтому, когда 20 января 1903 года отряд адмирала Штакельберга покинул Пирей, «Победа» не смогла следовать вместе с ним. Ремонт затянулся и только 27 марта 1903 года броненосец «Победа» покинул Пирей, взяв курс на Порт-Саид. Пройдя Суэцким каналом, броненосец вышел в Индийский океан, прибыв 25 апреля в Коломбо. Посетив далее по пути Сабанг и Гонконг, эскад-

ренный броненосец «Победа» прибыл 6 июня 1903 года в Порт-Артур, войдя в состав эскадры Тихого океана.

«Победа» в числе других кораблей эскадры участвовал в показательном походе эскадры в порт Дальний во время инспекции эскадры и крепости военным министром генералом Куропаткиным. В июле 1903 года «Победа» вместе с остальными броненосцами Тихоокеанской эскадры и несколькими крейсерами совершила переход во Владивосток, где все броненосцы в срочном порядке прошли доковый ремонт. Вернувшись в середине сентября в Порт-Артур, «Победа» после краткого пребывания в строю, была 28 октября 1903 года выведена в вооруженный резерв. Между тем продолжала расти напряженность в отношениях между Россией и Японией. Столкновения с Японией Русское правительство не боялось, постоянно это столкновение провоцируя, но, как ни странно, совершенно к нему не готовясь. Почему-то почти до января 1904 года царил общее убеждение, что Япония не посмеет сама напасть на Россию, а будет терпеливо ждать русского нападения. Русская дипломатическая миссия в Токио и русская агентурная разведка на Дальнем Востоке тщетно предупреждали правительство, однако к середине января 1904 года обстановка стала настолько очевидной, что адмирал Алексеев приказал выводить корабли эскадры из вооруженного резерва, дабы иметь их под рукой на случай всяких неожиданностей.

Выполняя приказ наместника, эскадренный броненосец «Победа» поднял 18 января 1904 года флаги и вымпелы и с полной водой вышел на внешний рейд, сопровождаемый крейсером «Диана» и минным заградителем «Амур». Включившись в боевую жизнь эскадры, броненосец «Победа» участвовал в демонстративном выходе эскадры к Шантунгу 21 января, и вернулся вечером 22 января на рейд Порт-Артура, встав по установленной диспозиции, имея по носу крейсер «Палладу», по левому борту броненосец «Цесаревич», по правому — «Ретвизан», а за кормой примерно в 5-ти кабельтовых — берег.

В ночь с 26 на 27 января на «Победу» шла погрузка угля, на верхней палубе для освещения горели электрические люстры. Вышедшие из темноты ночи японские миноносцы наметили ярко освещенную «Победу» в качестве цели

и выпустили в нее торпеды одновременно с атакой «Цесаревича», «Ретвизана» и «Паллады». Торпеды прошли под самой кормой «Победы» и были ясно видимы часовым, стоявшим под флагом. Как только прогремели взрывы японских торпед, на «Победе» пробили тревогу, открыли боевое освещение и корабль немедленно открыл огонь артиллерией вспомогательного и противоминного калибров по японскому миноносцу, появившемуся между «Цесаревичем» и «Палладой». Поскольку «Победа» была буквально зажата между «Цесаревичем», «Ретвизаном» и «Палладой», огонь вести было очень трудно и только после ухода подорванных кораблей и «Аскольда» «Победа» осталась крайней в линии и могла беспрепятственно обстреливать весь горизонт. После внезапной атаки японские миноносцы скрылись в темноте, но ночью с «Победы» по ошибке сделали несколько выстрелов из 47-мм орудий по появившемуся на воде огоньку, который оказался горевшим фосфористым кальцием одной из невзорвавшихся японских торпед. Броненосец «Победа» выслал шлюпки на помощь подорванным кораблям и на поиск неразорвавшихся японских торпед. Одна такая торпеда была обнаружена всего в нескольких метрах от борта броненосца, поднята шлюпочной стрелой на палубу и разряжена. В первую ночь войны броненосец «Победа» выпустил по противнику 80 снарядов: два 6", восемнадцать 75-мм и шестьдесят 47-мм.

Утром 27 января, когда главные силы японского флота появились перед Порт-Артуром, броненосец «Победа» после целой серии бестолковых и противоречивых сигналов с берега и ожидания адмирала, снялся с якоря под огнем противника и, пропустив вперед «Петропавловск» и «Полтаву», вступил им в кильватер, открыв огонь из носовых орудий. За время боя «Победа» выпустила по противнику 303 снаряда: семь 10", шестьдесят шесть 6" и двести тридцать 75-мм. В «Победу» попало 2 снаряда. Один 12" фугасный снаряд противника, ударив в правый борт у кормового среза 6" орудия между 89 и 90-м шпангоутами, пробил палубу среза, наружный борт под ним и, разорвавшись, уничтожил две каюты, разбил маховики помпы Стона, пробил осколками вентиляционную шахту и причинил некоторые мелкие повреждения. Второй, 75-мм снаряд попал в палубу, повредив паровой ка-

тер и вьюшку стального троса. При этом было убито 2 матроса и 3 — ранено. (Точно это, к сожалению, неизвестно, но, по-видимому именно «Победа» добилась попадания 10" снарядом во флагманский броненосец противника «Макаса». Этот снаряд, срикошетировав, взорвался у основания грот-мачты, уничтожив часть кормового мостика, где были ранены флагманский механик, флаг-офицер, ревизор, гардемарин и 3 матроса.) За этот бой командир «Победы» капитан 1-го ранга Зацаренный был награжден мечами к ордену Святого Владимира 3-й степени. Кроме того, награды получили несколько офицеров и 30 матросов броненосца.

После этого боя «Победа» вместе с другими броненосцами эскадры ушла на внутренний рейд крепости и ее участие в военных действиях до приезда адмирала Макарова ограничилось в посылке катеров для охраны рейда и в высадке небольшого десанта для охраны побережья. После приезда адмирала Макарова «Победа» приняла участие в первом совместном выходе эскадры в море 27 февраля 1904 года, выйдя на внешний рейд по приказу адмирала в 06:30 и заняв место замыкающего корабля в колонне броненосцев. 9 марта, когда японская эскадра предприняла бомбардировку гавани и крепости через Ляотешань, что ранее сходило безнаказанно, адмирал Макаров, сумев вывести эскадру на рейд в одну полную воду, организовал ответный огонь, в котором принимали участие броненосцы «Ретвизан» и «Победа». При этом «Победа» добилась попадания 10" снарядом в японский броненосец «Фудзи», вынудив его отойти и прекратить бомбардировку.

13 марта адмирал Макаров, которому, как бы к нему не относиться, нельзя отказать в кипучей энергии, снова вывел эскадру в море, поведя ее в рейд к островам Мяо-Тао. «Победа» снова шла концевым кораблем в колонне броненосцев, обеспечивая действия крейсеров.

Ночью 14 марта при отражении атаки брандеров-заградителей противника на Порт-Артур активно действовал минный катер с «Победы» под командованием мичмана Шимановского, награжденного впоследствии орденом Святой Анны с надписью «За храбрость». Утром 14 марта «Победа» снова вышла в море навстречу приближающе-

муся к Порт-Артуру японскому флоту, который, увидев русскую эскадру и не приняв боя, отошел за горизонт. После неудачной попытки заградить брандерами выход из Порт-Артура 14 марта японцы более двух недель не появлялись перед крепостью. Это время было использовано адмиралом Макаровым для усиления охраны внешнего рейда и для подготовки флота к активным действиям. В этот период на броненосце «Победа» был построен специальный бон, который должен был служить преградой от горящего на поверхности воды керосина, поскольку, по сведениям разведки, японцы планировали пустить на Порт-Артур брандеры, наполненные керосином и, затопив брандеры в проходе, выпустить горящий керосин на внутренний рейд. В роковой день, 31 марта, когда гибель миноносца «Страшный» заставила адмирала Макарова забыть о возложенной на него ответственности и вывести флот на непротраленный рейд, «Победа», подчиняясь приказу командующего, вышла в 09:30 на внешний рейд и, следуя за адмиралом, вступила в кильватер «Пересвету». Японский флот, подошедший к Порт-Артуру с разных направлений, не двигаясь стоял на горизонте, наблюдая, как русская эскадра маневрирует на выставленном предыдущей ночью минном заграждении. Когда в 09:39 в грохоте и пламени тройного взрыва погиб «Петропавловск» вместе с адмиралом Макаровым, растерянность, похожая на шок, охватила русские корабли. До 09:55 эскадра стояла с застопоренными машинами. Когда адмирал Ухтомский вспомнил о своих обязанностях младшего флагмана и попытался перестроить эскадру, чтобы увести ее на внутренний рейд, то при выполнении этого перестроения в 10:10 подорвался на mine броненосец «Победа». В момент взрыва «Победа» разворачивалась по створу в полтора мильях от маяка на Тигровом полуострове. Взрыв произошел в подводной части правого борта в отделении носовых угольных ям, разрушив борт от 54-го до 58-го шпангоута и образовав подводную пробоину 8x5,3 м с крупными трещинами. Центр пробоины оказался в 5-ти метрах ниже ватерлинии. Вода заполнила угольную яму № 6 между 49-м и 54-м шпангоутами, а также угольную яму № 7 между 54-м и 58-м шпангоутами и два отделения нижнего бортового коридора между 49-м и 58-м шпангоутами. Да-

лее распространение воды было задержано водонепроницаемыми переборками. К счастью, от взрыва не пострадали находящиеся в угольных ямах снарядные погреба и ближайшие кочегарные отделения. Тем не менее «Победа» приняла 550 тонн воды и через две минуты после взрыва крен броненосца на правый борт достиг 6°. Корабль остановил машины и приготовил шлюпки к спуску. Командир «Победы» капитан 1-го ранга Зацаренный, хоть и был ошеломлен картиной гибели «Петропавловска», быстро понял, что лихой авантюризм адмирала Макарова завел эскадру на минное заграждение. Убедившись в исправности машин и рулевого управления, командир решил не тратить время на получение каких-либо приказов и на подведение под пробоину пластыря, приказав остановить приготовление шлюпок к спуску, и в 10:15 дал полный ход машинам, направляясь на внутренний рейд. В проходе около маяка «Победа» была встречена портовыми катерами, которые взяли броненосец на буксир и, введя его в Восточный бассейн, поставили к стенке. После подрыва «Победы» растерянность на эскадре переросла в панику. Начавшаяся с «Победы» беспорядочная стрельба по воде послужила примером и для остальных кораблей эскадры, которые начали вести огонь по каждому подозрительному предмету или пятну на поверхности воды. Взрыв мины под «Победой» был хорошо слышен на других кораблях. Почему-то решив, что в боевой линии эскадры действует подводная лодка противника, русские корабли открыли яростный огонь сначала по черному пятну, оставшемуся на месте взрыва «Победы», а затем по всему, напоминающему перископ, убивая и калеча немногих, спасшихся с «Петропавловска». Более всего за перископы принимали плавающие поддонами вниз медные гильзы от 6" орудий, а также обломки, оставшиеся на поверхности после гибели «Петропавловска». Старший офицер крейсера «Диана» — великий летописец войны на море, капитан 2-го ранга Семенов вспоминает: «Вдруг снова раздался глухой удар минного взрыва, и шедшая за «Пересветом» «Победа» начала медленно крениться... «Пересвет» застопорил машины и бросился влево... Строй спутался... Эскадра сбилась в кучу... Внезапно со всех сторон загрели выстрелы... Среди беспорядочно столпившихся ко-

раблей вздымались столбы воды от падавших снарядов... Снаряды свистели над головой, осколки шуршали в воздухе и звякали о борт... Наш крейсер тоже открыл какой-то бешеный огонь. Я стоял на верхнем мостике со старшим артиллеристом. Ошеломленные неожиданностью, мы переглянулись, словно не веря себе, словно пытаюсь взаимно проверить свои впечатления...

— Что такое? — спросил он...

— Что? Паника! — ответил я.

Мы оба бросились вниз. «Почему стреляют? Кто приказал? Остановите! Они с ума сошли!» — ревел в мегафон командир. Кругом творилось что-то невообразимое... Крики: «Конец пришел! Подводные лодки! Стреляй! Спасайся!» — перекрывали гул канонады... Обезумевшие люди вытаскивали койки из помещений, отнимали друг у друга спасательные пояса, готовясь бросаться за борт... Я побежал по батареям. «Господа офицеры! Не позволяйте стрелять! Гоните от орудий!» Но слова не действовали на комендоров, вцепившихся в свои орудия и посылавших снаряд за снарядом без прицела по какому-то невидимому врагу...»

Потрясенный гибелью «Петропавловска» мичман Ренгартен, находящийся на броненосце «Полтава», также описывает начавшуюся после подрыва «Победы» панику: «Отчетливо выделяясь в хаосе звуков, раскатистый, мягкий взрыв точно плетью ударил нас по борту, передавливаясь по воде. Новое несчастье! Взорвалась «Победа» и, сильно накренившись, полным ходом пошла прямо в гавань. Наш броненосец только начал отходить от места гибели «Петропавловска», когда вдруг с наших кораблей открыли убийственный огонь и не по неприятелю, который был далеко, а почти в упор в воду. Порядок нарушился. Казалось, все потеряли голову. Я бросился на мостик и узнал, что взрывы кораблей приписываются атаке японских подводных лодок. Предполагая этого страшного, невидимого врага, все напряженно вглядывались в воду. Чья-то рука протягивалась к морю, слышался крик: «Подводная лодка!» и весь борт броненосца разряжался залпом из всех орудий по какой-нибудь бочке или доске, всплывших после гибели «Петропавловска». Вся команда была наверху... Завидев что-нибудь на воде, матросы толпой

бросались к противоположному борту, сотни рук тянулись к воде и люди кричали: «Вот она! Вот она!» С большим трудом удалось остановить стрельбу и успокоить людей...»

Паника в эскадре передалась на берег. Житель Порт-Артура Ларенко вспоминает в своем дневнике: «На батареях, откуда отчетливо была видна катастрофа, солдаты и офицеры завопили, кричали, рвали на себе волосы. Внизу, в городе поднялась суматоха. Крики: «Петропавловск» погиб!» — «Неправда! Только подбит миной!» — «Погибла «Победа!» — раздавались всюду. Люди бегут бледные, растерянные к гавани и на Перепелочную гору. Полиция начинает их разгонять... В гавань начинает входить, отстреливаясь от предполагаемых подводных лодок, заметно накренившаяся «Победа». На набережной собирается все больше и больше народу. В порт не пускают никого, даже офицеров. «Победа» входит во внутренний Восточный бассейн. Людей, выходящих из порта, обступают, спрашивают. Лица их страшно бледны. Они видели привезенных раненых, обгорелых, умирающих и уже умерших...»

«Победа» с креном на правый борт стояла у стенки Восточного бассейна. За кормой броненосца находилась шлюпочная пристань, куда с приспущенными флагами подходили катера и баркасы с ранеными и убитыми при катастрофе «Петропавловска». Матросы и офицеры «Победы», собравшись на юте броненосца, сняв бескозырки и фуражки, следили за непрерывным потоком носилок от пристани к санитарным фурам. Некоторые плакали, некоторые молились. А «Победа» с тяжелым креном стояла на швартовых, ожидая долгого и трудоемкого ремонта. Дока для ремонта броненосцев в Порт-Артуре не было. Однако опыт ремонта кораблей в кессонах, полученный при заделке торпедных пробоин «Цесаревича» и «Ретвизана», не вызывал сомнений в том, что и «Победу» удастся отремонтировать. Немедленно под руководством инженера Кутейникова приступили к строительству кессона. Между тем на подорванную «Победу», занявшую в Восточном бассейне место погибшего «Петропавловска», перенес свой флаг адмирал Ухтомский, автоматически вступивший в командование эскадрой после гибели Макарова. Однако на следующий день, 1 апреля, пришло сообщение, что по приказу царя командование эскадрой

примет адмирал Алексеев. Поэтому броненосец «Победа» был отбуксирован под Золотую Гору, а на его место поставлен «Севастополь», на котором Алексеев намеревался поднять свой флаг. 2 апреля появившиеся под Ляотешанем японские броненосные крейсера «Ниссин» и «Кассуга» получили боевое крещение, начав бомбардировку крепости и гавани Порт-Артура перекидным огнем. Державшиеся вне выстрелов напротив входа в гавань японские легкие крейсера «Тагасаго» и «Кассаги» корректировали по радио огонь броненосных крейсеров. Ответный огонь вел главным образом броненосец «Пересвет», но и «Победа» сделала 1 выстрел из кормовой башни главного калибра, прекратив стрельбу, так как ее снаряды легли с большим недолетом из-за дальней дистанции и ненормального угла возвышения орудий. В то же время «Победа» по приказу адмирала Ухтомского забивала искрой своего беспроволочного телеграфа радиодонесения японских крейсеров-корректировщиков, что крайне затруднило связь крейсера «Тагасаго» со своими броненосными крейсерами. Таким образом, броненосец «Победа» стал пионером в использовании средств электронного противодействия в боевых операциях на море.

Ожидая ремонта, броненосец «Победа» стоял под Золотой Горой. Крен был выправлен и только небольшой дифферент на нос напоминал о повреждении корабля. Ежедневно броненосец направлял свои катера для несения дозорной службы на рейде и для тральных работ. В ночь с 19 на 20 апреля при отражении очередной атаки брандеров-заградителей минный катер с «Победы» под командованием прапорщика Добржанского торпедировал один из брандеров, взяв часть его команды в плен.

После высадки японцев на Квантунский полуостров завязались сухопутные бои на дальних подступах к Порт-Артуру. Командование эскадрой принял адмирал Витгефт, сменив спешно уехавшего в Мукден адмирала Алексеева. Это произошло 22 апреля, а 29 апреля под пробоину броненосца «Победа» был подведен кессон. Между тем на суше начались бои за ключевую станцию Кинджоу, куда 5 мая с «Победы» был направлен пулеметный десант под командованием мичмана Шимановского. В бою под Кинджоу пулеметчики с «Победы» отстреливались от наступавших

японцев до последнего патрона, а затем отошли, бросив пулеметы. При отступлении сам мичман Шимановский пропал без вести. Взятие японцами Кинджоу впервые поставило флот перед необходимостью выбора: либо прорываться во Владивосток, либо остаться в Порт-Артуре, вероятность падения которого, а в силу этого и гибели флота, с каждым днем увеличивалась. На совещании флагманов и командиров кораблей 14 мая, командир «Победы» капитан 1-го ранга Зацаренный высказался за скорейший выход в море для прорыва во Владивосток. Однако именно «Победа» задерживала выход эскадры, поскольку заделывала пробоину, которую из-за недостатка материалов решено было забрать деревянными брусками. Кроме того, «Победа» сдала на нужды сухопутного фронта 9 — 6" орудий и 1 — 75-мм. Выходить в море с таким недокомплектом артиллерии было немыслимо, а оперативно вернуть орудия на корабль было невозможно.

5 июня пробоина на «Победе» была заделана и 7 июня буксир «Силач» отвел кессон от борта броненосца. Оказалось, что через деревянную заделку пробоины все-таки поступает вода. Было приказано залить цементом все пазы и загрузить это место углем. Терять времени было уже нельзя — на 10 июня был намечен выход эскадры в море для прорыва во Владивосток. Первоначально выход эскадры намечался на 7 июня, однако по таблице высоких вод наиболее подходящим было выбрано утро 8 июня, но 8 июня оказалось, что командир броненосца «Победа» капитан 1-го ранга Зацаренный заболел тропической лихорадкой. Пришлось заменять заболевшего Зацаренного командиром крейсера «Паллада» капитаном 1-го ранга Сарнавским. Смена командиров и неготовность артиллерии на «Победе» снова задержали выход, который начался в 04:00 10 июня 1904 г. (Несмотря на болезнь, капитан 1-го ранга Зацаренный остался на броненосце и вышел наверх при сближении с флотом противника. Ночью же при отражении атак японских миноносцев он постоянно оставался на мостике.) Заняв место в строю в кильватер броненосцу «Ретвизан», «Победа» участвовала в этой попытке прорыва, которая не состоялась из-за нерешительности адмирала Витгефта, приказавшего повернуть назад при появлении главных сил адмирала Того.

А между тем эта попытка имела шансы на успех, поскольку японцы были шокированы, увидев в составе Русского Флота «Победу», «Ретвизан» и «Цесаревич», которые, как они считали, вышли из строя до конца войны из-за отсутствия в Порт-Артуре дока для броненосцев. Проведя ночь на заваленном минами рейде, активно участвуя в отражении ночных атак японских миноносцев, «Победа» утром 11 июня вслед за остальными кораблями вошла на внутренний рейд Порт-Артура. (Во время выхода 10 июня «Победа» имела всего 3 — 6" орудия вместо 11 и 15 — 75-мм орудий вместо 20. При отражении ночных атак японских миноносцев «Победа», ведя интенсивный огонь, израсходовала 291 снаряд: 8 — 10", 17 — 6", 92 — 75-мм и 174 — 47-мм.)

А между тем японские войска, наращивая силу удара, продолжали теснить Русскую Армию все ближе к Порт-Артуру, непосредственно выходя на линию фортов крепости. К середине июля японцы уже вошли в радиус действия орудий главного калибра русских кораблей, и броненосец «Победа» включился в артиллерийский обстрел позиций противника по заявкам командования сухопутным фронтом. Несмотря на эффективность огня корабельной артиллерии, японцы продолжали наступать и сбив русские войска с Волчьих гор, произвели 25 июля первую бомбардировку Порт-Артура с суши из 120-мм орудий. В 10:50 «Победа» первой открыла ответный огонь по осадным батареям противника, а за ней и остальные броненосцы эскадры. Необходимость ухода из Артура стала очевидной. 25, 26 и 27 июля на «Победе», которая продолжала активно участвовать в артиллерийских дуэлях с японскими осадными батареями, шла непрерывная подготовка к новому выходу в море. Под огнем противника принимались запасы и устанавливались 6" орудия, снятые с подорвавшегося на mine крейсера «Баян». В этот же период активно действовали минные катера с «Победы», устраивая засады японским миноносцам в близлежащих к Порт-Артуру бухтах. С 14 мая по 27 июля броненосец «Победа» выделял свои катера также и для обеспечения тральных работ, которыми по графику руководили офицеры броненосца лейтенанты Магнус и Тимирев, мичманы Власьев и Арбенев и прапорщик Добжанский.

Утро 28 июля застало броненосец «Победа» готовым к выходу в море. Работая день и ночь, моряки «Победы» установили на корабле 7 — 6" и 4 — 75-мм орудия. Полученная 31 марта минная пробоина была надежно заделана деревянными брусками, с честью выдержав испытания боем. Перед выходом в море приняли уголь и все виды запасов, не успев только подогнать щиты к трем казематным орудиям. «Победа» шла в бой, имея 4 — 10", 10 — 6", 19 — 75-мм и 20 — 47-мм орудий. Броненосцем командовал выздоровевший капитан 1-го ранга Запаренный. Выйдя на рейд в 07:10, «Победа» занял место в колонне броненосцев третьим от флагмана, в кильватер «Ретвизану», имея задним мателотом «Пересвет». По приказу командира на верхней палубе «Победы» были разложены незакрепленные койки, спасательные круги и пояса, чтобы в случае гибели броненосца экипаж мог оперативно получить спасательные средства. Шлюпки на блоках оставили без креплений, чтобы при гибели корабля они свободно всплыли.

В 12:15 при боевом соприкосновении с японским флотом «Победа» открыла огонь по броненосцу «Шикишима». В первой фазе боя 12" снаряд противника пробил ниже ватерлинии восьмидюймовую броню, отбив от нее кусок весом 120 кг, затем внутренний борт и разорвался в нижней угольной яме под броневой палубой. В результате эта яма и прилегающие к ней три отсека оказались затопленными. Осколками снарядов были перебиты несколько шестов сетевой противоторпедной защиты — оборванные стальные сети бороздили воду. После расхождения русской и японской эскадр, несколько матросов были посланы за борт для устранения поврежденных шестов и выбора сетей. В это время на «Победе» было принято переданное семафором по линии приказание адмирала Витгефта: «По возобновлении боя сосредоточить огонь по флагманскому неприятельскому броненосцу «Микаса».

При возобновлении боя «Победа» открыла огонь вслед за «Полтавой». От выстрелов носовой башни, которую приходилось разворачивать за траверз на «Победе», собственным огнем было снесено все, что находилось на правом крыле мостика. Между тем японцы поочередно сосредотачивали огонь на всех броненосцах эскадры, перенеся после

«Ретвизана» огонь на «Победу». Общая масса снарядов противника падала с недолетами, иногда очень большими, и с перелетами. Один снаряд разорвался на палубе с правой стороны носовой башни главного калибра, пробив осколками коечные сетки, окружающие боевую рубку и крышу верхнего мостика. Другой снаряд, пробив броню верхнего броневоего пояса, взорвался в жилой палубе над снарядным погребом. Взрывом были убиты два матроса, стоявшие на подаче снарядов. Сдвинутая взрывом броневая плита разорвала своим верхним краем наружный борт. Соседняя броневая плита оказалась вдавленной внутрь на 20 см. Несколько снарядов попали в броневой пояс, но взорвались, не пробив брони. Борт, не защищенный броней, был пробит в четырех местах, при этом осколками были выведены из строя три 75-мм орудия. Были перекошены почти все артиллерийские портики, которые уже не удавалось задраить. Крупный снаряд, попавший в нос, уничтожил каюты кондукторов, разбив борт, через трещины которого стала поступать вода, проникающая в отделение носовых торпедных аппаратов. Воду непрерывно откачивали два насоса за борт, поскольку водоотливная система броненосца не сообщалась с жилой палубой. Были повреждены шлюпбалки минного и парового катеров, разбиты многие шлюпки, разбита средняя дымовая труба, а носовая — изрешечена осколками. Осколками были повреждены подъемные дуги трех 6" орудий, которые временно вышли из строя. На 21-м выстреле прекратило огонь одно 10" орудие кормовой башни из-за поломки компрессора. Один раз «Победа» вышла из строя из-за аварии рулевого привода, но, быстро устранив повреждение, вступила снова в строй, весь бой четко занимая свое место в колонне броненосцев. Когда «Цесаревич» неожиданно покатился влево, на «Победе» сначала решили, что на флагманском броненосце вышло из строя рулевое управление. «Ретвизан» бросился за «Цесаревичем», когда на «Победе» разобрали сигнал: «Адмирал передает командование». Капитан 1-го ранга Зацаренный из содержания сигнала пришел к выводу, что на «Цесаревиче» вышли из строя оба адмирала (Витгефт и Матусевич), и командование переходит к младшему флагману адмиралу Ухтомскому на «Пересвете». Поэтому Зацаренный приказал следить за действиями «Пересвета». Между тем «Цеса-

ревич», продолжая катиться влево, начал поворачивать по направлению к «Победе», угрожая таранить ее в левый борт. На «Победе» положили руль, чтобы пройти под носом у потерявшего управление флагманского броненосца. В это время «Ретвизан», следовавший за «Цесаревичем», переложил руль и, круто повернув вправо, лег на прежний курс. Оставив «Цесаревич» слева за кормой, «Победа» вступила в кильватер «Ретвизану», поскольку в его маневре капитан 1-го ранга Зацаренный усмотрел намерение восстановить строй эскадры. В действительности же «Ретвизан» резко пошел на сближение с противником с намерением, если верить показаниям капитана 1-го ранга Щенсновича, таранить «Микасу». Строй эскадры смешался. «Пересвет» неожиданно повернул влево и уменьшил ход. Отряд крейсеров также повернул влево, образуя строй двойного фронта. Командир «Победы», видя опасное положение концевой части эскадры, оставшейся без поддержки двух передних броненосцев, также повернул за «Пересветом». На «Победе» не видели сигнала «Пересвета»: «Следовать за мной», однако капитан 1-го ранга Зацаренный и без сигнала начал приводить «Победу» в кильватер «Пересвету», считая, что это единственный способ восстановить строй эскадры. В это время «Ретвизан» полным ходом начал обгонять «Победу» по левому борту. На «Победе», полагая, что «Ретвизан» хочет вступить в кильватер «Пересвету», отработали машинами назад, оставляя ему интервал, однако «Ретвизан» обогнал «Пересвет» и пошел дальше. В кильватер «Победе» вступил броненосец «Полтава». Наступала темнота. «Победа» шла с небольшим креном и дифферентом на нос с открытым кормовым огнем. В самые последние минуты до наступления темноты с «Победы» были видны, кроме «Полтавы» и «Пересвета», броненосцы «Севастополь» и «Цесаревич», а также крейсер «Паллада». Когда тьма сгустилась, с «Победы» различали только броненосец «Пересвет» впереди и «Полтаву» за кормой, а также шедший около «Полтавы» миноносец «Властный». Ночью с «Победы» несколько раз видели миноносцы противника и след одной торпеды, прошедшей по левому борту броненосца. Не открывая прожекторов, «Победа» шла в полной темноте. Меняя несколько раз в течение ночи курс, чтобы сбить со следа японские миноносцы, «Победа», «Пересвет» и «Пол-

тава» в итоге потеряли свое место на карте. С рассветом открылся по курсу о. Роунд. С «Пересвета» передали семафором на «Победу»: «У нас компасы разбиты, карты уничтожены. Можете ли вести в Артур?» «Победа» ответила: «Можем», поскольку на ней оставался целым один компас в боевой рубке. После этого броненосец «Победа» стал головным и повел отряд к Порт-Артуру. Примерно определившись по о. Роунд, «Победа» взяла курс на восток, мористее скал Энкоунтер-Рок. Затем точно определившись по вершине Ляотешаня, «Победа» увеличила ход до 12 узлов и вывела отряд на рейд Порт-Артура, где уже стояли на якорях броненосцы «Ретвизан» и «Севастополь», а также крейсер «Паллада». С моря в этот момент подходил плавающий госпиталь «Монголия». Вслед за тралящим караваном, пропустив вперед «Пересвет», «Победа», приспустив флаг, втянулась на внутренний рейд Порт-Артура с тем, чтобы больше уже никогда не выйти оттуда под русским флагом.

В бою 28 июля на броненосце «Победа» были убиты 2 матроса и ранено 29 человек, в том числе мичман Б. А. Флейшер и 2 кондуктора. (Один раненный матрос позднее скончался.)

В дневном артиллерийском бою «Победа» выпустила по противнику 115 десятидюймовых снарядов, 408 — шестидюймовых и 351 — 75-мм снаряд. Ночью, отражая атаки миноносцев, «Победа» израсходовала 86 — 6", 376 — 75-мм и 1540 — 47-мм снарядов. Всего, таким образом, за бой броненосец «Победа» израсходовал 2868 снарядов. (Судя по всему, «Победа» добила трех попаданий: 2 снаряда в «Микасу» и один — в «Шикишиму».) Позднее за бой 28 июля были награждены офицеры «Победы»: капитан 2-го ранга Магнус, лейтенанты Любинский, Тимирев и Вилькен. (По представлению комиссии, разбиравшей бой 28 июля, приказом № 694 от 24 июля 1906 года капитан 1-го ранга Зацаренный, занимавший тогда должность градоначальника г. Николаева и командира Николаевского порта, был произведен в контр-адмиралы.)

Вернувшись в Порт-Артур с приспущенным флагом, «Победа» похоронила своих убитых в бою матросов. Раненых сдали на «Монголию». После этого экипаж броненосца включился в сухопутную оборону крепости: вокруг все теснее сжималось железное кольцо японской осады. Мор-

ские действия ограничивались посылкой катеров для траления и охраны рейда. Между всеми кораблями эскадры были распределены участки сухопутного фронта. «Победа» был дан участок от форта № 6 до бухты Белого Волка. Броненосец сдал на сушу 2 — 6", 2 — 47-мм, 4 — 75-мм и 5 — 37-мм орудий и 5 прожекторов, выделив для их обслуживания 56 человек из своего экипажа. Кроме того, броненосцу «Победа» было передано для обслуживания одно 10" орудие на Электрическом утесе. Стрельба из этого орудия производилась снарядами, доставляемыми с «Победы». Комендорами командовал старший артиллерист броненосца лейтенант Любинский.

С 30 июля орудия броненосца «Победа» включились в артиллерийскую поддержку сухопутных войск. 30 и 31 июля, а также 2, 6 — 12 августа «Победа» вела огонь по осадным батареям и скоплению войск противника, внося весомый вклад в отбитие августовских штурмов. Для усиления сухопутного фронта с броненосца «Победа» 8 августа был послан на позиции десант в составе 220 матросов под командованием мичманов Бершадского и Арбенева. Рота с «Победы» была развернута на редуте № 1, но вскоре выведена оттуда, поскольку японцы не решились на штурм редута. Однако вскоре японцы после ожесточенной артиллерийской подготовки возобновили штурм, который был отбит десантными ротами с «Победы» и «Пересвета».

Между тем японские осадные батареи продолжали обстрел гавани из 120-мм орудий. Огонь был малоэффективен, поскольку велся вслепую. Однако 7 сентября японцы, сбив русские войска с Длинной горы, получили возможность вести прицельный огонь по части Западного бассейна. 15 сентября в броненосец «Победа» попало 5 — 120-мм снарядов. Был причинен ряд мелких повреждений в незащищенных броней местах корабля, убито и ранено двое матросов. 16 сентября в «Победу» попал один снаряд, а 17 сентября — восемь 120-мм снарядов. 19 сентября в обстрел крепости и порта включились 11" японские осадные мортиры. Расстрел Русского Флота начался, но никаких попыток выйти в море предпринято не было. 25 сентября «Победа» переменяла место, подтянувшись ближе к Золотой Горе, чтобы ее не видели кор-

ректировщики противника с Длинной горы. Вместе с тем броненосец вместе с другими кораблями эскадры вел яростный контрбатарейный огонь, надеясь подавить осадные батареи противника. Но все было тщетно. Японцы, замаскировав свои 11" осадные мортиры за горой Сахарная Голова, первые дни вели сравнительно редкий огонь по фортам и видимым с Длинной горы кораблям, испытывая новые мортиры на дальность и точность огня. Однако, окончив испытания, противник начал вести систематическую бомбардировку гавани днем и ночью. Кроме 11", огонь продолжали вести и 150-мм/120-мм осадные мортиры. 11 октября в «Победу» попал еще один 120-мм снаряд, который, пробив палубу на шканцах, влетел в кают-компанию, пробил переборку кают-компании и разорвался о деревянный письменный стол в каюте штурмана. От взрыва вспыхнул пожар, уничтоживший все в этой каюте и в двух соседних. А 15 октября около 21:00 в «Победу» попал первый 11" снаряд, который, пробив кожух задней дымовой трубы, навесную палубу и палубу верхней батареи, разорвался в батарейной палубе, уничтожив 75-мм орудие, тяжело ранив одного и легко четырех матросов. Броненосец переменил место, но 30 октября в него попал еще один 11" снаряд, который, пробив верхнюю палубу около кормового буксирного кнехта, разорвался в салоне командира, уничтожив все соседние каюты. В этот период сторожевые и минные катера броненосца «Победа» продолжали нести сторожевую службу и участвовать в тралении, а 23 октября минным катером с «Победы» под командованием лейтенанта Дудорова и минным катером с «Пересвета» под командованием мичмана Поливанова были выставлены мины в бухте Луизы. (На этих минах 17 октября подорвалась и погибла японская канонерская лодка «Сай-Иен», на которой младшим офицером плавал лейтенант Номура, тот самый Номура, который в ноябре 1941 года, будучи адмиралом, вел в Вашингтоне переговоры с американцами. Когда 7 декабря переговоры закончились нападением японцев на Перл-Харбор, американская пресса сделала Номуру козлом отпущения, обвинив его в коварстве и вероломстве, хотя тот ничего не знал о готовящемся нападении, искренне желая успешно закончить

переговоры. Бывший офицер с «Победы» лейтенант Дудоров, поставивший мины, на которых погибла «Сай-Иен», проживал в те годы в США, куда он эмигрировал после 1917 года. Журналисты разыскали Дудорова и его портрет обошел почти все американские ведущие газеты, с подписью: «Вот человек, который однажды уже чуть не утопил Номуру. Наш долг довести его работу до конца!») Между тем на суше обстановка продолжала ухудшаться. Всю ярость своих атак японцы обрушили на Высокую гору, в числе защитников которой находилась десантная рота с «Победы» под командованием мичманов Бершадского и Флейшера. 15 ноября японцам после тяжелой артподготовки, удалось сбить русские войска с вершины Высокой. Подошедшая рота с «Победы» (2 офицера и 171 матрос) решительной контратакой выбила противника с вершины. Плохо обученные сухопутному бою матросы несли большие потери. Был убит мичман Флейшер, тело которого осталось в окопе противника, и смертельно ранен мичман Бершадский, умерший через три дня в госпитале. Командование десантом с «Победы» принял лейтенант Сипайло. С броненосца прибыл дополнительный десант, с ходу вступивший в ожесточенное сражение. Рядом со своими матросами, ведя их в атаки и контратаки в грохоте 11" снарядов, дрались офицеры с «Победы»: мичманы Арбенев, Николаев, Воронцов-Вельяминов и граф Бенкендорф. На передовых позициях находился и врач «Победы» Григорович, а также священник броненосца иеромонах о. Никодим.

Сосредоточив все свое внимание на штурме Высокой горы, японцы в этот период лишь изредка вели огонь по гавани, главным образом, из 6" мортир. 21 ноября один 6" снаряд попал в «Победу», не причинив существенных повреждений. Окончательно овладев 22 ноября вершиной горы Высокой, японцы тут же установили на ней корректировочный пост и начали прицельный расстрел русских кораблей. 23 ноября огонь велся главным образом по броненосцу «Ретвизан», но пять 11" снарядов попали и в «Победу». Первый снаряд, попав в правый борт батарейной палубы, пробил жилую палубу и разорвался в верхней угольной яме. Осколками были пробиты все близлежащие переборки и карапасная палуба. Второй

снаряд попал в средний каземат 6" орудия по правому борту. Взорвавшись, он отбил ствол орудия и повредил механизмы орудийного станка. Третий снаряд, пробив верхнюю палубу, взорвался в среднем каземате 6" орудия левого борта, не причинив однако существенных повреждений. Четвертый снаряд, пробив верхнюю палубу на шканцах правого борта, пролетел через кают-компанию, проник в запасную угольную яму, пробил переборку между запасной угольной ямой и машинной кладовой, в которой как в наиболее безопасном на корабле месте находились 5 раненых офицеров, сорвал водонепроницаемую дверь, ведущую в нижнее офицерское отделение, перескочил через комингс этой двери и лег, не разорвавшись, на броневой палубе офицерского отделения. Последний, пятый снаряд, взорвался у правого борта ниже ватерлинии, произведя подводную пробоину, через которую были затоплены водой две угольные ямы. Судьба корабля была совершенно очевидна, и он еще мог выйти в море, однако никакой попытки выхода даже не было сделано. 24 ноября противник одновременно начал расстрел «Победы» и «Пересвета». В этот день в «Победу» было выпущено 270 — 11" снарядов, 23 из которых попали в броненосец. Семь снарядов попало в подводную часть «Победы». Через образовавшиеся пробоины хлынула вода, свободно распространяясь по всем отсекам, поскольку почти все водонепроницаемые переборки были пробиты осколками. Быстро увеличился крен на правый борт, достигший к 17:30 35°. Для уменьшения крена капитан 1-го ранга Зацаренный приказал заполнить водой 6 бортовых коридоров левого борта, машинное отделение ЛБ и две угольные ямы. После этого броненосец «Победа» плотно сел на грунт всем днищем. Крен больше не увеличивался, а с началом отлива уменьшился до 14°. Противник продолжал расстреливать затопленный броненосец. Снаряды рвались о бортовую броню, разрушали палубы, корбили переборки, разбивали мостики и трубы. То там, то здесь вспыхивали пожары. За день на броненосце было ранено 10 матросов. Около 19:00 портовые баркасы свезли оставшихся на «Победе» офицеров и матросов в казармы Тигрового полуострова. С броненосцем «Победа» было покончено.

Уже после гибели «Победы», ее минный катер под командованием квартирмейстера Апалинова в ночь с 1 на 2 декабря, охраняя броненосец «Севастополь», произвел торпедную атаку на миноносец противника, который затонул от попадания торпеды. На сухопутном фронте продолжали сражаться матросы с «Победы» под командованием лейтенанта Тимирева и мичмана Воронцова-Вильяминова. Когда обстановка на сухопутном фронте стала безнадежной, в Чифу, прорвав блокаду, ушел минный катер с «Победы» под командованием мичмана Влащева. Катер доставил в Чифу различные секретные документы и разоружился по указанию русского консула.

Перед капитуляцией Порт-Артура на броненосце «Победа», как и на других кораблях эскадры, было взорвано и уничтожено все, что можно было уничтожить. Дополнительно в «Победу» была выпущена торпеда с минного катера. Английский журналист Н. Сеппинг-Райт, побывавший на «Победе» после занятия крепости японцами, так описывает состояние корабля: «Я отправился осматривать «Победу» на нанятой джонке. Вид этого броненосца, пострадавшего больше других, вызывал сожаление. Все его 6" орудия, очевидно, были уничтожены самими русскими. Стволы орудий были отбиты, башни были без крыш и было видно, что делалась попытка разрушить барбет, хотя она и не дала никаких результатов. Русские употребили для этого пироксилин, оставивший незначительные царапины на стволах орудий, но большая часть взрывчатки вывалилась и лежала разбросанной по палубе. Орудия, выдержавшие подобную пробу, были очевидно очень высокого качества!...

Согнувшаяся грот-мачта висела прямо над водой, ее большой боевой марс был, очевидно, поврежден японским снарядом. Прилив окончился и представилась возможность спуститься вниз, хотя было очень трудно идти по доскам, пропитанным маслом и наклоненным под углом 25°. Смотри на столбы яркого солнечного света, лившегося в многочисленные пробоины, легко было проследить полет попавших в броненосец снарядов. Повсюду было разбросано множество осколков. Большею частью снаряды сыпались сверху, пробивая насквозь обе палубы, а иногда и днище. Над машинным отделением были

натянуты для защиты противоминные сети, но ни один снаряд сюда не попал и было невозможно проверить, насколько действенна такая мера защиты... На палубе беспорядочными грудками валялись бумаги, матросские мешки, набитые разными вещами, обмундирование, койки, простыни — все залитое маслом... Наложённые вокруг дымовых труб громадные кучи бревен и брусьев толщиной около полутора метров, были пробиты снарядами насквозь. Пострадали переборки, а один снаряд сбил тяжелую стрелу для подъема грузов... Садясь в джонку, я обратил внимание на то, что снаряд перебил на «Побед» якорь».

17 октября 1905 года японцы подняли «Победу». В тот же день на уцелевшей мачте броненосца взвился флаг страны восходящего солнца и произошла торжественная церемония переименования корабля, названного «Суво» по древнему наименованию одной из провинций префектуры Ямагучи. В 1906 — 1908 гг. броненосец «Суво» прошел капитальный ремонт и модернизацию и был перечислен в линейные корабли. В 1909 г. линкор «Суво» был переклассифицирован в корабли береговой обороны 1-го класса, служа одновременно учебным кораблем для курсантов строевого и инженерного училищ японского флота. После вступления Японии в первую мировую войну линейный корабль «Суво» являлся флагманским кораблем вице-адмирала Садакичи Като — командующего флотом, который блокировал немецкую крепость Циндао. 27 августа 1914 года на борту «Суво» было официально объявлено о начале блокады Циндао, а 28 сентября снова заговорили орудия старого линкора. В 07:00 на мачтах «Суво» взвились стеньговые флаги и он начал бомбардировку немецкой крепости вместе со своими старыми боевыми товарищами, захваченными, как и он, в плен в период русско-японской войны. (Под флагом адмирала Като действовали линкоры «Ивами» («Орел»), «Танго» («Полтава»), «Окиносима» («Генерал-Адмирал Апраксин») и «Мисима» («Адмирал Сенявин»). Линкор «Сува» в течение всего октября продолжал участвовать в блокадных операциях против Циндао, бомбардируя крепость и подавляя немецкие форты береговой обороны. После взятия Циндао линкор «Суво» вернулся в Япо-

нию, продолжая нести службу учебного корабля береговой обороны вплоть до 1922 года. В апреле 1922 г. в исполнение статей Вашингтонского Договора линейный корабль «Суво» был разоружен в Курэ. Почти немедленно начались работы по разборке корабля. 13 июля 1922 года при снятии броневых плит линкор «Суво» опрокинулся у стенки завода и был окончательно разобран в таком виде.

Корабль находился в строю 20 лет, из них 18 под японским флагом. Эскадренный броненосец «Победа» был зачислен в списки Русского Флота 11 января 1899 года. Исключен из списков 5 ноября 1905 года.

Командиры эскадренного броненосца «Победа» 1899 — 1904 гг.

1899 — 1902 гг. — капитан 1-го ранга Вирениус

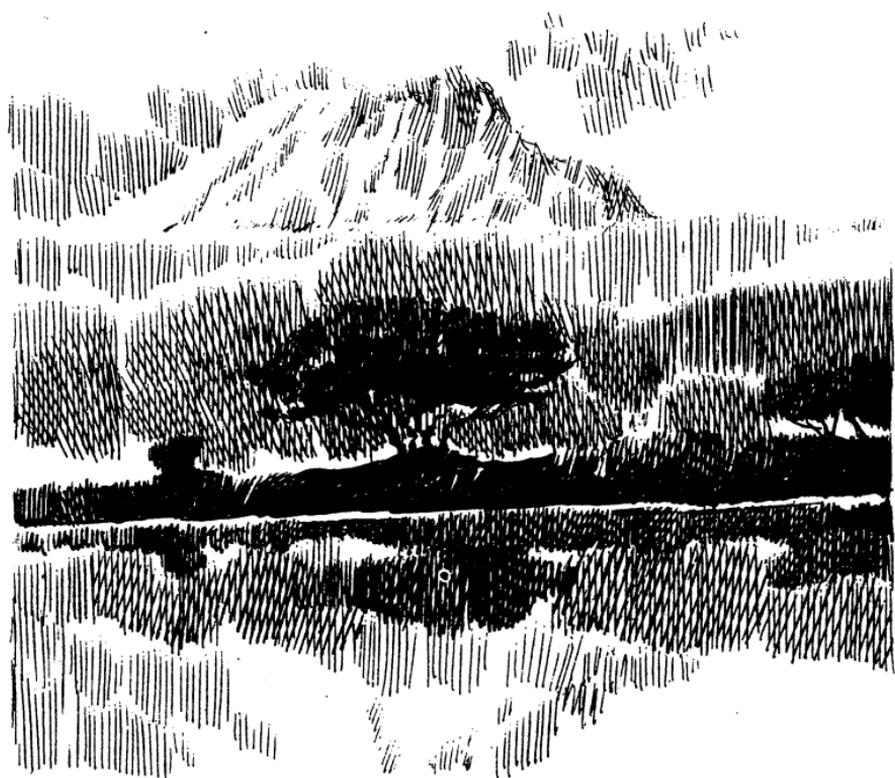
1902 — 1904 гг. — капитан 1-го ранга Зацаренный

С 9 по 14 июня 1904 г. — капитан 1-го ранга Сарнавский

Русские адмиралы, державшие флаг на броненосце «Победа»

1 апреля 1904 года на «Победе» один день держал свой флаг контр-адмирал князь Ухтомский

МУЧЕНИКИ ЦУСИМЫ

«КНЯЗЬ СУВОРОВ»

Суворов А.В. (1729 — 1800) — генералиссимус Русской Армии, князь Италийский, граф Рымникский — известный полководец второй половины XVIII века.

«Князь Суворов» (ВВ-16)

Водоизмещение: 13516 т

Главные размерения: 121x23, 2x8м

Скорость максимальная: 18 узлов

Вооружение: четыре 12-дюймовых орудия в башнях, двенадцать 6-дюймовых орудий в шести двухорудийных башнях, двадцать 47-мм и два 37-мм орудия, 2 десантные пушки, 8 пулеметов, 2 надводных и 2 подводных ТА

Мощность механизмов: 15800 л. с.

Бронирование: Борта — 102 — 178 мм

Казематы — 76 мм

Башни — 152 — 254 мм

Палуба — 31 — 50 мм

Боевая рубка — 203 мм

Экипаж (штатный): 47 офицеров и 903 матроса
Тип: «Император Александр III» («Бородино»)

Эскадренный броненосец «Князь Суворов» был заложен 8 сентября 1901 г. на Балтийском заводе в Санкт-Петербурге. Строительство корабля, четвертого в серии, велось в рамках программы 1898 г. для нужд Дальнего Востока. Работами руководил корабельный инженер Аверин К.Я. Броненосец строился с учетом опыта, приобретенного при постройке двух предыдущих кораблей этого типа: были укорочены боковые кили, в дейдвуде уже не делали треугольное отверстие для улучшения поворотливости, была несколько изменена система бронирования. Броню для корабля отлили на Обуховском заводе, машинную установку выполнили на Балтийском заводе, башенные артиллерийские установки главного и вспомогательного калибров — на Путиловском заводе. Вертикальная броня была заказана заводу Карнего на сумму 224 901 р.

25 сентября 1902 г. эскадренный броненосец «Князь Суворов» был спущен на воду и отбуксирован к достроечной стенке завода. В 1903 г., когда отношения с Японией стали весьма напряженными, администрация завода запросила Морское ведомство, следует ли форсировать работы на строящихся кораблях. Ответ гласил, что на форсирование работ средств нет, и их надо вести согласно плану.

Балтийский завод, как всегда, работал быстро и качественно, но график работ срывали контрагенты, еще не достаточно освоившие лицензионную технологию сложного литья стали и производства сложных артиллерийских систем. Даже начало войны с Японией не ускорило темпов строительства, поскольку считалось, что на Дальнем Востоке достаточно сил, чтобы свернуть шею «косокрылым желтым макакам».

Патриотические демонстрации под лозунгом: «Мир заключен будет только в Токио!», взрыв шапкозакидательского национализма и полное пренебрежение к противнику под плавные мелодии «Боже, царя храни», героические оратории из «Ивана Сусанина» («Жизнь за царя») и «1812 года» — все это было характерно для первой недели после сообщения о нападении японцев на рус-

скую эскадру в Порт-Артуре. Однако сообщения о первых неудачах сменялись сообщениями о первых поражениях, число которых росло вместе с числом погибших кораблей. 5 марта 1904 г. стоявший у достроечной стенки Балтийского завода «Князь Суворов» неожиданно посетил царь, прибывший с многочисленной свитой. Николай II осмотрел корабль, на котором заканчивался монтаж машины и котлов, но не было еще ни артиллерии вспомогательных калибров, ни торпедных аппаратов, ни навигационного оборудования, ни многого другого, и попросил ускорить строительство броненосца. Администрация завода, ссылаясь на высочайшее повеление, затребовала необходимые средства у Морского ведомства. Средств не оказалось. Русские рабочие даже в военное время не желали работать сверхурочно бесплатно, а поднимать энтузиазм масс с помощью лозунгов тогда еще не умели...

Между тем сообщения с театра военных действий становились все мрачнее. В грохоте взрыва броненосца «Петропавловск» рассеялись последние надежды на чудо с объединенной помощью Николая Угодника и адмирала Макарова.

Первым поднял вопрос о необходимости усилить Тихоокеанскую эскадру назначенный после гибели адмирала Макарова командующим адмирал Скрыдлов, представив по этому вопросу 8 апреля 1904 г. верноподанный доклад. Адмирал Скрыдлов отбыл на Дальний Восток, но в Порт-Артур уже не попал, поскольку тот к этому времени был блокирован с суши. И хотя адмиралу обещали, что выдадут «экстренные наряды» на достройку кораблей, никакого оживления работ на Балтийском заводе в апреле еще не наблюдалось.

В мае 1904 г. «Князь Суворов» был отбуксирован из Санкт-Петербурга в Кронштадт для окончательной достройки и испытаний. Рабочих Балтийского завода, на содержание которых в Кронштадте не было средств, каждый день доставляли на броненосец буксирными пароходами из Петербурга, а вечером отвозили обратно.

Пока «Суворов» достраивался, дела на Дальнем Востоке пошли хуже некуда. Назначенный командовать 2-й эскадрой свиты его величества контр-адмирал З.П.Роже-

ственный крушил на совещаниях оппонентов, выражавших сомнение в целесообразности посылки новой эскадры на Дальний Восток. Рождественский имел высокий авторитет, как в морских, так и в придворных кругах. Командуя в свое время учебно-артиллерийским отрядом, он в присутствии царя и кайзера Вильгельма устроил такие показательные стрельбы, что кайзер, не стесняясь присутствия Тирпица, сказал Николаю, что был бы счастлив иметь такого адмирала, как Рождественский, на своей службе. Слабовольный Николай очень ценил советы «кузена Вилли» и сделал Рождественского начальником Главного Морского штаба. Когда же встал вопрос о снаряжении новой эскадры на помощь Порт-Артуру, Рождественский в буквальном смысле слова напросился в командующие этой эскадрой. Его назначение одобрили царь, общественность и личный состав флота, включая матросов, которые собирали нечто вроде стихийных митингов и кричали: «Хотим Зиновея!» Участник русско-турецкой войны 1877 г. и героического боя «Весты» Зиновий Павлович Рождественский был опытейшим моряком, отличным артиллеристом и прекрасным организатором. Найти лучшую кандидатуру на эту должность вряд ли было можно, несмотря на то что адмиралов в Русском Флоте было больше, чем кораблей. Своим флагманским кораблем Рождественский выбрал броненосец «Князь Суворов», который по результатам первых испытаний оказался по многим параметрам лучше и надежнее других кораблей этого типа.

1 августа 1904 г. адмирал Рождественский поднял свой флаг на броненосце, который официально еще в строй не вошел, поскольку не завершились приемосдаточные испытания. В это время в Петербург пришло известие о бое 28 июля в Желтом море при попытке 1-й Тихоокеанской эскадры (как стали ее называть, поскольку на помощь ей снаряжалась вторая эскадра) прорваться из заблокированного Порт-Артура. Эскадра частично была загнана противником обратно в Порт-Артур, а частично рассеяна по нейтральным портам и потеряла при этом крейсер и миноносец. 10 августа 1904 г. в Петергофе состоялось совещание с участием двух флотских великих князей Алексея Александровича и Александра Михайловича,

управляющего Морским министерством адмирала Авелана, управляющего Военным министерством генерала Сахарова, командующего эскадрой контр-адмирала Рожественского и министра иностранных дел графа Ламздорфа. На совещании был окончательно определен состав и маршрут эскадры, ее потребности в угле и запасах, высказано требование о присылке во Владивосток по железной дороге, помимо необходимого для такого количества кораблей запасов и снаряжения, 50 миноносцев и подводных лодок в разобранном виде...

Между тем «Суворов» вышел в море для пробы механизмов, дав 18,2 узла. Он также обстрелял башни, проверил свою устойчивость и крен на циркуляции. Результаты испытания были признаны вполне удовлетворительными — Балтийский завод оказался на высоте, подтвердив свою репутацию лучшего кораблестроительного предприятия России. 18 августа 1904 г. эскадренный броненосец «Князь Суворов» был освящен и вступил в строй под командованием капитана 1-го ранга Игнациуса. Общая стоимость постройки составила 13 840 804 р.

Подняв флаг и вымпел, «Князь Суворов» вышел на большой кронштадтский рейд. На корабль переселился штаб Рожественского, осуществляя с борта броненосца подготовку эскадры к походу. На «Суворове» продолжались разные мелкие доделки, портовые буксиры ежедневно доставляли на броненосец рабочих Балтийского завода. На броненосец принимались из порта все виды боевого снаряжения, опустошались кронштадтские магазины и склады. Еще много лет кронштадтские интенданты будут списывать на 2-ю эскадру все недостатки, а подрядчики флота с грустью вспоминать те многомиллионные прибыли, которые они нажили на этой трагической и бесславной аванюре. Флагманский интендант эскадры капитан 2-го ранга Витте, который за недостатком места на «Суворове», жил (и умер) на «Бородино», много бы мог порассказать, если бы остался жив...

Работы, связанные с достройкой броненосца, и работы, связанные с подготовкой к походу через три океана, велись параллельно, изматывая личный состав. Этот период жизни на «Суворове» хорошо описан в письмах инженер-механика Федюшина, который попал на бронено-

сец после окончания Московского технического училища в конце июня 1904 г.

«Потребовалось две недели, чтобы вполне ознакомиться и усвоить себе расположение всех частей на броненосце. Первые дни я ходил, как в лесу. Хочу пройти в одно помещение, попадаю в другое. В настоящее время мы стоим еще в гавани... Через месяц я буду произведен в инженер-механики флота и определен на действительную службу... жалование буду получать 118 р. (вместо 48 р., как теперь), а в заграничном плавании 187 р. Там увижу много интересного, побываю в тех местах, о которых приходилось так много читать... Жизнь на корабле здесь довольно приятна, если не обращать внимания на постоянный стук, который не прекращается и днем, и ночью. С достройкой спешат, поэтому работа идет непрерывно. У меня своя каюта, к моим услугам — вестовой. Стол великолепный: завтрак из двух блюд, обед из четырех. Окружающие меня офицеры — народ симпатичный. На «Суворове» сейчас семь инженер-механиков...»

Попавший на флот из разночинной нужды Павел Федюшин, как ребенок, радуется вестовому, столу кают-компании и возможности повидать экзотические заморские страны. Его радость и оптимизм совершенно искренни. Даже круглосуточный грохот пневматических молотков и чеканов скромный и трудолюбивый гражданский инженер нежно называет «стуком». А бледный призрак собственной ужасной гибели еще так далек и совсем не виден с кронштадтского рейда. В июле Федюшин пишет: «Командир пристроил меня к приемке угля. После погрузки 5000 пудов из блондина я превратился в брюнета. На днях предстоит погрузить 40000 пудов, и тогда я превращусь, по всей вероятности, в негра... Мне поручено составить схему парового отопления, и она впоследствии должна перейти в мое заведование. Кроме того, я буду заведовать паровыми катерами: их у нас четыре, два минных и два пассажирских. Все они, как игрушки, будут расставлены на палубе... Я очень доволен, что поступил на флот. Другие инженеры здешние много плавали и рассказывают массу всего интересного о Японии, Артуре, китайских портах. И все это я увижу!..

Работать приходится очень много. Познакомился с

вахтами на «Суворове», выходили в море для пробы машины и орудий. Во время хода в машинном отделении сверху температура доходила до 55°. Пробыть на вахте 4 часа подряд — не легкое дело. На пробе узнали, что такое залп из 12-дюймового орудия. Одного мичмана уже оглушило. Заряд для такого выстрела стоит около 500 р. Интересная тоже вещьца пулемет, делающий 400 выстрелов в минуту. У нас много всякого вооружения и между прочим 4 минных аппарата. Каждая мина стоит 3500 р. Весь наш броненосец обошелся в 13,5 миллионов р. Кроме того, мы повезем с собою разных боевых припасов на миллионы. И все это еще малая доля тех расходов, которые связаны с войной...» 7 августа 1904 г.: «С 1 августа Роже-ственский живет на нашем броненосце. Это очень суровый и свирепый господин. Что ни день, то новый арест для кого-нибудь из офицеров и за самые ничтожные пустяки. Его зовут здесь (не хорошо). Человек он очень нервный. Когда говорит, сильно волнуется. 1 августа он говорил речь матросам так нервно, и вместе с тем так увлекательно, что у всех на лице была полная готовность умереть, если понадобится, за царя и родину...»

А между тем «суровый и свирепый господин» Роже-ственский имел все основания быть повышенно нервным, поскольку начинал понимать, в какую авантюру втравил он сам себя, променяв кабинет в Адмиралтействе на флагманский мостик «Суворова». Чуть не ежедневно МТК услужливо предоставлял материалы, свидетельствующие о дефектном состоянии различных кораблей эскадры. Корабли, составляющие главные силы эскадры, могли перевернуться на волнении задолго до встречи с противником. Боевая подготовка эскадры была в рудиментальном состоянии. При одном из выходов из Кронштадта с «Суворова» был дан приказ кораблям показать свое место. Корабли дали результаты с разницей в 100 миль. В своем приказе № 62 адмирал Роже-ственский оценил состояние корабельной службы на своем флагманском броненосце «Князь Суворов»: «Сегодня, в 2 часа ночи я приказал вахтенному офицеру пробить отражение минной атаки. Через восемь минут после сигнала тревоги не было еще никаких признаков какой-либо подготовки к отражению атаки: команда и офицеры спокойно спали. Толь-

ко несколько человек вахтенных с большим трудом удалось вытащить с коек, да и они не знали, что делать и куда идти по тревоге. Ни один прожектор включен не был, минного офицера разыскать не удалось ...»

Ясно сознавая, что стоянка в Кронштадте может затянуться из-за мелких работ на неопределенное время, адмирал решил перейти с эскадрой в Ревель, а все недопринятое эскадрой погрузить на транспорты. В Ревеле Рождественский рассчитывал обратить главное внимание на боевую подготовку эскадры...

29 августа в 09:00 «Князь Суворов» под флагом адмирала Рождественского вывел эскадру из Кронштадта и повел в Ревель. У Толбухина маяка эскадру обогнала яхта «Царевна» под флагом императора, который, пожелав эскадре счастливого плавания, изъясил ей сигналом свое особое удовольствие. 30 августа в 07:00 «Князь Суворов» привел эскадру на ревельский рейд. В этот же день на броненосце отслужили обедню по случаю первого перехода. Эскадра приступила к программе интенсивной боевой подготовки.

5 сентября 1904 г. на «Суворове» произошла авария в машине. Минный офицер лейтенант Петр Вырубов в письме от 6 сентября писал своему отцу: «Ревель. «Кн. Суворов». Наконец-то я улучил свободную минуту, чтобы написать вам, и то только благодаря тому, что у нас случилось небольшое повреждение в машине. Адмирал перенес флаг на «Александр III» и ушел с эскадрой в море на эволюции. Чтобы вы имели представление о здешнем режиме, опишу по порядку один день, например, 7 сентября, сравнительно легкий, вдобавок с моей пропускной вахтой, следовательно, относительно свободный. С 6 ч утра мы вылавливаем мины заграждения. На это учение, впрочем, я случайно не попал, т.к. пошел старший минный офицер, моя же служба началась с 8 ч утра, когда я пошел стрелять минами с минного катера, провозился с ними до 11 ч, в одиннадцать пообедал и немедленно отправился к подводным минным аппаратам готовить мины, чем и занимался до двух часов. В два часа эскадра снялась с якоря и пошла в море на стрельбу из пушек и минами, окончили к 6-ти... В шесть обед, который прерывался три раза авралами и

кончился только в девятом часу. В 8 ч 30 мин назначена боевая стрельба по щиту, который я должен освещать фонарями, но пошел туман, мы зря проболтались около часа и щита не нашли. С 9 ч 30 мин до 10 ч 30 мин обыденное освещение прожекторами по расписанию. В этом роде изо дня в день. Часто дни выдаются много труднее. К этому надо прибавить, что на вахту теперь поставлены исключительно лейтенанты, что дает через пять дней один свободный от вахты, что свободно от учений одно только воскресенье, и то относительно, что в 7 ч вечера прекращается не только сообщение с берегом, но и судов между собою. Во всякое движение по рейду, а также и во всякую шлюпку, не показавшую опознавательного сигнала, часовые по второму оклику стреляют. Частные пароходы и суда останавливаются далеко в море дозорными судами. Если вы себе все это представляете, то будете иметь некоторое понятие, почему мне до сих пор не удалось вам написать... Сколько мы будем стоять в Ревеле, не знаю. Говорят, 20-го нам будет царский смотр. Вообще, вопрос с нашим уходом решен, говорят так: при первых удачных действиях Куропаткина, мы выходим немедленно и идем в Артур, если же таких вестей не будет, то выходим с расчетом прийти во Владивосток к открытию навигации...»

Назначенный в последний момент на «Суворов» флагманским корабельным инженером Политовский еще не пришел в себя от этой неожиданности. Ему совершенно не хотелось идти в поход. В одном из первых писем к горячо любимой жене он писал из Ревеля: «Какая тоска. Нигде не могу найти себе места... работая на «Бородино», я все тешил себя мыслью об отдыхе, об отпуске. «Бородино» окончено. Теперь бы я был уже свободен, жил дома, с женой. А тут? Ах, судьба! Думается мне, что не вернуться обратно. Кстати, предшественник, который жил в моей каюте, помешался и был списан. Его каюту занял я. Это хоть суеверие, а все-таки неприятно...»

Командир эскадренного броненосца «Князь Суворов» В.В.Игнациус сидел у себя в салоне за мольбертом. Один из наиболее опытных командиров в Русском Флоте, он был талантливейшим художником-маринистом: его акварельный альбом «Русский флот» выдержал несколько

роскошных изданий. Он вызвался написать для церкви в память погибших в войне с Японией русских моряков, задуманной как морской вариант храма Христа Спасителя в Москве, несколько морских картин и икон, обещая переслать их в Петербург с возвращающимися в Россию транспортом. С помощью одного матроса из профессиональных иконописцев командир «Суворова» все свободное время с увлечением работал над этими картинами и иконами. Капитан 1-го ранга Игнациус принадлежал к числу самых убежденных сторонников того мнения, что затеянный поход — это отчаянная авантюра, успех которой зависит исключительно от степени содействия Николая Угодника и прочих сил небесных. Отлично зная тактику японцев, всю силу своего огня сосредотачивать на флагманском корабле противника, командир «Суворова» отлично понимал, что в решительном бою его корабль и он сам обречены на верную гибель. Но, приняв эту неизбежность, он уже ни на минуту не терял своего жизнерадостного и бодрого настроения, шутил, острил, живо интересовался разными мелочами корабельной жизни и матросского обихода, став хорошим противовесом сурового и вспыльчивого адмирала Рожественского. Беда была только в том, что в Русском Флоте, несмотря на то что он существовал 200 лет, очень плохо соблюдалась морская этика, в частности, предусматривавшая, что адмирал не должен вмешиваться в дела корабля, на котором держит флаг. Рожественский, не обладавший особым тактом, задержал многих командиров и прежде всего Игнациуса, команду подчас одновременно и эскадрой, и «Суворовым», вмешиваясь через голову командира во многие мелочи корабельной жизни. Тут надо заметить, что на кораблях Русского Флота не были предусмотрены какие-либо флагманские посты управления. Флагманские и корабельные специалисты работали в одних и тех же рубках, теснились на одних и тех же мостиках, в боевой рубке, мешая работе друг друга...

17 сентября эскадру начали посещать высочайшие особы. Первой прибыла вдовствующая императрица, государыня-мать Мария Федоровна. Затем приехали великая княгиня Ольга Александровна и греческая королева Ольга Константиновна. А 26 сентября эскадре был

дан высочайший смотр. Корреспондент газеты «Русь» передавал из Ревеля: «Государь император, в сопровождении его императорского высочества генерал-адмирала, изволил с яхты «Штандарт» на паровом катере подойти ко 2-й Тихоокеанской эскадре и посетить броненосцы: «Ослябя», «Орел», «Бородино» и «Император Александр III». По осмотре каждого из судов, его императорское величество обращался к собранной на трапах команде с милостивыми словами, выражая уверенность, что когда настанет время, они также доблестно послужат отечеству, как послужили их боевые товарищи на Дальнем Востоке, и отомстят за «Варяга» и «Корейца», одолев дерзкого врага, нарушившего спокойствие матушки-России. Поблагодарив команды за службу и пожелав им счастливого плавания и благополучного возвращения, государь император обращался с милостивыми словами к офицерам. После сего его императорское величество изволил проследовать на броненосец «Князь Суворов», откуда смотрел взрыв подводных мин. В 8 часов вечера на «Суворова» состоялся обед, к которому были приглашены все командиры стоящих на рейде судов».

28 сентября по сигналу с «Суворова» эскадра покинула ревельский рейд и пошла в Либаву, подойдя в полдень 29 сентября к либавскому плавмаяку. Корабли по одному стали входить в аванпорт. Стояла ненастная осенняя погода, моросил дождь, мелкий, как водяная пыль. Дул сильный ветер. На всех кораблях шла подготовка к выходу в открытый океан. На «Суворова» стали поступать сведения, что прибывшие в Швецию японские морские офицеры дали публично страшную клятву уничтожить все русские корабли еще на Балтике. Пока дипломатические и разведывательные источники передавали на флагманский корабль смутную информацию о коварных замыслах японцев, он чуть не погиб в либавском порту. 30 сентября ветер и волны сорвали «Суворова» с мертвого якоря вместе с бочкой, за которую был закреплен его становой канат. Броненосец поволокло через весь аванпорт. Он успел отдать якорь и с его помощью временно задержаться. Подоспели портовые буксиры и перевели флагманский корабль на более безопасное место.

Если бы помощь не подоспела, «Князь Суворов» был бы выброшен на мол и распорол бы себе днище, а в русской истории не было бы кроваво-позорного пятна Цусимы. Адмирал Рожественский приказал вывести броненосцы из порта в открытое море за плавмаяк, несмотря на возможную угрозу атаки миноносцев противника.

Корабли продолжали принимать необходимое в океанском походе снаряжение. На «Суворове» изучали секретные депеши от русских консулов в Дании и Швеции, предупреждавших о возможности развертывания строящихся в Англии японских миноносцев в Датском проливе и в Северном море на пути эскадры. Не исключалась также возможность минирования японцами проливов. Уточнялись последние данные о взаимодействии с немецкими угольщиками Гамбург-Американской линии, которые должны были снабжать эскадру углем на всем ее пути. Выяснялись способы доставки корреспонденции на корабли эскадры.

30 сентября прибыл в Либаву и переехал на броненосец «Князь Суворов» бежавший из Сайгона старший офицер интернированного крейсера «Диана» капитан 2-го ранга В.И.Семенов. Доблестный боевой офицер и талантливый писатель, Владимир Иванович Семенов был настоящим героем этой роковой войны. Прекрасно образованный, он знал несколько иностранных языков, включая японский и китайский. Много плавая в дальневосточных водах, Семенов участвовал также в исследовательских работах на Енисее, Лене и Амуре, описал быт и нравы местных кочевых племен. До начала русско-японской войны он был флаг-офицером адмирала С.О.Макарова. С началом войны он выехал в Порт-Артур, получив назначение на крейсер «Боярин», который погиб на собственных минах еще до приезда Семенова. Семенов командовал миноносцем в Порт-Артуре, был старшим офицером на транспорте «Ангара», а затем — на крейсере «Диана». После боя 28 июля «Диана» пришла в Сайгон, где была интернирована. Однако неугомонный Семенов, переодевшись в штатское, бежал из Сайгона и, проехав полсвета, ежеминутно рискуя быть арестованным французскими и английскими властями, сумел через Марсель, Париж и Берлин добраться до Либавы, обу-

реваемый только одним желанием — сражаться с врагом, участвовать в этой войне до конца. Он не хуже, а скорее всего даже лучше других понимал, какая судьба ждет «Суворова», если не удастся избежать боя. Он прекрасно знал, что сам он, будучи интернированным, не имеет права даже на статус военнопленного. Он стал единственным старшим офицером Русского Флота, участвовавшим в бою 28 июля в Желтом море и в Цусиме. Однако его богатейший боевой опыт не был использован. Оклеветанный Семенов был исключен со службы. Его трилогия «Расплата», в полном смысле написанная кровью, выдержала несколько прижизненных и посмертных изданий, была переведена на все европейские языки...

А пока, прибыв на «Суворов», капитан 2-го ранга Семенов представился адмиралу Рожественскому, с которым был знаком по прошлой службе, как и с большинством офицеров флагманского корабля. Лейтенант Вырубов писал из Ливавы: «2 октября 1904 г. Ливава». «Кн. Суворов». Сегодня в 8 ч утра мы, наконец, идем на Восток. Что выйдет из этого беспрецедентного в истории предприятия, покажет будущее. Даст Бог, доберемся до Того и сведем с ним счеты. У нас только что прожил три дня подполковник Меллер, ушедший из Артура на миноносце «Решительный», а сегодня явился капитан 2-го ранга Семенов старший офицер «Дианы». Оба они рассказывают массу интересного: по их словам в Артуре совсем не так плохо, как мы все думаем. Писать мне можно по следующим адресам: 1) С.-Петербург, портовая контора, его превосходительству Филиппу Александровичу Дегтяреву для передачи на 2-ю эскадру Тихого океана, или 2) Одесса, «Торговый дом Гинзбурга и К°». Адресуя Гинзбургу, надо письма обязательно отправлять в двойном конверте: на внешнем вышеуказанный адрес, а на внутреннем только «Петру Александровичу Вырубову» без всякого обозначения. Самый же адрес «2-я эскадра Тихого океана, броненосец «Князь Суворов» следует искать на отдельной бумажке, которую и приклеить одним уголком ко внутреннему конверту, чтобы ее легко можно было оторвать. Такой способ отправления рекомендован штабом эскадры и имеет свои основания. Через Дегтярева можно посылать и посыл-

ки. Писать с эскадры можно что угодно: письма не цензируются, не разрешено только получать письма помимо вышеуказанных посредников. Настроение на эскадре прекрасное. С уходом за границу наша каторжная служба получает известную цель...»

1 октября пред спуском флага по сигналу с «Суворова» все броненосцы, стоя на рейде в открытом море, откинули противоминные сети, готовые в любой момент отразить внезапную атаку миноносцев противника. На «Суворове» состоялся молебен с коленопреклонением за «болярина Зиновия и дружину его», а затем — всенощная. На рейде угрюмо шумело море и катило мимо кораблей вспененные валы...

Утром 2 октября «Князь Суворов» вывел эскадру в открытое море. Погода свежела. Начались поломки на различных кораблях. Ночью со 2 на 3 октября были приняты все меры для отражения возможного нападения миноносцев противника. Орудия были заряжены. Миноносцы отгоняли от курса эскадры все встречные суда. 4 октября «Суворов» привел эскадру к о. Лангеланд. Эскадра встала на якорь у маяка Факкебирг, пережидая шторм. Находившийся у острова датский крейсер «Хеймдал» салютовал флагу командующего, а на «Суворова» прибыл датский офицер, которому сообщили, что эскадра останется здесь день или два в ожидании лучшей погоды. Костенко вспоминает: «С «Суворова» из штаба доходят сведения, что адмирал с берега получил ряд новых предупреждений о готовящихся нападениях на нашу эскадру в узких проливах на пути из Балтики в Северное море. Возможна атака миноносцев, подводных лодок и даже торговых судов вооруженных минными аппаратами. Для этих покушений пустынные фиорды шведских и норвежских берегов располагают удобными закрытыми стоянками. При благосклонном содействии союзной Англии, при недоброжелательном к нам нейтралитете Швеции и сомнительном отношении Норвегии в этих водах можно ожидать всего. Нужны только деньги и решительные, предприимчивые исполнители... А на эскадре по-прежнему царит ужасная бестолковщина: приказы адмирала остаются неизвестными кораблям, его телеграммы многими аппаратами не принимаются из-за их неис-

правности. Какие-то неизвестные пароходы под иностранными флагами и с неведомыми грузами подходят не к тем кораблям, к каким назначены штабом... Со снаряжением эскадры кое-как справились. Теперь на передний план выдвинулась задача: организовать ее, обучать и правильно использовать по назначению. Успешность осуществления этой задачи прежде всего зависит от личных качеств, талантов и способностей командующего эскадрой. На него возлагаются все упования и последние надежды. Эскадра покидала Кронштадт, полная веры в своего командующего. Каждое его слово принималось как откровение, а его приказы, резкости и причуды, исключительно как свидетельство его одаренности... Судя по рассказам офицеров с «Суворова», у них на флагманском корабле вследствие присутствия адмирала создалась натянутая и даже тяжелая атмосфера. Личный состав флагманского корабля резко разделился на два обособленных лагеря: на штабных и судовых офицеров. Рождественский уже успел внушить к себе страх: даже командиры кораблей трепещут перед его сигналами. Хотя авторитет его пока беспрекословен и никем не подвергается сомнению, но чувствуется, что вырастает какая-то стена между командующим и его подчиненными.

А между тем корабли укомплектованы лучшими командирами с большим опытом, прекрасными специалистами и кадрами молодежи, готовой на любой труд, лишения и подвиги...»

Прекрасными специалистами был укомплектован и штаб Рождественского. Начальником штаба был капитан 1-го ранга Клапье де Колонг. Это был исключительно вежливый (даже с матросами) человек, опытный моряк с огромной эрудицией. Флагманский штурман, полковник Филипповский обладал громадным опытом, проплавав всю жизнь в океанах, в том числе и на Дальнем Востоке. Флагманский артиллерист подполковник Берсенев даже по характеристике не очень жаловавшего офицеров Новикова-Прибоя «отвечал, как специалист современным требованиям знаний. Это был честный офицер и дело свое знал хорошо». Флагманский минер, лейтенант Леонтьев был известен даже своими научными трудами в области судовой электротехники и зарождающейся радиосвязи.

Это был прекрасный, влюбленный в свое дело, специалист. Флагманский корабельный инженер Политовский, как говорится, собственными руками построил корабли типа «Бородино», зная на них каждую заклепку. Во время похода с его бесчисленными поломками и авариями, Политовский, как водовоз на пожаре, носился с корабля на корабль, руководя работами по устранению повреждений. В штаб был зачислен и капитан 2-го ранга Семенов, неофициально занимая должность начальника военно-морского отдела. Огромными знаниями обладал и старший флаг-офицер адмирала, артиллерист по специальности, лейтенант Свенторжецкий. Наряду со знанием своего дела и опытом он обладал еще и твердым характером и умел отстаивать свою точку зрения перед Рожественским. Этим качеством, кроме него, обладал, к сожалению, еще только Семенов. Флаг-офицер лейтенант Кржижановский, юнкер Максимов и несколько писарей ведали штабной канцелярией. К сожалению, автору неизвестна характеристика флагманского инженера-механика Обнорского, но надо думать, что по знанию своего дела он не уступал другим флагманским специалистам штаба Рожественского.

5 октября штаб Рожественского поздравил флагманского корабельного инженера Политовского с награждением орденом Святой Анны. В тот же день, погрузив уголь, «Суворов» повел эскадру через Датский пролив (владельцы датских пароходов, которым помяли борта при погрузке угля, предъявили Рожественскому счет на 6000 р.). 7 октября, пройдя благополучно проливы, эскадра встала на якорь у мыса Скаген (в тот же день пришла телеграмма, что контр-адмирал Рожественский произведен в вице-адмиралы с пожалованием звания генерал-адъютант). На «Суворове» уже готовились поднять сигнал о начале погрузки угля, как к флагманскому броненосцу подошел пароход, зафрахтованный Морским министерством, и передал сообщение от русского вице-консула в Фредериксгафене, что в море держатся четыре подозрительных миноносца без флагов. Затем к «Суворову» подошел шведский пароход, держа сигнал, что имеет важные депеши. Один из русских агентов докладывал, что из фиордов вышел трехмачтовый барк весьма подо-

зрительного вида. Все эти известия были переданы адмиралу в такой форме и с такими подробностями, что он решил не оставаться ночью на якоре, отменить погрузку угля и следовать дальше. В это же время «Наварин» и «Нахимов» вместе донесли, что видят два воздушных шара.

На «Суворове» царила напряженная атмосфера. Сотни глаз всматривались в темноту. Комендоры дежурили у орудий. Около полуночи передовое охранение доложило, что в море держатся четыре подозрительных миноносца без огней, но ночь прошла благополучно. Утром 8 октября над морем висел густой туман. Эскадра сбавила ход. На «Суворов» поступило донесение, что транспорт-мастерская «Камчатка» имеет повреждение в машине и отстал от эскадры на 17 миль. В 20:55 с «Камчатки» поступила короткая радиограмма на «Суворов»: «Преследуют миноносцы».

«Суворов»: «За вами погоня? Сколько миноносцев и от какого румба?»

«Камчатка»: «Атака со всех сторон».

«Суворов»: «Сколько миноносцев? Телеграфируйте подробнее».

«Камчатка»: «Миноносцев около 8».

«Суворов»: «Близко ли к вам?»

«Камчатка»: «Были ближе кабельтова и более».

«Суворов»: «Пускали ли мины?»

«Камчатка»: «По крайней мере не было видно».

«Суворов»: «Каким курсом вы идите теперь?»

«Камчатка»: «Зюйд-ост-70°». — «Покажите место эскадры».

«Суворов»: «Гонятся ли за вами миноносцы? Вам следует сначала отойти от опасности, изменив курс, а потом показать свою широту и долготу, и тогда вам будет указан курс. Какой теперь курс?»

«Камчатка»: «Боймся показать».

«Суворов»: «Уйдите от опасности, лягте на вост».

На мостике «Суворова» капитан 2-го ранга Семенов высказал свое мнение, что если японцы и устроили засаду, то уже не ради такого «сокровища», как плавмастерская «Камчатка». Но и «Камчатка» никак не могла ни отбиться, ни уйти от атаки восьми миноносцев. Все это

какая-то путаница. Спустившись в свою каюту, Семенов лег на койку и заснул, не раздеваясь. Меня разбудили, — вспоминает он, — звуки горна, игравшего тревогу. «Во сне или наяву?» — было моей первой мыслью. Топот ног людей, бегущих по трапам, грохот беседок со снарядами, катящихся по рельсам подачи, разом рассеяли сомнения...»

В 00:55, когда «Суворов», ведя за собой отряд новых броненосцев, проходил Доггер-Банку, по обоим крамболам были обнаружены силуэты кораблей, идущих на большой скорости расходящимися курсами без огней. Уклонившись от курса, на котором могли бы быть сброшены плавучие мины, «Князь Суворов», а за ним весь отряд включил прожектора, в лучах которых мелькнули два судна, очень похожие на миноносцы. Комендоры «Суворова», наэлектризованные тремя сутками тревог и ожиданий, немедленно открыли огонь, не дожидаясь команды.

Грохот артиллерии сорвал с койки лейтенанта Вырубова. Выскочив наверх, он не сразу понял, что происходит. С обоих бортов на «Суворов» шли по два небольших парохода, маневрируя, по мнению лейтенанта, «более чем подозрительно». С четырех точек горизонта светили какие-то прожектора и оттуда также доносились выстрелы. «Пароходам пришлось очень плохо, — вспоминал позднее Вырубов, — их засыпали градом снарядов и один из них уже под нашей кормой начал тонуть. Я сам видел, как у него на палубе рвался снаряд за снарядом».

Находившийся на кормовом мостике «Суворова» инженер Политовский, не веря своим глазам, смотрел на разворачивающийся бой: «Боже мой, что творилось на эскадре! Около часу ночи проббили боевую тревогу, заметив впереди корабли. Подпустили корабли близко, и началось. Что это было, не хватит слов! Все суда нашего отряда открыли огонь. Гул от выстрелов не смолкал. Прожектора светили. Я в это время был на кормовом мостике и прямо был оглушен и ослеплен от выстрелов. Зажал уши пальцами и сбежал вниз. Окончание смотрел со спардека, в прорезь парадного трапа. Небольшой пароход беспомощно качался на море, была ясно видна черная и красная окраска его борта, была видна одна труба, мостик. Людей наверху не видел. Вероятно, от страха спрятались вниз. Вот один, другой снаряд с на-

шего броненосца попал в этот несчастный пароход. Я видел взрывы...»

Выскочив на палубу, капитан 2-го ранга Семенов какое-то мгновение ничего не видел после яркого света каюты. По укоренившейся привычке Семенов отметил время — 00:55. «Прожекторы светили вправо и по носу. Весь правый борт поддерживал энергичный огонь. Однако суматохи не было. Наоборот. То и дело слышались звонки приборов артиллерийской стрельбы, передающих приказанья. Видимо, делом распоряжались. Поспешил на передний мостик, с которого мне открылась такая картина: справа и впереди в расстоянии нескольких миль виднелся ряд огней, между которыми временами мелькали вспышки сигналов. Кто-то пояснил, что это отряд контр-адмирала Фелькерзама. Затем я увидел в лучах прожекторов справа и впереди, но много ближе, в расстоянии нескольких кабельтовых небольшой однотрубный и одномачтовый пароходик, видимо, недавно пересекший курс эскадры слева направо и медленно удалявшийся. Другой ему подобный шел с первым почти контркурсом. Третий того же типа медленно проходил у нас под носом тоже слева направо. Завидев его, комендор левой 47-мм пушки на верхнем переднем мостике сделал было несколько выстрелов, но сам адмирал схватил его за плечо своей железной рукой и гневно крикнул: «Как смеешь! Без приказанья! Не видишь — рыбак!» Неожиданно с левой стороны, куда не стреляли, где царила глубокая тьма, вспыхнули несколько прожекторов, которые уперлись в нас своими лучами. Без всякой команды, без всякого приказанья левый борт опоясался огненной лентой. Броненосцы открыли беглый огонь по прожекторам. Огонь наудачу, так как определить расстояние не было возможности... «Вот оно откуда настоящая атака!» — слышал я чей-то голос. Почти одновременно над прожекторами, нас освещавшими, замелькали трепещущие огни сигнальных фонарей Табулевича, фонарей, как было достоверно известно, имевшихся только в Русском Флоте...

«Да это наши! «Донской» и «Аврора»! Показывают позывные!» — крикнул я.

«Перестать стрелять! Закрывать боевое освещение! Луч

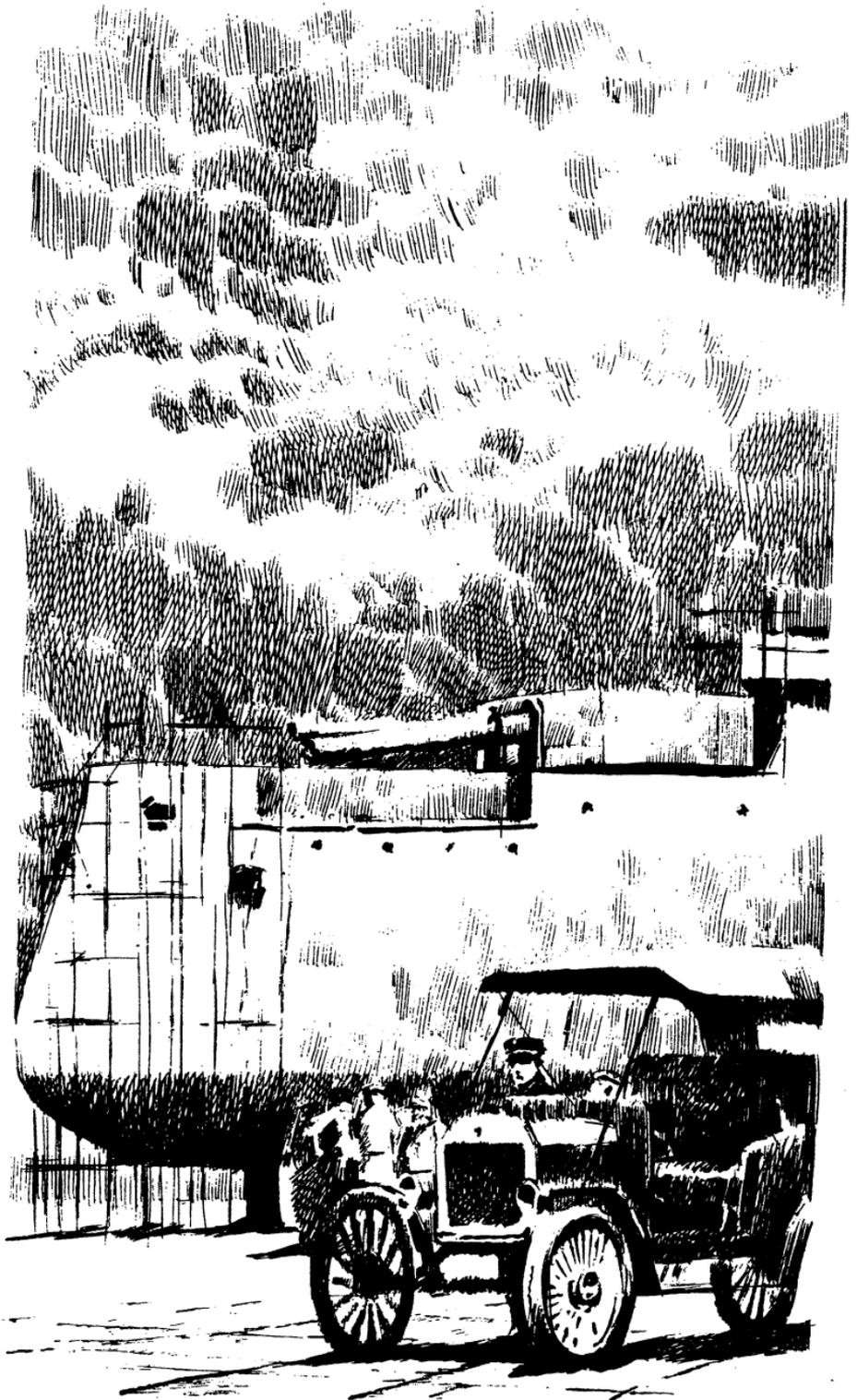
кверху!» — скомандовал адмирал. Запели горны, погасли прожекторы. Только один, носовой, высоко к небу поднял свой молочно-белый луч, — это был условный для всей эскадры сигнал — «Перестать стрелять!» Конечно, не сразу удалось восстановить спокойствие. И после сигнала то тут, то там еще раздавались одиночные выстрелы...»

Офицеры «Суворова» собрались в кают-компани, оживленно обсуждая случившееся. Одни из них, включая Вырубова, уверяли, что видели минимум два миноносца, которые пытались атаковать «Суворов» под прикрытием рыбацких судов. Другие считали, что эскадра вляпалась в какую-то грязную историю благодаря повышенной нервозности, царящей на флагманском корабле. Мичман Головнин, находившийся на ходовом мостике с самого начала инцидента, позднее описал его следующим образом: «... Один из сигнальщиков докладывает вахтенному начальнику, что видит миноносцы. И действительно, ясно видны ракеты с трехцветными огнями, которые пускали маленькие суда, впоследствии оказавшиеся рыболовными парходиками, ловившими рыбу драгами. На мостике командир наш командует: «Открывайте огонь!». Флагманский штурман тоже и показывает: «Вот еще!». Флаг-капитан торопит с открытием огня, и в это время флаг-офицер тоже что-то кричит. В общем, на мостике полнейший хаос, среди которого адмирал молча стоит, прильнув к биноклю и, наконец, и он процедил сквозь зубы, что можно стрелять. По второму выстрелу открыли огонь и остальные суда нашего отряда».

В 02:00 на «Суворов» пришло сообщение с крейсера «Аврора», что она получила пять попаданий 75-миллиметровыми и 47-миллиметровыми снарядами с броненосцев. Тяжело ранен священник крейсера отец Афанасий (ему оторвало руку, позднее он скончался), легко — командор Шатило...

«Недурно для начала!» — прокомментировал это известие старший артиллерист «Суворова» лейтенант Владимирский.

Позднее эта история обросла легендами. В официальном объяснении адмирала Рожественского уже совершенно четко фигурировали миноносцы, напавшие на эскадру. То же самое говорили и русские представители на

следственной комиссии в Гааге. Никто не мог признать, что на флагманском корабле не знали, что у Доггер-Банки идет осенний лов сельди, на который вышли рыбацьи флотилии четырех стран. Расстрелянными оказались английские рыбаки. При этом русские корабли даже не оказали помощи экипажам потопленных судов. Адмирал Рожественский по этому поводу писал в официальном рапорте: «Ввиду подозрительных движений рыбацких паровых баркасов и не имея уверенности в том, что все участвовавшие в покушении миноносцы устранены, я предоставил участь пострадавших заботам их товарищей». Миноносцы противника! Их ясно видели с броненосцев, целый дивизион их преследовал (и не догнал!) «Камчатку», утром какой-то миноносец видели уцелевшие рыбаки, в том, что японские миноносцы были в районе инцидента, даже сознался командир одного из них, когда лежал вместе с капитаном 2-го ранга Семеновым в морском госпитале в Сасебо. Сегодня, имея опубликованные данные строительства японских кораблей на европейских верфях, можно точно сказать: никаких японских миноносцев в европейских водах, в Атлантике и даже в Индийском океане не было. (Остается только удивляться наивности анализа исторических данных. Гулльский инцидент, произошедший 80 лет назад, все еще преподносится как «неразгаданная тайна». Конечно, во время происшествия отряд японских миноносцев, видимо, с английских баз должен был действовать в условиях абсолютной секретности во избежание крупных международных последствий. Но уж за 80 лет при таких резких переменах в военно-политической структуре мира и даже просто так японцы и англичане, если они были в это дело замешаны, без сомнения, давно бы уже опубликовали все подробности действий героического отряда японских миноносцев, сумевшего перехватить противника у самых ворот Балтики, за 15 000 миль от своих баз, наделать столько шума и так сильно подорвать международный престиж своего противника! Нет, автор совершенно согласен с Костенко, который, подводя итог Гулльскому инциденту, пишет: «Но где же наш враг и кто его видел? Под обстрел отряда броненосцев попали собственные крейсера! Хорошо еще, что они так дешево отдела-

лись. И чем бы кончилось такое ночное столкновение, если бы японские миноносцы действительно атаковали нас? Уже то, что ни один наш броненосец не получил попадания торпеды, доказывает, что сражались мы с привидениями, созданными нашим воображением. Да разве мы с такой боевой подготовкой способны отразить настоящую бешеную атаку готовых на гибель японцев?» Проведенное сразу же международное расследование этого инцидента пришло, кстати говоря, к следующим выводам.

1. Среди рыболовной флотилии на Доггерской банке не было ни японских миноносцев, ни миноносцев других наций.

2. В Англии не строились миноносцы для Японии...

3. По сведениям, полученным с разных сторон, датская полиция и русские тайные агенты снабжали адмирала такими сведениями, что он не мог сомневаться в присутствии японских миноносцев в Северном море. (Лучше не скажешь!)

Получивший таким образом боевое крещение «Князь Суворов» повел эскадру дальше. В 03:00 за кормой остался плавучий маяк «Галлопер» — отряд вступил в Ла-Манш. Над морем висел легкий туман, моросил дождь. С правого борта виднелись меловые откосы английского побережья. Жизнь на корабле шла своим чередом. Звенели склянки, менялись вахты. «Суворов» шел через лабиринты рыбачьих сетей, постоянно меняя курс, но все-таки намотав одну сеть себе на винт. Машина работала, решили очистить винт по приходе в ближайший порт, которым должен был стать Брест. Свободные от вахты офицеры играли в кают-компании в трик-трак и домино. Другие забавлялись с тремя корабельными собаками: таксой Динкой, щенком фокстерьером Джипси и непонятной породы псом Флагманским, которого кто-то подстриг «а ля лев». Все дружно обвиняли священника броненосца отца Назария, но тот, мягко улыбаясь, покачивал головой. Капитан 2-го ранга Семенов беседовал со старшим артиллеристом «Суворова» лейтенантом Владимирским и старшим штурманом лейтенантом Зотовым. Опытных офицеров беспокоило низкое состояние боевой подготовки матросов эскадры. Новобранцы и запасные.

«Одних приходится учить с азов потому, что они ничего не знают,— заметил Владимирский,— а других, потому что они все забыли, а если, что и помнят, то это уже устарело!» В своей каюте инженер Политовский боролся с крысами и писал свои бесконечные письма жене. Матрос-парикмахер брил капитана 1-го ранга Игнациуса и порезал ему щеку. Выяснилось, что матрос решил стать парикмахером, чтобы не быть машинистом. Командир с намыленной щекой, по которой текла кровь, надавал по щеке парикмахеру и приведшему его вестовому и решил, что отныне будет бриться сам. Лейтенант Вырубов возился с прожекторами. Его непосредственный начальник старший минер лейтенант Богданов осматривал с матросами минные катера. На мостике неотступно находился адмирал вместе со старшим офицером броненосца капитаном 2-го ранга Македонским и начальником оперативного отдела своего штаба капитаном 2-го ранга Кладо. На другом крыле мостика, окруженные сигнальщиками, стояли флаг-офицеры Свербеев, Новосильцев и князь Церетели.

Политовский писал жене: «10 октября. 7 ч вечера. Целый день не писал тебе и становится как-то совестно. Утром была обедня, потом завтракал, затем я, не спав целую ночь, прилег отдохнуть. Проспал до 15:30. Работал, обедал. Сейчас только освободился. Ночь прошла спокойно. Сейчас идет дождь, и броненосец медленно качается вдоль по киле по океанской зыби, которая заходит уже сюда. Если ничего не случится, то завтра будем в Бресте. Сегодня днем, проходя мимо Англии, видел ее южные берега, которые неясно выделялись в тумане. Вот он «туманный Альбион». Невольно задумался, глядя на этот клочок земли, столь сильный, богатый, кичливый и недоброжелательный к нам... На броненосец садится много разной птицы, утомленной и истощенной длинными перелетами. Команда кормит ее и отпускает. Скучно мне, страшно скучно. Тоска так и давит. Чтобы я дал, чтобы быть сейчас с тобой! Опять не спал всю ночь».

Туман густел. С мостика «Суворова» не было видно даже «Императора Александра III», идущего в кильватер. На «Суворове» завывла сирена, подхваченная пооче-

редно другими кораблями отряда. При таком тумане зайти в Брест было практически невозможно. Адмирал принял решение идти в испанский порт Виго.

При переходе Бискайским заливом стояла на редкость хорошая погода. «Суворов», ведя отряд со средней скоростью 10 узлов, 13 октября пришел в испанский порт Виго, где штаб Рождественского наконец узнал, какие грандиозные размеры принял инцидент со стрельбой по рыбакам в Северном море. Английские газеты не называли вторую эскадру иначе, как эскадрой «бешеной собаки», которую необходимо вернуть назад и посадить на цепь или уничтожить. «Акт открытого пиратства, пощечина Англии, оскорбление, которое можно смыть только кровью, если со стороны Русского правительства не будет дано полного удовлетворения!» Требовали вернуть эскадру, предать суду Рождественского и командиров тех кораблей, которые вели огонь по рыбакам, выдать их Англии для публичной казни. Была объявлена мобилизация резервистов. Эскадра флота метрополии полным ходом двинулась к Гибралтару. Туда же на перехват Русского Флота спешила английская эскадра Средиземного моря. Адмиралу Рождественскому прочли выдержку из английской газеты, в которой говорилось, что если он поведет свой отряд дальше, грозная сила английского флота — 28 броненосцев и 18 крейсеров — без труда его уничтожит. Рождественский только засмеялся: «Охота считать и подсчитывать! Если кончится разрывом, то для нас имеют значение первые 4 броненосца, с которыми мы будем драться, а сколько их еще будет нас добивать — 24 или 124 — не все ли равно?» Напуганные испанские власти отказались грузить уголь на русские броненосцы «бешеной собаки». Полетели телеграммы в Мадрид и Петербург. Рождественский поехал с визитом к губернатору Виго. Маленький испанский крейсер «Эстрамадура» встал у входа в гавань. Пока вопрос решался на высоком уровне, к борту «Суворова» ринулись испанские шлюпки с торговцами всевозможным товаром. С кормового балкона, с трапов и через оружейные порты завязалась бойкая торговля фруктами, одеждой, сувенирами и открытками. Рождественскому на берегу толпа устроила овацию, русского адмирала забросали цветами. Испанцы тради-

ционно ненавидели своего векового врага Англию. Однако из Мадрида пришла телеграмма: «От погрузки угля пока воздержаться».

В маленьком жизнерадостном испанском городке, громоздившемся на склоне горы, увенчанной стариной крепостью с башнями, царил переполох. К немецким угольщикам, ждавшим эскадру в Виго, пришли испанские жандармы, чтобы запретить погрузку. Петербург и Лондон обменивались резкими нотами. Мадрид испуганно молчал. Английские газеты кричали о нарушении испанского нейтралитета, требуя ухода или разоружения русских броненосцев. Рождественский отдал приказ загасить топки на броненосцах, оставив по одному котлу для поддержания электрического освещения и вентиляции, и ввести строжайшую экономию пресной воды. Отряд английских крейсеров подошел к Виго, блокируя порт.

14 октября около 13:00 Рождественский получил от местного губернатора уведомление, что он может погрузить на броненосцы только по 400 т угля. На погрузку дано 18 часов. Погрузка должна производиться под строгим наблюдением испанских портовых властей, чтобы гарантировать соблюдение испанского нейтралитета. Немедленно на все корабли был передан приказ Рождественского успеть за это время погрузить по 800 т угля, чтобы утром 15 октября уйти из Виго. На погрузку угля на «Суворове» вышли все, включая священника.

Уголь погрузили, но утром 15 октября пришел приказ из Петербурга 1-му отряду оставаться в Виго впредь до улаживания дела с Гульским инцидентом, ожидая дальнейших распоряжений. «Мы больше всего боялись, — вспоминает Вырубов, — чтобы не испортила наша милая дипломатия и чтобы не пришлось разоружиться или возвращаться в Либаву». Вечером 15 октября команде «Суворова» был зачитан приказ Рождественского: «Сегодня, 15 октября, государь император осчастливил нас ниже следующей всемиловитивейшей телеграммой: «Мысленно, душою с Вами и моей дорогою эскадрой. Уверен, что недоразумение скоро кончится. Вся Россия с верою и крепкой надеждой взирает на вас. Николай».

Я ответил государю: «Эскадра единою душою у пре-

стола вашего императорского величества». Так ведь, товарищи? Что повелит царь, то и сделаем. Ура!»

В ответном «ура» не чувствовалось особенного энтузиазма. В бой рвались, подобно лейтенанту Вырубову, далеко не все. Многие с большим облегчением встретили бы приказ, отзывающий эскадру назад. Но из телеграммы царя явно следовало, что дипломаты уладят инцидент, и эскадра пойдет дальше.

— А жаль, что не дошло до разрыва с Англией! — заметил лейтенант Богданов капитану 2-го ранга Семёнову.

— Почему так?

— Да потому что тогда, как вышли бы в море — тут нас сразу же и раскатали бы! А теперь — извольте за тем же самым ехать так далеко!

Вечером 16 октября на «Суворов» пришло сообщение, что по поводу инцидента в Северном море будет назначена международная следственная комиссия и с каждого корабля в качестве свидетелей откомандируются в распоряжение комиссии по одному офицеру для дачи показаний. С «Суворова» был послан капитан 2-го ранга Кладо — будущий известный профессор и военно-морской теоретик в Николаевской морской академии.

В полдень 16 октября сигнальщики «Суворова» обнаружили дым быстро приближающегося корабля. Корабль оказался трехтрубным крейсером под английским флагом. Стремительно влетев на рейд, крейсер отдал якорь и немедленно отсалютовал испанскому флагу, а после ответа крепости приветствовал салютом флаг адмирала на «Суворова». С «Суворова» было видно его название: «Ланкастер». Командир «Ланкастера», не теряя ни минуты, отвалил от борта на катере, затем нанес одноминутный визит адмиралу Рожественскому, а через час поднял якорь и исчез в море.

Утром 17 октября «Ланкастер» снова влетел на короткое время в бухту, демонстрируя высокую боеготовность и быстроту действий. Лихость управления английским кораблем, четкость всех маневров и изумительная выправка свидетельствовали о блестящей организации службы и боевой подготовки.

18 октября на «Суворов» пришла телеграмма из Пе-

тербурга с разрешением следовать далее. 19 октября в 07:00 «Князь Суворов» вывел отряд из Виго. Крейсер «Эстремадура» сопровождал броненосцы до выхода из территориальных вод. Но не успели скрыться из вида испанские берега, как на траверзе эскадры снова появился «Ланкастер», к которому вскоре присоединились еще пять крейсеров. На всех кораблях отряда сыграли боевую тревогу и навели на англичан орудия. Вскоре отряд остановился из-за повреждения «Орла». «Англичане,— вспоминает капитан 2-го ранга Семенов,— до того шедшие в строю кильватера, засуетились: сначала рассыпались цепью по горизонту, потом снова соединились. Один крейсер отделился и полным ходом пошел на юго-восток, вероятно с донесением. Остальные, разделившись попарно, крейсировали к северу и к югу от нас на расстоянии 5 — 7 миль. Все их движения были так стройны, маневры делались так быстро, так уверенно, словно не являлись результатом неожиданно получаемых приказаний, словно перед нами разыгрывалась хорошо отрепетированная пьеса, в которой не замечаешь участия ни режиссера, ни суфлера...

— Любуетесь?..

Я оглянулся. Сзади меня стоял адмирал, не сводивший глаз с английских крейсеров.

— Любуйтесь! — продолжал он. — Есть на что! Вот это — эскадра! Это — моряки. Эх, если бы нам... — и, не договорив, начал быстро спускаться по трапу. В его голосе звучало столько искренней горечи, по его лицу скользнуло выражение такого глубокого страдания, что я сразу понял... Я понял, что он тоже не тешит себя несбыточными надеждами, хорошо знает истинную цену своей эскадры, но, верный долгу, никому не уступит чести быть первым в рядах людей, добровольно идущих к кровавому расчету...»

С остановившихся кораблей на англичан смотрели со смешанным чувством зависти и ненависти. Политовский записал: «Когда броненосцы остановились, то англичане, вероятно, приняли эту остановку за враждебную демонстрацию. Они быстро собрались за кормой отряда и выстроились в боевой порядок. Ну и мерзавцы же. Это вечный враг России, коварный, сильный и всюду нахальный».

Вечером на «Суворове» состоялась панихида в память десятилетия кончины императора Александра III. Английские крейсера окружили русский отряд полукольцом. Число их увеличилось до десяти. Старый «приятель» эскадры «Ланкастер» нахально шел в полукабельтове от «Суворова». Английские корабли всю ночь конвоировали отряд, а утром 21 октября, убедившись, что броненосцы идут в Танжер, круто повернули на восток — в Гибралтар.

В полдень 21 октября на «Суворове» праздновали десятилетие восшествия на престол Николая II. Состоялись краткая обедня и молебен. Была принята присяга от трех, в прошлом вольных, механиков, включая Федюшина. Затем состоялось праздничное построение команды. Адмирал сказал команде краткую речь по поводу десятилетия царствования, выпил чарку, команда кричала: «Ура!», оркестр броненосца под руководством старого капеля Дирта играл туш. Праздник завершился парадным завтраком в кают-компани.

В 15:00 «Суворов» привел отряд броненосцев в Танжер. Броненосец «Князь Суворов» был административным центром всей огромной эскадры. Едва он встал на якорь в Танжере, как к нему, по словам очевидца, «со всех сторон летят катера, шлюпки, съезжаются командиры кораблей, ревизоры и другие офицеры. С берега подъезжают местные власти, наши консулы, поставщики, командиры иностранных кораблей. С нашего корабля то и дело гремят салюты, поднимают на нем разные флаги, гремит музыка. С других кораблей и с берега салютуют «Суворову»...»

Не успели умолкнуть все салюты, как с моря появился «Ланкастер», продолжавший вести открытое наблюдение за действиями эскадры. На мачте английского крейсера взвился сигнал с поздравлением по случаю десятилетия царствования Николая II. Рождественский, усмотрев в этом намек на примирение, послал на «Ланкастер» с визитом своего флаг-офицера. Однако того не допустили на борт английского крейсера, так как «по закону англичане не имеют права допускать на свои корабли посторонних ранее осмотра членом портовой санитарной комиссии». Флаг-офицер откланялся с вельбота, поблагодарив за поздрав-

ления. Через пять минут «Ланкастер» снова выбрал якорь и ушел полным ходом в Гибралтар.

С приходом эскадры в Танжер английский консул подал протест по поводу нарушения марокканского нейтралитета боевыми кораблями воюющей стороны. Ему ответили, что его величество султан марокканский не только не осведомлен официально о войне между Россией и Японией, но даже не состоит в сношениях с правительством последней и вообще ничего не слышал об этом отдаленном государстве. А по завету пророка всякий странник приносит с собой благословение Божие под кров, его приютивший. Если когда-нибудь на рейд Танжера придут японцы, то они могут быть уверены в таком же радушном приеме. Танжер принял русских моряков с полным радушием. Губернатор встретил приехавшего к нему с визитом адмирала Рожественского, как дорогого гостя, приветствовал от имени султана и предложил стоять на рейде сколько угодно и делать что угодно.

В Танжер прибыла и «Камчатка» — виновница международного скандала, а затем госпитальный «Орел» — тезка броненосца — красивый океанский пароход, двухтрубный и трехмачтовый, под флагом Красного Креста. Ему было суждено сыграть роковую роль в судьбе эскадры.

Ночью на «Суворове» грузили уголь с транспорта при свете электрических люстр. Заходящая в бухту океанская зыбь била угольщик «Паллас» о борт «Суворова». Грохотали лебедки, в трюмах копошились люди, оркестр играл веселую музыку. Погрузка на «Суворове» шла лихо со скоростью 57,8 т в час. Флагманский броненосец получил все три приза за быструю погрузку.

22 октября в 07:00 ушел к Суэцкому каналу отряд контр-адмирала Фелькерзама. На «Суворов» же с утра нагрянули местные торговцы. Шла бойкая распродажа тропических шлемов, белых ботинок, сеток, циновок и почтовых открыток. Позднее на «Суворов» прибыл на канвасе русский консул: «лицо черное, в красной феске, синей тунике с капюшоном, с голыми ногами, в желтых туфлях без задников». За аренду канваса штаб эскадры заплатил 100 франков.

После полудня пошел проливной дождь, завеса кото-

рого крыла вид берега и города. Танжерские газеты писали, что адмирал Рождественский, разговаривая с английским адмиралом, избил его. Англичане не хотели выпускать отряд из Виго, произошло сражение на виду всего города — англичане были разбиты...

23 октября в 07:00 эскадра вице-адмирала Рождественского покинула Танжер и направилась в Дакар в строю двух кильватерных колонн. Снимаясь с якоря, транспорт «Анадырь» зацепил кабель. Рождественский приказал его обрубить, что и было выполнено. Наблюдавший за этим проявлением морской этики с борта «Суворова» Политовский ужаснулся: «Хорошо еще, что кабель-то французский. Будь он английский — скандал был бы огромнейший...»

Грузно качаясь на океанской зыби, «Князь Суворов» возглавлял правую колонну и вел за собой три однотипных броненосца и «Ослябю». Левую колонну составляли транспорты, а в замке эскадры шли крейсера «Адмирал Нахимов», «Аврора» и «Дмитрий Донской». Сзади эскадры на расстоянии одной мили шел госпитальный «Орел»...

В 09:45 на «Суворова» сломалась рулевая машинка, и он круто выкатился влево, чуть не протаранив «Камчатку». Капитан 1-го ранга Игнациус среагировал мгновенно, дав «стоп» левой машине и «полный назад» — правой. Столкновения удалось избежать, но «вся левая колонна пришла в полное расстройство, так как транспорты при виде мчащегося на них, словно взбесившегося, броненосца, кинулись от него врассыпную». Исправив повреждение, «Суворов» сигналами стал собирать рассыпавшиеся транспорты.

«Суворов» продолжал вести эскадру через просторы пустынной Атлантики, держась в стороне от судоходных путей. За кормой эскадры в строю фронта шли английские крейсера. 25 октября в 18:00 перед заходом солнца справа на горизонте обрисовались горные вершины Канарских островов с пиком Тенериф. На широте Канарских островов англичане неожиданно развернулись и ушли на север.

По мере приближения к тропикам становилось все жарче, увеличивалась влажность. С «Суворова» переда-

ли приказ надеть летнюю форму и белые чехлы на фуражки. В каютах от влажности перестали открываться ящики столов и шкафчиков. Духота стояла страшная, особенно ночью, когда было запрещено отдраивать иллюминаторы, чтобы не демаскировать эскадру огнями. Запасливый Игнациус достал в Танжере какого-то белого мыла, растворяющегося в соленой воде. Мыло было роздано буквально всем членам экипажа, получившим возможность мыться забортной водой. Ежедневно с «Суворова» открывалась одна и та же картина: бледно-бирюзовое небо, залитое ослепительным солнцем, взъерошенный белыми гребнями сизо-фиолетовый океан и изнуряющая жара. «Сколько содовой воды со льдом, а главное холодного квасу выпивалось за день на «Суворове», — вспоминает Семенов, — сосчитать невозможно! Среди команды оказался профессиональный квасник, и квас был действительно превосходный!»

«Вот уже пятые сутки, как мы вышли из Танжера, — писал 27 октября инженер-механик Федюшин, — пятые сутки кругом вода, берега не видно. Один только раз ласкали наш взор показавшиеся вдаль на горизонте силуэты гор на Канарских островах. Погода нам благоприятствует, океан спокоен. Сидя в каюте нашего гиганта-броненосца, можно позабыть, пожалуй, что находишься в море. Я до сих пор еще не знаю, что такое морская качка. Настроение хорошее. Приходится только сожалеть, что не пускают на берег. Хотелось бы побродить по чужим городам, ближе посмотреть жизнь и нравы. Но пока довольствуемся осмотром городов в бинокль...»

Около 19:00 тропическое солнце опускалось за горизонт. Среди ночного мрака начинался немой разговор между кораблями сигнальными огнями. На фок-мачтах меланхолически мигали четыре белые или красные лампы сигнальной системы Степанова. Вспыхивали, нервно трепеща, фосфорические огни фонарей Табулевича на клотиках. Адмирал с офицерами своего штаба рассчитывал маршрут, эскадры и график погрузки и расхода угля, редко появляясь на мостике к великой радости вахтенных офицеров.

28 октября с «Суворова» по телеграфу был передан на броненосцы длинный приказ по поводу подготови-

тельных мер для приемки в Дакаре усиленного запаса угля в 2000 тонн на предстоящий следующий большой переход. Приказом предписывалось на всех броненосцах типа «Суворов» принять уголь во все свободные проходы, засыпать углем прачечную, сушилку, а также отделения носового и кормового торпедных аппаратов и среднюю батарею 75-миллиметровых орудий. Орудия и судовую верхнюю динамо-машину палубного освещения было приказано оградить досками и обложить мешками с песком.

29 октября эскадра по сигналу с «Суворова» замедлила ход, чтобы подойти к Дакару утром. На рассвете впереди показалась полоска земли, а затем открылся Зеленый Мыс, за которым скрывался Дакар. Обойдя мыс, эскадра легла на ост, различая сквозь утренний береговой туман два острова необычайной формы: они поднимались из океана своими совершенно отвесными берегами метров на сто, переходя затем в ровное плоскогорье. За этими островами и находился рейд Дакара, где эскадру ждали угольщики.

Порт принадлежал союзнице — Франции, но начать сразу погрузку не удалось. Командир порта прибыл на «Суворов» и предложил покинуть территориальные воды Франции, найти какую-нибудь удобную бухту и там грузиться углем. Англия и Япония слишком давят на Париж. Губернатор Дакара обещал всяческое содействие, предлагал прислать не только свежую провизию, но даже рабочих, только бы эскадра ушла обратно, скажем, к Зеленому Мысу, где глубина позволяет встать на якорь вне территориальных вод. Однако в предложенном месте о погрузке угля и речи быть не могло из-за океанской зыби, а потому Рождественский категорически заявил, что поскольку погрузка в открытом океане невозможна, а равно невозможен и выход эскадры в море без угля, то запрещение выполнить эту операцию на рейде Дакара равносильно требованию разоружения кораблей воюющей стороны, зашедших в нейтральный порт, что противоречит всем правилам нейтралитета.

Полетели телеграммы в Петербург и Париж. Кабель, соединяющий Дакар с Европой, был испорчен (не «Анадырем» ли?), и телеграммы приходилось передавать в

Америку, а затем уже в Европу. «Прошу,— телеграфировал адмирал Рожественский в Петербург,— энергичного представления правительства о безусловном разрешении пользоваться французскими портами для погрузки угля. Без этого экспедиция немислима. Нельзя рисковать огромными броненосцами, разыскивая необитаемые и неописанные бухты».

«Знаешь, о чем постоянно говорят на эскадре,— писал Политовский в письме жене,— об угле. Это самое болезненное место теперь, от угля зависят наши переходы и даже успех. Сначала французы разрешили грузить уголь, а потом из Парижа пришло сюда приказание, чтобы нас на рейд-то не пускать. Внутри корабля духота страшная. Жажда томит. Напитки все теплые, неприятные, но пьешь и пьешь без конца...»

По просьбе Рожественского губернатор согласился вторично телеграфировать в Париж, что он уже дал разрешение грузить уголь и просит оставить его в силе. Необходимо было погрузить уголь до ответа из Парижа.

«День 31 октября был первым днем настоящей угольной страды,— вспоминает капитан 2-го ранга Семенов.— Много таких дней пережили мы впоследствии, но этот, первый, естественно, был самым тяжелым. В Дакаре, как и вообще в тропиках, с 10:00 до 15:00 жизнь замирает. Закрываются правительственные учреждения, магазины не торгуют, войска не выходят из казарм, рабочие прекращают работу. Все не только прячутся в тень от палящих лучей солнца, но и в тени стараются не шевелиться, потому что всякое резкое движение вызывает сильную испарину. Такого режима держатся люди до известной степени акклиматизировавшиеся, привычные... Для нас успешность погрузки угля была вопросом жизни, и в ней, разделившись на две смены, работая день и ночь, принимал участие весь личный состав, начиная с командиров. При полном штиле, при температуре, не падавшей ниже 38°C, в течение 36 часов «Суворов» стоял окутанный облаком угольной пыли. Яркие лучи солнца днем, свет электрических люстр ночью, с трудом пронизывали этот черный туман. Со дна трюмов угольщиком само это солнце казалось багровым пятном... Чернее негров, обливающих потом, с ключьями пакли, зажатыми в зубах работа-

ли в этом аду офицеры и команда. А что творилось в закрытых угольных ямах, где разгребали уголь, сыпавшийся сверху, где температура достигала 60°C? Где самые сильные и здоровые не могли оставаться дольше 15 — 20 минут? Бывало, что не выдерживали и валились с ног. Этих также спешно, не теряя ни минуты, выносили на руках, клали под душ и они, отойдя, передохнувши, опять возвращались к прерванной работе...»

Лейтенант Вырубов писал отцу: «Работа кипела. Конкуренция между нами и «Александром» шла отчаянная: офицеры, доктора, даже поп, лично работали в трюмах. Финиш мы сделали блестящий, приняв в час 120 тонн, чем побили английский рекорд в 102 тонны. «Александр III» был побежден: мы опять взяли все три приза, но зато, если бы вы могли представить, в каком мы были все виде, и во что превратился наш «Суворов»! Работали непрерывно 29 часов, не обращая внимания на тропическую жару. Духота стоит ужасная: спишь буквально в собственном соку с угольной пылью...»

Погрузка была закончена вовремя, а вечером 31 октября губернатор Дакара получил ответ из Парижа, категорически запрещающий погрузку угля в Дакаре в пределах территориальных вод. И как будто всего этого было мало, Гамбург-Американская линия запретила своим угольщикам следовать за эскадрой и потребовала, чтобы пароходам были сообщены порты, куда собирается заходить эскадра, чтобы те могли заранее туда приходить. Рождественский сообщил в Петербург, что таких портов, которые могли бы быть указаны как места для погрузки угля, по пути эскадры нет и что все колониальные власти Африки предупреждены своими правительствами не допускать его эскадру в пределы территориальных вод. Адмирал просил правительство повлиять на Гамбург-Американскую линию, чтобы та разрешила своим пароходам следовать за эскадрой и в хорошую погоду снабжать ее углем в море при помощи баркасов.

Пока штаб Рождественского решал проблемы на международном уровне, его флагманский корабль «Князь Суворов» стоял в окружении негритянских пирог, выдолбленных из целых древесных стволов. Негры на ломаном французском языке предлагали бросать в воду

монеты, а затем прыгали в воду за деньгами, глубоко ныряя. Экипаж «Суворова» высыпал к борту, наблюдая, как под водой из-за монет дерутся негры с двух конкурирующих пирог. Кроме того, с пирог шла торговля пробковыми шлемами, белыми брюками и сувенирами.

1 ноября впервые после выхода из Либавы, офицеры эскадры получили разрешение сойти на берег. Рождественский посетил командующего Дакарским гарнизоном и принял его на «Суворова». Благодарные французы прислали на «Суворова» мороженое.

Измученные погрузкой угля офицеры без всякого интереса бродили по Дакару. Политовский сидел в кафе и пил лимонад, мечтая о встрече с женой и на все смотря ее глазами. В кафе доносился гром салюта: хоронили лейтенанта Нелидова с «Осляби», умершего от паралича сердца во время погрузки угля. Никогда не унывающий Вырубов обедал с французскими офицерами в местном гарнизонном клубе. Вернувшись на «Суворова», он написал отцу, прося подписать его на журнал «Киевлянин» и жалуясь на недостаток чтива. Доктор «Суворова» Надеин объелся каких-то плодов и с трудом вернулся на корабль. Острые рези в животе и рвота говорили об остром отравлении. К капитану 1-го ранга Игнациусу пристал негр, прося денег. Командир «Суворова» сказал ему: «Вот ты ничего не делаешь, у тебя и нет денег». В ответ негр выпалил: «У тебя вот денег много, а ты разве что-нибудь делаешь?» Мичманы закупили экзотических африканских птичек и доставили в кают-компанию. Лишенные привычного корма птички быстро передохли, создав у всех мрачное настроение...

Перед самым уходом из Дакара Рождественский получил телеграмму из Главного Морского штаба, который уведомлял его, что три японских крейсера готовятся напасть на эскадру по «западную сторону Малайского архипелага». По утверждению МГШ, эти крейсера держатся у Коломбо и снабжены минами заграждения. Кроме того, как сообщал ГМШ, японцы знают место randevу наших эскадр в Индийском океане. И ни слова о положении на фронте, о 1-й эскадре, о поражении на реке Шахэ, о Порт-Артуре и Владивостоке...

3 ноября эскадра покинула Дакар и, следуя за «Суворовым», пошла через Гвинейский залив к наименее исследованным берегам Экваториальной Африки. Ночью на «Суворове» для практики переходили от одного способа управления рулем на другой и в итоге снова сломали валиковые приводы от штурвала к рулевой машинке. Держа сигнал «Не могу управляться», флагманский корабль вышел влево из строя и, описав циркуляцию, чуть не врезался в «Орел». Строй эскадры нарушился, но все обошлось благополучно. Полчаса «Суворов», исправляя повреждение, шел вне кильватерной колонны, а затем снова возглавил строй.

На броненосце люди одуревали от жары и скуки. В часы приема пищи на юте постоянно играл духовой оркестр. В кают-компаниях больше пили, чем ели. Пили все: воду простую и минеральную, белое и красное вино, пиво и разные лимонные сиропы. Всех мучила жажда. В адмиральском помещении температура доходила до 45°C. Матросы спали на верхней палубе. Некоторые офицеры, купив на берегу циновки, также спали наверху. Даже на раскаленной палубе все-таки было более прохладно, чем в страшно душных каютах.

5 ноября Рождественский устроил учения: броненосцы пошли строем пеленга, очень плохо держа свои места. На вахтах люди дурели от жары, путали приказы. В машинных отделениях температура порой доходила до 70°C. Ночью 5 ноября на «Суворове» сломались динамомашинны и минут на 20 корабль погрузился в полнейшую темноту. Эскадра шла медленно, задерживаемая поломками на транспортах. «Малайю» тащили на буксире. «Камчатка» с цехами и рабочими на борту ломалась чаще других. Возникло даже подозрение, что плавмастерская сознательно задерживает движение эскадры по заданию японцев...

«Плывем так, как я и предполагал,— писал в письме к жене вице-адмирал Рождественский.— Ежедневно 3—4 остановки из-за поломок на разных кораблях, так что, расходуя уголь на столько котлов, чтобы иметь 250 миль в сутки, мы в действительности продвигаемся всего миль на 200. До сих пор еще идут поломки, которые можно чинить своими средствами, а случится что-нибудь, тре-

бующее ввода в док, и наше дело пойдет на самоуничтожение: никто на свете нас в док не пустит. Плавание осложняется тем, что нельзя оторваться от берега (чтобы всегда иметь пристанище для погрузки угля), а берега изменны. Карты не точны: замеры лотом показывают глубину 60 сажен, а на карте отметка 2000 сажен. Значит, под берегом, где приходится искать защиты от ветра и зыби для погрузки угля, и по давню можно натолкнуться на сюрпризы, а приткнуться броненосцу здесь, вдали от всяких портовых средств — равносильно полной гибели. Такие глубокосидящие суда, как наши, никогда не подходили к этим берегам, а броненосцы линейные и вообще этим путем никогда не плавали, так что я при каждом приближении к берегу нахожусь в смертельном страхе, хотя и принимаю всевозможные предосторожности. В общем, нам пока очень везет».

На этом переходе адмирал не сходил с мостика и буквально не отрывался от бинокля. На мачте «Суворова» то и дело поднимались сигналы с замечаниями кораблям, нарушавшим строй. 13 ноября флагманские и корабельные штурманы на «Суворове» обнаружили, что из-за неучтенного течения они ошиблись в расчетах и проскочили 30 миль на юг от устья реки Габун, куда направлялась эскадра. При этом без праздника, поскольку не заметили, пересекли экватор и перемахнули в южное полушарие. Штурманы были сконфужены. «Суворов» развернул эскадру на север и снова, пройдя экватор (праздновать решили на обратном пути), привел в 18:00 эскадру к устью реки Габун, встав на якорь вне территориальных вод Франции. Обрадованный этим обстоятельством вице-губернатор прибыл на «Суворов» с «массой цветов и добрых пожеланий» — в Либревиле находился английский консул, который не упустил бы случая снова завопить о нарушении нейтралитета...

14 ноября, пользуясь полным штилем и прекрасной погодой, корабли начали погрузку угля. «Князь Суворов» принял 1236 т. Известий с театра военных действий не было никаких. Кают-компания «Суворова» попросила у адмирала разрешения послать телеграмму с оплаченным ответом в журнал «Новое время» с просьбой сообщить новости. Адмирал не разрешил, ожидая, что но-

востии сообщит МГШ. В Либревиле газет не получали, новостей также не знал никто, но зато губернатор прислал на «Суворов» зелень и фрукты: ананасы, бананы, манго и еще какие-то, названий которых не знал никто. Лейтенант Вырубов писал из Либревиля: «Рейд Габун. 15 ноября 1904 г. Поздравляю вас с праздниками и наступающим Новым годом! Даст Бог, он принесет нам больше счастья, чем этот 1904. Поздравление несколько заблаговременно, но я пишу из такой трущобы, что если письмо дойдет к праздникам, это будет необыкновенно удачно. Из Дакара мы вышли 3 ноября. После спокойного перехода мы пришли 13-го к реке Габун.... даже приняв во внимание указанное в лоции течение, мы промахнулись и преждевременно пересекли экватор. Стали на якорь вне территориальных вод, в расстоянии трех миль от берега, где уж мы сами себе господа. По обыкновению, нас ожидали немецкие угольщики, и эскадра сейчас же приступила к погрузке угля. Нельзя сказать, чтобы это было особенно приятное занятие под экватором, где и так все время паришься в собственном соку. Тяжелая штука плавание в тропиках! Как на зло, у нас еще сломался один рефрижератор, другой выбивается из сил, а все не может сделать настоящего мороза. Мы стоим в 20 милях от маленького городка Либревиля, и каждое утро от нас ходит туда миноноска. Европейцев здесь живет человек полтора, да и то из них за последние полгода четырех съели людоеды. Наши офицеры имели даже аудиенцию у местного негритянского царька. Все происходило совсем, как в порядочном романе из путешествий: на царьке был старый мундир английского адмирала, синие штаны и треуголка. Оказывается, царек всего три дня, как вступил на престол после своего брата, прах которого хранится тут же около него в сундуке. Вчера прошел пароход с почтой и привез «свежие» новости от 2 октября старого стиля: самые свежие телеграммы, вывешенные в клубе, извещали о нашем выходе из Виго! Больше месяца у нас нет известий с войны. Что делает Куропаткин, для нас покрыто мраком неизвестности...»

Инженер-механик Федюшин снова на берег не попал и писал маме: «На берегу — роскошнейшая природа. С корабля виден чудный, девственный тропический лес.

Пускать нас на берег бояться: за месяц перед нашим приходом туземцы съели здесь четырех европейцев... Последний переход из Дакара в Габун был очень тяжел для машинной команды. Температура в машине доходила до 60°С. Выйдешь на палубу, и там нет ни малейшей прохлады и облегчения... Перед Габуном сплеховали наши штурманы. Прежде чем попасть сюда, эскадра блуждала, и экватор нам пришлось проходить три раза...»

Федюшин на берег не попал, но большая часть офицеров «Суворова» получила увольнение. На броненосец залетали гигантские бабочки с размахом крыльев более фута. Матросы испуганно крестились. К «Суворову» подплыла гигантская морская черепаха, а на берегу офицерам показывали шестиметрового удава. Французский чиновник, доставивший на броненосец фрукты и зелень, получил «на чай» фунт стерлингов. Француз был очень смущен и отдал банкноту обратно, сказав, что жертвует на раненых.

15 ноября над эскадрой впервые разразилась настоящая тропическая гроза. Над джунглями вспыхивали непрерывные огненные стрелы, поражавшие землю из надвигающейся черной тучи, резко очерченной на чистом синем небе. Затем налетел стремительный шквал и согнал в кучу все катера и шлюпки, державшиеся на бакштаге за кормой. Затем хлынул ливень с раскатами грома, напоминавшими залпы 12 башен. Корпус броненосца содрогался. Гроза кончилась так же неожиданно, как и налетела. Вернувшиеся с берега офицеры притащили на «Суворов» фрукты, зелень и двух попугаев. Одного они купили за 10 франков, а другого прислал Рождественскому в подарок иезуитский пастор. Немецкие моряки на угольщиках распустили слух, что из Гамбурга получены телеграммы о том, что Куропаткин перешел в контрнаступление и гонит японцев обратно к побережью. Настроение у всех улучшилось. Озверевшие от похода офицеры покупали в лавках на берегу все, что им подсовывали: негритянские инструменты, зубы диких зверей, ржавые дротики и стрелы, украшая ими стены своих кают.

Между тем адмирал Рождественский получил 17 ноября от управляющего Морским министерством предупреж-

дение английского правительства о том, что в районе порта Дурбан на юге Африки работают флотилии английских рыбаков. На это Рождественский попросил известить английское правительство, чтобы оно предупредило своих рыбаков не прорезать ночью без огней строя эскадры, иначе они будут расстреляны без всякой жалости.

Затем адмирал был извещен ГМШ, что его встретит португальский пароход с войсками. Полагая, что с пароходом будет передано какое-то важное сообщение, адмирал решил идти в бухту Грит Фиш Бей — единственную на побережье Африки крупную португальскую бухту, доступную для кораблей с большой осадкой, где португальский пароход мог рассчитывать соединиться с эскадрой. И снова ни слова о положении на театре военных действий...

«Николай Угодник и Серафим Саровский сделали все, что могли», — записал в своем дневнике капитан 2-го ранга Семенов. Пока все шло хорошо. В кают-компании «Суворова» за обедом стоял хохот: крыса укусила за ногу спящего старшего офицера капитана 2-го ранга Македонского. Он уверял, что крыса отгрызла ему мозоль...

18 ноября в 16:00 по сигналу с «Суворова» эскадра стала сниматься с якоря. На «Камчатке» снова сломалась машина. Эскадре пришлось идти малым ходом. Затем — серия поломок на других кораблях. Эскадра то стопорила машины, то шла малым ходом...

19 ноября в 09:00 на «Суворове» праздновали переход через экватор. Начался он с того, что на десантных лафетах, которые везли голые черные люди, приехали Нептун, Венера, штурман, мичман, русская баба, черти, парикмахер и тритоны. Под звуки марша и горнов Нептун со свитой появился с кормы броненосца и, приблизившись к носовой башне главного калибра, влез на нее, потрясая трезубцем. Зрители разместились на носу корабля, на мостиках, башнях, марсах, реях и салингах. Адмирал и командир «Суворова» в окружении старших офицеров стояли на мостике. Полуголые артисты были выкрашены в самые разнообразные цвета: черный, синий, желтый, зеленый, красный и белый. Штурман нес часы с биноклем и секстаном, баба несла на руках ребенка, которого изображал фокстерьер. Когда ребенку нуж-

но было плакать, фокстерьеру крутили хвост, и он визжал. Около башни был сделан из парусины бассейн, наполненный водой. Нептун допросил командира о причинах появления на экваторе и собрал «изрядную дань» чарками с офицеров. Затем всех, включая адмирала, облили из шлангов. Капитана 1-го ранга Игнациуса купали в бассейне под звуки туша. Затем в бассейн бросили флаг-капитана и других офицеров, переходивших экватор впервые. Купали и священника о. Назария. Ресторатор кают-компания заперся в каюте. Открыли люк над каютой и стали поливать сверху из шланга. Спасая свои вещи, ресторатор выскочил из каюты и угодил в бассейн. В бассейне всех мылили огромной кистью и брили гигантской деревянной бритвой. Затем Нептун дал командиру «Суворова» свободный пропуск во все свои владения, обещал благоприятные ветры и беспопыльное рыбное удовольствие... Гремела музыка, стояли смех и крики, лаяли обезумевшие корабельные собаки. Для матросов, которые не были на берегу с момента ухода из Ливавы, празднование перехода экватора стало хорошей нервной разрядкой. В разгар праздника сломались рулевые приводы на «Бородино» и «Орле», произошла очередная авария на транспорте «Малайя». Потерявший терпение Рождественский сменил капитана «Малайи», назначив на его место прапорщика по морской части Трегубова, в прошлом капитана торгового флота, плававшего вахтенным офицером на «Суворове».

Около 16:00 с «Суворова» заметили немецкий пароход, оставленный в Габуне в ожидании телеграмм из Петербурга. На мачте парохода взвился сигнал: «Имею почту для адмирала». С парохода передали на «Суворов» зашифрованную телеграмму. Флаг-офицеры с волнением стали ее расшифровывать. Текст оказался такой: «Директор Морского корпуса благодарит 2-ю эскадру за поздравления с годовщиной корпуса 6-го ноября». У офицеров флагманского корабля уже создавалось впечатление, что, выпихнув эскадру из Балтики, ее судьбой совершенно перестали интересоваться, и она уже забыта. Это действовало угнетающе. Моряки ничего не знали ни о своих близких, оставленных в России, ни о положении на фронте, ни о чем. В кают-компания «Суворова»

постоянно обсуждали вопрос о том, каковы результаты предполагаемой покупки Россией чилийских и аргентинских броненосных крейсеров, которые по замыслу должны были усилить линейное ядро эскадры. На одном из обедов в кают-компани, на котором присутствовал адмирал, священник броненосца о. Назарий обратился к Рождественскому с вопросом, есть ли надежда на присоединение этих крейсеров к эскадре. Рождественский, зная что с приобретением крейсеров ничего не вышло, резко ответил священнику: «Тот, кто распускает слухи о покупке этих крейсеров, повторяет наглую ложь!»

«Суворов» вел эскадру дальше вдоль неведомых берегов Экваториальной Африки. По сигналам с флагмана корабли перестраивались, совершая различные эволюции. С офицерами и матросами постоянно проводили занятия по повышению боевой подготовки. С мостика «Суворова» адмирал все мрачнее взирал на подчиненные ему корабли, не умевшие выполнять, казалось, самых элементарных маневров.

20 ноября на «Суворове» состоялась всеобщая. Политовский записал: «Вообще мне эта служба нравится, а на корабле в особенности. Хоть и видишь вокруг себя лишь матросов и офицеров, одетых во все белое, хоть и пономарь, и староста у свечей и певчие босиком, а все-таки мотивы, пение и обстановка напоминают далекую и милую Россию...»

Жара спадала, ящики у столов в каютах начали выдвигаться. По ночам даже было холодно, вахтенные стали надевать тужурки. Перемена климата не прошла бесследно: на «Суворове» три офицера простудились. Стояла облачная погода, юго-восточный пассат, дующий из Антарктиды, развил крупную зыбь. Команда говела повахтенно.

Около полудня 23 ноября «Суворов» привел эскадру к бухте Грит-Фиш. У входа в бухту мотались на зыби точные, как хронометр, немецкие угольщики. Оказалось, что немцев выгнала из бухты, угрожая открыть огонь, португальская канонерская лодка. В 13:30 «Суворов» и остальные корабли встали на якорь у входа в бухту, и немедленно к борту флагманского броненосца подошла португальская канлодка «Лимпопо» с одной 65-милли-

метровой пушкой и двумя митральезами. Ее командир поднялся на борт «Суворова» и потребовал, чтобы эскадра немедленно ушла из португальских территориальных вод. Рождественский совершенно спокойно разъяснил португальцу, что от любого из берегов, принадлежащих Португалии, корабли стоят на расстоянии более 3 миль, т. е. в межнейтральных водах. Португалец продолжал настаивать на уходе эскадры, угрожая применить силу. Как ни комичны были эти угрозы, все понимали, что за спиной Португалии стоит Англия с ее могущественным и вездесущим флотом. Уже близок был юг Африки, где была развернута мощная английская эскадра. С этим приходилось считаться. Поэтому адмиралу Рождественскому ничего не оставалось, как заявить, что через положенные международным правом 24 часа он покинет бухту. Снова началась лихорадочная приемка угля на броненосцы. За несколько часов «Суворов» принял 64 т угля. С моря пришла еще одна португальская канонерка и встала в бухте, наблюдая за эскадрой...

24 ноября около 16:00 эскадра покинула негостеприимную португальскую бухту и взяла курс в немецкую колонию Ангра-Пенквена. Госпитальный «Орел» был направлен в Капштадт узнать хоть какие-нибудь новости. В кильватер «Суворову» пошла стая касаток. С левого борта были замечены киты. Над кораблем все чаще и чаще начали появляться огромные альбатросы. Менялась погода, свежел ветер. Небо заволочло низкими, быстро бегущими облаками. «Чем южнее, тем становится холоднее, — писал лейтенант Вырубов. — Здесь теперь, по-нашему, конец мая, вообще, все наыворот: солнце движется против солнца, молодая луна имеет такой вид, как у нас последняя четверть. Появились альбатросы, которые без всякой церемонии летают чуть не над вахтенным мостиком. Занятные птицы, я таких громадных еще не видывал. Подходя к Ангра-Пенквена, мы в первый раз встретили довольно свежий ветер, но нашим громадам хоть бы что — они почти не качаются! Настроение у нас очень хорошее. Привыкли даже к отсутствию известий и к адмиральскому рыку...»

28 ноября около 13:00 эскадра встала на якорь в Ангра-Пенквена. Погода продолжала портиться. К двум

часам эскадра, следуя за «Суворовым», стала медленно входить в бухту. Впереди шли катера, промеряя глубины. Ветер крепчал, срывал гребни волн, кидая клочья пены на корабли. Броненосцы, подгоняемые ветром в корму, с трудом гасили инерцию, давая задний ход. На «Суворова» в момент подъема очередного сигнала обрвало ветром фалы и унесло все флаги за борт. «Орел» потерял якорь. Нечего было и думать о погрузке угля — юго-западный ветер ревел уже с силой до 8 баллов. Из океана в бухту набегала крупная волна.

Зато немецкие власти встретили эскадру вполне радушно. Впервые после Танжера эскадру не гнали из бухты в открытое море. Капитан 1-го ранга Клапье де Колонг ездил к губернатору, немецкому майору, узнать, не будет ли препятствий для стоянки эскадры. «Какая эскадра?» — удивился майор и заявил, что поскольку из бухты, в которой он живет, никаких кораблей не видно, и поскольку флота для охраны берегов колонии у него не имеется, а сам он человек сухопутный и отнюдь не обязан и не намерен крейсировать в море на туземной пироге, да еще в такую погоду, то хоть бы сражение произошло за ближайшим мысом, он все равно ничего предпринять не может. «Когда офицеры (а конечно, и команда через вестовых) узнали о «майорском» ответе, узнали, что нас не только не гонят, но даже и не ругают по поводу нашего прихода, все как-то ожили и развеселились», — вспоминал капитан 2-го ранга Семенов. Старший минер броненосца лейтенант Богданов, поддержанный какют-компанией и старшим офицером Македонским, заявил, что если майор преодолет свою водобоязнь и приедет на «Суворов», то его от имени Русского Флота так накачают шампанским, что он этого никогда не забудет...

К вечеру 28 ноября шквалы ветра стали достигать 10 баллов, но около 03:00 29 ноября ветер несколько стих. Рискнули начать погрузку, но к 06:00 ветер снова достиг прежней силы. Угольщик, с которого грузился «Суворов», бросало на волне и било о борт броненосца, чьи 75-миллиметровые орудия нижней батареи, торчавшие наружу, втыкались в борт транспорта, как «иголки в пробку». Одно орудие было погнуто о борт угольщика, после

чего погрузку прекратили. Предстояла сложная работа по замене орудия...

30 ноября погода не переменилась. Пробовали грузить уголь баркасами, но ничего не вышло. Около 10:00 разыгрался такой шторм, что все шлюпки и баркасы пришлось поднять на броненосец, дабы их не потерять.

1 декабря за ночь ветер несколько стих. В 05:00 начали погрузку баркасами, так как из-за зыби подвести угольщик к борту было еще невозможно.

Около 11:00 майор, теперь уже легендарный майор, приехал с визитом на «Суворов». Не взирая на чин, его встретили, как настоящего губернатора. Майор завтракал у адмирала, затем его чествовала кают-компания по программе Македонского и Богданова. Оркестр играл немецкий гимн. Захмелевший майор последними словами ругал англичан, которые вооружают туземцев и натравливают их на немцев. Совершенно пьяного майора под звуки салюта и немецкого гимна под руки спустили на немецкий катер «Алерт».

Весь день и большую часть ночи продолжалась погрузка угля. Ветер стих, но 2 декабря около 03:00 снова вдруг заревел с силою настоящего урагана. Угольные транспорты с размаху било о бронированные борта кораблей. Рос список поломок и аварий. Флагманский корабельный инженер Политовский, несмотря на шторм, на катере объезжал поврежденные корабли, давая указания по быстрейшему устранению аварий. В своих письмах-дневнике он пишет (как всегда, любимой жене): «Вчера с десяти часов вечера до часу ночи ездил на катере от одного корабля к другому. И путешествие же это было! Погода была ужасная. Ходили огромные волны, ветер выл, срывая верхушки волн. Над водою как бы висела водяная крышка — это ветер нес над волнами их сорванные верхушки. Катер валяло неистово с борта на борт и вдоль по килю. Нос его зарывался в волнах и целые каскады воды попадали в катер. Брызги соленой воды залепляли глаза. Иногда так раскачивало, что винты катера выходили из воды и вертелись в воздухе. К довершению всего было совершенно темно. После того, как я побывал на нескольких судах, нужно было попасть на «Камчатку». Где она стоит — в темноте не найти.

Пошли ее искать. Она стояла дальше от берега, чем другие суда. Что творилось на воде кругом ее, трудно описать. Оказалось невозможным не только попасть на нее, но даже получить мешок, спущенный с ее борта. А вылезать с катера на корабль? Вплотную к судну подойти нельзя, не рискуя разбить катер, трапа нет, надо хвататься за шторм-трап, выбирая мгновение зацепиться. И Боже сохрани, если в эту минуту соскочит рука или нога. Выбираясь на «Малайю», только я ухватился за какую-то веревку, как катер вырвало из-под ног. Повис я над водою и кое-как вырвался. Затем стихло. Поехал я на пароход «Раценталер». Он получил повреждение. Добрался до него благополучно. Осмотрел. На это потребовалось около часу времени. Вышел садиться на катер, а море уже снова ревелово всюю. С трудом спустился в катер. Его качало, бросало, заливало. Отходя от борта, запутали винт в конце, поданном с парохода. К счастью, конец отдался, и мы с большими предосторожностями, малым ходом дошли до «Суворова». Когда я болтался на шторм-трапе, кто-то заметил: «Вот если бы вас видела жена в таком положении...»

К 07:00 ветер внезапно стих. Капитан 1-го ранга Клапье де Колонг и флагманский артиллерист полковник Берснев от имени адмирала нанесли ответный визит майору-губернатору, а также командующему местными немецкими войсками и командиру прибывшего из Германии экспедиционного отряда для усмирения туземцев. Оба командующих были также майорами. К полудню оба последних майора прибыли на «Суворов». Снова салюты, немецкий гимн, тосты в кают-компании за победу над Японией, за искоренение желтой опасности и за гибель Англии!

Как бы в ответ на этот тост в Ангра-Пенквену из Капской колонии прошла английская канлодка. Ее командир немедленно прибыл на «Суворов» к адмиралу и напомнил, что тот слишком долго стоит в бухте нейтральной Германии. Рождественский, сдержавшись, как можно вежливее намекнул англичанину, что его дело беспокоиться об английских владениях. Англичанин не менее вежливо заметил, что он лишь хотел напомнить адмиралу правила международного нейтралитета. С эти-

ми словами англичанин откланялся. Когда его катер уходил от «Суворова», броненосец салютовал английскому флагу в 9 выстрелов.

В Ангра-Пенквене никаких сведений о ходе войны получить не удалось. Старые английские газеты, обнаруженные в маленьком немецком поселке, печатали сведения трехмесячной давности. 3 декабря из Капштадта пришел почтовый пароход. В одной из местных английских газет в сообщении о русско-японской войне была маленькая заметка. «После долгих и упорных штурмов японцы овладели под Артуром высотой 203, которую русские называют «Vysokaia». Сердце капитана 2-го ранга Семенова упало: он понял, что артурской эскадре конец.

— «Высокая»? Это где же? — спрашивали меня в кают-компани.

— Это на северо-западном углу нашего сухопутного фронта, — отвечал я, не вдаваясь в подробности.

— Высокая? Это что же? — спросил меня адмирал каким-то странным тоном, пытливо заглядывая мне в глаза.

— Это, может быть, конец крепости, и совершенно точно — конец эскадре. С нее все рейды и порт как на ладони...

В Ангра-Пенквене Рождественский получил, видимо, с угольщиков агентурные данные русской разведки, в которых говорилось, что в Дурбане японцы сосредоточили целую флотилию парусных шхун, построенных в Бомбее. Каждая шхуна вооружена торпедным аппаратом. Указывалась даже фамилия командира этой флотилии — контр-адмирал Сионогу. Наша разведка, как всегда, была на высоте, старательно переправляя в штаб Рождественского распускаемую противником дезинформацию. Адмирал приказал принять дополнительные меры предосторожности и ночью идти без огней.

«4 декабря в 9 ч 30 мин утра, — пишет доблестный летописец эскадры капитан 2-го ранга Семенов, — мы покинули непогодливую, но гостеприимную «майорскую» бухту с тем, чтобы, никуда не заходя, добраться до Мадагаскара». Эскадру задерживали постоянные поломки «Камчатки». Надвигался шторм. Броненосцы зарывались носами в крупную зыбь, высота которой достигала 20

футов. На крейсера жалко было смотреть, так швыряло из стороны в сторону. На «Суворове» шла охота на крыс, от которых уже не стало житья. Специалистом по ловле крыс оказался пес Флагманский (свою кличку пес получил, потому что появился на «Суворове» в один день вместе со штабом адмирала). Весь день Флагманский с лаем гонялся за крысами и душил их. По составленному графику пес ночевал в различных каютах и помещениях, и после его «вахты» крысы на некоторое время оставляли это помещение в покое. Далеко на горизонте держался английский пароход, следивший за эскадрой. В кают-компании «Суворова» читали полученную с угольщика немецкую газету, где говорилось, что шедший через Суэцкий канал отряд адмирала Фелькерзама, подвергся в Красном море атаке японских миноносцев и частично уничтожен. В церкви броненосца служили малую обедню. Огромные волны зыби накатывались на «Суворов». Броненосец не успевал взбираться на волну, и огромные массы воды обрушивались ему на палубу. Слева по борту проплыла в дымке Столовая гора — приближался мыс Добрая Надежды.

6 декабря — Николин день. Древний национальный русский праздник. На «Суворове» служили обедню, был молебен в честь покровителя православных моряков Николая Угодника. Эскадра салютовала своему святому покровителю. (Залпы салюта слышали в Капштадте. Английские газеты по этому случаю писали, что эскадра подверглась нападению и вела бой.) Затем состоялись парадный обед в кают-компании и игра для матросов. Суть игры заключалась в следующем: играющего проводили на десантном лафете под доской с дыркой, на которой стояло ведро с водой. Играющие, проезжая под доской, должны были палкой попасть в дыру. При промахе ведро падало, и вода выливалась на матроса...

С левого борта проплывал мрачный, гористый, лишенный растительности берег, напоминавший бывалым морякам побережья Нордкапа. 7 декабря эскадра повернула на северо-восток и вошла в Индийский океан. За ночь ветер усилился. К утру неправильная, беспокойная зыбь сменилась огромной волной, к счастью, попутной. Ветер крепчал, доходя порывами до 9 баллов. На «Суво-

рове» Политовский бегал по всему кораблю, совещался с капитаном 2-го ранга Македонским и трюмным механиком штабс-капитаном Криммером. Раздавались удары кувалд, забивавших клинья к подпорам. Матросы тащили бревна и доски. Целые горы воды обрушивались на верхнюю палубу. Через плохо прочеканенный надводный борт и неплотно задраенные иллюминаторы вода проникала в каюты и разливалась по палубам. Машина давала перебой — винты выскакивали из воды, полосуюя воздух. Ночью ветер затих, но к рассвету 8 декабря задул с полной силой. «Волна 35 футов, а то и больше,— записал в дневнике капитан 2-го ранга Семенов. — Помоги, Бог! — выдержат ли броненосцы? — Захлестывает на верхнюю палубу. Волна так накрыла с кормы, что залило штабную рубку и поддало на верхний мостик...»

Шторм достиг силы 11 баллов. Волны увеличивались, образуя вокруг «Суворова» громадные крутые горы. Броненосец раскачивался и жалобно скрипел. По палубам вода переливалась целыми каскадами. Волны падали на башни и на мостики. Ветер ревел. Броненосец качался, зарываясь носом. Волны шли на него совершенно отвесно. Разбило в щепки и сорвало со шлюпбалок паровой катер. Оказалось, что не задраена дверь, ведущая на ют из адмиральского салона. Огромная волна вкатилась в салон, когда Рождественский завтракал с офицерами своего штаба. Все вымокли с головы до ног, со стола смыло хрусталь и посуду. Дверь удалось задраить с большим трудом. Измотанные штормом офицеры, меняясь с вахт, обнаруживали в каютах по колено воды и мокрые койки. Спали, где придется... 9 декабря шторм стал постепенно стихать. Еще шквалами налетал ветер в 5 — 6 баллов, но было ясно, что шторм пошел на убыль. Броненосец выдержал испытание океаном. На радостях на «Суворове» отрешили от должности вольнонаемного ресторатора-француза, и заботу о кухне кают-компания взял на себя лейтенант Вырубов. 10 декабря ветер почти стих, только крупная зыбь обрушивалась на корабли. В штабе беспокоились о судьбе рассеянных штормом транспортов, но они, к счастью, один за другим стали появляться на горизонте.

Ночью на «Суворове» загорелся уголь в угольной яме.

Пожар быстро потушили паром, пустив его в угольную яму.

Политовский был в плохом настроении. Он сдал в стирку новые чехлы от фуражки. Чехлы вернули из стирки рваными. «Ты представить себе не можешь, — жаловался он жене, — что за варварская у нас прачечная. Белье приносят в каких-то пятнах и драное. Уж на что крепкая материя на кителях, и ту продирают».

В плохом настроении находился и адмирал Роже-ственский, стоящий на качающемся мостике «Суворова». Причиной раздражения командующего опять стала плавмастерская «Камчатка». Транспорт упорно не желал идти в строю и плелся где-то сзади эскадры, не отвечая на сигналы «Суворова». Наконец на флагмане взвился сигнал: «Камчатка», девять раз делал ваши позывные и не получил ответа. Арестовать на 9 суток вахтенного начальника». Ответа не было. «Суворов» поднимает еще один сигнал: «Донести немедленно, почему не можете идти с эскадрой. Произвести дознание — обнаружить виновников!» Последний сигнал на «Камчатке» прочли. Кнок-рее неуклюжей плавмастерской медленно поползли разноцветные флаги ответа: «Плох уголь. Не держится пар. Прошу позволения выбросить за борт 150 т угля. Тогда могу идти». Роже-ственский взорвался. Весь отряд идет на этом угле, а «Камчатка» не может. «Ответьте, — прорычал адмирал флаг-офицеру, — что я разрешаю выбросить за борт старшего механика «Камчатки» и всех его подчиненных!» По сигналу с «Суворова» на «Камчатку» отправился находившийся на «Александре III» флагманский механик Обнорский, чтобы произвести дознание по поводу «злонамеренных задержек всей эскадры транспортом «Камчатка». «Камчатка» прибавила ход, но на самом «Суворове» сломалась рулевая машина. Флагман вышел из строя, эскадра остановилась, а затем полчаса шла малым ходом. «Камчатка» догнала отряд и заняла свое место в строю...

Ночью 12 декабря с «Суворова» запросили «Камчатку» о ее ходе. «Камчатка» ответила, что ход 8 узлов. На «Суворове» этот ответ сигнальщики разобрали так: «Видите ли мгноносец?» А эскадра как раз находилась на широте английского порта Наталь, где по агентурным

данным стояли в засаде купленные в Англии японские миноносцы. И хотя до Наталя было 500 миль, да и погода совершенно не подходила для атаки миноносцев, на «Суворов» начался переполох. Была сыграна боевая тревога. Ничего не понимая, люди разбежались по боевым постам. К счастью, никаких судов в районе прохождения эскадры не было, а то бы повторился Гулльский инцидент и снова по вине «Камчатки»...

Вопреки опасениям штурманов норд-ост не перешел в шторм, а дул с постоянной силой, не превышающей 6 баллов. Моросил мелкий дождь. От влажности воздуха буквально нечем было дышать. Затем налетел циклон и хлынул ливень с грозой. 13 декабря прошли южную оконечность Мадагаскара, где было назначено randevу с ушедшим в Капштад госпитальным «Орлом», но парохода не было и в помине. Видимо, переждал шторм в Капштадте.

14 декабря слег адмирал. Сказалось нервное напряжение труднейшего перехода, в ходе которого он 10 суток не сходил с мостика, изредка забываясь коротким сном в парусиновом кресле. В 11:00 «Суворов» внезапно наполнился диким ревом и свистом. Лопнул главный паропровод. «Совершенно инстинктивно, — вспоминает капитан 2-го ранга Семенов, — я выбежал наверх. «Суворов» был вне строя, выйдя вправо. По левому его борту проходила эскадра, которой он поднял сигнал: «Так держать. Не следовать движениям адмирала», что в переводе на разговорный язык означает: «Идите прежним курсом и строем, не обращайтесь на меня внимания». Оказалось, что у одной группы котлов лопнула труба, подающая пар от них в главный паропровод. К полудню управились, догнали эскадру и вступили на свое место. По счастью, обошлось без жертв. Три человека рисковали живьем свариться, но спаслись, благодаря счастливому случаю и находчивости старшего. Поблизости оказалась открытая горловина угольной ямы. Только что лопнула труба, и со свистом и ревом хлынул из нее пар, как старший, ни на мгновение не потерявшись, сразу, сообразив в чем дело, сунул своих помощников в яму, вскочил туда же сам и задраил за собой горловину. Когда почти через час эти люди, которых

считали погибшими, вылезли из своей темницы на свет Божий — радость была всеобщая. Адмирал перед фронтом команды хвалил их за находчивость, назвал молодцами, выдал денежные награды из собственного кошелька, а сам вдруг совершенно утратил свой усталый, больной вид и опять помолодел...»

Ночью 15 декабря эскадра шла без огней в состоянии полной боевой готовности. Аппараты беспроволочного телеграфа броненосцев принимали смешанные знаки с двух значительно удаленных друг от друга пунктов. Эти таинственные депеши вызвали тревожное настроение. Сначала думали, что это телеграфируют крейсера-разведчики из отряда Фелькерзама, но скоро стало ясно, что телеграммы идут не от них. Затемненные корабли следовали за «Суворовым» вдоль восточного побережья Мадагаскара, держась от него на расстоянии 50 миль. Утром с «Суворова» увидели очертания горных цепей на горизонте. Снова началась страшная жара, броненосцы шли в струе теплого течения, идущего с экватора на юг вдоль Мадагаскара.

16 декабря в 08:00 «Суворов» привел эскадру к южной оконечности небольшого островка Сент-Мари и встал на якорь в проливе, отделяющем этот островок от Мадагаскара. Эскадра с момента выхода из Либавы находилась в походе 2,5 месяца, пройдя 10 000 миль...

Пролив имел ширину более 10 миль. Стоявшие в середине его русские корабли не нарушали нейтралитета Франции. Теперь главной заботой Рожественского было собрать эскадру. «Иду с завязанными глазами, — писал вице-адмирал Рожественский в письме домой, — приближаюсь к Мадагаскару... плетемся два месяца, а учиться ничему не можем, перезабыли все, что в Ревеле повиучили, а теперь только и заботы, как бы ползти вперед и не растерять хромых и слепых. Идем сплошь третий месяц и не сделали еще половины пути. А ведь нигде не простояли более рассчитанного».

В 16:00 пришел из Капштадта госпитальный «Орел» со свежими газетами. Посланный офицер привез на «Суворов» «Новое время» и «Биржевые ведомости», а также ряд иностранных газет. Новости были ошеломляющими. Все корабли, находившиеся в Порт-Артуре, погибли, «Гро-

мобой» разбился на камнях, Куропаткин отброшен к Мукдену, падение Порт-Артура — вопрос ближайшего времени. На «Суворове» да и на всей эскадре все были подавлены. Большинство офицеров и матросов были убеждены, что ко времени прихода 2-й эскадры на Дальний Восток 1-я эскадра успеет исправить все полученные в боях повреждения, и тогда обе эскадры составят силу, значительно превосходящую флот противника. Лейтенант Вырубов писал отцу: «В Сент-Мари на нас посыпались одни за другим тяжелые известия с Востока: ужасная гибель эскадры, бездействие Куропаткина, наконец, капитуляция Артура! Есть с чего прийти в отчаянье и пасть духом! Но, должно быть, еще велики наши духовные силы, так как с гордостью могу сказать, что и тени уныния нет на нашей эскадре, хотя один Бог знает, что мы все пережили и как нам все это тяжело. В довершение всего госпиталь «Орел» привез английские газеты из Капштадта, полные инсинуаций по нашему адресу, с массой тревожных вестей из России. При этих условиях, известие, что Камимура с 8-ю броненосными крейсерами и 12-ю миноносцами идет нам навстречу и уже прошел Цейлон — было для нас большой радостью. Мне лично не верится: слишком уж глупо со стороны японцев удаляться от своей базы и подставлять нам свой флот по частям...»

Рожественский планировал соединить эскадру в хорошо оборудованном порту Диего-Суарец. Однако в тот же день, 16 декабря, он получил телеграмму из Морского министерства, извещавшую его, что из-за протестов Японии по поводу систематических нарушений нейтралитета Францией французское правительство «признает невозможным сосредоточение нашей эскадры в Диего-Суарец, как было предположено, и настойчиво просит выбрать для этой цели другой пункт, указанный им ранее, а именно — у острова Носси-Бэ, по западную сторону острова Мадагаскар...»

Планы Рожественского оказались спутанными. Он надеялся в Диего-Суарец отремонтировать корабли и снабдить их всем необходимым для похода через Индийский океан.

17 декабря началась погрузка угля. Все немецкие угольщики, как планировалось, пошли в Диего-Суарец,

а в проливе Сент-Мари их оказалось только два. Грузились по очереди. «По обыкновению завалили броненосец углем,— писал Вырубов,— на этот раз приняли еще больше: целых 2500 т вместо 1100 т». В ближайшем городке Таматава цены на все подскочили в четыре раза. Приехавшего туда Вырубова закупить продукты для кают-компании французы встретили цветами и овацией и «ободрали, как липку». В местных ресторанах меню украсили двуглавыми орлами. На берегу шла бойкая торговля экзотическими ракушками по цене 1 франк за полдюжины. Флагманский интендант капитан 2-го ранга Витте был отправлен в Диего-Суарец на телеграфную связь с Петербургом. В Сент-Мари телеграфа, естественно, не было. Витте вернулся на пароходе «Русь» 18 декабря, доставив телеграммы из Морского министерства, в которых с ссылками на разведданные, сообщалось, что сильная японская эскадра прошла Сингапур, а два крейсера противника «сидят» в засаде в Мозамбикском проливе. После столь фантастического предисловия в конце сообщения была передана настоящая информация: отряд Фелькерзама с 15 декабря стоит в Носси-Бэ...

Погрузка угля на броненосцы шла медленно из-за крупной волны и Нового года по новому стилю — немцы на угольщиках по этому случаю напились. После захода солнца на всех кораблях гасили огни, броненосцы выкидывали сетевое ограждение. Беспроволочный телеграф «Суворова» продолжал принимать какие-то непонятные телеграммы. Не удалось даже разобрать, на каком они языке. Из Петербурга адмирал Рожественский получил уведомление не пользоваться никакими голландскими владениями для стоянки эскадры, ибо Япония грозит Голландии войной за малейшее нарушение нейтралитета.

19 декабря часть офицеров «Суворова» съехала на о. Сент-Мари. Выяснилось, что не так давно местные туземцы убили двух французских офицеров. При виде русской эскадры туземцы решили, что прибыла карательная экспедиция и, бросив свои деревни, убежали в джунгли. Офицеры вернулись на «Суворов», нагруженные фруктами и зеленью. В ночь с 19 на 20 декабря свежий юго-восточный ветер развел в проливе такую волну, что

пришлось не только прекратить погрузку угля, но и прервать сообщение между кораблями. На экзотической туземной пироге на «Суворов» прибыли местный французский администратор и начальник таможни. Они рекомендовали адмиралу перейти на несколько миль к северу и встать в бухте Танг-Танг, где песчаная коса прикроет корабли от волн и зыби открытого моря.

Утром 21 декабря эскадра перешла в бухту Танг-Танг. Пришла новая информация о наличии в районе боевых кораблей противника. «Сегодня, — пишет Политовский, — на кораблях погашены все огни, которые можно увидеть снаружи. Всюду по углам люди. Говорят невольно тихо. Напряженно вглядываются в горизонт. Чернеют смутно силуэты близстоящих кораблей. Орудия готовы каждую минуту начать стрельбу. За бортом колышатся от волны сети. Проекторы готовы моментально осветить все окружающее. Кругом полнейшая тишина — все замерло в тревожном ожидании».

Погасить огни приказали и госпитальному «Орлу», что противоречило требованиям международных правил о госпитальных судах и постановлениям Гаагской конференции. Капитан «Орла» и старший врач Мультиановский прибыли на «Суворов» с протестом. Адмирал весьма резко предложил «Орлу» покинуть на ночь бухту. Отказался гасить огни и рефрижератор «Эсперанца», который привез мясо на эскадру. Команда его грозила бунтом и требовала возвращения в Европу.

22 декабря в 15:00 на горизонте показался быстро приближавший пароход. С мостика «Суворова» в бинокль рассмотрели громадный однотрубный пароход под немецким флагом, который оказался угольным транспортом «Ациллия» из отряда Фелькерзама. Подойдя к «Суворову», «Ациллия» подняла сигнал: «Имею почту для адмирала». Фелькерзам доносил, что поскольку «Наварин» и «Сисой» перебирают машины после длительного похода, он не может выйти на соединение с Рождественским в бухту Антонжиль-Бэ. Получив это сообщение, адмирал Рождественский решил идти со всеми броненосцами в Носси-Бэ, чтобы скорее собрать все корабли и немедленно двинуть их дальше в поход через Индийский океан. Адмирал, считая неизбежным падение Артура (которое в

действительности уже произошло), видел последний шанс на успех в быстром появлении 2-й эскадры на театре военных действий, чтобы не дать японцам времени привести в исправное состояние свои корабли, потрепанные длительной блокадной службой у Порт-Артура.

Напряжение на эскадре не спадало. Пронесся слух, что какой-то полиглот с крейсера «Адмирал Нахимов» перевел одну из непонятных телеграмм, которая, естественно, была на японском языке и гласила: «Русская эскадра без огней стоит у острова Сент-Мари». Ночь с 23 на 24 декабря снова стояли без огней, с выкинутыми сетями, в полной боеготовности. Минные катера с броненосцев несли дозорную службу.

24 декабря «Суворов» повел броненосцы и транспорты (крейсера ушли ранее) в Носси-Бэ. Перед съемкой с якоря было получено сообщение с крейсера «Светлана», что он с двумя миноносцами выслан навстречу командующему. В 11:30 в море эскадра встретила «Светлану» с миноносцами «Бедовый» и «Бодрый». На «Бодром» сломалась машина, и его было приказано взять на буксир пароходу «Русь». Эскадра остановилась, и со «Светланы» на «Суворов» был послан офицер, доставивший Рождественскому донесение контр-адмирала Фелькерзама о походе его отряда от Танжера до Носси-Бэ. Ночь с 24 на 25 декабря снова прошла тревожно. Всюду чудились миноносцы противника. Люди дежурили у орудий...

25 декабря, в первый день праздника Рождества, с подъемом флага «Суворов», а за ним все корабли эскадры подняли стеньговые флаги. В 08:30 все корабли застопорили машины. Началась праздничная приборка. Капитан 2-го ранга Семенов вспоминает: «После обедни и положенного по уставу парада адмирал собрал команду «Суворова» на шканцы и с чаркой в руке произнес короткую, но глубоко прочувствованную речь: «Дай вам Бог, верой и правдой послужить родине, в добром здоровье вернуться домой и порадоваться на оставленные там семьи. Нам здесь и в великий праздник приходится служить и работать. Да, иной раз, и как еще работать!.. Что делать — на то война. Не мне вас благодарить за службу. И вы, и я — одинаково служим родине. Мое право, мой долг — только донести государю, как вы служите,

какие вы молодцы, а благодарить вас будет он сам, от лица России... Трудное наше дело — далек путь, силен враг... Но помните, что **ВСЯ РОССИЯ С ВЕРОЙ И КРЕПКОЙ НАДЕЖДОЙ ВЗИРАЕТ НА ВАС!**... Помогите нам, Бог, послужить ей с честью, оправдать ее веру, не обмануть надежды. А на вас я надеюсь!.. За нее! За Россию!..» — и, резким движением опрокинув в рот чарку, он высоко поднял ее над обнаженной головой. Адмирал начал свою речь обычным уверенным голосом, но чем дальше говорил, тем заметнее волновался, тем резче звенела в его голосе какая-то непонятная нота — не то слепой веры, не то мрачной решимости отчаяния...

Команда, первоначально чинно собравшаяся на шканцах, всецело поддавалась его обаянию. В глубоком молчании, стараясь не шуметь, люди, чтобы лучше слышать и видеть, громоздились на плечи друг друга, как кошки вползли по снастям на мостики, ростры, шлюпки, борта, крыши башен... Последние слова, произнесенные явно дрогнувшим голосом, были покрыты мощным «ура!», заглушившим гром орудийного салюта... Передние ряды едва сдерживали задних... Казалось, вот-вот вся эта лавина тесно сгрудившихся человеческих тел хлынет на адмирала... В воздухе мелькали фуражки, руки, поднятые, как для клятвы, многие крестились, у многих на глазах были слезы, которых не стыдились... И среди стихийного рева (в нарушение устава) резко выделялись отдельные крики: «Послужим! Не выдадим! Веди! Веди!»

Долго не могла успокоиться команда. Даже к чарке шли неохотно. Про обед словно забыли...

«Эх! — невольно подумал я, — кабы сейчас да в бой!»
- Увы! еще целый океан отделял нас от неприятеля...»

«Суворов» повел эскадру дальше. Шли медленно, опасаясь нападения. Точных карт этого района не было. Рифы и мели были помечены на картах пометками: «неточно», «сомнительно». С носа броненосца постоянно измеряли глубину. Сигнальщики на мостиках и марсах следили за морем и горизонтом. Вечером 25 декабря к «Суворову» из Носси-Бэ был послан миноносец «Буйный». На переходе из Танг-Танга в Носси-Бэ Рождественский встретил в море оба миноносца — «Буйный» и «Бедовый» — чья судьба будет связана с его собственной судь-

бой до конца дней этого несчастного адмирала. Роже-
ственский недолюбливал командира «Буйного» капита-
на 2-го ранга Коломийцева за недисциплинированность.
С мостика «Суворова» мегафоном «Буйному» приказали
отвести на якорную стоянку в Носси-Бэ госпитальный
«Орел»...

Ночью эскадра держалась в море. На «Суворове»
было так душно, что офицеры спали на диванах кают-
компаний. С первыми лучами рассвета 26 декабря эс-
кадра начала входить в Носси-Бэ. На «Суворове», при-
ветствуя отряд контр-адмирала Фелькерзама, грянул
марш, раздались залпы артиллерийского салюта. Уже
смертельно больной Фелькерзам прибыл на «Суворов»
и сердечно расцеловался с Рождественским под крики
«ура!» построенных экипажей. Половина труднейшего,
беспрецедентного плавания завершилась. Огромная эс-
кадра, не потеряв ни одного корабля, сосредоточилась в
Носси-Бэ. Политовский записал в своем дневнике: «В
бухте весь остаток морской мощи несчастной родины.
Здесь все, что осталось у России. Неужели и это бес-
славно и позорно погибнет. Эскадра еще довольно вели-
ка, но будет ли толк? Было больше кораблей и те или
разбиты, или лежат на дне морском. Неужели наши
корабли завершат великую трагедию гибели огромного
флота?» Даже в письмах никогда не унывающего Выру-
бова сквозят усталость и грусть: «Ужасно грустно: по-
чти три месяца не имею вестей ни от вас, ни от жены.
Тяжелое время мы переживаем! Мне страшно подумать,
что Саша Развозов, вероятно, убит. Это будет такой
ужасный удар, что я просто не знаю, как мои это пере-
живут. Даст Бог, в 1905 г. счастье нам улыбнется и мы
наверстаем сторицей».

Измученные люди нуждались в отдыхе, материаль-
ная часть — в ремонте. Известие о гибели артурской эс-
кадры и падение Порт-Артура потрясло всех. Боевой дух
на кораблях падал. Все были уверены, что эскадру вер-
нут в Россию. Видимо, передавая общее настроение, ка-
питан 2-го ранга Семенов, как никто жаждавший реван-
ша за гибель своего любимого учителя адмирала Мака-
рова и артурской эскадры, записал в своем дневнике:
«Если бы в Петербурге поняли всю безнадежность (что-

бы не сказать преступность) нашей авантюры, если бы оттуда получено было категорическое приказание «возвратиться», я бы не только не возроптал, но, уже в достаточной мере ознакомившись с боеспособностью «армады», сказал бы от чистого сердца: «Слава Богу! Догадались вовремя!..»

Не решусь утверждать, но смею думать, что адмирал держался приблизительно такого же мнения... Если среди нас, в тесном кают-компанейском кругу, не находилось человека, который рискнул бы сказать громко: «Нет надежды! Впереди — бесполезная гибель. Надо возвращаться!» — то мог ли адмирал, на которого «с верою и крепкой надеждою взирала вся Россия», сам заговорить о возвращении?..»

Пока еще Рожественский спешил, но уже отчетливо понимал, что в самом лучшем случае ему удастся с несколькими уцелевшими в бою кораблями прорваться во Владивосток. Именно это свое мнение адмирал доложил в телеграмме, направленной непосредственно царю. Видимо, в этом послании, где Рожественский ясно и четко говорит о том, что в создавшейся обстановке невозможно овладеть морем, содержится замаскированная просьба вернуть эскадру на Балтику. Однако из Царского Села пришел ответ, не оставляющий сомнений относительно планов правительства и царя: «Возложенная на вас задача состоит не в том, чтобы с некоторыми судами прорваться во Владивосток, а в том, чтобы завладеть Японским морем. Для этого имеющиеся сейчас у вас на Мадагаскаре силы недостаточны. Если же к вам присоединятся отряды Добротворского и Небогатова, последнее может осуществиться в конце марта в Индийском океане, то будете иметь шансы на успешное выполнение задачи. Признаю, безусловно, необходимым для усиления эскадры вам дождаться отряда Добротворского на Мадагаскаре, отдельное следование которого считаю слишком рискованным. Что касается отряда Небогатова, то не желая Вас связывать, ожидаю Ваше мнение, находите ли возможным произвести это присоединение в Индийском океане, распределив плавание эскадры для этой цели. Николай».

Рожественский отвечал царю: «Задержавшись здесь,

даем время неприятелю привести в полный порядок главные силы... Из отряда Добротворского один «Олег» прибавит силы и тот немного, потому что ходит плохо, имея лопнувший цилиндр. Небогатов был бы значительным подкреплением, но трудно сказать, в каком виде он дойдет до Мадагаскара. Соединенная с ним эскадра ни в коем случае не появилась бы в Японском море ранее июня. Не зная, как организовано снабжение отряда Небогатова, предполагаю, что ожиданием его присоединения совершенно расстроится наше собственное снабжение, рассчитанное на сроки, уже теперь приходящие в беспорядок вследствие перемен. Генерал-адъютант Рожественский».

Но царь продолжал настаивать на своем: «Признаю необходимым вам дожидаться присоединения отряда Добротворского, находящегося уже на пути к Мадагаскару. Что касается отряда Небогатова, который выходит из Либавы через несколько дней, то, не желая вас связывать, предоставляю на ваше усмотрение ожидать его или нет... Николай».

Между тем на эскадре спешно грузили уголь и срочно делали необходимый ремонт, готовясь следовать дальше и ничего не зная о переговорах командующего с царем. Часть офицеров и больных матросов (впервые после Либавы) отпустили на берег. Один матрос с «Суворова» тут же дезертировал, и весь корабль лишился увольнения. Новый год встречали на «Суворове» грустно. После богослужения офицеры по традиции ездили с поздравлениями на другие корабли и принимали гостей. Матросов освободили от работ. Полученное поздравление от царя и великого князя Алексея Александровича общего настроения не улучшило.

На «Суворове» чистили котлы и перебирали механизмы, продолжая погрузку угля. 4 января 1905 г. в Носси-Бэ французский пароход «Messagerie maritime» привез почту на эскадру. Лейтенант Вырубов писал отцу в письме от 5 января: «Послезавтра мы двигаемся дальше: предстоит почти 20-дневный переход Индийским океаном, и мы попадем прямо на театр войны, так как я не сомневаюсь, что наше первое знакомство с японцами произойдет в Зондском архипелаге. Новый год мы встретили вместе с адмиралом в нашей кают-компании. Было

очень мило и оживленно. Адмирал сказал маленькую речь, пожелав нам встретить 1906 г. живыми и здоровыми в кругу родных и знакомых с сознанием выполненного долга. Он был очень оживлен и просидел с нами до двух часов ночи, причем никому не был в тягость. После его ухода пошли речи и спичи. Речь и спичи дошли даже до экспромтов в стихах. Некоторые члены кают-компании разошлись в 8 часов утра. Стоянка у нас очень тяжелая из-за невыносимой жары: с 8 ч утра до 4 ч дня просто ничего невозможно делать. В это время жизнь на берегу совершенно прекращается. Судовую жизнь приостановить нельзя, и команде приходится очень тяжело».

5 января, за день до предполагаемого ухода эскадры, офицеры флагманского броненосца хлынули на берег. Политовский очень хорошо передает общее настроение офицеров, которых ожидали дальний поход и неизвестность: «На «Суворове» появилось еще зверье: добыли откуда-то зайца и дикобразов, притащили с берега собаку. Теперь, куда ни взглянешь, всюду либо птица, либо животное, либо гад. На палубе стоят быки, приготовленные для убоя на мясо, я не говорю про кур, гусей и уток. По каютам сидят обезьяны, попугаи и хамелеоны. Нацарапал письмо, пошел опустить его вместе с открытками в ящик. У окна почтовой конторы стояло много народу, все спешили сдать письма, чтобы они попали на уходящий пароход... В лавках здесь торгуют преимущественно индусы. Продают все страшно дорого, пользуются приходом эскадры. У них и торговли столь оживленной никогда не было. Есть здесь место, которое носит громкое название «Парижское кафе». Хозяин этого кафе говорит, что после ухода эскадры он закроет свой кабачок и уедет в Париж. Больше, чем теперь, он никогда не наживет. С почты пошел я в это кафе, уговорили меня там сесть поиграть в винт. Рядом масса офицеров играла в макао. Играли очень крупно (один успел спустить более 400 фунтов, т. е. 4000 р.). В макао играть не сел, а несколько раз примазался, продел 60 франков, после проигрыша пошел на пристань, было уже пора: шестой час на исходе, а шлюпка должна была отвалить в шесть. В начале седьмого часа был уже на корабле. Идя в каюту, узнал, что седьмого ухо-

дим. С 5 на 6 января шел освежающий дождь. Утром на «Суворове» состоялся молебен с водосвятием. Отец Назарий кропил кормовой флаг и гюйс «во имя отца и сына и духа святого».

Эскадра была готова выйти в море и продолжать поход, не ожидая никаких подкреплений и игнорируя указания из Петербурга. Неожиданно представитель Гамбург-Американской линии заявил, что пароходы-угольщики не последуют дальше за эскадрой. Еще когда эскадра двинулась из Танжера вокруг Африки, японцы, убедившись, что русские корабли обеспечиваются углем с немецких угольщиков, попытались заставить правительство Германии запретить немецкой паровой компании снабжать углем русскую эскадру. И поскольку правительство Германии игнорировало японские демарши, японцы заявили, что отныне будут задерживать и топить все пароходы Гамбург-Американской линии, где бы их ни встретили. Это повлияло на руководство компании, и угольщикам было запрещено следовать далее на рандеву с русской эскадрой.

Положение эскадры стало безвыходным, и Рождественский, отменив выход в море, доложил об этом в Петербург. Адмирал писал в письме домой: «Только что страшась над нами крупная неприятность. Немцы изменили в самый решительный момент. Не хотят дальше идти с углем... Ума не приложу, как выкрутиться... а нам всякая задержка здесь гибельна, дает японцам возможность делать широкие приготовления. Сами попадаем в период ураганов, которые могут истребить половину наших судов без всякого участия японцев... На эскадру это произвело удручающее впечатление... Стоя здесь, мы себя бесполезно съедаем без всякой даже возможности возобновить запас провизии, потому что Мадагаскар далек от всех торговых больших центров. Кроме мяса, ничего более достать нельзя: ни муки, ни крупы, ни масла, ни овощей. Через две недели мы все свое проедем и тогда не с чем будет переплыть океан. Все это я рассчитывал, начиная с завтрашнего дня, получать уже из Батавии от голландцев, через наших агентов... Консервы зелени на исходе, а на всем острове не осталось ни одной картофелины».

Русское правительство вступило в переговоры с немецкой паровой компанией. Переговоры шли медленно: Гамбург-Американская линия совершенно не хотела подвергать свои суда и экипажи военным случайностям. Между тем Япония официально заявила, что не будет признавать нейтральным никакое место, где находятся русские корабли или пароходы под любым флагом с запасами для снабжения русской эскадры. В итоге 7 января адмирал Рожественский получил категорический приказ из Петербурга остаться на Мадагаскаре до особого распоряжения...

Страшный груз ответственности лежал на плечах адмирала Рожественского, совершившего первым в мире этот тяжелейший по условиям переход броненосцев от Либавы до Мадагаскара вокруг мыса Доброй Надежды и тем самым подтвердившего свою репутацию прекрасного моряка. И в том, что эскадра дошла до Мадагаскара, главная заслуга принадлежит именно ему. «Никакое донесение, — писал в письме к другу старший флаг-офицер адмирала лейтенант Свенторжецкий, — никакое самое яркое описание не в состоянии изобразить всю тяжесть обстановки переходов второй эскадры. Первый раз в истории флотов всего мира вы видели большую эскадру, которая, не имея ни морских баз, ни угольных станций, состоя из судов всевозможных типов и возрастов, отважилась двинуться в столь далекий путь. Политическая и стратегическая обстановка плавания хорошо известна, но надо было лично испытать всю тяжесть этих дипломатических переговоров с различными администрациями — в Испании и в африканских колониях, чтобы перечувствовать то, что перечувствовал адмирал. Любой испанский жандарм мог унижить наше самолюбие, любой командир старого полуразвалившегося европейского стационара с сознанием собственного достоинства и правоты мог заставить нас призадуматься, не говоря уже о различных требованиях и намеках колониальных губернаторов. Надо было иметь только такт, сдержанность и ум Зиновия Петровича, чтобы обойти все эти трудности, не уронив собственного достоинства вверенной ему эскадры... Отряд броненосцев, не имея ни одной угольной станции и поддерживаемый угольной любезностью Гамбург-

Американской линии, шел вокруг мыса Доброй Надежды. Броненосцы — вокруг мыса! Это, кажется, первый пример в истории. Англичане, при известной всему миру прекрасной обстановке для судов их флота, посылали два броненосца из эскадры Канала в Кейптаун — в виде опыта. Переход броненосцев вокруг мыса представлял поразительное зрелище. Громадные корабли походили скорее на угольные транспорты. Нельзя было надеяться на уголь при всяких условиях и потому суда брали усиленные запасы. На броненосцы принималось вместо 1100 тонн — до 2500. Все, что возможно, заваливалось углем. 75-мм батареи, с совершенно негодными для моря орудиями, были наглухо задраены и обращены в угольные ямы. Уголь грузился в коридоры, на срезы, на ют — везде, где только можно было найти свободное место. Грязь была невыносимая. Весь корабль, все офицерские каюты были покрыты тонким слоем кардифской пыли. Весь переход от Танжера до Мадагаскара был непрерывной угольной операцией. Как только эскадра приходила на рейд, где ожидали ее угольщики, тотчас к борту подходил угольщик, и все лебедки, все стрелы Темперлея начинали моментально работать. В это время начинались бесконечные переговоры с местной администрацией, посылались многочисленные телеграммы в метрополию, мы употребляли все старания, чтобы затянуть переговоры, пользуясь временем для угольной операции. Погрузка угля обратилась в спорт, грузили на призы. Окончив погрузку угля, отряд тотчас выходил в море и следовал дальше. С выходом в море, на верхнем мостике появлялся адмирал. Он почти не сходил оттуда ни днем, ни ночью. Отряд двигался безостановочно только потому, что неустанная энергия Зиновия Петровича подгоняла броненосцы. С негодными рулевыми приборами броненосцы обошли мыс с промежутками между кораблями в 2 кабельтова... Ничего не проходило без внимания адмирала... Никакие поломки не могли заставить его зайти для исправления в ближайший порт, и только сигналы, эти бесконечные и подчас оскорбительные сигналы, с категорическими требованиями, могли благополучно провести отряд из Танжера на Мадагаскар. Переходы при страшной жаре и вечных погрузках угля донельзя утомляли

личный состав, и когда отряд был на ходу, нечего было и думать о какой-нибудь серьезной боевой подготовке. Люди, истомленные жарой и работой, лежали на грудах угля и беспомощно проводили жаркие часы дня...»

Между тем жизнь на «Суворове» шла своим чередом. Воспользовавшись стоянкой, механики ремонтировали машину. Старшие специалисты Зотов, Владимирский и Богданов проводили в кают-компании занятия с офицерами. Адмирал разрешил увольнения матросов на берег в награду за хорошую работу на корабле. В кают-компании брэнчало пианино. Мало кто из офицеров умел играть — пользовались пианолой. На «Суворове» была создана особая комиссия для суда над нарушителями дисциплины в период плавания. Один матрос с «Суворова», обругавший старшего боцмана и пререкавшийся со старшим офицером, был приговорен к трем с половиной годам дисциплинарного батальона и отправлен в Россию на возвращающемся транспорте «Малайя». Можно представить, как этот матрос благодарил судьбу за этот приговор!

А в кают-компании «Суворова» офицеры, одуревая от скуки, развлекались, как могли. 10 января они устроили друг с другом танцы: танцевали кэк-уок, камаринского, переодевались в разные костюмы. Затем стравили корабельных собак, устроили тотализатор, с напряженным вниманием следили за дракой, кричали и свистели.

На «Суворове» среди приготовленных на мясо быков были и корова с телянком. Когда корову телями опустили на палубу, она вырвалась и как бешеная начала метаться по броненосцу. Матросы разбежались, кто куда, а корова устремилась в дверь корабельной канцелярии. Сидевший там офицер едва успел захлопнуть дверь. Корову в конце концов поймали, но у нее от пережитых волнений пропало молоко и телянка кормить было нечем. Это событие только и обсуждалось и матросами, и офицерами. Всех беспокоило, когда у коровы появится молоко? Телянка кормили консервированным молоком, причем этим занимались офицеры.

11 января Политовский записал в своем дневнике: «Жарко, душно, сыро, всюду грязь, все опротивело, тоска смертельная, неизвестность ближайшего будущего...

А бестолковщина, царящая всюду, леность, неумение, незнание, нежелание работать, нерадение...»

... В кают-компани с увлечением делали чучело из застреленного на берегу крокодиленка.

А инженер-механик Федюшин не унывал. Наконец он вырвался на берег, осуществив свою мечту побывать за счет казны в экзотических странах, о которых столько читал в детстве. «Растительность здесь роскошная, — с восторгом писал он матери из Носси-Бэ. — Хотелось бы вечно иметь ее перед глазами. Громадные, роскошные кокосовые пальмы, манго... Местечко — рай земной... На якоре служба механиков легче, хотя дел у них не меньше, чем в походе. После каждого перехода нужно бывает осмотреть машины, сделать, где надо, исправления... Я все-таки очень доволен, что пошел во флот. Моя служба здесь будет продолжением моего технического образования. В заграничном плавании я получаю 182 р. Если бы содержание на судне стоило не так дорого, я был бы богат. Около ста рублей вычитается в кают-компанию. Но немного, что остается, я кладу в сберегательную кассу. На случай, если со мной что-нибудь приключится, составил завещание. Все мои взносы должны быть выданы тогда моей сестре... В кают-компани здесь только и разговоров, что о плаваниях, о цензе, о выслуге кампаний, об орденах. Да, и не мудрено. Вся их жизнь сводится к тому. Выплавал ценз и жди терпеливо, когда получат производство старшие, когда можно будет занять их место. Есть у нас один мичман-кретин, так тот все вычисляет, насколько он продвинулся вперед благодаря войне. Многие очень напоминают Скалозуба... Прибытие корреспонденции — событие на эскадре. Больше всего приходит писем на имя молодоженов. Получаются у нас здесь сведения и о беспорядках в России. Мичманы с глубокомысленным видом говорят: «Это студенты! Тут война, а они бунтуют!» Никак не могут сообразить, что война у нас оттого и затянулась, что не внимали раньше студентам. А теперь принуждены прислушиваться к более настойчивым требованиям не студентов, а всего народа. Уже существует в России и свобода печати. Наконец-то начнут раскрывать все злоупотребления. Дай-то Бог! Пора, пора!...»

Шли дни, а эскадра продолжала стоять на Мадагаскаре. Неожиданно затих вой протестов со стороны Японии и Англии. Никто стоянке не мешал. Японцы приводили в порядок свой флот после блокадной службы у Порт-Артура, перевозили войска и технику в Маньчжурию и, что самое главное, испытывали новые артиллерийские снаряды, изобретенные каким-то перуанским полковником, который открыл секрет нового взрывчатого вещества, по своему действию напоминавшего напалм в сочетании с огромным количеством осколков. Полигонные испытания превзошли все ожидания. Зрелище, по словам очевидцев, было феерическое: жидкое пламя после взрыва снаряда пожирало все вокруг себя, а тысячи мелких осколков, вылетая из огненного вихря, вместе со страшной ударной волной крушили полигонные конструкции. Пламя уничтожало кислород в районе взрыва, где никто не мог бы уцелеть, чтобы бороться с огнем. В лихорадочном темпе и в условиях чрезвычайной секретности изготавливались первые партии этих снарядов для 12" и 8" орудий, невзирая на то, что было совершенно ясно — эти снаряды нельзя долго хранить в погребах кораблей при постоянных скачках влажности и температуры. Разрабатывались строжайшие правила хранения, менялись системы вентиляции и обогрева, модернизировались системы подачи. Времени было мало. Практически через месяц стоявшая на Мадагаскаре русская эскадра могла появиться около Японии и застать японский флот с разобранными артиллерийскими системами. И никто, конечно, в Японии и не думал посылать через просторы океана какие-то свои корабли навстречу русским. Чтобы понять это, достаточно было помнить древний девиз военных моряков Японии: «Мы уверены не в том, что враг не нападет на нас, а в нашей готовности встретить его, когда он придет!» Но через свою агентуру, главным образом китайскую, которая и была главным источником информации для русской разведки, японцы распускали самые нелепые слухи о дислокации боевых соединений своего флота. А эти слухи, пройдя немислимый путь, неслись из русских консульств в Шанхае, Пекине, Сингапуре и Сайгоне в Петербург, а оттуда через английские и французские подстанции мчались по теле-

графным проводам на Мадагаскар и доставлялись на «Суворов», сея панику в штабе адмирала Рожественского.

А русская эскадра, ничего не зная ни о планах противника, ни о планах собственного правительства, стояла в Носси-Бэ, съедая последние запасы. У адмирала Рожественского были собственные источники информации и, видимо, он был достаточно хорошо осведомлен, что, появившись эскадра на театре военных действий в феврале, прорыв во Владивосток без боя был бы обеспечен. Мечтать о большем после гибели артурской эскадры не приходилось. Из-за стечения многих причин эскадра застряла на Мадагаскаре: неожиданный «саботаж» немецких угольщиков, необходимость ожидать в принципе совершенно ненужный отряд крейсеров Добротворского, категоричность Петербурга и прочее. Что это — цепь случайностей, predetermined рок русской истории или блестящая работа англо-японской разведки и дипломатии? Или все вместе? Ответа на этот вопрос, конечно, нет, но призадуматься над этим стоит...

Побудку на «Суворове» играли в 05:00. Затем на броненосце, а по его сигналу и на других кораблях эскадры, убирали сетевое ограждение. Каждую ночь ожидали нападения японских миноносцев, которые, по данным разведки, сосредоточились под прикрытием крейсеров в районе Кейптауна и в Мозамбикском заливе. После уборки сетей начинались шлюпочные учения. В 08:00 «Суворов» посылал баркасы на транспорты за грузами и на берег — за водой. Нужные материалы принимали каждый день, уголь загружали раз в неделю. С 15:00 до 18:00 на броненосце шли занятия по специальности. В редкие свободные минуты матросы развлекались ловлей рыбы. Стоянка действовала разлагающе на личный состав. Все страстно надеялись, что корабли вернут в Россию. Адмирал Рожественский, чьи планы оказались совершенно спутанными, а надежды — разрушенными, стал повышенно раздражительным и, понимая это, все реже и реже показывался из своего салона. «Как я раскаиваюсь, что пошел на эскадре», — записал в дневнике Политовский. «Ну и упек я себя!» — написал неожиданно в одном из писем матери еще недавно всем довольный Федюшин, уже переставший восторгаться тиковой отделкой стен

кают-компании, пружинными креслами, жалованием и природой заморских стран. Даже капитан 2-го ранга Семенов — этот подлинный трагический герой трагической войны — и то записал в своем дневнике слова, мало отличающиеся от слов гражданского нытика Политовского: «Жара, сырость, духота — нестерпимые. Стоянка в этом климате и, даже не столько климат, как самый факт стоянки, пагубной задержки, действуют на всех угнетающе. Близко, боюсь сказать, полная деморализация... Тошно писать. Скорее бы вперед, чтобы чем-нибудь кончилось...»

Фактический начальник штаба эскадры, несмотря на свои скромные лейтенантские погоны, Свенторжецкий еще категоричнее писал другу (делопроизводителю в Морском министерстве): «Флот наш, совершенно отрезанный от каких-либо отечественных баз, сосредоточился на северной оконечности Мадагаскара, вдали от театра военных действий. Он должен начать новую победоносную войну. Чем обеспечен этот флот? Ничем. Он никогда не чувствовал себя таким осиротелым и необеспеченным, как теперь. Единственная база Владивосток — очень далека, она никогда не была так далека для Русского Флота, как теперь. Достигнуть Владивостока, значит, преодолеть все трудности плавания на театре военных действий... Вторая эскадра совершенно необеспечена. Вам хорошо известны недоразумения с Гамбург-Американской компанией, поставляющей нам уголь? Теперь уже ощущается недостаток в машинных материалах, провизии, в одежде. Смешно, но правда, что почти вся команда на эскадре ходит в лаптях, сделанных из ворсы... Наконец, не менее важно, — «это отсутствие веры личного состава эскадры в успех экспедиции. Через неделю — год войны. Каковы ее результаты? Вам они лучше известны. Так неужели же после целого года неудач, после потери лучших сил флота с его базой на главном театре, после годовых неудач на сухопутном фронте, после установившегося господства неприятеля на море, можно ждать от флота, неподготовленного, вследствие тяжелых условий плавания к бою, от флота, находящегося у берегов Мадагаскара, т. е. совершенно изолированного от отечественной единственной базы, — ждать

успехов и утвердительного решения той задачи, которая была нам сообщена. Без сомнения, нет. В эту войну мы никогда не будем владеть морем. Ведь для того, чтобы владеть морем, надо уничтожить противника на море, а разве мы можем это сделать с нашими силами?»

13 января Рождественский впервые вывел броненосцы из Носси-Бэ в море для производства учебных стрельб и эволюций. Лучше всего этот выход и стрельбы описывает приказ Рождественского от 14 января: «Вчерашняя съемка с якоря броненосцев и крейсеров показала, что четырехмесячное соединенное плавание не принесло должных плодов. Снимались около часа, потому что на броненосце «Князь Суворов» не действовал шпиль, обросший грязью и поржавевший. Но и за целый час 10 кораблей не успели занять своих мест при самом малом ходе головного. С утра все были предупреждены, что около полудня будет сигнал: «Повернуть всем вдруг на 8 румбов и в строе фронта застопорить машины для спуска щитов». Тем не менее все командиры растерялись и вместо фронта изобразили скопище кораблей. Призванные снова в кильватерную колонну для стрельбы корабли растянулись так, что от «Суворова» до «Донского» было 56 кабельтовых. Если через 4 месяца совместного плавания мы не научились верить друг другу, то едва ли научимся и к тому времени, когда Бог даст встретиться с неприятелем... Вчерашняя эскадренная стрельба велась в высшей степени вяло и, к глубокому сожалению, обнаружила, что ни один корабль не отнесся серьезно к урокам управления артиллерией при исполнении учений по планам. Ценные 12" снаряды бросались без всякого соображения с результатами попаданий разных калибров: иногда через несколько минут полного молчания раздавался выстрел из 12" пушки, а за эти несколько минут крупно изменились и расстояние до цели, курсовой угол, и положение относительно ветра. Какими же пристрелочными данными руководствовался управляющий артиллерией, выпуская ценные снаряды так, наудалую? Стрельба из 75-мм пушек была также очень плоха. Видно, на учениях наводка по оптическим прицелам практиковалась «примерно» поверх труб. О стрельбе из 47-мм орудий, изображающей отражение минной атаки,

стыдно и упомянуть. Мы каждую ночь ставим для этой цели людей к орудиям, а днем всей эскадрой не сделали ни одной дырки в щитах, изображающих миноносцы, хотя эти щиты отличались от японских миноносцев в нашу пользу тем, что были неподвижны».

Во время выхода на эти стрельбы на «Суворове» для корабельных нужд открыли один из клапанов приема забортной воды. Закрывать его забыли, а затем открыли другой клапан, не помня, что один уже открыт. Ночью вода затопила целое отделение и стала уже перетекать в машину, когда опомнились и подняли тревогу.

С транспорта «Эсперанса» ежедневно выбрасывали в море на рейде протухшие мясные туши, привлекая стаи акул. Офицеры с «Суворова» пьянствовали и играли в карты на берегу. На «Суворове» негры-торговцы взяли у одного матроса пять франков и, ничего ему на эти деньги не дав, хотели уплыть на своем тамаранге. Матрос бросился в воду прямо с борта броненосца и поплыл за неграми. Поднялся переполох. Матроса вытащили, негров задержали, избили и отобрали у них все деньги. Политовский, тоскуя по дому, зарасстал с горя бородой. Адмирал и флаг-капитан сделали ему по этому поводу замечание. Гребец адмиральского баркаса матрос Михайлов — он же флагманский брадобрей — обкорнал бороду флагманскому корабельному инженеру.

Капитан 2-го ранга Семенов пытался организовать по примеру артбоевую флотилию минных катеров. Сразу же начались трудности: сигнальные книги не согласованы, торпеды и торпедные аппараты неисправны. Семенов самозабвенно трудился над устранением всех помех, надеясь, что еще удастся атаковать катерами японский флот, как это удалось с турецким флотом его учителю и кумиру адмиралу Макарову...

16 января на «Суворова» к адмиралу Рожественскому прибыл губернатор колонии с жалобой на разгульное поведение русских офицеров на берегу. Губернатор особенно просил пресечь крупные азартные игры в многочисленных казино. Адмирал запретил съезд на берег офицерам и отдал приказ проверить наличность касс на всех кораблях. Туземцы считали, что из-за стоянки эскадры нет дождей, хотя наступил их период, что приход

эскадры прогневил богов. На берегу начались религиозные шествия с жертвоприношениями богам, чтобы те убрали эскадру из бухты.

18 января «Суворов» снова вывел эскадру на эволюции и стрельбу. Перестраиваясь из строя в кильватерной колонне в строй фронта, корабли по-прежнему сбивались в кучу, ничего не получалось. Стрельба шла вяло и, по словам Рожественского, «в расходовании снарядов крупных калибров имела место все та же непозволительная неосмотрительность...»

19 января на учебных стрельбах 6" чугунный учебный снаряд с «Суворова» угодил в крейсер «Дмитрий Донской» и повредил мостик крейсера. «Никого не убило и то слава Богу!» — писал Политовский. Вечером эскадра вернулась на рейд и получила с берега сообщение, что в Маньчжурии Куропаткин перешел в наступление. Никто в это уже не верил...

20 января в Носси-Бэ пришел почтовый пароход под французским флагом и доставил на «Суворов» огромные тюки с почтой из России. Вне себя от радости Евгений Политовский писал жене: «Привезли почту, конечно, всю на «Суворов». Начали разбирать ее. Я принял самое деятельное участие, разрезал мешки, сортировал письма, выкрикивал на какой корабль письмо посылается. Кругом толпились офицеры и тоже разбирали. Со всех судов съехались писари за письмами для своих кораблей и окружили рубку, где сортировали почту, тесной толпой. Иногда в руки попадались письма ко мне. Я клал их в карман. Иногда выкрикивали мою фамилию и давали письма. Кончилась разборка, побежал я в каюту, а там на столе еще письмо и какая-то толстая официальная посылка. Посылка оказалась с книгой о кораблестроении из комитета. Остальные письма от тебя. Прочел и не знал, за что приняться, волновался, пошел, сел в гостиной в кресло и смотрел, и смотрел через балконную дверь на рейд. Пришел вестовой и говорит, что меня просит юнкер с «Бородина». Удивился. Выхожу, он передает мне еще пачку писем и говорит, что командир нашел их среди своих... И кому только не были адресованы письма. Были адресованы на те корабли, которые спокойно стоят в Либаве или Кронштадте, на те корабли, которые уже

погибли в Артуре, были даже письма на «Андрей Первозванный»... Сейчас все, прочтя письма, схватились за газеты и поглощают их с жадностью, горячатся, спорят. Обед сегодня был особенно оживлен. Многие из штаба получили награды. Все получили письма и посылки, и удивительное дело, большинство посылок с теплыми вещами. Было много тостов, музыка играла туши. Двое даже прослезились. Чувствуется какое-то особенное оживление. Долго не имели вестей из дому, а тут вдруг сразу все получили...»

Спорить за обедом было о чем. Русские газеты донесли до личного состава эскадры статьи капитана 2-го ранга Кладо и журналиста Меньшикова о будущем эскадры. Кладо, уехавший на расследование Гулььского инцидента, вернулся в Петербург и требовал усилить эскадру всем, что осталось на Балтике, включая броненосец «Петр Великий», не спрашивая при этом мнения адмирала Роже-ственского. Меньшиков — известный русский журналист и общественный деятель — со свойственной ему резкой прямоотой камня на камне не оставил от Русского Флота, его руководства и личного состава. Его статьи, помещенные в газетах «Новое время» и «Русь», вызвали большой резонанс во всех слоях русского общества. Но кают-компания «Суворова» была возмущена, как бывает возмущен любой, услышавший неприкрытую правду о себе. Политовский весьма резонно замечает: «Сейчас читали вслух в кают-компании ответ Меньшикова Бирилеву. Большинство возмущается Меньшиковым и кричит: «Как смеет он так ругать флот? Кто дал ему на это право? Разве можно говорить такие вещи?» Какова косность. Они, моряки, еще смеют говорить, погубив бесславно, позорно и бесполезно флот вдвое сильнейший, чем японский, не нанеся последнему почти никаких потерь. Что может быть позорнее поведения нашего флота? Ничего подобного не было нигде с сотворения мира. Не хватает слов, чтобы описать препозорнейший позор, и что же? Имеют нахальство говорить: кто смеет нас судить? Самовосхваление, самонадеянность, чванство и нахальство... Их, моряков, видите ли, Россия не может спросить: а где флот, созданный потом и кровью миллионов русских людей? Что же он сделал? Нанес ли вред неприятелю?

Принес ли пользу Родине? На много ли увеличил славу России?.. Меньшикова, как человека, я никогда не любил, но в данном случае надо сказать ему и Кладу спасибо за их статьи...»

А французские газеты с ссылкой на агентство «Рейтер» поместили сообщение, что «Суворов», проходя мыс Доброй Надежды, бесследно исчез и его местонахождение до сих пор неизвестно.

21 января Евгений Сигизмундович Политовский сделал поразительную запись в дневнике, которую мы оставим на его совести: «Вчера на «Суворов» в качестве торговца забрался японец-шпион. Даже и попытки не было сделано, чтобы его задержать».

Офицеры «Суворова», реабилитируя себя за скандальные карточные кутежи, играли на берегу в теннис с губернатором и его женой. У губернаторского дворца оркестр с «Суворова» играл марши и мазурки. Но зато начали буйнить матросы и прапорщики. На кораблях свирепствовало пьянство. Офицеры приобретали спиртные напитки легально в буфете своей кают-компани, а матросы доставали их тайно на берегу или с иностранных коммерческих судов. Офицеры, съезжавшие на берег большей частью в вольных костюмах, старались не замечать безобразий матросов. Матросы, почувствовав слабость дисциплины, перестали признавать авторитет офицеров и «гуляли» на берегу, уже никого не стесняясь, а в ответ на сделанные им замечания лезли в драку. Пьяные матросы, как «трупы на поле битвы», валялись на улицах Носси-Бэ. Участились драки: били негров, дрались между собой, били офицеров. Патрули были бессильны. Приказы адмирала Рожественского донесли до наших дней яркие картины разложения вверенной ему эскадры: «Крейсера 2-го ранга «Кубань» мичмана Хижинского и прапорщика по морской части Декапрелевича за шатание по кабакам и буйство арестовать в каюте с приставлением часового...; крейсера 2-го ранга «Урал» прапорщик по механической части Зайончковский, спущенный 23 сего января на берег в офицерской форме, напился пьяным до скотского состояния и в бесчинстве со столь же пьяными матросами с госпитального судна «Орел» был избит по морде в кровь...; эскадренного бро-

неносца «Сисой Великий» прапорщик по механической части Тостогогов, спущенный 23 января на берег в офицерской форме, был неприлично пьян и произносил ругательные слова...» Матросы миноносца «Грозный» учинили погром туземцев. Не взирая на слезы и вопли негров, матросы разносили хижины, разбрасывая скудное имущество туземцев...

Виновных для «суда и расправы» доставляли на «Суворов». На фок-мачте флагманского броненосца взвивался гюйс и раздавался пушечный выстрел — знаки суда особой комиссии. Буянов и пьяниц приговаривали к тюрьмам, дисциплинарным батальонам, карцерам, к исключению из кают-компаний с лишением офицерских званий, к аресту в каютах и даже к церковному покаянию. Ничего не помогало. Адмиралу посоветовали для остротки публично повесить несколько наиболее злостных нарушителей дисциплины. Помолчав несколько минут, Рожественский ответил: «Я не могу приговаривать к смерти людей, идущих на верную смерть».

24 января адмирал снова вывел эскадру на стрельбы и эволюции. В своем приказе от 25 января он писал: «Маневрирование эскадры было нехорошо. Простейшие последовательные повороты на 2 и на 3 румба при перемене курса эскадры в строю кильватера никому не удавались: одни при этом выходили внутрь строя, другие выпадали наружу, хотя море было совершенно спокойно и ветер не превосходил 3-х баллов. Повороты «вдруг» были особенно дурны. Стрельба из больших орудий была бесполезным выбрасыванием боевых запасов».

Как при всем этом должен был вести себя адмирал с подчиненными офицерами? Неудивительно, что он стал повышено резок, как и любой командир, видящий разложение, неумение и полное нежелание чему-либо учиться со стороны своих подчиненных. Обиженные офицеры жаловались на Рожественского в письмах женам и родным, и по этим письмам впоследствии стали почему-то оценивать адмирала Рожественского, а не его подчиненных. Результаты стрельб уже известны из приказов, приведенных выше. Удивительно ли, что старший артиллерист «Суворова» лейтенант Владимирский в письмах жене выражает явное недовольство командующим: «Адмирал,

кажется, скоро совсем спятит. По ночам ему все чудятся ракеты, т.е. атакуют миноносцы, а в обращении с подчиненными дошел до того, что одного командира миноносца, капитана 2-го ранга, схватил за шиворот». (Видимо, Владимирский не знал, какие разведанные получает адмирал о наличии в Мозамбикском заливе японских кораблей, но уж о том, что на миноносце «Блестящий» из-за пьянства матросов перевернулась шлюпка и трое из них утонули, он не мог не знать. Что должен был делать адмирал, у которого подобных случаев было по 20 на день, с командиром «Блестящего» капитаном 2-го ранга Шамовым, допустившим пьянство на борту миноносца?)

Лейтенант Вырубов (минер «Суворова»), у которого мины не вылетали из аппаратов, а при съемке с якоря не работали от грязи и ржавчины шпиди, тоже был недоволен адмиралом, вероятно, получив немало весьма обидных нагоняев. «В своем адмирале мы окончательно разочаровались,— пишет он из Носси-Бэ 22 января.— Это человек, совершенно случайно заслуживший такую хорошую репутацию. На самом деле, он самодур, лишенный каких бы то ни было талантов». Лейтенант Вырубов не мог обеспечить в военное время безотказную работу своего заведывания на корабле. А каково было провести такую эскадру от Либавы до Мадагаскара, не потеряв ни одного корабля и обогнуть при этом мыс Доброй Надежды? Нужен для этого талант? Смог бы это сделать Рождественский, если бы ему разными методами не приходилось подстегивать своих нерадивых подчиненных? Можно ли осуждать его, что порой он орал на офицеров, как фельдфебель на солдат?) Конечно, Цусима есть Цусима. Это кровавый позор, на фоне которого почти не видны немногочисленные блестящие индивидуального героизма. Но Рождественский еще на Мадагаскаре знал, что так оно и будет, когда весь задуманный им план операции рухнул не по его вине. Что он мог сделать, ведя флот XIX века на бой с флотом XXI века?!

Возглавляя огромную эскадру, «Суворов» продолжал стоять на рейде Носси-Бэ. Убийственная жара и духота сменялась редкими грозами. Недостаток снарядов и машинных материалов не позволял проводить частые учения. Штаб Рождественского пытался убедить Петербург в

беспольности стоянки, но тщетно. 25 января Рождественский телеграфировал в Морское министерство: «Если движение эскадры на театр военных действий будет надолго задержано, дисциплина будет расшатана в конец. За самые тяжкие преступления нет наказания, потому что в карцерах люди дохнут, а часовые при них заболевают. Смертной казнью команды деморализовались бы окончательно. Рождественский». В ответ Петербург продолжал передавать на «Суворов» японскую дезинформацию: «Воды Формозы и Пескадорских островов на 10 миль объявлены зоной военных действий. До 20 декабря ушло на юг 7 больших судов, в том числе 5 броненосцев... Четыреста мин поставлено вокруг Пескадорских островов. Пять японских военных судов близ Малакки находятся под командованием адмирала Уриу... Япония намерена высаживать войска с осадными пушками близ Владивостока с целью его отрезать... три японские подводные лодки развернуты у Пескадор...»

На следующий день Рождественский телеграфирует царю: «...Ввиду бесплодной потери всей первой эскадры могу рассчитывать достигнуть с потерями Владивостока, и, опираясь на него, действовать на севере. Прорваться во Владивосток считаю возможным лишь при быстром движении, исключаящем возможность соединения с Небогатовым в пути...» Царь снова повторил слово в слово свою предыдущую телеграмму: «...Возложенная на вас задача состоит не в том, чтобы с некоторыми судами прорваться во Владивосток, а в том, чтобы завладеть Японским морем...»

Связанный ожиданием совершенно ненужных ему подкреплений, Рождественский терял последние запасы нервной энергии. «Где я соберу эту глупую свору? — писал он жене. — К чему она неученая может пригодиться и ума не приложу. Думаю, что будет лишнею обузой и источником слабости... Все это калеки, которые, присоединившись к эскадре, не усилят ее, а скорее ослабят...»

1 февраля в Носси-Бэ прибыл отряд крейсеров капитана 1-го ранга Добротворского, державшего вымпел на крейсере «Олег». «Суворов» встречал его в море, выведя эскадру на эволюции. лейтенант Вырубов писал отцу: «1 февраля, наконец, пришли так долго жданные «Олег»,

«Изумруд» и «Рион»... С ними, неожиданно для нас, пришла почта от конца декабря. Все письма относятся к периоду сдачи Порт-Артура. Конечно, они проникнуты тяжелым настроением, нами здесь своевременно пережитым. Пришлось переживать все это во второй раз. Судьба, видимо, хранила близких мне людей: жив Сапа Развозов, прорвались на миноносце в Циндао Беренс и Бахирев... Наша эскадра стоит безнадежно в Носси-Бэ. Адмирал продолжает самодурствовать и делать грубые ошибки. В довершение всего он, видимо, не хочет идти вперед, но прямо этого не говорит, а маскирует всякими удивительными приказами. Мы все уже давно в нем разочаровались и путного ничего от него не ждем. Карьера его чисто случайного характера. Может быть, он хороший придворный, но как флотоводец — грош ему цена! Относительно его предварительной деятельности могу сообщить, что мне доподлинно известно: только благодаря ему мы не приобрели эскадру ни более, ни менее как из шести первоклассных броненосных крейсеров, в том числе «Ниссин» и «Кассуга». Вы, может быть, удивитесь таким комплиментам по его адресу? Так как этот милый господин имеет склонность валить все на личный состав эскадры, ни в чем неповинной (!), то мне хотелось бы дать вам возможность правильно судить о грядущих событиях... Единственно, кому удается оказывать влияние на адмирала — это капитану 2-го ранга Семенову, бывшему старшему офицеру «Дианы». Только благодаря его умелому воздействию, эскадру начали хоть сколько-нибудь готовить, но и тут на каждом шагу приходится бороться с самодурством... Боже, как надоел злополучный Носси-Бэ! Уход эскадры совершенно неизвестен: может быть, простои́м еще месяц, а может, и двинемся неожиданно. Но главное, обидно, что не видим ни одного здравого распоряжения. Вся энергия личного состава должна тратиться на борьбу с абсурдами. А все-таки мы не унываем и надеемся на Николая Угодника, да на энергию и знания офицерства, которое далеко не так плохо, как нас воображает адмирал».

Каждое слово Вырубова дышит почти ненавистью к Рожественскому. Видимо, лейтенант был очень самолюбивым. Но в каждом его письме чувствуется искреннее

уважение к личности и опыту капитана 2-го ранга Семенова, а тот в свою очередь пишет на каждой странице своих воспоминаний о своем глубочайшем уважении к энергии, опыту и знаниям адмирала Рожественского...

4 февраля адмирал неожиданно слег с приступом невралгии и ревматизма. Врач потребовал льда. Льда на «Суворове» не оказалось, посыльные заходили по другим кораблям. Зиновию Петровичу Рожественскому было 58 лет. Он нес на себе всю тяжесть ответственности за эскадру, сутками не сходил с мостика, болел душою за каждую мелочь, трепал себе нервы в пустых переговорах с местными властями и Петербургом. Он переносил, как и все, ужасы убийственного для русских тропического климата, а в его салоне не было американских кондиционеров, каковыми оборудованы ныне адмиральские помещения наших боевых кораблей. Мы помним, как переносили климатические условия те же Политовский и Вырубов, но первому было 30 лет, а второму — 26.

Капитан 2-го ранга Семенов заметил по поводу климата в Носси-Бэ: «Жара и духота держатся ночью и днем при относительной влажности 98%! В этом весь ужас. Нет отдыха. Испарина, выделяемая кожей, остается на ней, стекает каплями. Вы можете только обтираться, но никогда не можете высохнуть. Главное — это духота. Вы дышите воздухом, насыщенным парами почти до предела насыщения. Вы дышите горячим туманом, как на полке в бане...»

Воспользовавшись болезнью адмирала, Политовский перестал выходить к утреннему чаю, продолжая писать бесконечные письма жене. На берегу он бегал в поисках почтовых марок, запас которых уже иссяк. Все вывески в Носси-Бэ уже были написаны по-русски. Торговцы-французы, чтобы сокрушить конкурентов, обвиняли друг друга в шпионаже в пользу Японии. Лейтенант Вырубов с интересом изучал на берегу жизнь местного населения. «Удивительно интересны здешние черномазые! — писал он. — Хотя мы чуть не подверглись солнечному удару, но зато видели пропасть любопытного. Туземцы на диво веселый и добродушный народ. По интеллектуальному развитию они стоят много выше наших мужиков. Ходил я на охоту вглубь острова: убил лесного петуха и поймал

трех хамелеонов. Удивительные звери! Одного я взял в свою каюту на предмет ловли мух. Свою миссию он выполнял блестяще но, к сожалению, потом куда-то удрал. Я имел случай воочию убедиться, что хамелеоны действительно меняют цвета. Я купил себе двух полуобезьянок породы маки: удивительно ласковые и занятные зверьки! Мне ужасно хотелось бы довести их благополучно до Жердовы и поселить в зимнем саду. Вы себе представить не можете, что это за прелесть! Перед уходом из Носси-Бэ постараюсь также наловить побольше хамелеонов всех сортов... Ваш образок, которым вы меня благословили, ношу постоянно. К сожалению, у него сломался шарнир, но был исправлен судовыми средствами!»

7 февраля адмирал выздоровел и снова появился на мостике еще более похудевший, осунувшийся, слегка волоча правую ногу. На мостике снова загудел его властный голос...

Носси-Бэ все более становился русским городом. Не только все вывески были уже на русском языке, по-русски легко объяснялись даже чернокожие ребятишки. Ежедневно оркестр «Суворова» играл на площади, открывались новые рестораны, казино, кафе-шантаны. По «Суворову» бегали обезьяны, хамелеоны, черепахи и динозавры. Одну обезьянку съели крысы, оставив только кусочек шкурки и хвоста. В кают-компани острили, что эскадра стоит в «в городе Носибейске — уездном городе Носибейского уезда». Командир «Суворова» капитан 1-го ранга Игнациус сдал на уходящий в Россию транспорт очередную партию картин и икон.

Общее недовольство бесцельной, а по мнению многих — преступной стоянкой приняло столь резкие формы, что 8 февраля адмирал пригласил к себе флагманов и командиров броненосцев, зачитав им выдержки из своей телеграфной переписки с царем и Морским министерством.

«Как и следовало ожидать, — пишет капитан 2-го ранга Семенов, — никто из присутствующих не сохранил полученных сведений в тайне. Все слишком хорошо сознавали, до какой степени истомился личный состав эскадры под бременем неизвестности. Впрочем, нет. Это было бы неточное выражение. Телеграммы «Гаваса» и

«Рейтера», газеты русские и французские давали довольно верную картину настоящего момента, предсказывали почти безошибочно события ближайшего будущего, так что неизвестности, строго говоря, не было, а была только неуверенность. Чувствовалось, что происходит какая-то борьба, что адмирал держится одного взгляда, а в Петербурге смотрят на дело совсем иначе...»

После совещания Рожественский снова телеграфировал в Морское министерство: «Считаю безусловно необходимым пересечь Индийский океан, как только уладятся недоразумения с угольщиками. Отряд Небогатова не будет иметь надобности спускаться к Мадагаскару, сократив путь на 2000 миль, идя напрямик... Дальнейшее пребывание на Мадагаскаре немыслимо. Эскадра съедает себя и разлагается физически и нравственно. Через три месяца стоянки здесь эскадра оказалась бы уже неспособной сделать трудный переход через Индийский океан. Полагаю идти не позже 25 февраля. Рожественский».

На следующий день Рожественский снова телеграфирует царю: «Первая эскадра, имевшая перед войной 30 боевых судов и 28 миноносцев, оказалась недостаточной для овладения морем. Второй эскадре, имеющей 20 боевых судов и только 9 миноносцев, задача овладения морем теперь не по силам, потому что от первой эскадры не осталось ничего, кроме «России». С присоединением Небогатова силы не будут достаточными для овладения морем, прибавляя 4 плохих судна. Небогатов прибавил 8 транспортов, защита которых свяжет движение эскадры. Если бы в Средиземном море с Небогатовым соединился Чухнин с тремя броненосцами и двумя крейсерами Черного моря... то такой флот при условии неусыпного снабжения его запасами, мог бы овладеть морем. Если же присоединение черноморцев невозможно, то ближайшей задачей 2-й эскадры должно быть достижение Владивостока, а затем по освобождении от транспортов возможно непрерывное плавание главных сил на сообщениях неприятеля с метрополией и вспомогательных крейсеров на путях подвоза контрабанды. Дальнейшее ожидание 2-й эскадры на Мадагаскаре требовало бы организации вновь всего снабжения... Поэтому, имея ныне всемиловитвейшее соизволение Вашего императорского

величества, выйду в последних числах февраля по назначению, рассчитывая, что Морское министерство не упустит времени озаботиться доставкой угля помимо немцев, которые нам изменили. Теперь же, пользуясь отвлечением внимания японцев от Владивостока, следует немедленно посылать туда в огромных количествах уголь, рассчитывая, что дойдет четвертая часть. Генерал-адъютант Рожественский». Этой телеграммой Рожественский поставил все точки над «и», предложив Николаю не строить никаких иллюзий относительно возможности «овладения морем» и, видимо, тайно надеясь, что, поняв это, император даст приказ отозвать эскадру. На эту телеграмму царь ничего не ответил, что уже само по себе было прогрессом, так как он перестал категорически напоминать Рожественскому, в чем состоит его главная задача. В Петербурге, видимо, решили: «Прорыв во Владивосток — так прорыв во Владивосток. Пусть прорывается, а там — посмотрим».

В кают-компании «Суворова» звучал веселый смех: прапорщик по морской части фон Курсель-Вернер рассказывал, забавно коверкая русские слова, истории из своей богатой практики капитана торгового флота. Политовский отправился на берег купить черепаху, чтобы привезти ее панцирь в Петербург. На берегу, конкурируя с местными торговцами, флагманский интендант капитан 2-го ранга Витте организовал продажу льда из корабельных холодильников. Торговля шла бойко. Французские газеты распустили слух о скором заключении мира. На «Суворова» чистили подводную часть с помощью водолазов и специальных поддонных концов со скребками. Попутно обнаружили, что железные листы обшивки оторвались от руля. Водолазы быстро устранили повреждения. Водолазы «Суворова» командировались для производства этих работ на другие корабли. С ними на «Сисой Великий» прибыл инженер-механик Федюшин, где повстречался со своим однокурсником из Технического училища. Позднее тот вспоминал: «Вот счастливчик! Какая у тебя каюта!» — сказал мне Федюшин. «Ну, какая же у меня обстановка», — говорю я ему. «Зато спать можно, — ответил Федюшин, — а у нас ведь штаб. Флагманские заняли не только всю верхнюю палубу, но и часть

кают в батарейной. Живу я во внутренней каюте вместе с мичманом М. Вентилятора нет. Как раз над машинами. И днем, и ночью такая жара, что спать решительно невозможно. И я там не сплю. Приходится дожидаться, как разойдутся в кают-компанин. Ну, с 12 часов и спишь до 5 — 6 утра. От хронического недосыпания чувствую себя совсем плохо». «Ну, а если у тебя ночная вахта?» Федюшин только молча развел руками...»

На «Суворове» офицеры в кают-компанин упивались шампанским и поили обезьян. Пьяные обезьяны дрались с собаками. Стояли хохот и рев. Один из офицеров, напившись, упал за борт с кормового балкона. Его быстро вытащили обратно. Под шумок матросы украли из кают-компанин ящик с шампанским и спрятали его в кочегарке. Ящик обнаружили в топке котла. Матросов избили, но никому наверх об этом случае не доложили. С берега в кают-компанин «Суворова» притащили маленького крокодила. Собаки и обезьяны спасались бегством, разбегаясь по кораблю. У флагманского минера лейтенанта Леонтьева животными была набита вся каюта. Принадлежавшая ему обезьяна забралась в каюту лейтенанта Свенторжецкого и устроила там разгром. Свенторжецкий доложил об этом флаг-капитану. Тот отдал приказ Леонтьеву убрать своих животных с корабля, однако он отказался. Дело доложили адмиралу. У борта «Суворова» переругались в мегафон два командира миноносцев. Оба в мегафоны стали апеллировать к «Суворову». Их вызвали на флагман с объяснениями. В кают-компанин одна из собак откусила хвост надоевшей обезьяне, общей любимице. Собаку выдрали, а обезьяне доктор купировал хвост.

Телеграфные агентства разнесли 19 февраля слух об осаде Владивостока. В тот же день Вырубов писал родителям: «Мы все еще стоим в нашем Носибейске! Когда уходим, до сих пор неизвестно. На будущей неделе грузимся углем. Завалим, по обыкновению, все палубы, и команде негде будет жить. Нас всех пугает перспектива возвратиться, ничего не сделав, а между тем идти вперед с нашим «флотоводцем» тоже не сладко... Как видите, положение незавидное! Довольно даже, можно сказать, глупое. Жизнь у нас проходит незаметно благодаря вах-

там и учениям. На этой неделе мы занимаемся минными атаками на судовых миноносцах. Благодаря умелым распоряжениям капитана 2-го ранга Семенова мы несколько раз удачно подходили незамеченными к эскадре, несмотря на крайне трудные условия. Не могу сказать, чтобы это служило к чести эскадры... Курьезов у нас изрядно: например, в штабе возникла целая большая переписка по делу о павиане Гришке, принадлежавшем одному из членов штаба. Эта обезьяна забралась в каюту к одному из флаг-офицеров, тот обиделся и подал рапорт. Дело пошло по всем инстанциям и даже, кажется, собирается завершиться легким скандалчиком. Все это было бы смешно, если бы не было так грустно! Необходимо что-то предпринять, эта стоянка окончательно изведет личный состав».

Томительная неизвестность ближайшего будущего, ужасный климат, сознание своей зависимости и невозможности действовать по своему плану — все это сильно влияло на настроение не только лейтенанта Вырубова, хотя он и остался одним из немногих офицеров, которые рвались в бой. У большинства офицеров надежды на успех давно не осталось. Сам Рождественский, рассерженный и злой, почти не выходил из своего салона, лучше других понимая безвыходность положения. 20 февраля в частном письме в Морское министерство Рождественский писал, что он чувствует в себе недостаточно нужных данных для решения поставленной задачи и просит его смелить, рекомендуя вместо себя командующего Черноморским флотом адмирала Чухнина.

На «Суворове» праздновали масленицу. В кают-компаний ели блины со сметаной. Угостили блинами и освобожденных в этот день от работ матросов. Для них были организованы различные игры, состязательная стрельба из винтовок, вытягивание силомера, бег через марс, соревнования по скорости семафора, управления дальными мерами и стрельбы без снарядов из орудий.

«Говорю совершенно убежденно, — писал другу в Петербург лейтенант Свенторжецкий, — мы никогда, ни при каких условиях не будем в эту войну владеть морем, т.е. не выполним возложенной на нас задачи. Адмирал это знает лучше других, но он, конечно, молчит и нико-

му не высказывает своих тяжелых, раздирающих душу мыслей. Он сам никогда не подаст и тени мысли о возвращении эскадры в Россию. Он отлично знает, что вся Россия ожидает от него чего-то необычного, ожидает победы и уничтожения японского флота. Но ведь это может ожидать только русское общество, общество, совершенно незнакомое с обстановкой, в которой находятся теперь наши морские силы, с обстановкой, в которой мы будем находиться очень скоро после выхода из Носси-Бэ. Адмирал отлично знает, что вся пресса кричит о его будущих подвигах, что нет самой ничтожной провинциальной газеты, где бы не было имени Рожественского. И он, конечно, пойдет вперед. Ему уже все равно. Он знает, что родина не даст ему ничего, кроме добрых пожеланий, но ведь добрые пожелания — не броненосцы, не современные сильные броненосные крейсера, не неистощимые запасы угля и других материалов, без которых не может существовать флот...»

26 февраля в Носси-Бэ прибыл давно ожидаемый транспорт «Иртыш». Надеялись, что «Иртыш» привезет снаряды, но он привез уголь и к общей радости — 12 000 пар сапог. Ободранный и босой личный состав давно мечтал о сапогах. Почты «Иртыш» не привез, что вызвало у Политовского приступ ярости: «Где нам воевать с Японией, когда такого простого дела, как пересылка писем, не могут организовать...»

«...как клянут главный штаб за почту, многие хотят телеграфировать в «Новое время», что офицеры просят родных и знакомых посылать им письма через контору Гинзбурга в Одессе. Со временем я расскажу тебе, какую роль в истории войны нашего флота сыграл Гинзбург. Без него прямо-таки пропали бы. Он и поит, и кормит, и снабжает весь флот необходимым... Получено известие, что Мукден взят японцами, что дорога в тылу Русской Армии разрушена, что русские потеряли 50000 убитыми и 80000 пленными. Ужасное несчастье. При современном положении дела можно считать войну проигранной. Надо с минуты на минуту ждать известия, что Владивосток или осажден, или взят. Флоту идти некуда...»

«27 февраля, — пишет Владимир Иванович Семенов, — телеграммы агентства «Гаваса» доставили первые извест-

тия о сражении под Мукденом — 50000 пленных, 23 знамени, 500 орудий. Конечно, на эскадре не поверили этим сведениям дословно. Мы уже привыкли к тому, что в донесениях японцев, спешивших поведать миру о своих успехах, результаты побед чрезмерно преувеличиваются, но все же, если убавить вдвое, даже втрое, получилось впечатление жуткого поражения, почти разгрома нашей армии... Как ни странно, это событие не произвело, по крайней мере, по внешности, особенного впечатления на эскадру. Разговоров на эту тему почти не было. Словно бы в массе своей (не говорю по отдельности) все так устали, что даже работа мысли являлась утомительной. Сказывались результаты двухмесячной стоянки, мучительной по неопределенности положения, в беспрерывном труде, в состоянии неослабного напряжения нервов, в этом климате, которого европейцы при всех мерах предосторожности, при всех условиях возможного комфорта не выдерживают дольше 2 — 3 лет. Результаты дальнейшего пребывания — острое малокровие или точнее, как выражались местные доктора, обеднение, разжижение крови...

28 февраля я лег спать в каюте с открытым иллюминатором. Вентилятор работал полным ходом. Около полуночи проснулся под впечатлением странного, но хорошо знакомого чувства — затрудненности дыхания.

Словно не хватает воздуха. Разеваешь рот, как рыба, выкинутая на берег, набираешь полные легкие и все-таки мало. В висках стучит. Общая слабость, предательская лень и предательская мысль: «Все равно, только бы не шевелиться, не устать еще больше...» Очевидно, закупило тучами и не шелохнет... Набрасываю на себя, что попало под руку, забираю циновку и надувную резиновую подушку (пуховые подушки всегда мокрые, только распаривают голову) и бреду наверх, на задний мостик, отведенный на ночь в распоряжение офицеров. Тяжелый путь. Спотыкаешься на трапах, руки-ноги плохо слушаются, в голове какой-то туман. Слава Богу, добрался благополучно... Низко нависли густые, тяжелые тучи. Тьма непроглядная. Несмотря на привычку к местности, нет-нет и заденешь за что-то, отзывающееся сердитым ворчанием. Это — господа офицеры. Не отвечаешь на ворча-

ние и даже не обижаешься на нехорошие слова, — кто не выругается, когда на него наступят. Добравшись до намеченного пункта — левой передней 47-мм пушки, бросаю на палубу свою циновку, прислоняю к тумбе орудия подушку и начинаю устраиваться поудобнее. Узнаю, лежащего рядом лейтенанта Свенторжецкого.

— Тоже вылезли?

— В каюте — сил нет! Задыхаешься.

— И здесь немногим легче...

Несколько освоившись с темнотой, я разглядел, что он лежит ничком, приподнявшись на локтях и оперши голову на руки. Глубокое молчание царило кругом. Здесь было все-таки лучше, чем в каюте. Я несколько отдышался. Глаза смыкались. Незаметно подкрадывалась не то дремота, не то сладкое забытие. Неожиданно Свенторжецкий заговорил своим нервным, слегка срывающимся голосом: «Ну, вот... По-видимому, в Петербурге крепко решили и уже не передумают. Идем полной армадой, со всеми вновь присоединенными убогими и увечными. Идем на гибель, на бесславную гибель... Счастье! Удача!... Это только в сказках: дуракам счастье! Да и то по той причине, что умные оказываются глупее их... так всегда по смыслу сказки выходит... Я знаю, что за время Артура вы прямо возненавидели лозунг «беречь и не рисковать», но ведь есть риск — и риск. То, что мы собираемся предпринять — не риск, а безумие! Хуже — преступление! Адмирал все еще надеялся, что «там» поймут его донесения, поймут, что если он сам ввиду изменившихся обстоятельств не верит в успех предприятия, если он вместо плана кампании находит возможным представить только план прорыва, отчаянного набега, в слабой надежде ведения впоследствии партизанской войны, то надо либо согласиться на этот план, либо вернуть эскадру. Десять тысяч, а может быть, и больше, русских людей в возрасте от 20 до 30 лет посылаются не на бой, а на бойню...»

— Все это хорошо и логически правильно, — неожиданно раздался хриловатый бас лейтенанта Богданова, — но говорить об этом громко — не только бесполезно, а даже вредно. Восседавшие в мягких креслах петербургские стратеги, предначертывающие планы действий эскадры — нашего голоса не услышат. Мы — пушечное мясо.

Примиримся со своей долей. Нечего зря беречь душу. И без того несладко...

— Странные глупые мысли, — снова заговорил Свенторжецкий, медленно, как в полудреме, роняя слово за словом, — может быть, это от погоды. Провезли 12000 миль. Провезут еще 6000 миль. Для чего? На убой...

Яркая молния словно раскрыла небо, и вслед за раскатом грома хлынул наконец долгожданный ливень. На палубе зашевелились. Слышались сдержанные восклицания, какое-то фыркание, топот босых ног, — это команда спешила воспользоваться столь высоко ценимым душем пресной воды. Вспышки молний, пронизывая голубоватым светом частую сетку дождя, на мгновение выхватывали из тьмы группы людей, толпившихся на открытых местах, обнаженных и полуобнаженных, стоящих, сидящих то согнутых, то вытянувшихся, с руками то поднятыми, то широко раскинутыми, в самых разнообразных и, казалось бы, неестественных позах, — словно какие-то призраки, внезапно захваченные в исступленной, бешеной пляске...

— Точно шабаш на Брокене! Правда? — услышал я в темноте голос лейтенанта Владимирского.

Я повернулся в сторону говорившего и при следующей вспышке увидел его в костюме Адама, но со всегда присущей ему важностью, восседающего на борту минного катера.

— Похоже. Особенно вы хороши! Смее спросить: на какой роли?

— Конечно не Фауста! — прозвучал из тьмы его насмешливый голос.

— Полагаю, что при современной обстановке Мефистофель не дал бы за мою душу и ломаного гроша!...

У кадровых офицеров еще хватало сил быть насмешливо-остроумными по традиции, вбиваемой с младшей роты Морского корпуса. Что касается флагманского корабельного инженера Политовского — человека и по сути, и по духу штатского, — то он жил только письмами к жене и от нее. Половина записей в его дневнике посвящена тому, как послать письма и как получить их. Настроение его становилось все мрачнее. 1 марта он записал в дневнике: «Суворов» строился на Балтийском заво-

де. Сколько раз я смотрел на него и иногда даже с недоброжелательством. Мог ли я тогда предполагать, что моя судьба будет так тесно связана с ним...»

2 марта в Носси-Бэ пришел транспорт «Регина», привезя нужные эскадре грузы и, к великой радости Политовского, почту. В этот же день Рождественский получил сообщение, что Небогатов спешно грузит уголь на о. Крит и вот-вот пройдет Суэцкий канал. Семенов вспоминает: «2 марта, только в 6 ч утра вернувшись с минными катерами из дальней ночной экспедиции, я завалился спать и даже приказал вестовому не будить меня к завтраку. Однако уже часов около 10 сам проснулся под смутным впечатлением, что на броненосце происходит что-то особенное. Начал прислушиваться. Наверху командир резким голосом самолично отдавал приказания. С проходившего мимо парового катера что-то кричали в рупор. В кают-компани старший офицер «разносил» за что-то вестовых. Привычной для слуха дробью доносился топот ног людей, бегущих вверх и вниз по трапам... Кажется, все, как всегда, — но и в звуках голосов, и в топоте ног чувствовалось какое-то особое настроение, что-то новое, непохожее на вчерашний день. Наскоро оделся, вышел из каюты и едва не протаранил старшего механика, мчавшегося куда-то полным ходом.

— ... Что случилось?

— Уходим!

— Как? Что?

— Некогда, некогда! — и, вырвавшись у меня из рук, убежал.

Заторопился в кают-компанию. По дороге едва избежал столкновения со старшим офицером, капитаном 2-го ранга Македонским, тоже работавшим полным ходом, который сначала выругался, потом извинился и наконец, уже исчезая на трапе, крикнул: «Запороли горячку!»

В кают-компани застал лейтенанта Богданова, спешно докуривавшего толстейшую крученую папиросу. Кинулся к нему.

— Дорогой мой, объясните в чем дело? Все точно сбесились!

— Сбесишься! — весело крикнул он. — Удираем от Небогатова!

— Расскажите толком! Я — прямо с койки, ничего не знаю, ничего понять не могу!

— Ночью пришла «Регина», пароход с полным грузом провизии. Чуть свет поехала интендантская комиссия составлять расписание: Кому, что, в каком количестве принять, чтобы никому необидно. Известная канитель. Вдруг, телеграмма, сигнал, циркуляр, приказ, 30000 курьеров: послать немедленно шлюпки, разгрузить в 24 часа. Чего не разберут, передать на транспорты. Приготовиться к походу! Что за черт? Все обалдели, ничего не понимают... С берега привозят телеграммы «Гаваса»: «Небогатов спешно грузится углем на Крите. Не сегодня-завтра ждут в Порт-Саиде». Сразу поняли. Вполне одобрили. Подъем народного духа! Не будь разницы в чинах, расцеловал бы Зиновия! Навязать хотите? А вот вам масонский знак номер седьмой! — и он правой рукой изобразил то, что Гоголь называл «обидным перстосложением»... Ну, да еще потолкуем, а сейчас бегу — дел по горло!

«Интересно, — подумал я, — ведь еще вчера вечером и речи не было о таком спешном походе!»

Поднялся наверх в штабное помещение. Там — аврал неистовый. Именно, как выражался Богданов, 30000 курьеров мечутся во все стороны. Ухитрился однако улучшить минутку, захватить одного, в его каюте, лейтенанта Свенторжецкого (за последнее время мы как-то все больше и больше сходились).

— Знаю, что вам некогда, а потому — без дипломатии. Не секретничайте, говорите начистоту: удираем от Небогатова?

Он, как обычно, уклонился от прямого ответа, высказал только, якобы, личные соображения.

— Адмирал отнюдь не посвящал меня в свои планы. Я ничего не знаю, да если бы и знал, то все равно ничего не сказал бы. Обстановка вам известна. Адмирал против присоединения отряда Небогатова, но не только вернуть, даже задержать его движение — не имеет власти. Приказывает и направляет Петербург. С другой стороны, категорического распоряжения оставаться здесь в ожидании прибытия подкреплений нет. Счастливая или несчастная случайность — не знаю... Получив агентские телеграммы, адмирал, как всегда, ушел с ними в каби-

нет, но почти тотчас же вышел оттуда, видимо, взволнованный и отдал срочное приказание: все погрузки, приемки закончить в 24 часа и приготовиться к походу. В первый момент у меня мелькнула мысль, что он для выигрыша времени хочет идти навстречу Небогатову. Я спросил: кому будем телеграфировать о randеву или о маршруте? Он посмотрел на меня с недоумением, а затем ответил тоном, недопускающим возражений: «Никому, ничего». Теперь я шифрую телеграмму, которой кратко доносится, что эскадра «вышла на восток».

— Без указания — каким путем, каким проливом?

— Ни намека!

— Но тогда как же? Куда и как направят Небогатова?

— В том-то и суть! Это соломинка, за которую он хватается! Мне кажется, он все еще надеется, что ввиду такого шага с его стороны «они» откажутся от своей затеи — либо вернут Небогатова, либо задержат его в Джибути, может быть... согласятся на первоначальный план адмирала — прорыв с лучшими судами, а может быть (но этому я не смею верить), поймут все безумие самого нашего похода...

Я уже давно не видел Свенторжецкого таким оживленным и бодрым. Да не он один. Вся эскадра словно проснулась...»

В этот момент Политовский находился, как обычно, на почте, сдавая письма к жене. «На почте мне задали такой вопрос: «Вы уходите сегодня или завтра? Вы отсюда идете прямо в Россию?». Трудно себе представить, что творилось на пристани и дамбе. Все сплошь было завалено товарами и провизией. Все корабли спешили покончить расчеты с берегом. На «Суворове» на радостях выбросили за борт кают-компанейского крокодила. Он доплыл до «Авроры», был выброшен на крейсер и поселился в тамошней кают-компани».

3 МАРТА

В намеченный день выхода, как обычно, начались всевозможные сюрпризы. Вскоре после завтрака с «Камчатки» было получено сообщение о поломке холодильни-

ка. Затем плавмастерская подняла сигнал бедствия — вырвало кингстон, транспорт заполняется водой, начали подводить пластырь. Срочно приехавший на транспорт Политовский застал там «ужас и смятение». В машинном отделении вода стояла по грудь. Большой опыт Политовского позволил ему быстро разобраться в причине и устранить ее. Когда флагманский инженер вернулся на «Суворов», с «Авроры» поступило сообщение, что крейсер не может поднять с воды паровой катер — испортился привод шлюпбалок. Политовский на адмиральском вельботе поспешил на «Аврору». Под его руководством закипела работа: «рубил, пилил, привязывали, заводили тали и катер все-таки подняли».

А на «Суворове» заканчивалось совещание флагманов и командиров кораблей, на котором адмирал объявил об уходе эскадры на Дальний Восток, призвав командиров экономить боеприпасы и уголь. Запасов почти никаких не осталось. Немецких угольщиков удалось уговорить следовать до Зондского пролива. Настроение было мрачное. И адмирал, и флагманы, и командиры кораблей были уверены, что голос рассудка заставит Петербург воздержаться от посылки эскадры в бой и вернет ее в Россию, когда настанет для этого подходящее время. Но Петербург делал вид, что не понимает доводов командующего эскадрой и продолжал толкать эскадру в пропасть, не видя большой опасности для государства в рискованной игре, где на ставке была судьба 45 кораблей и 18 000 человек...

«3 марта, в 1 ч пополудни, начали сниматься с якоря, — пишет капитан 2-го ранга Семенов. — При съемке из-за массы транспортов такая же каша, как в Танжере, только в более широком масштабе. Окончательно построились и дали ход — в 2 ч 40 м пополудни...»

«Красивое зрелище представляла из себя эскадра, — описывал свои впечатления Политовский. — Целая толпа разных кораблей — 45 штук, если считать эскадру, желали счастливого плавания, команда их кричала «ура», а наши корабли играли «Марсельезу». В кают-компани царит оживление. Надолго ли?»

Лейтенанта Вырубова все это уже не радовало. Его оптимизм почти полностью был израсходован в течение

двухмесячной стоянки. «Сегодня, наконец, куда-то идем,— пишет в письме от 3 марта.— По обыкновению, это от нас тайна. Известно только, что приказано иметь на 45 дней машинных материалов и других запасов, и что первый переход будет около 20 дней. Идем ли мы на Зондские острова или на соединение с отрядом Небогатов, мне совершенно неизвестно... На днях мы получили ужасное известие о погроме куропаткинской армии. Можете себе представить, как у нас тяжело на душе! Один беспросветный мрак. Нашей эскадре осталось одно: сцепиться с Того мертвой хваткой: либо он, либо мы. Да, мы дойдем к тому времени до точки: ни сами пощады не запросим, да и японцам ее не будет. Иного выхода нет: мы загнаны в угол. Согласитесь сами: идти вперед безумно и противно здравому смыслу, так как с блокадой Владивостока мы потеряли последнюю базу. Возвращаться — тяжело и стыдно. Только бы адмирал не выкинул какой-нибудь непоправимой глупости и не лишил бы нас возможности хоть погибнуть со славой! Последние дни здесь такая невозможная жара, что просто нет возможности чем-либо заниматься. Пожалуй, на походе будет лучше».

«К 6 ч вечера,— пишет Семенов,— выбравшись из островов и окружающих их рифов и банок, легли курсом в обход северной оконечности Мадагаскара. Вдруг у «Орла» повреждение в левой машине... Начались наши мытарства! До 8 ч вечера почти стояли на месте. В 8 ч дали ход 5 узлов. Только в полночь могли прибавить до 8,5.

Боевая эскадра!.. Нет, видно, одного духа — мало!

Ночью — занятное зрелище — 45 кораблей! Целый город на воде... И какая приманка для доброй минной атаки!

Надо заметить, что уже с самого прихода на Мадагаскар мы получали предупреждение и от собственных агентов и через «добрых друзей и союзников» о подготовленных по пути следования эскадры многочисленных засадах не только в стиле дурбанского предприятия, но и серьезнее. Вполне определенно сообщалось, что навстречу нам высланы вспомогательные крейсера «Гонконг-Мару» и «Ниппон-Мару», имеющие на борту подводные лодки. В качестве главных опорных пунктов для этого

рода операций указывались — Сейшельские острова, Диэго-Гарсия и Зондский пролив... Для всех европейских газет (за исключением русских, которым это было запрещено) вопрос о том, какой путь изберет эскадра для дальнейшего следования — являлся самой жгучей темой обсуждения. Мнения и отзывы известных (а иногда и вовсе неизвестных) адмиралов занимали целые столбцы. В общем все авторитеты сходились на том, что идти Зондским проливом, значит, идти на гибель. О Малаккском — и речи не было. Указывали путь кругом Явы или между Новой Гвинеей и Австралией, в обход Зондского архипелага, где, за отсутствием телеграфа и множеством возможных путей между островами, крайне трудно организовать дозорную службу для наблюдения за движением эскадры. Адмирал Фриментль, довольно известный в английском флоте, заявил даже, что он на месте Рождественского пошел бы кругом Австралии, огибая ее с юга: путь длинный, но зато безопасный, а впереди — временная база на Каролинских островах, принадлежащих Германии, которая одна до сих пор не боится оказывать нам явное доброжелательство... По выходе в открытое море все знали, что адмирал избрал путь через Малаккский пролив. На «Суворове» это решение было встречено восторженно:

— С одной стороны — безумная авантюра, а с другой — именно в виду своей отчаянности, может удасться. Благоразумным японцам и в голову не придет такой трюк! Но если выгорит — честь и слава! Вот ахнут, вот рты разинут Фриментль и К°! — толковали между собой офицеры...»

И не было никого, кто мог бы понять, что благоразумным японцам и в голову не придет высылать свои силы к Малаккскому, Зондскому или любому другому проливу Юго-Восточной Азии, а уж тем более к Диэго-Гарсия. Любой путь во Владивосток неизбежно приводил эскадру к Японии, где адмирал Того и поджидал ее, дымя трубами своих броненосцев и броненосных крейсеров на рейдах Мозампо, Хасирадзима и Сасебо...

Пока капитан 2-го ранга Семенов, сидя в каюте, записывал свои впечатления по поводу выхода эскадры с Мадагаскара, в кают-компания «Суворова» разгорелась

жаркая дискуссия. Еще 24 февраля один из «суворовских» офицеров лейтенант Редкин (командир средней 6^й башни правого борта) был по делам службы в Диего-Суареце. Представители местных французских властей указали ему точную дату ухода эскадры из Носси-Бэ и ее дальнейший маршрут. Вернувшись на «Суворов», лейтенант записал предсказания французов, запечатал их в конверт и сдал конверт в кают-компанию с тем, чтобы вскрыть его в открытом море. Конверт вскрыли: и дата ухода эскадры, и ее маршрут были указаны точно. Кают-компания взорвалась: откуда у французов такие сведения?!

«Вчера (3 марта), — пишет Политовский (жене), — когда стемнело, корабли зажгли огни. Весь горизонт был усеян светящимися точками. Сорок пять судов! Какая громадная армада! Как трудно согласовать ее движение! Какое громадное пространство занято ею! Не видя воочию, трудно даже судить... сегодня пасмурно, солнца не видно. Океан слегка волнуется. Не дай Бог, попасть нам в погоду, особенно в течение первых девяти дней. Все корабли сплошь завалены углем. Нет живого места на палубах без угля. Это очень вредно отзывается на морских качествах судов... С кормового балкона в сачок ловят рыбу, благо погода тихая и рыбешки за кораблем плывет много. Почти рядом с «Суворовым» идет миноносец «Бедовый»...»

Беспримерный в истории мореплавания подвиг продолжался. Огромная эскадра, не имея ни одной базы, ни средств материально-технического и тылового обеспечения, преодолевая немыслимые трудности, уже потрясла мир эскадренным переходом вокруг мыса Доброй Надежды (от Ливавы!) и теперь начала первый в мире эскадренный переход через Индийский океан, подгоняемый железной волей адмирала Русского Флота Зиновия Рожественского. (Уже после русско-японской войны американцы выслали в кругосветное плавание свой «Великий Белый Флот» — почти все находящиеся в строю эскадренные броненосцы. По замыслу Президента Рузвельта плавание флота должно было напомнить миру о существовании (или скорее о возникновении) за океаном еще одной великой державы. Американские корабли

вышли с Атлантического побережья США в декабре 1907 г. Броненосцы шли «налегке» без транспортов, короткими переходами. Американских моряков радушно встречали в каждом порту, где кораблям был обеспечен необходимый ремонт, а морякам — отдых. Погрузка угля велась портовыми средствами. В феврале 1909 г. флот прибыл обратно в Хэмптон-Родс. Это плавание не может идти ни в какое сравнение с плаванием эскадры Рождественского. Во время второй мировой войны американцы потрясли весь мир действиями своего флота. Громадные соединения американских кораблей, намного превышающие по численности боевых единиц 2-ю Тихоокеанскую эскадру, бороздили все океаны. Но базы! Ведь везде по приморскому периметру мира у американцев были базы. Кроме того, кто не знает, как у американцев поставлено тыловое обеспечение их флота! И год был не 1905, а 1945. А сорок лет назад несчастная русская эскадра без баз и тылов совершила подвиг, который ни до, ни после нее не мог повторить никто. Ни одно правительство мира, кроме русского, не смогло бы бросить свой флот в подобную авантюру. В любой стране общественное мнение вынудило бы правительство вернуть эскадру. Но Россия, увы, это Россия и во все времена у ее правительства, видимо, бессознательно, но очень отчетливо бытует убеждение, что чем больше тем или иным способом удастся истребить собственных подданных, тем лучше будет для государства. В этом и уникальность нашей страны...)

Мерно покачиваясь на зыби, зарываясь своим тупым форштевнем в набегающую волну, «Князь Суворов» вел эскадру через просторы Индийского океана...

4 МАРТА

«Ночь прошла спокойно (в смысле японцев). Адмирал не смыкал глаз. Пытается сигналами поддерживать порядок в толпе, которую никак нельзя назвать строем. Преимущественно — отстают, растягивают линию и безмерно увеличивают расстояние между колоннами. Реже — налегают на передних, выходят из строя, пугают соседей...»

В 8 ч утра, находясь к северу от Мадагаскара, «Суво-

ров» повел эскадру курсом южнее Сейшельских островов. В 14:00 берега Мадагаскара скрылись за горизонтом. Суточное плавание 142 мили. Средний ход 6 узлов...

5 МАРТА

«Дождь вперемешку с горячим песком угольного шлака из труб засыпал палубу «Суворова». В 06:00 Рождественский приказал транспортам взять миноносцы на буксир. «Для первого раза операция заняла 1,5 часа. Стояли на месте. В начале 9-го строй так растянулся (сказал бы, расплзся по всем швам), что адмирал приказал головным застопорить машины и занялся при посредстве сигналов сбором заблудших. К 9 ч утра наладились, дали ход. Вдруг у «Иртыша» лопнул буксир. Опять — стоп. Еще час. В 11-м часу утра только что дали 8 узлов — у «Сисоя» повредилась рулевая машинка. Вышел из строя. Идет «по-способности», управляясь машинами. Из-за него вынуждены держать 5 узлов ходу. Для «Сисоя» и это много. С 1 ч до 2 ч пополудни стояли на месте, его поджидая. Потом снова 5 узлов. В 4 ч дня «Сисой» починился. Завернули 8 узлов... С радостью наблюдаю, что (по крайней мере, на «Суворове») если чего и боятся, то разве того, как бы не испугаться...» Суточное плавание 147 миль. Средний ход 6,2 узла...

6 МАРТА

«Ночью стояли на одном месте часа три. На «Бородино» что-то случилось с рулевой машинкой. Он до сих пор еще не справился, а потому идет в стороне от других кораблей... Когда стояли в Носси-Бэ, то солнце светило каждый день. Вышли в море, и вот уже третий день стоит пасмурная погода, и изредка накрапывает дождь... Событий, кроме поломок, никаких. Все уже друг другу надоели. Мало разговаривают, да и говорить-то не о чем. Сидят по разным углам. Последнее время я почему-то мало бываю в кают-компаниях. В трик-трак совсем не играю, на пианоле тоже. Редко, редко сыграешь несколько партий в домино. Больше сижу в рубке, на мостике, у флаг-капитана, в своей каюте. Была сегодня обедня. Погода немного засвежела. Идем отчаянно тихо. Надо пережить целый океан. Предстоит еще эскадре удовольствие —

погрузка угля в открытом море... У нас вся левая сторона спардека занята быками и коровами. Быки для убоя, коровы для молока. Беда в том, что они не дают его. Есть и два теленка. Тех решено откормить. Едва ли только удастся. Подохнут...» Суточное плавание 141 миль. Средний ход 6 узлов...

7 МАРТА

«Тот путь, по которому мы идем сейчас, вообще мало посещаем судами. Этим путем никогда с сотворения мира не ходили броненосцы, малые крейсера, миноносцы и эскадры, хоть немного похожие на нашу. Каких кораблей-то нет! Броненосцы, крейсера, миноносцы, транспорты, мастерская, пароход-госпиталь, водоотливной пароход, буксирный пароход... Опять вся эскадра стояла — лопнул буксир у одного из миноносцев («Блестящий»)....» Ночью на «Суворове» лопнул труртрос. Броненосец продолжал идти не останавливаясь, но работа по устранению повреждения оказалась чрезвычайно тяжелой. В своем рапорте Рожественский писал: «Когда на «Суворове» лопнул труртрос и не оказалось возможным провести новый сквозь водонепроницаемую коробку, прикрывавшую шкивы и роульсы в машинном отделении над цилиндрами, то необходимо было снять эту коробку, поставленную на 50 болтов, или вырубить в ней дыру, чтобы иметь доступ к шкивам и роульсам. Между тем температура в месте расположения этой коробки никогда не падала на ходу ниже 75°C. Решили рубить дыру, так как предполагали на это употребить меньше времени, чем на отдачу 50 болтов. Закрыли цилиндр матами, пустили на маты струю помпы, сменяли двух рабочих каждые 10 минут, обливая их непрерывно водою, и в такой обстановке работали 24 часа.» Суточное плавание 187 миль. Средний ход 7,8 узла...

8 МАРТА

В 05:45 на мачте «Суворова» взвился сигнал: «Начать погрузку угля». Эскадра застопорила машины, начав первую погрузку угля в открытом море. С палуб немецких угольщиков за всеми действиями эскадры вни-

мательно наблюдали переодетые в штатское офицеры Кайзермарине, впитывая все полезное для будущего применения в своем стремительно растущем флоте. Пройдут годы и опыт, оплаченный русской кровью, но не принесший, как всегда, самой России никакой пользы, будет использован, правда, в более мелких масштабах немцами, когда эскадра Шпее совершит стремительный бросок через Тихий океан навстречу судьбе к Коронелю и Фолклендским островам...

Капитан 2-го ранга Семенов вспоминает о погрузках угля в открытом море со смесью грусти и гордости: «Грузиться борт-о-борт не удалось ни разу. В океане, какой бы не штиль не стоял, всегда откуда-то идет зыбь. Погрузку производили, перевозя уголь с транспортов на боевые суда в мешках, на судовых баркасах и специально для того построенных ботах, буксируемых паровыми катерами. Для насыпания угля в мешки, для погрузки мешков в шлюпки — на транспорты посылались значительные партии команды при офицерах (100 и более человек с корабля 1-го ранга). Не малое число людей находилось на ботах, баркасах и паровых катерах. Конечно, при этом не было никакой возможности сохранять даже подобие строя, так как транспорты и боевые суда стояли вперемешку,сообразно условиям наискорейшей погрузки. К тому же по необходимости пушки были закрыты чехлами, окутаны брезентами, чтобы не допустить проникновения угольной пыли в нежные части их сложных механизмов и установок... Словом, эскадра не только не была в боевой готовности, но даже не могла бы привести себя в это состояние достаточно быстро, в случае тревоги... В 5 ч 45 мин утра сигнал: «Начать погрузку угля». В 7 ч 45 мин утра пришел к борту «Суворова» первый груженный баркас. В 4 ч дня сигнал: «Прекратить погрузку угля». Поднимали шлюпки, собирались в строй очень долго. Ход дали только в 7 ч вечера. Итого простояли на месте 13 ч 15 мин, из которых собственно погрузочных было 8 ч 30 мин, а 4 ч 30 мин ушло на подготовительные и заключительные работы. «Суворов» принял 206 т. Не слишком блестяще, особенно принимая во внимание, что погода благоприятствовала — слабый вест и небольшая зыбь. Что делать — никогда этому не учи-

лись. Все — в первый раз. Будем надеяться, что дальше пойдет лучше... В 10 ч вечера слева и сзади увидели какие-то огни, вскоре скрывшиеся. Минеры утверждают, что получаются какие-то телеграммы, но разобрать в них ничего нельзя. Не разряды ли атмосферного электричества? А впрочем — кто знает?...»

В кают-компании «Суворова» офицеры заставляли собаку слушать граммофон. Граммофон поставили на палубу, направив ратруб на пса. Некоторые пластинки собаке нравились, и она начинала подвывать. Офицеры хохотали... Суточное плавание 142 мили. Средний ход 6 узлов.

9 МАРТА

«Шесть раз сегодня рвались буксиры у миноносцев. Что-то уж очень много...» «Дмитрий Донской» доносит, что видел ночью огни каких-то трех кораблей, которые переговаривались вспышками прожекторов и шли одним с нами курсом. На «Ослябе» умер еще один матрос... Адмирал и раньше имел раздерганные нервы, теперь же особенно. Он очень мало спит, волнуется и выходит из себя из-за каждого пустяка... Двигаемся отчаянно медленно... Поломки и задержки на каждом шагу... В кают-компании почему-то считают, что нам осталось пройти 4400 миль в течение 34 дней. Провизия кончится и придется перейти на солонину. Острят, выбирая, кого из офицеров первого съедят. Завтра предполагается погрузка. Опять весь день потеряем. Углем завалены все палубы, завалена даже часть пушек...» Суточное плавание 131 миля. Средний ход 5,5 узла.

10 МАРТА

В 06:00 на «Суворова» взвился сигнал: «Начать погрузку угля». Началась вторая погрузка угля в открытом море. «Суворов» принял 221 т. Политовский отправился на миноносец «Громкий», на котором произошла серьезная поломка руля. Флагманский инженер промок и измучился, руководя водолазными работами. Кругом шныряли акулы, их отгоняли выстрелами из винтовок. На «Суворова» с кормового балкона пытались поймать

одну из акул, но неудачно. На палубу броненосца опустилось несколько летающий рыб... «Устал сегодня изрядно. Тихо, очень тихо мы двигаемся. Остановки постоянно. До того к ним привык, что даже мало интересуешься — отчего стоим. Вот хотя бы сейчас. Стоим уже полчаса, если не больше, а лень подняться наверх, чтобы узнать причину... С госпитального «Орла» сообщили, что там умер матрос от брюшного тифа. Похороны завтра...» Суточное плавание 125 миль. Средний ход 5,2 узла.

11 МАРТА

«Все благополучно. Вечером, до восхода луны, «Олег» убедительно доносил, что видит какие-то суда без огней, догоняющие эскадру... Пока не взошла луна и не осветлела, все оставались на местах по тревоге. Однако ничего подозрительного не случилось. Надо полагать померещилось... «Светлана» донесла, что видит впереди себя пароход, идущий одним с нами курсом. Странно. Мы идем по непосещаемой дороге и какой пароход могла догнать эскадра, столь медленно идущая и постоянно останавливающаяся?» Суточное плавание 130 миль. Средний ход 5,5 узла...

12 МАРТА

«Николай Угодник» (должно быть специально для нас, так как в лоции не указано) устроил попутное течение — 22 мили...» «Олег» и «Донской» доносят, что видят вдали какие-то огни... Пароход, которого видела «Светлана», кажется, оказался мифом. У «Камчатки» испортился котел, но она не отстает. Начала было отставать, да как узнала про подозрительные огни, так и набрала прыти. К сегодняшнему полудню мы прошли от Носси-Бэ около 2200 миль. Идем тихо, но главным образом задерживают остановки из-за поломок. Сегодня, к счастью, мало стояли. Все ближе и ближе подвигаемся к Востоку. Скоро пересечем экватор. Теперь Владивосток является какой-то обетованной землей... Ночью, когда нет луны, темень стоит полнейшая и следить кругом себя очень трудно. Наша же эскадра идет сама с огнями, заметными издали. Поэтому, зная наш курс, судам, следя-

щим за нами, легко найти эскадру в океане и безопасно приближаться к ней... можно с минуты на минуту ожидать нападения... Не дай Боже, Японии разбить нашу эскадру. С нею погибнет на 10 лет могущество России. Флота долго не возродить... сколько денег истрачено! Сколько народу погибло! И для чего? А позору-то, позору! Захлебнуться в нем можно. Вояки!... Слышал вчера спор мичманов о том, сколько на «Суворове» котлов и как расположены кочегарки. Об этом спорили люди, проплававшие на корабле около года! Люди, которые по приказанию адмирала стояли вахты у котлов! Наверно, японцы знают лучше наши корабли, чем мы сами...» Суточное плавание 180 миль. Средний ход 7,5 узлов.

13 МАРТА

Воскресенье. На «Суворове» служили обедню. «В полдень были в 200 милях к югу от Чагосского архипелага. Едва ли не самое удобное место для минной засады... Изрядно свежо. Не милость ли Божия? В такую погоду против судов на ходу никакая минная атака успеха иметь не может...» «Целый день нездоровилось. Очень много сегодня спал, за что и был наказан. Заснул у себя на койке, оставив, конечно, иллюминатор открытым. Вкатила волна и облила мне ноги. Снял сапоги и опять заснул в мокром платье. Проснулся от второго душа. Все-таки опять заснул. Третий раз меня опять окатило. Встал начал переменять носки и обувь. Сидел у письменного стола. В это время вкатила такая волна, что буквально вымочила меня с головы до пят. Пришлось переменить все. На столе все вымокло. Пришлось закрыть иллюминаторы. Теперь в каюте такая духота, что дышать нечем. Моментально покрываешься весь испариной. Не представляю себе, как буду ночевать. Рискнул приоткрыть немного иллюминатор. Сегодня эскадра до восхода луны светила кругом себя боевыми фонарями...» Суточное плавание — 180 миль. Средний ход 7,5 узлов.

14 МАРТА

«Стихает. Осталась крупная зыбь. Все утро посвятили маневрированию. Перестроение в боевой порядок и некоторые эволюции (правда, самые элементарные) про-

шли недурно. Каши не было. Как-будто кое-чему подучились...» «Ну и ночь же была. Так душно и жарко, что когда я проснулся, то не только простыня и подушка, но даже и циновка были совершенно мокрые... Прошли половину пути между Мадагаскаром и Зондскими островами. Подходя к Зондскому архипелагу, можно рассчитывать не только на минные атаки и донные мины, но и на эскадренный бой...» Суточное плавание 165 миль. Средний ход 6,9 узла.

15 МАРТА

«Совсем тихо. Даже зыбь незначительная. С 6 ч утра начали грузить уголь. В этом деле замечен прогресс. И приготовления, и уборка после погрузки идут много успешнее. Что касается скорости самой погрузки, то благодаря разным приспособлениям, а главное приобретенной сноровке, она почти удвоилась». «Суворов» грузил по 44 т в час (325 т). Течение, вопреки указаниям лоции, 14 миль на север. Обидно. Совсем не по дороге... «Эскадра пошла дальше. Погода неожиданно засвежела. Пожалуй, будет и шторм. Голова продолжает болеть и даже сильнее, чем раньше...» Суточное плавание 144 мили. Средний ход 6 узлов.

16 МАРТА

«Все спокойно. Штиль. Невысокая, очень отлогая зыбь. Грузили уголь. Погиб паровой катер с «Сисоя»... К вечеру засвежело от зюйда. Семь лет тому назад в этот день великий князь Кирилл Владимирович собственноручно поднимал на Золотой Горе в Порт-Артуре русский флаг. Печальный юбилей... Или отошла в область полузабытых преданий гордая резолюция Николая I: «Где раз поднят русский флаг, там он уже никогда не опускается?» Как больно и грустно...» «Как я проклинал сегодня идиотскую мысль идти в плавание! С раннего утра поехал на «Громкий». С трудом попал туда. Волнение мотало миноносец, клало на борт более, чем 25°. Налетали то и дело шквалы с проливным дождем. Сколько раз я вымокал сегодня буквально до нитки и высыхал — даже затрудняюсь сказать. Работа шла очень медленно. Я бо-

ялся остаться на миноносце, так как в такую погоду ежеминутно мог начаться шторм. Чтобы видеть результаты работы, я садился на отводы, как птица на ветку. При качке то покрывало меня с головой водой, то вздымало куда-то кверху. Было скверно, мерзко, гадко... Наконец среди хаоса, волн и пены пришлось на вельботе перебираться на «Суворов». Схватился за какую-то цепь и, упираясь ногами в борт, вылез на палубу. Я был мокр, грязен, от усталости едва держался на ногах. И какая ожидала меня встреча? Выговор адмирала с криком: «Стыдно, служите в штабе, делаете пакости! Вместо трех часов возвращаетесь в пять!» Вот была моя награда. Долго-долго я ее не забуду... Как буду спать не представляю. В каюте жара невероятная, как в духовой печи, а иллюминатор открыть нельзя. Погода все свежеет и свежеет...» Суточное плавание 110 миль. Средний ход 4,6 узла.

17 МАРТА

«В 9 ч утра пересекли экватор. После полудня задул норд-вест баллов на 5, и разошлась волна». «Спал в гостиной, не раздеваясь, на изогнутом диване. Сон был скверный, лежать было неудобно... Вчера были в южном полушарии, где была осень. Сегодня мы — в северном, где уже не осень, а весна. Пропустили целую зиму... Говорят, что исправляют «Богатыря» и эта починка его займет одиннадцать месяцев. Он стоит в доке. В единственном доке, который есть у России. Теперь возникает вопрос: куда поставить те корабли, которые, выдержав бой, придут во Владивосток? Опять полупочиненного «Богатыря» выведут из дока? И опять будет тонуть? Положение безвыходное. Погибнет наша эскадра, не будет у России флота!.. Есть известие о поднятии «Варяга» японцами. Вероятно, они уже сумели его починить, и мы можем встретить его в числе вражеских кораблей. Приятная встреча. Наш корабль будет сражаться против нас же. Позору-то сколько!.. Нет у меня веры в успех. На месте японцев я пропустил бы беспрепятственно всю вторую эскадру во Владивосток, не рискуя в бою своими судами. А из Владивостока так легко устроить второй Порт-Артур. Там и высадки производить легче и крепость хуже...» Впервые после выхода из Носси-Бэ ни на одном боевом

корабле и ни на одном транспорте за сутки не произошло никаких повреждений, и эскадра ни на минуту не останавливалась. Суточное плавание 160 миль. Средний ход 6,7 узла.

18 МАРТА

«Погода свежеет. Барометр падает. Волны становятся больше и круче. Ветер усиливался и усиливался. Достиг силы шторма. Налетали шквалы. Этого не ожидали. Иллюминаторы всюду открыты. Во все каюты нахлестало воды. На открытых местах стоять было трудно — сшибало. Ветер срывал верхушки волн. Дождь лил такой, что не видно было ближайших кораблей — точно туман. «Суворова» ветром наклоняло на 3 градуса, и он оставался в таком положении... Сердце сжимается, как вспомнишь про миноносцы. Боюсь я за них очень. Как бы они не погибли. Их с «Суворова» не видно... Вчера на «Терек» упал в трюм матрос. Сегодня он умер... Жара в каюте невозможная. Иллюминатор открыть нельзя. Пот так и льет... Вот истинно — в воде. Куда не посмотришь, всюду вода: плывешь по воде, идет дождь, сам ходишь мокрый». Суточное плавание 190 миль. Средний ход 8 узлов.

19 МАРТА

«На завтра предположена погрузка угля. Барометр то поднимается, то угрожающе начинает падать. Сегодня он так упал, что начали опасаться шторма... Вероятно, весь мир думал, что эскадра из Носси-Бэ пойдет на восток кругом Австралии или Зондским проливом. Предположено же идти Малаккским проливом. Удивятся все такому нахальству немало. Через три дня выйдем на эту дорогу, по которой двигаются много торговых пароходов. Значит, весь свет узнает о местонахождении эскадры. Идем не в Сайгон, а в Камран. Это небольшая бухта, лежит верст на 350 севернее... Эскадра пойдет мимо Сингапура в виду его. Многие начали прятать за броню свои вещи, чтобы после боя иметь возможность одеться. Примеряют спасательные тужурки. Начала чувствоваться близость врага...» Суточное плавание 170 миль. Средний ход 7 узлов.

20 МАРТА

«Сегодня пять с половиной месяцев с того дня, как эскадра покинула Либаву. Едва ли кто предполагал, что понадобится почти шесть месяцев, чтобы дойти только до Малаккского пролива. Вот уже 18-й день в океане, а порт еще далеко, но с каждым поворотом винта мы все ближе к цели... Погрузка сегодня не состоялась, не позволило волнение... Много возлагается надежд на эскадру. Вся же она смотрит, как на свое ядро, на четыре новых броненосца: «Суворов», «Александр», «Бородино», «Орел». Японцы приложат все усилия, чтобы уничтожить «Суворов», на котором находится адмирал, командующий всей эскадрой. На «Суворове» будут сосредоточены минные атаки и весь артиллерийский огонь. Он будет подвергаться наибольшей опасности. Безопаснее будет на других броненосцах, в особенности на «Бородине» и «Орле». Японцы постараются убить адмирала! А что тогда будет? Наши корабли разбегутся, как это уже было, по разным нейтральным портам и разоружатся...» Суточное плавание 185 миль.

21 МАРТА

К утру погода стихла. С рассветом эскадра застопорила машины и начала грузиться углем, а также принимать провизию и свежую воду («Суворов» — 102 т). Во время погрузки угля буксирный пароход «Русь» развез по кораблям эскадры приказы командующего и диспозицию стоянки кораблей в бухте Камран. В приказе вице-адмирал Рожественский предписывал командирам кораблей «ежедневно повторять наставление офицерам и коммендорам о необходимости крайне осмотрительного и толкового расходования боевых запасов при встрече с неприятелем, и внушать им, что заряжать орудия надо быстро и наводить очень тщательно...» В 17:00 эскадра выстроилась в походный ордер и пошла далее, неся только отличительные и гакабортные огни. Иллюминаторы было приказано закрыть боевыми крышками. «Донской», «Олег» и «Терек» доносят о том, что видят огни. Раньше появление каждого огня интересовало, а теперь относимся к ним совершенно равнодушно. Не все ли равно? Ско-

рее бы только это все кончилось. В кают-компании сидят подвыпившие офицеры и поют песни...» Суточное плавание 125 миль. Средний ход 5,2 узла.

22 МАРТА

Утром по беспроволочному телеграфу броненосца «Князь Суворов» был передан на все корабли приказ адмирала Рожественского: «При отражении ночью минной атаки в походном строю сохранять полное спокойствие, чтобы не поражать своих... Пока корабль не взорван, запрещается выходить из строя, чтобы не произвести замешательства между задними мателотами... Особенно требую, чтобы транспорты не кидались по сторонам...» Эскадра перестроилась в новый походный порядок: первый броненосный отряд занял место справа транспортов, второй отряд — слева, разведывательный отряд — впереди, отряд крейсеров — в кильватер броненосцам, в замке эскадры — «Олег». В центре эскадры транспорты в двух колоннах с миноносцами на буксире. На «Суворове» поднят сигнал, извещающий корабли, что эскадра следует в бухту Камран.

«Как быстро плавают крысы. Сегодня двух крыс выкинули за борт, но они догнали броненосец и опять влезли на него, хотя был ход около семи узлов. Крыс на «Суворове» очень много. Если до сих пор еще не известно, где находится эскадра, то завтра узнают все — мы пройдем мимо маяка Пулявей. В каком-нибудь узком месте, вроде Малаккского пролива, может случиться гадкая вещь... Японская эскадра может очутиться впереди нас и открыть артиллерийский огонь, а их крейсера нападут сзади, войдя в пролив след за нами. Положение русской эскадры тогда будет критическое: она не может тогда даже стрелять из всех своих орудий — придется стрелять только на нос и на корму... Сегодня ночью можно ждать атаки. Вот она началась боевая пора! И сколько впереди предстоит беспокойных ночей! Чем все это окончится?» Суточное плавание 150 миль. Средний ход 6,3 узла.

23 МАРТА

В 06:00 эскадра пришла на вид острова Большой Никобар. «Прибавили ход. Входим в Малаккский пролив. С Индийским океаном распрощались. Два океана

пройдено благополучно. Что даст третий — Великий (или Тихий океан)? Днем виднелись на горизонте берега маленького островка, лежащего у острова Суматра. Смутно вырисовывались контуры верхушек гор. Это первая земля, которую мы видели после Носси-Бэ. Двадцать дней земли не видели совсем. Иллюминаторы закрыты боевыми крышками. В каюте сидеть трудно — жара. Всюду на броненосце темно. Это сделано нарочно, чтобы люди не ослеплялись, когда им придется моментально выскакать на темные палубы. Часа на два задержал ход эскадры броненосец «Орел». У него лопнула одна из главных паровых труб... Пока мы находимся еще в широкой части Малаккского пролива... С трудом сижу, в каюте жара невозможная. Все-таки я доволен. Доволен тем, что подвигается к развязке...» «Суточное плавание 170 миль. Средний ход 7 узлов.

24 МАРТА

Ночь прошла спокойно. С рассветом стало пасмурно, и около 08:00 разразилась гроза с ливнем. Затем до полудня шел дождь, а позднее прояснилось. В 17:00 «Жемчуг» поднял сигнал: «Вижу неприятельский флот на зюйд-ост 30°». «Флот» оказался торговым судном, пересекавшим курс эскадры и сильно дымившим. К борту «Суворова» подошел миноносец «Бедовый», на котором умер матрос. Командир миноносца прочел установленную молитву, а отец Назарий с борта «Суворова» благословил умершего крестом. Матроса сбросили в воду. На «Суворове» взбесилась одна из собак. Она начала неистово лаять, корчиться, носиться по палубе, набросилась на других собак, покусав их. Ее отливали водой, но ничего не помогло. Несчастный пес бросился на кормовой балкон, а оттуда в воду. Офицеры и комендоры дежурили у орудий. На боевые посты разнесли банки с порошком для тушения пожаров и мешки с перевязочными средствами. В 22:00 между кораблями эскадры была замечена каботажная парусная шхуна, шедшая без огней. Несколько кораблей взяли шхуну в перекрестие прожекторов. На шхуне наверху находился один рулевой, который растерялся, попав прямо в центр идущей

в ночи боевой армады. Дежурный миноносец подошел к шхуне и вывел ее на чистую воду. Суточное плавание 176 миль. Средний ход 7,4 узла.

25 МАРТА

Ночь прошла тихо. Погода мгlistая. Встречные пароходы попадают все чаще и чаще. Корабли постоянно «обнаруживают» противника. С «Алмаза» сделан сигнал, что адмирал, командир и офицеры, находящиеся на мостике, а также сигнальщики — все ясно видели 12 миноносцев, прятавшихся за пароходом Британско-Индийской компании, а затем удравших на северо-восток. Странное донесение. Вероятно, японцы приходили предупредить нас, что они здесь, и чтобы ночью мы были осторожнее...» «...Поздно ночью будем проходить мимо Натунского архипелага, где подозревают присутствие японцев. Неужели они ничего не предпримут, чтобы напасть на нас в Малаккском проливе? Неужели они попались на уловку и все свое внимание и силы сосредоточили у Зондского пролива или восточнее его? Или, быть может, они просто не хотят ничего предпринимать до тех пор, пока эскадра не выйдет в Китайское море? Японцы предприимчивы. Почему же они упускают удобный для них случай? Если в течение 20 — 22 часов ничего не случится, то Малаккский пролив со всеми своими узкостями будет за нами...» Суточное плавание 220 миль. Средний ход 9,2 узла.

26 МАРТА

«Ночь. прошли мимо города Малакка. Городские огни на его набережной были отлично видны с кораблей. Когда проходили мимо города, на горизонте появилась парусная шхуна, шедшая нам навстречу. Ее осветили прожекторами, к ней подошел миноносец и провел вдоль эскадры. Красивое было зрелище: среди полной темноты ярко освещались ее белый корпус и паруса... Из офицеров почти никто не ложился спать. Через несколько часов мы должны быть в Китайском

море. Почему японцы не предприняли ничего во время нашего пребывания в Малаккском проливе? Быть может, они всю встречу приготовили у пролива Рио, мимо которого мы скоро пойдем? Быть может, японский флот ждет нас у Натунского архипелага. Посмотрим, будет ли что-нибудь ночью. Некоторые высказывают предположение, не заключен ли уже мир? Если это так, то мир очень позорный. Едва ли Россия может пойти на него... Что случилось на театре военных действий после мукденского погрома? Мы не знаем. В сущности и про бой у Мукдена имеются только агентские телеграммы. Многие до сих пор сомневаются в их достоверности. Я же верю им. До сих пор все, о чем сообщали телеграммы западных агентств, подтверждалось...»

«...Узкости пройдены! Подходим к Сингапуру. Кругом глубоководные проливы, множество островов. Возможно внезапное появление линейных судов неприятеля. В 11 ч утра перестроились в прежний походный порядок, более удобный для развертывания в боевой. Около 2 ч дня проходили маяк на острове Рэффлис. Сингапур — как на ладони. На рейде два английских крейсера. В полном составе, никого не растеряв в дороге, торжественно шествуем мимо, вступая в воды Тихого океана. Эффектная минута! На броненосце все как-то притихло...»

Считая, что англичане захвачены врасплох появлением эскадры, на мостике «Суворова» весело смеялись. Из Сингапура на пересечку курса эскадры выбежал маленький пароходик под флагом русского консула надворного советника Рудановского. «Хоть и лестно было повидать его лично, узнать все новости, но для этого пришлось бы останавливать эскадру. Ограничились тем, что командировали один миноносец принять депеши и затем на ходу передать их нам. Сдав пакеты миноносцу, пароходик догнал эскадру и пошел рядом с «Суворовым». Взяв рупор, Рудановский прокричал на эскадру, что он собрал все газеты, которые попались под руку, многих не хватает, а потому пусть его выслушают через рупор: «5 марта в Сингапур заходили главные силы японского флота, 22 корабля под флагом Того. Сейчас они находятся у Лабуана на о. Бор-

нео, к проливу подходят только одиночные крейсера! Армия отступила к Телину. Главнокомандующим вместо Куропаткина назначен Линевиц, отряд Небогатова 25 марта вышел из Джибути!» «...Около Борнео есть небольшой островок Лабуан. На этом островке японцы купили у русского еврея землю и расположились там, как у себя дома. Лабуан они соединили телеграфным кабелем с Сингапуром. Таким образом они могли получить известие о нашем движении вчера. Значит, сегодня ночью минная атака, а завтра бои почти неизбежны. Надо будет надеть чистое и запастись ватой, чтобы не оглохнуть от выстрелов...» В 19:00 эскадра, пройдя траверз маяка на о. Педра Бранка, вышла из пролива и вступила в Южно-Китайское море. Суточное плавание 180 миль. Средний ход 7,5 узлов.

27 МАРТА

Ночь прошла спокойно. В 05:00 эскадра застопорила машины близ западного острова архипелага Анамба и начала принимать уголь. Во время погрузки «Олег», «Изумруд», «Урал», и «Кубань» стояли на горизонте, осуществляя сторожевое охранение на случай внезапного появления противника. «...Что же японцы? Не знают, что ли, места, где мы находимся и ищут нас в море? Едва ли. Наш путь ясен. На север от Сингапура к Владивостоку. Быть может, они зашли вперед и где-нибудь поджидают... Была сегодня обедня. Стоял и думал: может быть, это последняя служба на «Суворове». Быть может, следующей будет не обедня, а панихида по убитым... Адмирал предполагает, что японский флот встретим завтра... Хорошо, что удалось безнаказанно пройти Малаккским проливом. Японцы, очевидно, не рассчитывали, что будет сделан такой рискованный шаг. Газеты, которые постоянно твердили о Зондском проливе, наши угольщики, которые собирались около него, отвлекали внимание от Малаккского пролива и заставили японцев все свои приготовления к встрече устроить там. Хотя консул и сообщал, что около Малакки нас поджидало пять подводных лодок. Едва ли? Почему же они не нападали?...» Суточное плавание 157 миль. Средний ход 6,5 узлов.

«Пока все тихо. Вчера вечером немислимо было сидеть в каюте. Спать я лег в первом часу, но от духоты не мог заснуть. Оделся и вышел спать к флаг-капитану в каюту на свободный диван. Солнышко припекает сильно. Наш капельмейстер простоял довольно долго на солнце, любясь чем-то. Руки он держал открытыми на поручне. Ему так припекло их, что к вечеру они раздулись, как подушки...»

«...За день так выпался, что теперь сон не берет. Думаю, если даже японцы собираются напасть, то все же раньше, как завтра, мы их не увидим — от Лабуана на пересечку нашего курса 600 миль. Возможно, что близок бой. Внимательно прислушиваюсь к собственным мыслям, припоминаю разговоры офицеров между собою, стараюсь дать себе отчет в господствующем настроении... Ничего — настроение бодрое, спокойное... Пожалуй, даже слишком много спокойствия — почти равнодушия к собственной судьбе. А ведь с этой судьбой связана и судьба нашего дела. Явный результат переутомления. Устали все мы. Нервы притупились. Отдых невозможен. Ну, так скорее бы конец...»

Утром адмирал Рожественский провел совещание с ближайшими сотрудниками своего штаба. На совещании присутствовали флаг-капитан капитан 1-го ранга Клапье де Колонг, начальник военно-морского отдела штаба капитан 2-го ранга Семенов и старший флаг-офицер лейтенант Свенторжецкий. Обсуждался вопрос о дальнейших действиях в связи с выходом отряда контр-адмирала Небогатова из Джибути. «Флаг-капитан говорил довольно пространно и довольно неопределенно. Насколько я его понял, он указывал на необходимость закончить стратегическое развертывание сил и затем действовать сообразно полученным сведениям о дислокации сил неприятеля. На мой вопрос, что понимать под «стратегическим развертыванием сил» — я получил ответ, что 25 марта отряд Небогатова вышел из Джибути... В первый момент я растерялся. Мы все-таки сила — пять хороших броненосцев, один броненосный и три легких крейсера, не считая старцев... А у Небогатова — сплошь рухлядь!..

Что делать? Ждать? Невозможно! Идти вперед, а его бросить на произвол судьбы? Пусть выкручивается, как знает? Не по-товарищески... Ладно, он укроется в нейтральные воды, в худшем случае — разоружится... Ну, и Бог с ним! Конечно, вперед! Надо использовать тот подъем духа, который вызван удачным переходом через океан и счастливым проходом Малаккского пролива, тот подъем духа, который победил переутомление... Вперед! И — будь, что будет!

После меня говорил лейтенант Свенторжецкий. Он высказывался крайне категорично: «По пути во Владивосток нас несомненно ожидает решительное сражение с победоносным японским флотом, уже уничтожившим первую эскадру, которая была сильнее нас. С нашей стороны выступают утомленные долгим плаванием и тревожными ожиданиями корабли, никогда не бывшие в бою, никогда не испытывавшие разрушительного действия меткого артиллерийского огня противника. В этом сражении (не надо закрывать глаза) мы понесем жестокие потери, если не будем уничтожены вовсе. Надеяться проскочить, надеяться на благополучную погоду, на промах неприятеля, на удачу? Возможно ли? Когда за всю войну счастье упорно стоит на стороне японцев... Допустим даже, что остатки эскадры доберутся до Владивостока. Что они будут там делать? Ждать очереди ввода в единственный док? А откуда возьмутся боевые и другие припасы, когда сибирская дорога «с трудом удовлетворяет нуждам армии»? Где будут в то время наши транспорты и что будут делать небогатовский отряд судов археологического состава?.. Кто же при таких условиях будет «владеть морем» — задача поставленная телеграммой за № 244?... Что же делать? Отвечу резко: воспользоваться эффектом, который, несомненно, вызвало наше появление в Южно-Китайском море в полном составе и без потерь и поспешить с заключением почетного мира. Надеяться на успех дальнейших морских операций, мечтать о чуде... К сожалению, принятие такого решения от нас не зависит... Жаль...»

Адмирал не высказал своего личного мнения и, не сказав ни слова, закрыл совещание. «...Мы уже двадцать шесть суток в море. Провизия кончается. Перехо-

дим на солонину. За адмиральским столом уже нет водки, мяса, кофе. Для меня чувствительно отсутствие мяса. Поддаваясь общему течению, хотел спрятать вещи. Посмотрел зимнюю фуражку и ограничился тем. Лень...» Суточное плавание 203 мили. Средний ход 8,5 узлов.

29 МАРТА

Госпитальный «Орел», обменявшись сигналами с «Суворовым», отвернул в Сайгон, чтобы отправить в Петербург телеграммы командующего.

Адмирал Рожественский телеграфировал царю: «29 марта эскадра проходит мимо Сайгона. Направляюсь двести миль севернее в бухту Камран. По-видимому, японский флот близко. Получаем беспроволочные телеграммы, нам непонятные. Если эскадра нужна еще Владивостоку, если там есть пища для лишних тридцати тысяч, если остались боевые запасы для флота, то необходимо идти немедленно, не ожидая Небогатова. Потеря одной недели была бы непоправима. Если будет повелено идти во Владивосток, то необходимо, чтобы министерство держало это в тайне даже от старших служащих, и поддерживало агентскими телеграммами мнение, что эскадра будет ожидать здесь соединения с Небогатовым и с весенним отрядом. Если же поздно уже высылать эскадру во Владивосток, то необходимо возвратить ее в Россию — без базы она существовать долго не сможет». «29 марта нахожусь в 300 милях от бухты Камран, в которой полагаю ожидать приказаний, если не буду атакован и не допущен в бухту следящим за эскадрой японским флотом. Испрашиваю высочайшее повеление о дальнейшем движении соответственно положению дел на театре военных действий и положению Владивостока особенно. Если надо идти дальше, то необходимо очень поспешить». Вместе с телеграммами Рожественский передал приказ командиру стоявшего в Сайгоне разоруженного крейсера «Диана» капитану 1-го ранга Ливену немедленно выслать в бухту Камран уголь, офицерскую и командную провизию и безотлагательно установить сообщение между Сайгоном и Камраном, зафрахтовав для этой цели какой-нибудь пароход местного каботажа. «...С «Орла» достали немного кофе для адмиральского стола. Он отде-

лился от эскадры и пошел в Сайгон... Время сейчас тревожное, все встречаем разные пароходы, преимущественно под английским флагом. Утром встретили один за другим два английских крейсера. Один из них салютовал, и «Суворов» отвечал. Это было рано утром. Я проснулся, слышу выстрелы. «Ну, думаю, началось». Выглянул в иллюминатор и опять заснул...

Попался навстречу пароход под английским флагом и сообщил: «Видели японские миноносцы, опасайтесь и ждите сегодня ночью атаки». Да, близко, близко враг. Как-то пройдет сегодняшняя ночь...»

Около 17:00 дозорный крейсер «Светлана» поднял сигнал и дал телеграфное сообщение на все корабли: «Вижу неприятеля». На всех кораблях пробили боевую тревогу и приготовились к бою. Вперед, на помощь «Светлане», ринулись полным ходом «Жемчуг» и «Изумруд». Никого обнаружить не удалось... «Относительно нашего настроения скажу, что мы все пришли к тому выводу, что возвращение домой имеет для нас смысл только в том случае, если мы сумеем показать японцам, что нельзя безнаказанно оплевывать и покрывать грязью Русский Флот. Я убежден, что мы им солоно придемся. У нас выхода нет: либо гибель, либо победа. Во всяком случае постараемся продать себя возможно дороже: корабль за корабль, на меньшее не согласимся! Живется нам сравнительно недурно, если бы не хронические тяжелые известия. Сидим уже на солонине, хотя еще имеем в запасе корову и двух телят. Здоровье мое исправно, я легко переносу тропики и даже, по обыкновению толстею. Я искренне верю, что с Божией помощью мы с честью выйдем из этого испытания...» Суточное плавание 215 миль. Средний ход 9 узлов.

30 МАРТА

Ночь прошла спокойно. С рассветом эскадра застопорила машины и приступила к погрузке угля. «Малопомалу все приходит к концу: папиросы и спички на исходе. Достал сегодня кусок мыла и в запасе остался один кусок... Около «Суворова» упали от усталости цапля и голубь. Цапля утонула, а голубя успели вытащить с катера, грузившего уголь... Где же японцы? Не в Кам-

ране ли мы их встретим? От жары едва засыпаешь, просыпаешься весь мокрый. С каким великим наслаждением я поспал бы при обыкновенной температуре. Ведь, в сущности говоря, я был выбит из колеи с того момента, как началась война. Сначала начались ночные работы на постройке, я почти не бывал дома. Потом перебрался с кораблем в Кронштадт, затем в Ревель, Либаву и за границу. Четырнадцать месяцев такой ненормальной жизни...»

Беспроволочный телеграф «Суворова» начал принимать непонятные знаки, не похожие на английские. Последовал приказ прекратить погрузку, поднять шлюпки и построиться по дневной походной диспозиции, наиболее удобной для перестроения в боевой порядок. В 16:30 эскадра двинулась дальше, взяв курс на маяк Падаран на подходе к бухте Камран. Суточное плавание 168 миль. Средний ход 7 узлов.

31 МАРТА

«Ночь прошла спокойно. Около 7 ч утра были у входа в бухту. Застопорили машины. Послали миноносцы протралить место предполагаемой стоянки, а минные катера — поставить вешки согласно диспозиции... В ожидании выполнения этих работ грузили уголь... В 4 ч пополудни, прибравшись после угольной погрузки, построились по особой диспозиции для прикрытия Камрана и подходов к нему от покушений неприятеля... Ночь наступила тихая и ясная. Видимость вполне удовлетворительная. Всякую попытку минной атаки можно обнаружить своевременно, а свобода маневрирования — полная. «Машины и котлы всех кораблей пораздвигались, особенно котлы. Да и не мудрено: ведь тридцатые сутки не отдавали якорей. Всему есть пределы...»

1 АПРЕЛЯ

«Ночь прошла спокойно... В 11:30 вошли в Камран и стали на якорь по диспозиции. Всего пройдено от Носси-Бэ — 560 миль, никуда не заходя. Факт беспримерный. Как бы англичане не лопнули от зависти! Прибыли благополучно, в полном составе, никого не растеряв в

пути... Настроение заметно приподнятое. Зашел в кают-компанию. Там ораторствует Богданов: «Худо ли, хорошо ли, а от Кронштадта — 16 628 миль! Недурной кусок! И в полном составе! Зиновию — честь! Кому другому по плечу? Дубасов да Чухнин, а там — хоть шаром покати!» Одновременно с эскадрой подошли к бухте четыре больших парохода Гамбург-Американской линии, вышедшие 10 марта из Диего-Суарец.

Только сейчас начали входить в бухту. Госпитальный «Орел» еще не вернулся... Утром поймали на палубе броненосца выбившуюся из сил маленькую птичку, кажется, канарейку... Если долго будем стоять в Камране, то обстоятельства могут измениться и дать возможность японскому флоту напасть на нас даже в самой бухте, заминировав ее. Тогда Камран станет настоящей ловушкой. Мне кажется, что японцы считают нас гораздо хитрее, чем мы на самом деле. Уж очень мы просты, говорю просты, чтобы не сказать большего...»

2 АПРЕЛЯ

Вернулся из Сайгона госпитальный «Орел», доставив Рождественскому ответную телеграмму царя: «Поздравляю с блестящим плаванием. Владивосток открыт с сухого пути. Запасы есть. Следует идти, не ожидая Небогатова. Крепко надеюсь, что Бог поможет вам совершить великое дело. Николай».

Ответ Рождественского был составлен в виде строевого рапорта: «В полдень в день прихода эскадры в Камран прибыл из Сайгона присланный князем Ливеном (командир «Дианы») пароход «Дагмар» местного германского пароходного общества. От капитана парохода я узнал, что ни в Сайгоне, ни у мыса Сент-Джемс нет парохода «Регина» с машинными материалами, которому я приказал следовать из Носси-Бэ прямо в Сайгон, разрешив остаться лишь несколько дней после ухода эскадры. Пароход «Регина», как быстроходный, должен был прибыть в Сайгон ранее четырех германских угольщиков, вышедших с Мадагаскара семью днями позже эскадры и следовавших, по моему распоряжению, 200 миль в сутки. Отсутствие «Регины» порождает опасе-

ние за этот пароход: надо думать, что он захвачен японцами в проливе.*

30 000 тонн, доставленных четырьмя немецкими пароходами из Диего-Суарец, далеко не покрывают потребности эскадры в угле, так как почти половина этого угля приходится на долю одних только вспомогательных крейсеров «Кубань», «Терек», «Урал», «Рион» и «Днепр». Поэтому я был крайне подавлен, узнав из письма князя Ливена, что им не приготовлено ни одного парохода с углем, что он старается найти теперь нужные пароходы, но полагает, что это не удастся.

Таким образом, предположение — быстро пополнить запасы угля и двинуться к Владивостоку — оказалось неосуществимым, и японцам оставлена возможность получить об эскадре вернейшие сведения и произвести соответственное сосредоточение своих сил...»

Пока адмирал со своим штабом вел бесконечную переписку с царем и Морским министерством, тщетно пытаясь побудить Петербург отозвать эскадру, на «Суворове» в разгар погрузки угля раздался гром артиллерийского салюта. В бухту Камран по-хозяйски входил французский крейсер «Декарт» под флагом младшего флагмана французской эскадры в Индокитае контр-адмирала Жонкьера, который немедленно прибыл на «Суворов». Французский адмирал был решительным сторонником того взгляда, что нападение Японии на Россию первый шаг, если не к полному изгнанию европейцев из Азии, то во всяком случае к замене господства белых гегемонией Паназиатского союза под эгидой Японии. «Я никак понять не могу, — разоткровенничался Жонкьер в беседе с Рождественским и Семеновым, которого знал еще по «Диане», — этих уклончивых и нерешительных действий нашего правительства! Неужели они не в силах уяснить себе такой очевидности, что ведь после вас — наша очередь. Чем располагаем мы здесь для защиты колонии? Смешно сказать! В случае войны мы окажемся почти такими же бесприютными, как вы!... Во всяком случае верьте, что мы, работающие здесь на месте, пони-

* В действительности же пароход «Регина», выйдя из Носси-Бе, разбился у Мадагаскара.

мающие положение вещей, мы, сколько в наших силах, мы — верные ваши союзники, не только по дружбе, о которой так много говорили перед заключением договора, но самые верные союзники — по расчету!»

«... На «Суворове» грузят уголь. Всюду грязь, мерзость. Углем засыпают часть кают-компаний и офицерских помещений...»

3 АПРЕЛЯ

«Пришел «Эридан», первый пароход из Сайгона, доставивший нам свежую провизию и зелень. Зеленые щи! Оцените-ка это после целого месяца всякой «консервятины», как выражались в кают-компаниях. На этом же пароходе прибыли лейтенанты Кедров и Максимов, и машинист воздухоплаватель. Последние двое сидели в Порт-Артуре до самого конца. В качестве больных не были забраны в плен, но эвакуированы в Шанхай на попечение Русского правительства. Оправившись от болезней, устремились на вторую эскадру. Рассказывали нехорошие вещи, так что их «просили» (запрещение было бы в наших обстоятельствах пустым звуком) не особенно распространяться, чтобы не подрывать и без того некрепкого духа...»

На «Эридан» прибыл ответ Морского министерства на запрос Рождественского о судьбе второго комплекта снарядов для эскадры, который обещали прислать на «Иртыше», но не прислали. Министерство ответило, что второй комплект снарядов для эскадры отправлен по железной дороге во Владивосток и большая часть его уже находится там, а остальная часть в пути. Морем же боезапас не посылали из-за риска, что его перехватят японцы, как уже было в Порт-Артуре. Изготовить же два комплекта для посылки по железной дороге и морем — не было времени...

«Ну, и грязь же я застал на броненосце. Всюду угольная пыль в палец толщиной. Она, как туман, висит в воздухе. Не знаю, где и как лечь спать. В каюте жарко и пыльно. Прошлую ночь я продремал, сидя на палубе «Камчатки» в кресле... Питался я эти дни, то на «Безупречном», то на «Камчатке». Везде едят гораздо лучше, чем на «Суворове». С провизией до сих пор скверно, на берегу решительно все скуплено. Не осталось бук-

важно ничего. Яйца продавали за 28 коп. за штуку!.. На берегу живут всего-навсего четыре европейца и человек сорок малайцев... На берегу чудная охота: слоны, тигры, обезьяны и т.д. Хоронили сегодня умершего чиновника с «Донского». Похоронили на берегу. У Фелькерзама был удар, но доктора говорят, что очень слабый и не опасный...»

4 АПРЕЛЯ

«Сегодня по сигналу собрались ко мне все корабельные инженеры. Переговорив с ними, отправился на «Нахимов». Там позавтракал и выпил две рюмки водки, два стакана пива и немного красного вина. Вышло как-то так, что было неудобно отказаться... Когда госпитальный «Орел» подходил к Сайгону, то его встретили катера и пароход Гинзбурга, чтобы оказать содействие. На «Орел» публику не пускали. К вечеру вышли газеты, уведомляющие, что японцы разбиты нашей эскадрой, что «Орел» переполнен ранеными, стоны которых слышны, хотя на пароход никого и не пускают. Японцы, которых в Сайгоне очень много, после этих известий были так огорчены, что на другой день не выходили из домов... На берегу все скуплено. Привели тут для продажи трех слонов. Хотя покупают решительно все: нужное и ненужное, но едва ли кто решится их приобрести... Французский крейсер вернулся и стал в бухте, в стороне от наших кораблей...»

5 АПРЕЛЯ

Утром по приказу Рождественского капитан 2-го ранга Семенов нанес визит адмиралу Жонкьеру, чтобы предупредить о предстоящем выходе эскадры в море на испытание отремонтированных и перебранных машин. Семенов, надевший орден Почетного легиона был очень радушно принят французским адмиралом, который снова заверил, что окажет русским полное содействие. «Почему я так подлюбил этого, совсем мне чужого француза и никогда не забуду знакомства с ним, которое, если подсчитать в общей сложности, не превышало нескольких часов беседы? Может быть, оттого, что гонимым, отверженным, так дорого смело и открыто сказанное слово участия?...»

«В 8 ч утра обоими броненосными отрядами, прихватив из крейсеров «Аврору», вышли в море. Определили девиацию компасов, немного маневрировали. Истинной целью выхода было — прикрыть отправку в Сайгон транспортов «Киев», «Китай», «Юпитер» и «Князь Суворов», с которых было выбрано все, что возможно, и которые в дальнейшем плавании были бы нам только помехой...»

«Есть «рейтеровская» телеграмма (а «Рейтер» еще сообщает наиболее достоверные известия) о том, что в бою с японским флотом наша эскадра потеряла миноносцы «Буйный» и «Блестящий» и два крейсера «Аврору» и «Дмитрий Донской». Приятно будет читать эту телеграмму тем, близкие которых плавают на этих судах. Хотя повара еще не привезли, но стол улучшился. Достали с пришедшего из Сайгона парохода массу провизии. Есть японская минеральная вода под названием «Тансан». Очень много этой воды привезли на эскадру. Я пробовал ее. Ничего особенного. Провизию с парохода разбирали, как дикие волки — на шарап. Были отвратительные сцены. Команда «Орла» разбила какой-то ящик и перепилась. Один матрос за что-то набросился с поднятыми кулаками на доктора, но ударить его не успел. С матросом сцепились два офицера, случившиеся поблизости, и чуть его не задушили. Лицо разбили ему в лепешку. Такая гадость. И все это видели французы. Хорошего мнения они будут о русских!» Одним из офицеров, подравшихся с матросом, был лейтенант Вырубов. Он сам писал об этом отцу: «Недавно я чуть не задушил насмерть человека голыми руками. Дело было на пароходе «Эридан» во время разгрузки провизии для кают-компании. Команда «Орла» перепилась и страшно бесчинствовала. Один пьяный матрос бросился с кулаками на капитана 2-го ранга Г. Тот отбил нападение, но в это время вывихнул себе ногу, а матрос обхватил его руками и старался повалить на палубу. Я немедленно бросился на помощь Г. Так как матроса нельзя было оторвать, то я схватил его за горло и душил, пока тот не закричал и не разжал рук, после чего бросил его на палубу...»

В тот же день Рождественский телеграфировал управляющему Морским министерством: «Следуя в Камран, я послал через Сайгон телеграммы о необходимости немедленно идти во Владивосток, рассчитывая, что в Сайгоне приготовлен уголь. Оказалось, что, не взирая на мои ходатайства, много раз повторенные, начиная с января, в Сайгоне не сделано никаких приготовлений. Теперь вынужден посылать свои пустые транспорты для нагрузки нашим же углем, если не окажется расхищенным — отсюда задержка дальнейшего движения на неопределенное время и потеря всех выгод внезапности».

«... Сегодня матрос с «Суворова» попал под винты минного катера. Сильно его изранило винтами, но костей, кажется, не поломало... На берегу вечные пожары лесов, красивое зрелище ночью. Европейцы рассказывают, что по ночам на берегу бродят много слонов, тигров, пантер... Место совсем дикое. Инженеры, делающие съемку для дороги, жалуются, что слоны питают вражду к телеграфным столбам и вечно вырывают и забрасывают их. Страна интересная, но не при таком плавании, как наше. На берегу я до сих пор не был, да, вероятно, и не попаду на него. Как все надоело мне! Находит полнейшая апатия ко всему...»

7 АПРЕЛЯ

«Сегодня началось следствие о нападении матроса («орловского») на офицеров. Если на его поступок взглянуть серьезно, то придется ему закончить свое земное существование... Во французских газетах, по мере того как раскрывается картина сдачи Артура, все сильнее и сильнее проskalьзывает презрение к русским. Они называют нас зайцами... Проклятая война! Стыдно взглянуть на иностранца! Пятнадцатый месяц — и ни одной победы! Поражения следуют за поражениями. Кроме позора и унижений — ничего. На эскадре есть довольно много офицеров, которые собираются выписать своих жен во Владивосток. Как относительно близко стоит этот порт! Ведь прошли крупнейший путь. Остался маленький кусок. А скоро ли пройдем его?... Японцы готовят нам встречу. Про них не доходят до нас даже слухи. Мы не знаем даже, где их флот. А им, наверное, известен каждый наш шаг. Скверно все, гадко!..»

В 18:30 вернулись на рейд и встали на якорь крейсера «Кубань», «Терек» и «Урал», которые конвоировали до мыса Сент-Джемс разгруженные транспорты. Они донесли, что противника в море не обнаружили, но встретили большой французский пароход, который вез из японского плена больных и раненых русских солдат. Бывшие пленные, увидев русские крейсера, кричали «ура» и махали фуражками...

8 АПРЕЛЯ

«Около полудня приехал Жонкьер, крайне смущенный. Объявил, что по требованию французского правительства (союзники!) мы должны немедленно покинуть территориальные воды. Срок — 24 часа. Что делать? Битые всегда виноваты. Если бы под Мукденом был разгромлен Ояма, мы бы жили здесь припеваючи...»

Началась спешная разгрузка транспортов, угольщиков и пароходов, доставивших из Сайгона провизию и почту. На «Суворове» флаг-капитан вскрыл опечатанную каюту капитана 2-го ранга Кладо. Вещи и бумаги Кладо упаковали и сдали на пароход для доставки в Сайгон русскому консулу и пересылки в Петербург. Было ясно, что начальник военно-морского отдела штаба возвращаться на эскадру не намерен.

9 АПРЕЛЯ

«Всю ночь спешно разгружали «Тамбов» и «Меркурий»... В 1 ч пополудни (точно в 24-часовой срок) все боевые суда вышли в море. В бухте остались только транспорты, да «Алмаз», которого самый придирчивый неприятель не решился бы зачислить ни в какой ранг боевых судов...»

На «Суворове» состоялось собрание флагманов и командиров кораблей. Адмирал Рожественский сообщил собравшимся о предъявленном требовании французского правительства и о своем решении держаться вне территориальных вод близ Камрана, чтобы обеспечить запасы эскадры углем и провизией, а также иметь телеграфную связь с Петербургом. Одновременно Рожественский телеграфировал управляющему Морским министерством: «До

9 апреля ни одной тонны угля не получено ни в Сайгоне, ни на гамбург-американских пароходах, ни на прочих, обещанных. По настоянию французского правительства должен уйти из территориальных вод. Буду держаться в море и поддерживать сообщение с Сайгоном. Не могу тронуться по назначению, пока эскадра не будет обеспечена углем. Но и стоянкой здесь под парами быстро иду к полному бессилию. Каждый день трачу 1000 тонн. Необходимо энергичное воздействие из Петербурга на заключивших контракты на поставку угля...»

«Куда потом направится наш флот — неизвестно. Конечно, мы могли без конца болтаться в море, но уголь, уголь. Угольный вопрос — вопрос жизни. Наши два угольщика арестованы, один в Сингапуре, а другой — в Сайгоне... Погода стоит тихая. Корабли очень медленно ходят, держась около бухты Камран с закрытыми огнями...»

«Началось наше скитание у берегов Аннама — медленная агония сборища кораблей, официально именовавшегося второй эскадрой...»

10 АПРЕЛЯ

Утром эскадра застопорила машины, находясь в море против входа в бухту Камран, давая время от времени ход для выравнивания строя. Крейсера были расставлены кольцом по всем румбам, вели наблюдение и осматривали торговые суда. Лейтенант Вырубов пытался получить на транспорте «Тамбов» водки и папирос для кают-компании «Суворова», но вернулся с пустыми руками. Зато с задержанного норвежского парохода на «Суворов» передали целый ворох английских газет. «... Удивительная выдержка у всей английской прессы. Англичане считают Японию своей союзницей и положительно ни слова не говорят о ее флоте. Про нашу эскадру печатают все сведения, которые так или иначе они получают. И так поступает не одна английская газета, а все. Надо отдать справедливость и японцам — они тщательно все скрывают и даже никто, наверное, не знает, какие корабли ими потеряны...»

Ночью по случаю Вербной субботы на «Суворове» была отслужена всенощная.

Французский пароход, подойдя к «Суворову», передал почту для адмирала. Рождественский получил телеграмму царя с новыми предписаниями: «В виду прибытия Небогатова к острову Риу около 22 апреля признаю возможным вам дожидаться его присоединения и этим временем воспользоваться для приема угля. Особенно беспокоиться давлением Франции и Японии не следует, лишь бы вы были на якоре или в море, не ближе трех миль от берега. Николай.»

«Наши суда медленно ходят взад и вперед около бухты Камран, откуда нас выгнала наша союзница — Франция. Транспортные же еще находятся в бухте и нагружаются. На море появилась зыбь, слегка покачивающая броненосцы. Время тянется томительно однообразно. Идти — не идем, стоять — не стоим. И это до прихода третьей эскадры! Пока еще ничего, а начнутся непогоды?.. От Владивостока нас отделяют дней 15 пути. Там холодно, здесь жарко. Вот начнутся простудные заболевания. Тем более, что команда одета из рук вон плохо. Платье износилось и изорвалось, а сапог совсем нет...»

«С началом «скитаний» дело пошло под гору, чем дальше — тем круче... Днем — пребывание в море с застопоренными машинами, в неустанном наблюдении за горизонтом (не появятся ли дымки) и за ближайшей поверхностью воды (не удастся ли обнаружить перископ приближающейся подводной лодки). Ночью — плавание со скоростью 3 узла, едва достаточной, чтобы поддержать строй... Круглые сутки напряжение всех сил, требование бдительности, уверенности, спокойствия, решимости... И все это от людей, совершивших шестимесячное плавание в тропиках в условиях военного времени... Учения продолжались автоматически изо дня в день, но это были неживые учения, отбывание «номеров» таблицы занятий... Увлечение военно-морской игрой, обсуждение спорных вопросов тактики в кают-компании, не прекращавшиеся все первое время похода — бесследно исчезли. Справочные книжки, сочинения по вопросам морской тактики и стратегии, книги по военно-морской истории, имевшие ранее такой огромный спрос, что их

едва можно было добиться, являлись заброшенными... Офицеры в свободное от служебных занятий время читали главным образом дешевые романы наиболее фантастического содержания. Особенным успехом пользовались произведения г-жи Крыжановской (Рочестер), писанные якобы по спиритическому откровению. Как это было отрадно, хоть ненадолго, забыться, увлечься чудесами «Магов», «Жизненного эликсира», «Жизни на Марсе», «Похождения венгерского графа (фамилии не помню) — вампира»... Оказывается, что путем известной подготовки можно людей, взрослых и достаточно уравновешенных, довести до такого состояния, когда единственным их желанием, единственной мечтой становится — «подальше от действительности!»...»

12 АПРЕЛЯ

Рожественскому доставили телеграмму из Морского министерства: «Вследствие заявлений Японии, французское правительство настоятельно требует немедленного ухода эскадры из бухты Камран, в случае, если она находится там во французских водах. Примите к исполнению».

«... Как иногда все сразу обманываются! Вчера с «Суворова» многим показалось, что между нашим кораблем и «Александром III» идет паровой катер. Этот же катер видели с «Александра». Моментально открыли боевое освещение, навели на подозрительное место лучи прожекторов. Заметили какой-то белый бурун и пену. Многие склонны думать, что это была подводная лодка, скрывшаяся под воду, когда начали освещать. В подтверждение этого сообщения указывают на то, что «Жемчуг» видел что-то похожее на перископ... Вчера вечером пошел в верхнюю рубку подышать свежим воздухом, прилег на диван да и заснул. Научился довольно сносно вертеть папиросы. Если хватит табаку и бумаги, то обойдусь без папирос...»

13 АПРЕЛЯ

В 06:00 крейсер «Алмаз» и все транспорты, окончив погрузку угля, вышли из Камранской бухты в море на соединение с эскадрой. В 09:30 по сигналу с «Суворова» эскадра 8-узловым ходом пошла на север.

«Скитаться в океане, ожидая Небогатова, скитаться всей армадой, охраняя транспорты, когда и собственная-то охрана являлась крайне проблематичной — было фактически невозможно. Адмирал принял решение, единственное, которое оставалось в этом безвыходном положении: как только скрылись из виду скалы Камрана, откуда могли бы наблюдать за нашим движением и давать сведенья на телеграф,— мы повернули на север и вечером того же дня вошли в бухту Ван-Фонг. Вошли в полном составе — и транспорты, и боевые суда — вошли и встали на якорь. Стоянка отвратительная, но все же стоянка, необходимая, если не для отдыха, то хотя бы для передышки измученному личному составу... Единственное достоинство бухты — отсутствие телеграфа, отсутствие всяких официальных властей. Однако же и тут не повезло! Раз в месяц сюда заходит небольшой каботажный пароходик... На беду он оказался в бухте в день нашего прибытия, собираясь 14-го идти в Сайгон... Все же остались: пока дойдет, пока соберутся попросить о «выходе»...»

«... «Суворов» принимает уголь с немецкого парохода. На последнем часть команды китайцы, а может быть, есть и японцы... Скоро Пасха, но здесь на корабле этого незаметно совсем. Едят и живут так же, как и раньше. Приготовлений никаких, всюду грязь, уголь...»

14 АПРЕЛЯ

«Здесьшний берег горист и довольно красив. Есть на нем небольшое селение. Подходили на шлюпках китайцы. Продавали кур, уток, бананы, тыквы и т.п. Цены солидные. За курицу просят больше рубля. Одну небольшую тыкву не уступали дешевле 50 копеек... Фелькерзам еще до сих пор не здоров. Он лежит. Удар-то, видно, был не совсем уж легкий, как говорили доктора... В каюте у меня масса крыс. Вчера нахальство их дошло до того, что когда я сидел за столом, они начали бегать по ногам. С кораблей присылают на «Суворов» почту и телеграммы для отправки в Россию. Все возвращается обратно. Китайцы, приезжающие на своих джонках с провизией, стараются сбыть фальшивые трехрублевки японского изготовления...»

«Суворов» и другие боевые корабли грузили с транспортов уголь, материалы, провизию, муку, быков и пр. Поскольку Гамбург-Американская линия не разрешила своим угольщикам следовать с эскадрой дальше Камрана, снабжение эскадры углем было передано другой компании, которая, зафрахтовав несколько пароходов в Сайгоне, довольно сносно выполняла взятые на себя обязательства...

«... До чего дошло нахальство крыс. Сегодня ночью одна из них укусила меня за ногу. Надо будет принять против них меры. Сейчас займусь этим. На телеграфной станции получают знаки. Они довольно неопределенны. Некоторые понимают значение этих знаков так, что выходит, будто бы телеграфирует «Николай». Посылался на всякий случай крейсер в море, чтоб посмотреть, не идет ли Небогатов... С «Сисоя» приехал офицер доложить, что на этом броненосце получили совершенно ясную телеграмму, в которой «Николай» спрашивает «Суворов» о его местонахождении. Быть может, и действительно телеграфирует «Николай». Во всяком случае это должно скоро выясниться...

Сейчас был вынос плащаницы. Боже, какое убожество! Стояла босая команда, босые певчие, босой дьячок. Все в белом, постарались надеть чистое, но все рваное. Костюмы офицеров тоже были скверные. Но все-таки служба произвела на меня впечатление... Вопрос о телеграммах с «Николая» выяснился. Переговаривались два каких-то французских корабля. Сразу все замолчали, а сколько было разговоров... Отличились мы. Чисто порусски. Пришли в бухту Ван-Фонг, отдали якоря и учредили надзор за входом в бухту. Самой же бухты не осмотрели. Вдруг сегодня увидели какой-то пароход,двигающийся к выходу. Что такое? Чей пароход? Забили тревогу. Оказалось, что это французский пароход, который стоит здесь уже четыре дня. Правда, бухта очень велика и в ней много укромных уголков, но все-таки. Разве японские миноносцы не могли спрятаться заранее и ночью напасть на эскадру с той стороны, откуда их не ждали. Конечно, могли бы... Уж именно правильно го-

ворят, что нас хранит Никола Угодник. Верно, что воюют «макаки» с «кое-каками»... Сегодня в каюте прохладно. Только 25°. С удовольствием посидел и позанимался. Как не прикидываю, а все выходит, что раньше половины мая не попасть во Владивосток. И это еще при благоприятных условиях...»

16 АПРЕЛЯ

Великая суббота. На всех кораблях эскадры шли приготовления к встрече светлого праздника. Переборки задрапировали цветами, зеленью и флагами. В командных и батарейных палубах расставляли куличи и крашенные яйца. Работ не производили, кроме приборки во внутренних помещениях и приведения кораблей в чистоту. В этот день вице-адмирал Рожественский отдал следующий приказ по эскадре: «Месяц тому назад японцы имели вокруг нашего расположения и вблизи южных проливов несколько крейсеров и отряд истребителей-миноносцев. К настоящему времени средства эти могли быть значительно усилены, чтобы внезапным нападением в ночное время или при других благоприятных обстоятельствах уменьшить состав нашей эскадры, прежде, чем противопоставить ей свои главные силы. Для внезапных нападений японцы обыкновенно выбирают время, в которое, по их соображениям, бдительность противника должна быть ослаблена. Ночь перед нашим светлым праздником может показаться им особенно удобною для атаки. Обращая на это внимание всех чинов эскадры, предписываю сегодня ночью, как во время богослужения, так и во время разговения оставлять наверху и держать на постах, кроме вахтенных офицеров и вахтенных нижних чинов, также офицеров половинного числа плутонгов, минеров при половинном числе прожекторов, прислугу при половинном числе орудий 47 и 75-мм и при всех 120-мм и 6" пушках, а также наиболее опытных телеграфистов при аппаратах беспроволочного телеграфирования...»

«...Получили агентские телеграммы, сообщающие, что 13-го числа Небогатов был у Малаккского пролива около Пенанга. Те же телеграммы говорят, что 7 апреля японский флот был в Мозампо. Сегодня ночью долго во-

евал с крысами. Совсем одолели. Хуже всего, что они, не стесняясь, бегают по постели. Это очень противно. Приготовился встретить Пасху: вестовой чуть ли не силой заставил прачек выстирать один китель и белые брюки. Башмаков он, кажется, еще не успел выбелить. Проболтал долго с флагманским штурманом и командиром. Странно как-то. Командир без кителя сидел прямо на палубе в рубке. Говорит, что так хорошо. Кают-компанию убирают зеленью. Достали с берега ползучих растений и разных ветвей. Но все так жалко, так убого. Кое-как покрасили яйца, краски не было. Хлебопеки испекли хлебцы в виде куличей. Творожной пасхи, конечно, нет. У адмирала за столом такая пасха, кажется, будет...»

В 23:45 на «Суворове» начали служить Светлую Христову Заутреню. Японского нападения в эту ночь не было...

17 АПРЕЛЯ

Светлое Христово Воскресение. В 08:00 корабли эскадры расцвелились флагами. Работ нигде не было. Адмирал Рожественский обходил на катере все корабли эскадры, поздравляя построенные на палубах экипажи с праздником. Вернувшись на «Суворов», Рожественский христосовался с офицерами и обошел строй матросов, поздравив их с праздником. В этот же день адмирал отдал приказ по эскадре, возлагая на командиров кораблей ответственность за погрузку и пополнение угля на их кораблях с таким расчетом, чтобы его запас всегда был достаточным для перехода в 3000 миль со скоростью 10 узлов. Этим же приказом было предписано всем кораблям перекрасить мачты в серый цвет, а реи и марсы оставить черными, чтобы затруднить противнику определение расстояния дальномерами.

Христос Воскресе! Проснулся сегодня позже обыкновенного. Опоздал к подъему флага. Из каюты еще не выходил. Встретили Пасху. Во время службы половина офицеров и команды не отходила от заряженных пушек. Церковь кругом была тщательно закрыта, чтобы свет не проникал наружу. Духота была невыносимая. Служба вышла довольно парадною. Все были во всем белом, иконостас белый, ризы священников тоже. Вся церковь была обильно украшена тропическими растениями. Все было

оббито ими, гирлянды свешивались с потолка. Церковь и так низка, а после того, как ее прибрали и украсили, выглядела чуть ли не пещерой. После ужина разговлялись. Стол был довольно богатый. В России никто не знал, что эскадра встречает Пасху в какой-то бухте Ван-Фонг. С шести часов вечера обычная жизнь вступит в свои права: начнут грузить запасы, уголь, все опять станут ходить грязными... Появилась у меня на теле тропическая сыпь. Такая гадость. По вечерам, после обеда, я часто хожу посидеть на передний мостик. Был там и сегодня. Разговаривал с командиром. Он для легкости ходит там без кителя и босиком... Ждут не дождутся эскадры Небогатова. Только про эту эскадру и говорят. Еще бы. Придет она, и мы прямо направимся к нашей конечной цели. Как-то сложится жизнь тех, кто доберется до Владивостока?...»

18 АПРЕЛЯ

«Знаменитая Сихавейская метеостанция (около Шанхая) извещает о тайфуне... Последние дни очень душно и сыро. У меня отсырел табак. Из экономии в папиросах (французских) начал разрезать их на две части. Мой вестовой Головко достал вчера обманом из буфета какот-компания бутылку коньяку и напился. За это его хотят исключить из числа флагманских вестовых. Будет у меня другой вестовой. Жаль. Я уже привык к Головко, и он изучил мои привычки. Накурился папирос с опиумом, теперь клонит ко сну. Скорее бы пришел Небогатов со своими кораблями. Тронулись бы дальше...»

19 АПРЕЛЯ

С утра пошла большая волна при свежем ветре и напел туман. Корабли поспешно догружались углем... «...16 апреля телеграф оповестил мир о нашем пребывании в Ван-Фонге. Немедленно «администратору», имевшему резиденцию в Натранхе (по прямой линии 20 миль к югу от Ван-Фонга), даны были приказания предъявить нам требования о выходе в 24 часа. Уважаемый «администратор», видимо, был того же образа мыслей, что и Жонкьер, а по части служебной этики придерживался тех же

взглядов, что и «майор» в Ангра-Пенквене. Не перенося морских путешествий (по свойству своей натуры), он повез нам свой грозный ультиматум берегом и, ввиду несовершенства путей сообщения, только 19 апреля прибыл на «Суворов», совершенно измученный, ибо во исполнение долга ехал день и ночь...»

«...В Вербную субботу нас ждал сюрприз: по дипломатическим соображениям, французы должны были просить нас честью из Камрана. В воскресенье мы ушли в море, оставив в бухте только транспорты, которые догружались с немецких угольщиков. Мы болтались в море до среды, когда стали на якорь в бухте Ван-Фонг... Но и это наше убежище открыто 19 апреля. Нас опять попросили честью. Как видите положение наше довольно глупое, но что делать, нам необходимо дожидаться Небогатова, который должен прийти не сегодня-завтра. У нас есть телеграмма, что 15-го третья эскадра прошла Пенанг...»

В тот же день Рождественский телеграфировал в Петербург: «Чтобы эскадра вместе с отрядом Небогатова могла опираться на Владивосток до заморозков, необходимо немедленно довести Владивостокский склад угля до полмиллиона тонн. Полмиллиона тонн нужно на шесть рейсов кругом Кореи... Имеющегося во Владивостоке хватит на один рейс кругом Кореи. После одного рейса придется погрузить 96 000 т в ямы и в трюмы транспортов и возвращаться к Сайгону. Прошу посылать уголь во Владивосток, не ослабляя запасов в Батавии, Сайгоне и Киа-Чао...»

20 АПРЕЛЯ

В 06:00 все боевые корабли вышли из бухты. Около 08:00 эскадра встретила в море французский крейсер «Гишан» под флагом Жонкьера, идущего в бухту Ван-Фонг. С «Гишана» сообщили сигналом, что имеют корреспонденцию для адмирала, которую передадут на оставшийся в бухте «Алмаз». Эскадра, выйдя в открытое море, застопорила машины и продержалась в таком положении весь день. К закату солнца эскадра перестроилась в боевой порядок и всю ночь крейсировала в строю, имея малый ход.

«Французский крейсер ушел, но мы ночь проведем в

море. Об эскадре Небогатова нет известий. Странно... Адмирал убежден, что японцы попытаются потопить суда Небогатова до соединения с нами... Часов в 11 услышал звук пущенной ракеты, надел китель и выскочил наверх. Всюду бежали люди, спеша к своим местам, где они должны находиться во время боя. То и дело слышался вопрос: «Одна или две?». Спрашивали про ракету. Одна означает учебную боевую тревогу, а две — настоящую боевую тревогу, когда неприятель близко. Была одна ракета...»

По этому поводу адмирал Рожественский отдал следующий приказ по эскадре: «Вчера ночью (приказ от 20 апреля № 219) при движении эскадры со скоростью почти вдвое меньшею против возможной по числу котлов, крейсер «Адмирал Нахимов» и броненосцы «Император Александр III», «Орел» и «Сисой Великий» все-таки растягивали промежутки до двойных и тройных против обязательного... Вчера же по ночной тревоге броненосцы «Сисой Великий», «Наварин» и крейсер «Адмирал Нахимов» испускали из своих прожекторов не световые лучи, а туман, застилающий все окружающее. Так мало обращено внимание на установку и регулировку боевых фонарей. Весь крейсерский отряд продолжал светить, а значит, стрелять, когда с «Суворова» подъемом луча было приказано прекратить освещение и стрельбу. Таким образом расстреливают обыкновенно своих».

В этот же день Рожественский снова телеграфировал управляющему Морским министерством, напоминая о нуждах эскадры: «Необходимо немедленно везти из Австралии и из Сан-Франциско 500 000 тонн угля Лаперузовым проливом во Владивосток».

21 АПРЕЛЯ

В 08:00 эскадра вошла в бухту Ван-Фонг и стала на якорь на прежнем месте. В этот же день лейтенант Вырубков написал свое предпоследнее письмо домой: «Бухта Ван-Фонг, 21 апреля 1905 г. Христос Воскресе! К сожалению, я не имел возможности поздравить вас письмом благодаря нашему походу, а телеграммы, как раз на Страстной, на время запретили отправлять из тактических соображений... 31 марта мы подошли к бухте Камран у

берегов французского Аннама. Минные катера и миноносцы были посланы обследовать и протралить бухту. Я ходил на минном катере № 1 и провел очень интересные сутки. Удалось побывать на берегу и завести знакомство с очень милыми французами... Пасху мы встретили довольно хорошо, но вследствие угольной грузки на Страстной неделе многих служб не было. Благодаря изобилию свиней и птицы в бухте, пасхальный стол вышел довольно приличный. Великолепно удалась кулича и пасхи. К сожалению, сырной пасхи не удалось соорудить. В Страстную субботу я привез с берега целую гору всякой тропической зелени. Попадались очень красивые экземпляры, так что церковь и кают-компания украшены очень недурно, хотя у нас половина кают-кампании завалена углем. Адмирал с нами только христосовался, разговлялся же у себя, потому что из-за угля мы не могли поместить у себя весь штаб. В такие дни, как Пасха, как-то особенно грустно становится из-за отсутствия близких людей, а в эту Пасху у меня это чувство было особенно сильно. В два часа дня в воскресенье я ушел в дозор на минном катере, где и болтался до семи часов утра 18-го...»

22 АПРЕЛЯ

«...флагманский штурман полковник Филипповский и я (приказом по морскому ведомству, полученном еще на Мадагаскаре, я был «легализирован» на эскадре в должности флагманского штурмана — чистая фикция, так как в штабе адмирала состояло уже три флагманских штурмана, все старше меня и много меня опытнее) отправились на пароходе «Русь» осматривать близлежащие бухты, годные для стоянки, но вне пределов телеграфной досягаемости, и такие, чтобы прохожие — мимо идущие суда — с моря не могли бы увидеть эскадры и своей болтовней не обнаружили бы тайны нашего убежища. Наметили Ванг-Ро и Куа-бэ. Последняя очень хороша. Единственный недостаток — плохо промерена и описана. Могут быть неприятные сюрпризы, вроде отвесно поднимающихся со дна коралловых банок. Медлили перебираться, пользуясь полученным из Натранха (куда посылали, якобы с моря, миноносец) известием, что идет тайфун, и есть опасение, что пройдет близко. Это уж —

«форс мажор»! Право убежища при прохождении тайфуна не может быть отменено никакими дополнениями к декларации о нейтралитете...»

«Моего вестового Головки перевели на другой корабль. Приходил он ко мне, чуть не плачет, просит проверить вещи. Конечно, я не стал этого делать... Утром разъезжал по кораблям. В четвертом часу вернулся на «Суворов». О Небогатове никаких известий. И куда он мог деться? Даже пароходы не доносят о случайной встрече с ним... Когда был на «Громком», то к нему подошла фуфешка (шлюпка), на которой сидело трое взрослых аннамитов и трое мальчишек. Мальчишки выстроились в ряд и давай кланяться в ноги. Спросил, что они делают. «Они просят, чтобы их купили»... Наш командир Игнациус, которому я рассказывал об этом случае, почему-то решил, что я хочу купить мальчишку и начал меня усиленно отговаривать от этого шага. С трудом уверил его, что не собираюсь никого покупать... Творится подозрительная вещь: французский адмирал говорил о движении и местонахождении французских военных судов очень подробно, но ни словом не упомянул о миноносцах, которые должны пройти мимо Ван-Фонга. «Донской» же, который сегодня в дозоре вместе с «Уралом», часа в два увидел два миноносца, шедшие на север. Они сначала были без флагов, но потом подняли французские. «Донской» успокоился и не потрудился подойти поближе. Миноносцы беспрепятственно прошли. Адмирал, да и все другие убеждены, что это были японцы. Теперь же, вечером, временами видны под берегом со стороны открытого моря лучи прожекторов. Очевидно, что светит военный корабль. «Донской» доносит, что видит лучи — и только. Но чьи они? Светит «Урал»? Если он, то зачем? «Урал» почему-то молчит совсем. Ничего не поймешь. В связи с появлением днем двух миноносцев эти лучи становятся очень подозрительными, если даже светит «Урал». Если он светит, то, значит, видит или подозревает что-нибудь неладное. Предложено всей эскадре усилить внимание. Подойди «Донской» ближе к миноносцам, которые так поздно подняли французские флаги, дело было бы яснее. Если это были японцы, то как они могут издеваться над нашей дурацкой доверчивостью —

увидели флаги и успокоились. Как-будто трудно поднять любой флаг. Эх, вояки!»

По этому случаю адмирал Рожественский писал в своем приказе: «22 апреля на рассвете, находившийся на сторожевом посту крейсер «Кубань» (приказ от 23 апреля № 233) увидел два миноносца, которые со своей стороны, рассмотрев крейсер, подняли французские флаги и быстро ушли. Командир «Кубани» не нашел нужным удостовериться, французские ли то были миноносцы. Того же 22 апреля, после заката солнца, командир сторожевого крейсера «Дмитрий Донской» телеграфировал, что видит в море свет прожектора. И действительно, даже из бухты, на флагманском броненосце замечены были над высоким берегом лучи, поднятые в небо, причем направление, по которому были видны эти лучи, совпадало с пеленгом на пост, который должен был быть занят сторожевым крейсером «Урал». Из этого можно было заключить, что если «Урал» не сам светит, то должен видеть свет лучше «Суворова» и лучше «Донского», потому что находится ближе к источнику света. Но «Донской» не догадался спросить телеграммой «Урал», видит ли он свет, а «Урал» сам ничего не телеграфировал. Когда же с «Суворова» приказано было «Донскому» спросить «Урал» о свете, то «Урал» не принимал вызова «Донского». «Донской» не догадался прибегнуть к прожектору, чтобы переговорить с товарищем, а удалился со своего поста для этой цели. Удалившись, «Донской» перестал принимать телеграммы «Суворова» и перестал служить связью между «Уралом», минными катерами, миноносцами и эскадрой. Засим потребовалось 9 ч времени (с 8 ч вечера до 5 ч утра), чтобы получить ответ «Урала». Тяжелое впечатление выносится из этого обзора сторожевой службы наших крейсеров за сутки 22 апреля: проявлено полное отсутствие инициативы и совершенное непонимание обстановки. Но еще тяжелее сознавать, что 22 апреля не произошло ничего особенного, никакого стечения неблагоприятных обстоятельств: та же неурядица повторяется изо дня в день».

Комментируя этот приказ, капитан 2-го ранга Семенов писал: «Отсутствие инициативы, понимания обстановки, знания — все верно, все было. Но откуда было

взять и то, и другое, и третье, когда никогда этому не учились? В некоторых случаях, да и то не на долгое время, недостаток подготовки мог быть восполнен высоким подъемом духа, работой при полном (часто бесцельном и даже неразумном) напряжении всех сил, но ведь силы человеческие не беспредельны!..»

23 АПРЕЛЯ

По случаю тезоименитства государыни императрицы Александры Федоровны занятий и работ на эскадре не было.

«Вчера до часу ночи бродил по кораблю — в каюте было слишком жарко. Наконец заснул в кормовой рубке на диване. В пять часов меня разбудили. Проснувшись, с трудом поворачивал голову — так как было больно шее оттого, что спал в неудобном положении. По случаю именин государыни был сегодня молебен и салют. У корабля в это время стояло много шлюпок аннамитов. Как они бросились в бегство, когда начали палить... Мало-помалу все упрощается: табак для кручения папирос начал носить в старых конвертах. Это удобнее, чем иметь его в портсигаре. Небогатова все нет, нет о нем и известий. Пари и споры о том, когда он придет, придет ли, нападут ли на него японцы — всюду. На «Авроре» офицеры устроили даже тотализатор на его приход... Дежурный крейсер, находящийся в дозоре, донес, что видит три корабля,двигающиеся вместе по направлению к нам. Все время около бухты двигаются какие-то огни. Дозорные крейсера телеграфируют какую-то путаницу. Да можно ли полагаться на эти корабли. Про командира одного из них говорят, что он не скрывает своего желания разоружиться и даже мечтает об этом. За глазами флагманского корабля ведет себя совсем не так, как следует. Например, ему приказывают держаться в дозоре на три мили от берега, а он уходит на тридцать. Для него наша эскадра с ее стремлениями является чем-то враждебным... У них существует почему-то убеждение, что во время этой войны из четырех новых броненосцев погибнет «Александр».

24 АПРЕЛЯ

«Наконец-то объявился Небогатов! Миноносец, кото-

рый ходил сегодня в Натранг, где находится почтовая контора, привез телеграмму о том, что третья эскадра в четыре часа утра 22-го прошла Сингапур. Числа 27-го она соединится с нами. По-видимому, с ней все благополучно. Но где же она болталась целую неделю? От Пенанга до Сингапура всего три дня пути. Скоро, значит, уйдем отсюда... Французский адмирал Жонкьер, который так расположен к нам, прислал адмиралу стихотворение, сочиненное им об Артуре и Стесселе. В каком-то состоянии придут суда третьей эскадры? Каких новостей она навезет? Много ли будет почты и от каких чисел? Можно ли будет достать на ней табаку, гильз, папирос? Ведь эта эскадра вышла из России на четыре с лишком месяца позже нас. Когда она вышла, мы стояли уже в Носси-Бэ. Из Манчжурии абсолютно никаких известий не получаем. Что-то там делается? Приходил на «Гишане» Жонкьер, чтобы предложить нам удалиться из Ван-Фонга...»

«... место нашей стоянки было на юру, на виду у всех прохожих. При всей доброжелательности со стороны местных властей, вечером 24 апреля мы получили конфиденциальное сообщение, что наше возвращение в нейтральные воды Аннама стало достоянием газет всего мира. Япония возмущена и протестует. Англия энергично ее поддерживают. Париж, совершенно перепуганный, мечет громы и молнии по адресу местной администрации, а Петербург, еще более перепуганный, говорит: «Я — не я! Лошадь — не моя! Моя хата с краю — ничего не знаю! Рождественский полномочен! Его дело! Выводите его, как хотите — мы умываем руки»... А в то же время — «стратегическое развертывание сил»... Никола Угодник... Серафим Саровский...»

24 апреля адмирал Рождественский телеграфировал управляющему Морским министерством: «Французы ставят нам в упрек продолжительность нашего пребывания здесь, говоря, что мы 24 дня приводимся в порядок, увеличивая боевую силу. Это неверно. Эскадра вошла в бухту Камран 1 апреля, а 3-го прибыл французский адмирал, потребовавший удаления. С тех пор эскадра непрерывно блуждает и, где бы ни приткнулась, гонится французским правительством, вопреки декларации ней-

тралитета. Очень жаль, что наша дипломатия не настояла твердо на нашем праве пользоваться французскими бухтами для стоянок при условии воздержания операции против неприятеля. Проблуждав месяц, мы остаемся с расстроенными машинами при большом расходе угля. Рождественский».

Петербург, который знал о делах на эскадре главным образом из сообщений иностранных телеграфных агентств, был напуган газетными утками о захвате Рождественским большого количества призов с контрабандой, хотя на самом деле он не захватил ни одного. 24 апреля на «Суворов» была доставлена следующая телеграмма управляющего Морским министерством: «Министр иностранных дел сообщил, что действия ваши с захваченными вами английскими судами, ввиду невозможности вам отдать их в призовый суд, могут быть таковы, что они возбудят общественное мнение Англии. Сообщая об этом, прошу телеграфировать, захвачены ли пароходы, и как вы намерены поступить. Авелан...»

25 АПРЕЛЯ

«Предложено уйти из Ван-Фонга завтра. На госпитальном «Орле» умер офицер, служивший на «Ослябе» (Гедеонов). Похоронят его завтра в море. Чем больше я узнаю про личный состав и про дух его на Порт-Артурской эскадре, а также про порядки на ней, тем меньше удивляюсь ее гибели, тем меньше мне становится ее жалко. Конечно, больше всего жаль корабля... Из Сайгона пришел под французским флагом с разными припасами пароход «Эридан». С него я получил твои письма. Очевидно, Гинзбург послал в Сайгон на имя своего родного брата Месса (настоящая фамилия Гинзбурга — Месс). Писем было очень мало. Из всего штаба получил лишь я один. Как я доволен. Сегодня положительно счастливый день! Сел писать тебе, но приходит старший флаг-офицер Свенторжецкий и предлагает взять у него тысячу папирос из полученных четырех тысяч. Папиросы русские. Прислал их тот же Месс. Теперь я надолго обеспечен куревом... На «Эридане» приехал на эскадру капитан

1-го ранга Поллис, который до сих пор был нашим тайным агентом в Батавии, и лейтенант М., прорвавшийся на миноносце из Артура. Оба они останутся на эскадре. Поллис будет жить на «Александр»... И чудачки же здешние аннамиты. Серебряные и золотые пуговицы они ценят дороже пяти франков за штуку. Команда, конечно, пользуется этим и расплачивается пуговицами, да еще торгуется... После обеда пошел посидеть на носовой мостик, поджидая, когда потянет ветерок и можно будет сидеть в каюте. Уж на что — в рубке, и там то и дело на глазах шмыгают крысы. Сегодня вестовой сделал открытие: крысы прогрызли мне ботинки. Надевать их еще можно...»

«Два слова о здоровье (странная тема?). Благодаря мерам, принятым для поддержания наилучшего питания и условий жизни, на которые адмирал категорически приказал «ничего не жалеть», общее санитарное состояние эскадры было вполне удовлетворительным. 10 000 людей, запертых в железных коробках, полгода в тропиках — и никаких эпидемических заболеваний. Одно сказывалось — переутомление. У меня нет под рукой статистических данных, и я могу привести примеры только из личных наблюдений на «Суворове». Адмирал прихварывал еще на Мадагаскаре. После двух дней, проведенных в постели, с которой он встал, не столько благодаря помощи докторов, как силой собственной воли, он вообще плохо выглядел, а в дни, следовавшие за периодами особого возбуждения, напряжения сил, заметно приволакивал ногу. По внешности от него, выражаясь простонародным жаргоном, оставались «кожа да кости». У флагкапитана (капитан 1-го ранга Клапье де Келонг) на подходе к Аннаму случилось какое-то «легкое» кровоизлияние в мозг, причинившее «частичный» паралич, не мешавший, однако, исполнению служебных обязанностей. Флагманский штурман полковник Филипповский последнее время питался исключительно жидкой или мягкой, тщательно размельченной пищей. Лично он, по своим субъективным ощущениям, был уверен, что у него рак пищевода, доктора же констатировали аневризм, создающий впечатление набухания и сужения пищевода. Той же болезнью страдал старший минер «Суворова» лей-

тенант Богданов. Второй старший флаг-офицер лейтенант Свербеев, вообще, слабого здоровья вынужден был, по рецепту докторов, прибегать к опиуму и морфию. Сколько знаю, в одном с ним положении был и флагманский минер лейтенант Леонтьев. Даже здоровяк на вид, флаг-офицер лейтенант Новосильцев прибегал к медицинской помощи и, когда его спрашивали: «Что за дрянь вы глотаете?», отвечал: «Для душевного спокойствия и от бессонницы местные эскулапы прописали что-то бромистое!..» Из числа судовых офицеров добрая треть числилась пациентами и все по болезням с такими мудреными латинскими названиями, что, не занеся их своевременно в дневник, сейчас решительно не берусь приводить на память... Изумительную, если можно так выразиться, жизнеспособность проявлял командир «Суворова» капитан 1-го ранга Игнациус. Убежденный сторонник того взгляда, что мы идем на верную гибель, он, решив этот вопрос бесповоротно, как бы закрыл глаза на будущее и жил исключительно настоящим моментом, весь отдавшись заботе о своем корабле, о своей команде. «Как погибать? Перевернувшись, или нет, от снарядов, от мины, от ядовитых газов, от ран, от задушения, от потопления — это от Бога и от начальства! А мы свое дело сделаем! Безусловно, вся сила огня на «Суворов»! Раскатают, как пить дать! Но я уж распорядился, внушил и старшему офицеру, и всем старшим лейтенантам, которым придется по очереди вступать в командование «за выбытием» начальства из строя, чтобы помнили твердо: подходит конец «Суворову» — умри, но пересади адмирала на исправный корабль. Без него — все пропало!» Так говорил этот человек, которого я, несмотря на обвинения в беспечности, даже в легкомыслии, которые многими против него возводились, — не могу не признать идеальным типом солдата... Наиболее тяжкую утрату несла эскадра в лице контр-адмирала Фелькерзама, высокообразованного, дельного и деятельного моряка и, что всего важнее, друга и товарища, единомышленника и сотрудника адмирала Рожественского. Он еще был жив, но положение его было безнадежно, и дни — сочтены. Этот — не выдержал. К нему судьба была милостивее, чем к его старому товарищу...»

«С утра опять вышли в море. Жонкьер на «Гишане» наблюдает, как мы уходим... Господи! За что такая обида? Приткнуться негде! Везде гонят! Вечные жида каки-то!»

«Вовремя сегодня не снялись. Пришел опять французский крейсер нас выгнать. Подняли якоря и всей эскадрой тронулись. Вернулись «Изумруд» и «Днепр», которые ходили встретить третью эскадру. Они ее не встретили... Получена (около 11:00) телеграмма с «Владимира Мономаха», который идет впереди эскадры Небогатова. Доносит, что эскадра идет в полном составе... Два часа дня. Показались дымки, мачты и трубы эскадры Небогатова. Все в сильном возбуждении устремились на мостик. Бинокли нарасхват. Наконец-то мы тронемся дальше... Когда начали переговоры с «Мономахом», то, желая убедиться, что это действительно говорит «Мономах», а не японцы, спросили фамилию его старшего офицера. Он ответил, но задал тот же вопрос «Суворову». Оказывается, «Днепр» видел ночью третью эскадру, но «убояшася», что это японцы, поспешно удалился вспять...

Пойду на мостик. Сейчас эскадры соединятся. Они уже близко друг к другу. Начался салют... Ей-Богу, не знаю с чего начать. В голове полнейший сумбур... Я счастлив, доволен, рад. И сказать-то про все хочется, и боюсь не успеть, перепутать, забыть... Приближалась эскадра Небогатова, все толпились наверху. Надел я для большого парада новую фуражку... Вот идет «Апраксин». Мог ли я думать пять лет тому назад, работая на нем, что увижу его здесь? Какими несуразными показались мне «Апраксин», «Ушаков», «Сенявин»! Какие-то кургузые, с длинными, длинными трубами! Они напоминали мне детей-подростков с угловатыми формами... В четыре часа Небогатов приехал на «Суворов». Расцеловался с Рождественским. Пригласили штаб выпить, за счастливое соединение эскадр, шампанского. За столом Небогатов рассказывал про свое плавание, оно было удачно. Корабли шли идеально, без поломок. Ночью эскадра шла без огней. О приходе Небогатова в Пенанг 15-го все сочинили. Малаккский пролив он прошел в два с лишним

дня, войдя в него 19 апреля. На катере, который доставил с «Николая» на «Суворов» Небогатова, привезли и почту. Несмотря на то что из-за адмиральского стола не принято выскакивать, я не усидел и вышел посмотреть почту. Она была уже разобрана... Мою почту отнесли ко мне в каюту. Прибежал туда и не знал, за что взяться — за посылки или за письма. Открыл посылки. Там — носки, платки, погоны, сладости, папиросы, мыло, одеколон, духи, щетки... Глаза разбежались. Вестовой помогал отбирать, сортировать и все обтирал. Конфеты расталяли, варенье вытекло. Все слиплось — газеты, носки, папиросы, мыло. С каким восторгом я разбирал все это! Одеколон и духи дошли хорошо. Варенье, хоть и было запаяно, но вытекло. Папиросы немного попортились, но курить их можно. Газеты я положительно не могу читать, прочел только те места, которые были отмечены тобой».

«...В 3 ч пополудни соединились с отрядом «утюгов и калош», громко именовавшимся «отдельным отрядом второй эскадры Тихого океана...» В пятом часу дня на «Суворов» прибыл Небогатов. Уговорился с адмиралом относительно дальнейшего. Мы — готовы, но Небогатову надо погрузиться углем, осмотреться перед долгим походом, ознакомиться с приемами, выработанными на эскадре на случай встречи с неприятелем. Указали ему заранее намеченное укромное место — Куа-Бэ. Туда он и отправился. Мы остались в море... Присоединение к эскадре отряда небогатовских «самотопов» (как их называли люди, на них же служившие) уже не подняло новой волны энтузиазма, не дало нового импульса к победе духа над физической усталостью... В моем дневнике подробно описана эта встреча. Торжественно. Почти до слез. Все радовались, ликовали. Но в чем была основа радости, ликования? — «Мы стали сильнее. Пойдем, уничтожим дерзкого врага!» — Так, что ли? — Нет! Не это! Так, может быть, думали герои, восседавшие в мягких креслах под шпилем Адмиралтейства и совершавшие боевые походы между Петербургом и Кронштадтом... Не то было на эскадре. Нет! ...В 3 часа дня 26 апреля, когда отряд Небогатова присоединился к нам, все радовались, все поздравляли друг друга, но... не с прибавкой сил, не с

укреплением надежды одолеть неприятеля, а с предвидением скорого разрешения томительного ожидания... «Наконец-то!» Если бы вместо отряда Небогатова появилась в виду нас японская эскадра — возможно, ее встретили бы с не меньшей, если не с большей радостью. Таково было настроение. Адмирал издал собственноручно и единолично написанный приказ, долженствовавший ознаменовать радостное событие, способствовать подъему духа... Но каким деланным, каким неискренним вышел этот приказ (от 26 апреля за № 229), как мало походил он на то огненное слово, которое было брошено толпе в Виго перед угрозой встречи с 28-ю английскими броненосцами, на ту задушевную речь, которая была сказана в день Рождества, у берегов Мадагаскара...»

27 АПРЕЛЯ

«Генерал-адъютанту Рождественскому. По повелению государя императора вам подтверждается согласовать ваши действия с заявлениями французских колониальных властей, не ставя им требований, противоречащих правилам нейтралитета. Французское правительство вовсе не противится пользованию бухтами для стоянок эскадры, но не допускает операций, создающих из этих бухт базы для воюющего флота. № 2075. «Алексей» (великий князь, генерал-адмирал Алексей Александрович).

«Смею думать, вряд ли на эскадре находились люди (кроме, разве зеленой молодежи), которые рассчитывали бы на успех в решительном, открытом бою. Наоборот, были такие, которые утверждали, что японцы, глубоко уверенные в своем превосходстве, не только не станут мешать, но даже готовы помочь нам достичь Владивостока, имея целью заблокировать нас там, а по взятии крепости получить вместе с ней, в виде бесплатной премии, вторую эскадру по образцу того, как это блестяще удалось им исполнить в Порт-Артуре. Стоя на этой точке зрения, командир «Олега» на одном из совещаний предлагал адмиралу держать пари на крупную сумму, что если мы пойдем во Владивосток, то японцы, обнаружив наше намерение, всячески будут уклоняться от боя, даже в случае неожиданной встречи. Адмирал не принял заклада, сказав, что с его стороны это было бы явным грабе-

жом. Он считал, что японцы примут все меры к тому, чтобы не допустить нас до нашей базы, где мы можем отдохнуть, поправиться, починиться, оставить все лишнее, реорганизовать отряды, после чего борьба с нами будет много серьезнее...»

«...Сегодня в голове у меня полнейший сумбур — ум за разум заходит. Но я доволен и счастлив. Очень доволен, что получил все, что ты мне прислала. Может быть, «Кострома», которая еще не присоединилась к эскадре, привезет еще почту. Видишь, как я избаловался! Столкнулись два миноносца «Грозный» и «Безупречный». Надо их спешно чинить. Мы сейчас в море, а миноносцы в гавани, верст за тридцать от нас. Скоро пойдем во Владивосток...»

28 АПРЕЛЯ

«Моя работа по починке «Безупречного» выполнена удачно. Вернулся к эскадре из Дайота (Кау-Бэ) на миноносце «Бодром». Встретили эскадру, идущую обратно в бухту Ван-Фонг для погрузки угля, так как в море волна, и грузить уголь трудно. Уйдем отсюда завтра утром. Вот ведь назойливость — нас усиленно гонят, а мы все торчим... В 8 часов я на катере перебрался на «Суворов»... Погоны, которые ты мне прислала, не форменные — это погоны поручика. Я подарил их механику Криммеру. Он очень доволен и даже угощал всю каюткомпанию шампанским. Не хотелось мне отдавать погоны, но убедил себя, что не следует быть собакой, лежащей на сене. Печеньем в виде миндаля угощаю других, оно как-то странно пахнет, и в нем завелись какие-то насекомые, похожие на тараканов. Послезавтра тронемся во Владивосток. Многие боятся опасностей. Я же после твоих писем чувствую себя бодро и с надеждой гляжу в будущее. Есть такое предположение: японцы не дадут нам эскадренного боя до прихода во Владивосток, а будут все время тревожить минными атаками во Владивостоке, отрезав этот порт с сухого пути. Как предугадать события? Не беспокойся ты, Бога ради, не получая долго писем и особенно телеграмм. По таким пустынным и необитаемым берегам мы слоняемся, что посылка телеграммы — величайшее затруднение...»

29 АПРЕЛЯ

«Пока пользуемся французскими бухтами для отдыха, отпускаем всех контрабандистов, чтобы не подтвердить обвинения в устраиваемой здесь базе операций против неприятеля. Известия агентств о захвате призов ложны. Когда покинем Аннамское побережье, будем топить тех, где окажется большая часть груза контрабандой. Небогатов присоединился. 153. Рождественский...»

«...Очень огорчен: письма отправить не успел. Почту увезли с «Суворова» в четыре часа утра. Я же думал, что она пойдет позже. Если бы мы стояли в бухте, тогда я сумел бы переправить письма. Мы же ранним утром вышли в море... Проходил близко эскадры какой-то пароход, сделавший попытку скрыться. Его догнал наш миноносец и разведочный крейсер. Он поднял английский флаг. Его не осматривали, а только опросили. Говорит, что идет из Японии на юг, везет кули (китайские рабочие). Отпустили... Продолжаем болтаться в море. Уйдем отсюда или завтра вечером, или же послезавтра утром... Знаешь, сколько теперь кораблей на эскадре? Пятьдесят два. Часть транспортов в Сайгоне, было бы еще больше...»

30 АПРЕЛЯ

«Петербург. Его императорскому высочеству генерал-адмиралу. Небогатов присоединился. Фелькерзам пятую неделю не вставал с постели. Едва ли встанет, состояние быстро ухудшается. Всепреданнейше прошу послать поспешно во Владивосток здорового и способного командующего флотом или эскадрой. Я с трудом хожу, не могу обойти палубы своего корабля. Поэтому состояние эскадры весьма плохое. Если останусь жив, то под начальством командующего флотом могу продолжать командовать эскадрой пока двигаюсь и пока командующему то будет желательно. 154. Рождественский».

В этот день лейтенант Вырубов отправляет свое последнее письмо домой: «26 апреля мы, наконец, соединились с Небогатовым. Слава Богу, у нас теперь руки развязаны, и завтра мы идем во Владивосток. Небогатов совершил свой поход блестяще и привел свои корабли в отличном состоянии. Шутка сказать, он совершил весь

поход в 2,5 месяца, да еще с кораблями, про которые говорили, что они дальше Средиземного моря не уйдут... В общем, мы получили солидную прибавку в два 12-дюймовых орудия, два 10-дюймовых, четыре 9-дюймовых и шесть 120-мм. К сожалению, японцы открытого морского боя, наверно, не дадут, так как для них риск большой, а будут морить нас мелкими гадами в виде всевозможных мин и брандеров. Теперь мы на пороге самых интересных событий. Когда это письмо дойдет до вас, судьба многих из нас уже решится. Ужасно обидно, что нельзя повидаться со Ждановым. Мы с ним обменялись только приветствиями по семафору. Небогатов привез нам почту, правда, немного: я получил письмо от жены и от вас. Французы опять изгнали нас из Ван-Фонга. Теперь, кажется, в последний раз. Небогатов грузится углем в соседнем Куа-Бэ. Сегодня с рассветом опять уходим в море, где и будем болтаться до завтра. Дай Бог, завтра двинуться окончательно вперед!»

1 МАЯ

В 05:00 эскадра при благоприятной погоде начала выходить в море. Первыми снялись с якоря и вышли из Куа-Бэ миноносцы, за ними транспорты, крейсера и, наконец, 3-й броненосный отряд. Вице-адмирал Рожественский с 1-м и 2-м броненосными отрядами ждал в море выходящие из бухты корабли, которые немедленно занимали свои места согласно диспозиции. Под берегом держался французский крейсер «Гишан»: адмирал Жонкьер наблюдал за действиями русских кораблей... В 09:20 вся эскадра, построившись в походный ордер, легла на курс норд, а в 11:40 взяла курс на о.Формоза (норд-ост 72°), увеличив ход до 9 узлов. Легкий бриз развевал флаг командующего на мачте эскадренного броненосца «Князь Суворов», который вел за собой 37 боевых кораблей и 13 транспортов.

«Сегодня и воскресенье, и майский праздник. Казалось бы, день для начала похода, по приметам, чего удачнее. Теперь Жонкьер по чистой совести может донести, что ушли окончательно. Милейший тип. Можно ли не верить в искренность его пожеланий по беспроволочному телеграфу. Что следовало ему ответить? «Прощайте,

мой адмирал!» или «До скорой встречи!» ...Как знать, чего не знаешь?.. В 11 ч утра легли на настоящий курс и дали ход 9 узлов. В добрый час! ...Настроение... ничего! Пожалуй, на бой еще хватит. Даже острят, что следующий адмирал, хоть придет на третьей эскадре со «Славой», но славы ему не видать, потому что либо соизволением Божьим она нам достанется, либо вместо нас будет пустое место, а тогда ему и соваться нечего. «Идущие на смерть приветствуют тебя!»... Лейтенант Свенторжецкий мрачнее ночи. Каркает. Показывает на карту (на предстоящий нам путь) и говорит: «Виа долорозо» (Скорбный путь)... После обедни и молебна о благополучном плавании в своей компании sprysнули выступление бокалом мумма. Свенторжецкий опять: «Пир во время чумы». Встравился, даже изругал его (по-приятельски): «Зачем бредить? Сами знаем! Переделать, перерешить не в нашей власти. А больше одного раза не убьют...»

«Вероятно, обогнем Формозу и пойдем Корейским проливом. Едва ли до Владивостока будет артиллерийский эскадренный бой. Надо ждать башенных минных атак миноносцев и подводных лодок...»

С наступлением темноты эскадра перестроилась в ночной ордер.

2 МАЯ

Весь день погода оставалась благоприятной. В 06:00 эскадра перестроилась в дневной ордер, а в полдень она находилась в точке 10,58 СШ и 112,51 ВД. Суточное плавание 196 миль. Средний ход 8 узлов.

«Курс проложен такой, что мы, обогнув Формозу, должны будем идти по восточную сторону ее. Эти предположения оправдались. Я думал, что все-таки раньше огибания Формозы эскадра зайдет к острову Хайнан. Ошибся. Ночью пересекли один путь, по которому обыкновенно двигаются суда с севера на юг и обратно... Теперь движемся по такому месту Китайского моря, где корабли обычно не ходят. Начались разговоры о погрузке угля. Хотят устроить ее завтра рано. Миноносцы идут на буксирах у транспортов. Пока движемся без приключений и поломок. Сегодня ровно семь месяцев, как наша

эскадра покинула Россию. Море почти совсем стихло и можно безопасно держать открытыми иллюминаторы, спрятав свет, так как эскадра идет, имея самое ограниченное число фонарей, да и то с самым слабым светом. Столкнуться трудно. Ночь светлая, лунная...»

«... Пока что — благополучно. Ночью, бродяжничая, заглянул в кают-компанию. Сидит Вернардер (старший механик), Курсель и Г. (прапорщики запаса), пьют пиво и едят бутерброды с колбасой. «Что такое?» — «Не понимаете? А еще штурман! Самое время. Ведь семь часов разницы по долготе. Значит, как раз теперь все петербургские немцы закусывают в Екатерингофе!» Хохочут. Молодцы! К черту всякие предчувствия!... Погода тихая, жарко. Встретили 3 парохода — пересекаем торную дорогу из Сингапура в Гонконг...»

«Токио, 2 (15) мая. Теперь положительно известно, что Балтийская эскадра вышла из бухты Ханкоэ, но затем вернулась и в данное время стоит там на якоре».

Сайгон, 2 (15) мая. Русская эскадра, снова появившаяся в виду Ханкоэ, вчера в 1 час утра удалилась на север. С тех пор не было замечено ни одного военного судна. Адмирал Жонкьер телеграфирует из Натранга, что он посетил все береговые бухты до Тураня и не нашел ни одного русского судна.

Сайгон, 2 (15) мая, 6 ч 20 мин вечера (соб. кор.). Встреча двух эскадр Небогатова и Рождественского состоялась.

Гонконг, 2 (15) мая («Сентрал Ньюз»). Согласно полученным здесь сведениям, полагают, что Балтийская эскадра находится у о. Сент-Джон в 90 милях к юго-западу от Гонконга.

Гонконг, 2 мая (сообщение через Париж). Эскадра адмирала Рождественского была усмотрена у острова Сент-Джон в 800 милях к северу от Камранской бухты и в 400 милях от Пескадорских островов, где находится передовая база генерала Того. Это известие вполне согласуется с телеграммой адмирала Жонкьера, который заявил, что он посетил бухты вдоль побережья Индокитая и не обнаружил следов русской эскадры...

3 МАЯ

До обеда эскадра занималась дальномерными учения.

ми. Ночью броненосец «Наварин» выходил из строя из-за аварии в рулевом приводе. После полудня крейсер «Дмитрий Донской» донес, что видел на воде предмет, похожий на перископ подводной лодки. На эскадре эту известию не придали значения, полагая, что крейсер, видимо, принял за перископ какой-нибудь предмет, выброшенный за борт одним из впереди идущих кораблей... В полдень эскадра находилась в точке 15,42 СШ и 115,40 ВД. Суточное плавание 193 мили. Средний ход 8 узлов.

«... Пока все идет спокойно. Идем хорошо. Сегодня встал в исходе восьмого часа и опоздал к утреннему чаю. Пришлось пить одному у себя в каюте...»

«... Удачно вышли в отношении ночного плавания. Через два дня полнолуние. Ночью светло, как днем. Проекторы ни к чему. Пока мы не свободны в своих действиях (конвоируем транспорты), для нас всего опаснее минная атака. На кораблях нет-нет да и повреждение. Идем третьи сутки, а повреждались уже... «Орел», «Наварин» и «Сисой». Правда, ненадолго, а все же задержка и, главное, отсутствие уверенности в их исправности. Что-то будет в бою?.. Разведочный отряд идет впереди нас, рассыпавшись дозорной цепью. Пытаемся раскинуть цепь пошире, поддерживая связь телеграфом. Сдает. Ненадежен. Кто виноват? Неопытность наших минеров, или система Сляби-Арко, принятая техническим комитетом? Черт их разберет!.. Факт налицо, а «икал или не икал перед смертью» — по-моему безразлично...»

Гонконг, 3 (16) мая. («Сентрал Ньюз»). 12 военных судов неизвестной страны были усмотрены 1 мая вечером у Гонконга. Суда быстро шли в юго-восточном направлении. Положение считается тревожным, ежедневно ожидают сражения...

4 МАЯ

В полночь эскадра переменяла курс на норд-ост 40°, которым шла со скоростью 8 узлов до 07:30, а затем легла на норд-ост 51°. На кораблях шли артиллерийские учения и сверка дальномеров. В 11:30 на «Суворове» под-

няли сигнал: «Завтра с рассветом общая погрузка угля. Развести пары на паровых катерах к 5 часам утра. Транспортам насыпать все угольные мешки». В полдень эскадра находилась в точке 18,4 СШ и 117,51 ВД. Суточное плавание 189 миль. Средний ход 8 узлов...

В 17:20 адмирал передал сигналом на все корабли следующий приказ: «В случае появления неприятеля во время погрузки угля, эскадре построиться сначала в боевой строй, а затем, если позволит время, поднять шлюпки».

«... Завтра погрузка угля. Вероятно, это последняя погрузка в открытом море. Говорят, что у Шанхая уйдут от нас остальные транспорты. Останутся только военные («Камчатка», «Иртыш», «Анадырь») и «Корея», на которой военные запасы. Если это осуществится, то адмирал будет искать сам эскадренного боя с японским флотом до прихода нашего во Владивосток... На телеграфной станции получают знаки. Никто не придает им значения. На броненосце удивительно спокойно. Волновались больше, когда нас окружали английские крейсера в Атлантическом океане. Я совершенно спокоен, ничуть не волнуюсь. Притерпелся, что ли? Видели чаек, берег не очень далеко. Луна светит, как солнце днем — светло. При таком освещении трудно атаковать миноносцами, но подводными лодками удобно. Море тихо. Лишь зыбь, но покойная и довольно отлогая. Скоро не будет так жарко. Завтра солнце будет у нас в шестой и последний раз в зените. Формоза близко. При удаче во Владивостоке будем дней через 12 — 15. Все мои приготовления к бою свелись к тому, что начал складывать в порядок вещи. Ералаш был большой. Хватит разборки и на завтра».

«... Утром опять повреждение у «Наварина». Часов пять шли малым ходом. Разведчики снова в дозорной цепи. Это теперь принято за правило. В 17:30 «Орел» вышел из строя — повреждение в рулевой машине. Сегодня особенно жарко и душно. Солнце в зените и мертвый штиль...»

5 МАЯ

В 05:15 с первыми лучами солнца эскадра по сигналу с «Суворова» застопорила машины. Спустили паровые катера и баркасы, начав погрузку угля с транспор-

тов. В 15:20 погрузка была окончена и шлюпки подняты. В 16:40 эскадра построилась в ночной ордер, начала движение, взяв курс норд-ост 72° на о. Батанг. В 22:45 крейсер «Олег» задержал английский пароход «Олдгамия», шедший в Японию без консаментов. В полдень эскадра была в точке 19,32 СШ и 119,44 ВД. Суточное плавание 147 миль. Средний ход 8 узлов.

«Эскадра грузит уголь. Море спокойно, но зыбь все-таки такая большая, что покачивает большие броненосцы. Жарко. Скоро, скоро начнутся холода. Как-то будут переносить их после тропиков. Больных будет много...»

«Ночь прошла спокойно. С рассветом остановились и начали грузить уголь. На 3-м отряде, с непривычки, плохо ладится. Впрочем, им немного нужно. В 3 ч дня окончили погрузку. Отпустили в Сайгон «Тамбов» и «Меркурий» с объявлением сигналом особой благодарности «за блестящую службу при эскадре»... В 10-м часу вечера увидели за кормой пароход. Послали «Олег» для осмотра. Оказался англичанин. Капитан говорит, что груз керосин, консаментов нет, идет в Нагасаки. Задержали при эскадре, отложив подробный осмотр и решение до завтра...»

«Париж, 5 (18) мая. Известие об уходе эскадры Рождественского из бухты Ханкоэ на север вселило в японском народе уверенность, что бой произойдет в ближайшем будущем. Полагают, что Рождественский запасся достаточным количеством угля и пополнил запасы провианта, так что вполне готов предпринять наступление...»

6 МАЯ

В 05:00 эскадра застопорила машины. На броненосце «Генерал Адмирал Апраксин» сильное повреждение в машине. В этот момент на зюльде открылся еще один пароход. Сигналом с «Суворова» крейсеру «Жемчуг» было приказано осмотреть его. Пароход поднял норвежский флаг. После осмотра был отпущен. В полдень эскадра находилась в точке 19,44 СШ и 120,56 ВД. Суточное плавание 67 миль. Средний ход 4,5 узла.

«В 2 ч ночи повреждение в машине на «Апраксине». Сигналом донес, что исправление займет сутки, а пока не может идти больше 6 узлов. Недурно для начала. Будь

они прокляты, наши «стратеги» и высланные ими подкрепления!.. Пароход «Олдгамия» крайне подозрителен. Курсель (прапорщик запаса) — опытный моряк (видал виды) указывает: на пароходе угольные ямы почти пусты, угля в обрез до Нагасаки. Между тем сидит в воде до ллойдовской марки. Керосин в жестянках и деревянных ящиках — груз громоздкий, но легкий. Курселю случилось ходить с таким грузом. Заваливали не только трюмы, но все свободные помещения, принимали даже на верхнюю палубу. Балластные цистерны заливали водой, угля брали сверх полного запаса, и все же ллойдовская марка была на несколько футов выше воды. На «Олдгамии» угля мало, а груз — весь в трюмах. Верхняя палуба свободна. Откуда же такая осадка? Очевидно, на дне, под ящиками, лежит что-то весьма тяжелое. Капитан отказывается предъявить коносаменты. Опросом команды выяснилось, что все они, за исключением двух доверенных лиц капитана, набраны накануне выхода из порта, при погрузке парохода не присутствовали и о содержанием в трюмах ничего достоверного сказать не могут. Капитан со своими помощниками и механиками, равно, как и те двое, что были при погрузке, не дают, вернее, не желают давать никаких объяснений. Зато один из матросов (немец) сообщил о нечаянно подслушанном разговоре посвященных, из которого он понял — что в носовом трюме — снаряды, а в кормовом — орудия. Адмирал решил задержать пароход и отправить во Владивосток, чтобы там доподлинно убедиться, каков груз... Пользуясь остановкой, разослали по судам приказ (от 6 мая за № 240) о порядке ночного плавания между группами японских островов и мерах предосторожности против набрасывания на пути эскадры плавучих мин... В 11:30 тронулись дальше...»

«... Вечером сидел и чертил для литографского камня диспозицию всех судов на случай, если будут замечены плавающие мины. Предположено «Рион», «Днепр», «Кубань» и «Терек» отпустить один за другим для крейсерских операций. «Урал» пустить не решаются, ему не верят. Это его командир открыто мечтает о разоружении. Ночью сидел на кормовом мостике и ждал результата погони «Олега» за каким-то пароходом. Разговари-

вая с окружающими, я умудрился заснуть. В час пошел спать в каюту... Пароход «Олдгамия» пойдет с нашей командой Сунгарским проливом во Владивосток. Его задержание отняло много времени. Вся эскадра стояла без движения до 12 ч дня. Грузили на него провизию для команды, уголь, перевозили команду и т.д. Угля у него совсем мало с ним не дойти до Владивостока. Стали перегружать уголь с «Ливонии». С 12 часов дали малый ход. «Ливония» идет рядом, снайтовавшись с арестованным пароходом, и грузит на него уголь. До чего мы любим из всего делать секреты нередко в ущерб самим. Есть телеграммы в нашем штабе, указывающие по именам пароходы, идущие в Японию с контрабандой. Эти телеграммы понадобились сегодня, чтобы посмотреть, нет ли в числе указанных пароходов имени забранного приза. Телеграммы оказались секретными, их положили в денежный сундук, а последний спрятали на случай боя. Для чего было сообщать все нам, если мы, считая это секретным, не пользуемся своими сведениями. Удивительно! Распубликовать надо бы по эскадре имена пароходов-контрабандистов, чтобы про них каждый знал. А у нас это «великий секрет»! Прямо непонятно... Когда возились утром с «Олдгамией», то заметили еще два парохода — один нагруженный, а другой — пустой. Один из них был подведен «Жемчугом» к эскадре. Им оказался «Оскар II», шедший под норвежским флагом в Японию. Он уже два года служит Японии. Его отпустили. Он, уходя к берегам Японии, нахально прорезал весь строй нашей эскадры. Быть может, этот пароход был нарочно послан Японией разведчиком. Теперь сообщит точно, где нас видел. Поди, сделал еще фотографические снимки и сосчитал корабли. Если «Оскар» даже не был послан нарочно, все равно сообщит о нашем местонахождении. Потеряли и теряем много времени... По случаю царского дня были сегодня молебен и салют. Разбирая книги, нашел чистую записную книжку и тетрадь. Записная книжка оказалась весьма кстати. Прежняя была вся исписана. ... (А жить автору записей оставалось ровно неделю...)

Начинают уже каяться, что отпустили «Оскар», не осмотрев. Погода начинает становиться сомнительной, не было бы тайфуна. Эскадра сильно пострадает... Объяви-

ли список пароходов, которые, как известно (конечно, в списке далеко не все), везут в Японию контрабанду. И какой-какой тут нет! Лошади, пушки, снаряды, пироксилин, взрывчатые составы, одеяла, молоко, рельсы, машины, кабели, железо, сталь, медь, броневые плиты, консервы, ружья, гранаты, шрапнель, проволока, паровые катера, железнодорожные материалы. Один пароход специально приспособлен для подъема наших судов, затонувших у Порт-Артура...»

«Гонконг, 6 (19) мая («Сентрал Ньюз»). «Английский пароход «Лэтрес», ушедший из Сайгона 30 апреля, передает, что более 40 транспортов были заняты в этом порте нагрузкой. Полагают, что Рождественский оставил за собою эти транспорты, чтобы самому поспешить во Владивосток, и что транспорты последуют за Балтийской эскадрой в случае победы последней над Того».

«Токио, 6 (19) мая («Сентрал Ньюз»). Американский пароход, прибывший из Гонконга в Манилу, передает, что видел русскую эскадру 3 мая, направляющуюся на север».

«Вспомогательный крейсер «Синато-Мару». Капитану 2-го ранга Нарикава. Вам определен район патрулирования по линии к западу от Сирасе на предполагаемых путях подхода противника. Пограничные сектора патрулируются «Америка-Мару» и «Садо-Мару». Обеспечение и поддержка: «Акицусима» и «Идзуми»...»

7 МАЯ

В 04:25 эскадра изменила курс на норд-ост 50°. Справа и слева от курса эскадры открылись острова Батан и Балинтан. В полдень эскадра находилась в точке 20,41 СШ и 122,23 ВД. Суточное плавание 125 миль. Средний ход 5,5 узлов.

«5 ч утра. Черт возьми! Что значит сила привычки, любовь к стихии, с которой сроднился, на службе которой прошли лучшие годы жизни! Вчера с вечера стало задывать от оста. К полуночи «Ливония» и «Олдгамия» были вынуждены расцепиться. За ночь разошлась волна. Иллюминаторы задраены. Поддает даже на срез. Покачивается. Но какой рассвет! Вылез наверх подышать свежим воздухом, и жаль уходит! Настоящее море! Бежит волниш-

ка, дует соленый, славный, бодрящий ветер. Дышится полной грудью... Как раз проходим Батан и Сабтан. Слава Богу! Кажется, осталось позади проклятое болото штилевого пояса... Привет тебе, безбрежный океан!...»

«... Вот эскадра и в Тихом океане. Прошли мимо островов группы Батан. Говорят, что там есть огнедышащие горы. С броненосца я их не видел. Ночь сегодня проспал в верхней кормовой рубке. Лечь в каюте на койку было нельзя — волнами, хлеставшими в открытый иллюминатор, ее сильно вымочило... До Владивостока осталось около 2800 миль. Что-то они нам дадут? Вчера начал готовиться к бою. Приготовления были очень просты — открыл чемодан и без всякого толка сунул туда кое-что. Спрятал туда образа, письма, фотографии жены...»

«Париж, 7 (20) мая. В морских кругах полагают, что если Рождественский направился к югу, то о появлении его было бы сообщено с Манилы. В противном случае он, вероятно, продолжает путь к северу и в настоящее время должен находиться поблизости от Формозы и близ эскадры Того».

«Легкий крейсер «Идзуми». Капитану 1-го ранга Исида. Указанный район вашего патрулирования по линии западнее Сирасе является наиболее вероятным, но не единственным путем, которым флот противника может достичь Владивостока... На вас возлагается руководство поиском в южном секторе с приданными вам крейсером «Акицусима» и тремя вспомогательными крейсерами...»

8 МАЯ

Всю ночь эскадра продолжала идти курсом норд-ост 50°. В 06:30 по сигналу с «Суворова» эскадра застопорила машины, чтобы снять людей, работавших на пароходе «Олдгамия» и на транспорте «Ливония». Эскадра шла вдоль берегов Формозы. В полдень она находилась в точке 22,29 СШ и 125,5 ВД. Суточное плавание 155 миль. Средний ход 6,5 узлов. Корабли выходили из тропиков, становилось заметно прохладнее...

«... Вчера день без приключений, ночь — тоже. Сегодня сняли с «Олдгамии» лишнюю команду. Докопаться

до дна трюмов не удалось. Ничего — разберут во Владивостоке. Пойдет самостоятельно Лаперузовым проливом. Командиром приза назначен Трегубов — прапорщик запаса с «Суворова». Помощники — по его выбору. Команда с судов эскадры. Капитана, механика и их помощников пришлось убрать. Вели себя вызывающе. Были попытки испортить машину, даже затопить пароход. Куда убрать? На боевые суда? Адмирал неожиданно проявил сентиментальность: За что под расстрел людей нейтральных, хотя бы и занимающихся военной контрабандой? Отправили их на единственную поблизости нейтральную территорию — на госпитальный «Орел» под покровительство флага Красного Креста. Оттуда с удивлением спросили: «Прибыло 5 здоровых англичан. Что с ними делать?» Адмирал приказал ответить что-то вроде «позаботьтесь о их добром здоровье до ближайшего порта...» В 2 ч дня сначала «Жемчуг», потом «Ослябя» и, наконец, «Светлана» увидели воздушный шар. «Светлана» указала даже румб и высоту. Послали по этому направлению «Олег» и «Жемчуг», но без результата. От нас (с «Суворова») тоже видели, даже многие. Лейтенант Новосильцев утверждал, что это не шар, а оборвавшийся военный разведочный змей. Летел высоко и шел на юг. Если там были аэронавты — не завидую... К вечеру небо заволочло. Гроза. Дождь...»

«... Завтра опять погрузка угля в море. Скоро ли кончится эта угольная вакханалия? Вероятно, до Владивостока это последняя. Вчера ночью, когда я засыпал, крыса начала грызть мне палец на ноге. Удовольствие! И надоела мне эта жизнь со всею ее грязью и мерзостью. Идем вдоль Формозы... О японцах ни слуху ни духу».

«Гонконг, 8 (21) мая («Дейли Мейл»). Пароход «Метью» сообщает, что он видел выкрашенный в белую краску вспомогательный японский крейсер, который в качестве разведчика медленно шел на север близ острова Момоа у Фучина».

«Токио, 8 (21) мая («Дейли Экспресс»). Здесь полагают, что русская эскадра направится к какому-нибудь острову в Тихом океане, отсюда пойдет на север к Камчатке и затем пройдет через Татарский пролив во Владивосток».

«Токио, 8 (21) мая («Сентрал Ньюз»). Русские заф-

рахтовали значительное количество выкрашенных в белую краску пароходов под британским флагом с целью выяснить движение японского флота. Пароходы эти направились к японским портам, но за ними последовали миноносцы, и они вернулись».

«Броненосец «Микаса». Командующему Объединенным флотом адмиралу Того. По агентурным данным 2-я неприятельская эскадра примерно 11 — 12 мая может сделать попытку прорыва через Сангарский пролив. Примите к сведенью. Помощник начальника морского генерального штаба адмирал Иджуин».

«Вспомогательный крейсер «Гонконг-Мару». Капитану 1-го ранга Иноуэ. В связи с вероятностью прорыва противника через Сангарский пролив вам надлежит распределить суда вверенного вам отряда таким образом, чтобы совершенно перекрыть противнику пути подхода к проливу с Тихого океана. Считайтесь с возможностью выхода навстречу эскадре противника владивостокского отряда».

9 МАЯ

В 05:20 сигналом с «Суворова» из-за сильно засвежившей погоды была отменена погрузка угля. В 05:30 эскадра легла на курс норд-ост 23°, повернув в пролив между островами Миако и Лиу-Киу, обойдя Формозу и войдя в Восточно-Китайское море. Около 06:00 налетел сильный шквал с дождем. В полдень эскадра находилась в точке 25,9 СШ и 126,13 ВД. Суточное плавание 192 мили. Средний ход 8 узлов. К вечеру ветер начал стихать, но становилось заметно холоднее. В 22:00 с броненосца «Князь Суворов» по линии передали, что впереди по курсу виден луч прожектора, хотя ни на одном из других кораблей этого не заметили. Ночь была очень темная и пасмурная...

«... Ночь ненастная, но прохладная. Заметно, что вышли из тропиков... Облачно, мглисто, волна, ветер норд-норд-ост. Предполагали сегодня грузиться углем. Не удалось из-за погоды... Еще вчера «Кубань», а сегодня и «Терек» отделились от эскадры для крейсерства у восточных берегов Японии. Дай им Бог, на шуметь побольше. Ветер отходит влево на норд-вест. Маневрировали, обучая 3-й отряд. Полная неподготовленность. Из всех

строев удается только один — «строй безобразной кучи» ... Грустное зрелище... К полудню погода несколько исправилась. Может быть, все к лучшему. Погрузка не удалась, но из-за ненастной погоды мы не видим островов, между которыми проходим, а значит, и нас оттуда давно не видят. Наше место — загадка. Бог даст, погрузимся завтра, когда будем уже вне видимости с островов и как раз в мертвом пространстве, не пересекаемом никакими торговыми путями...»

«... Спал сегодня в верхней кормовой рубке. Погода резко изменилась — стала пасмурной и не такой жаркой. Некоторые уже успели простудиться. Здоровье Фелькерзама скверно. Пожалуй, не довезут живым до Владивостока... Расстались с Тихим океаном и вышли в Северо-Китайское море. Идем по направлению к Шанхаю, куда отправятся наши транспорты. ... Формозу прошли, прошли мимо части мелких японских островов. Близко-близко Владивосток. Осталось пересечь Северо-Китайское море и Корейским проливом войти в Японское море, на берегу которого и стоит долгожданный Владивосток... Что же японцы? Где они? Наверное, готовят нам парадную встречу. Вероятно, в Корейском проливе или около него будут свирепые минные атаки. Луна выходит поздно — это облегчает ночные нападения. Будет ли эскадренный бой? Пожалуй, Японии выгодно дать нам его до прихода во Владивосток... У Владивостока, вероятно, поставили японцы мин. Да, дней через семь весь мир заговорит о нашей эскадре...»

«Гонконг, 9 (22) мая (Сообщение через Париж). Близ островов Св. Иоанна в 69 милях к западу от Гонконга стоят на якоре китайские джонки в ожидании прохода Балтийской эскадры. С прибывшего в Гонконг парохода «Арабия» передают, что в направлении Педробланко был слышен артиллерийский бой и что Балтийская эскадра прошла пролив Баши к югу от Формозы».

«Париж, 9 (22) мая. Прибывший в Гонконг пароход «Чангша» встретил 6 мая четыре русских транспорта, шедших от пролива Баши на юг. Суда эти были снабжены аппаратами беспроволочного телеграфа. Парижский корреспондент «Таймс» говорит, что по сведениям из русского источника, пунктом для встречи угольных судов с эс-

кадрой адмирала Рожественского назначен остров Бабу-кан-Кларо, расположенный к северу от острова Лусон в группе островов, лежащих в Боллингтонском проливе».

«Так как мы должны быть готовы, независимо от того придет или не придет неприятель, то я не имею надобности обращаться к Вам с особым наставлением, но все-таки надеюсь, что Вы исполните свой долг перед престолом и Отечеством в этом последнем бою...»

10 МАЯ

К утру совершенно заштило. Пройдя группу островов Лиу-Киу, эскадра в 05:00 по сигналу с «Суворова» застопорила машины и начала грузить уголь с транспортов. По кораблям были разосланы последние приказы адмирала Рожественского (№ 243 и 244 от 10 мая 1905 г.): «Быть ежечасно готовыми к бою. В бою линейным кораблям обходить своих поврежденных и отставших передних мателотов. Если поврежден и не способен управляться броненосец «Князь Суворов», то флот должен следовать за броненосцем «Император Александр III», а если поврежден и он, то за «Бородино», за «Орлом». При этом броненосцы «Император Александр III», «Бородино» и «Орел» должны руководствоваться сигналами броненосца «Князь Суворов», пока флаг командующего не перенесен или пока в командование не вступит младший флагман. Миноносцы 1-го отделения обязаны неусыпно следить за флагманскими броненосцами: если флагманский броненосец получил крен или вышел из строя и перестал управляться, то миноносцы спешат подойти, чтобы принять командующего и штаб. Миноносцам «Бедовый» и «Быстрый» быть в постоянной готовности приблизиться с этой целью к «Князю Суворову», миноносцам «Буйный» и «Бравый» — к другим флагманским броненосцам... Флаги командующих будут при этом переноситься на соответствующие миноносцы, пока не представится возможным перенести их на линейный корабль или крейсер...»

В 15:30 закончили погрузку угля, и эскадра начала поднимать шлюпки и выстраиваться в походный порядок. Транспорт «Камчатка» донес, что имеет повреждение в машине, которое будет исправлено через 1,5 часа.

В шестом часу вечера эскадра двинулась дальше, но не на восток, как многие полагали, а на северо-запад. По тому, как часто поднимались сигналы на флагманском корабле, можно представить то нервное состояние, в котором находился в это время вице-адмирал Рожественский: в течение 1,5 часов, с 15:30 до 17:00, на броненосце «Князь Суворов» было поднято 50 сигналов...

В полдень эскадра находилась в точке 27,15 СШ и 125,21 ВД. Суточное плавание 128 миль. Средний ход 6,5 узлов.

«... Ночь прошла спокойно. В 5 ч 30 мин утра застопорили машины и начали погрузку угля. Штиль, но пасмурно. Как-будто к несчастью. Сигналами, телеграфом указано, что погрузка последняя. Приложить все усилия, допринять столько, чтобы к утру 13 мая оставался в угольных ямах полный, нормальный запас... Плохие вести о Фелькерзама: бред, температура 35 градусов, пульс 160. Спросил старшего доктора, что это значит в переводе на общепонятый язык. Свирепо буркнул: «Агония»... махнул рукой и ушел прочь. Командиру «Осляби» дано секретное предписание — по смерти Фелькерзама не спускать его флага. Нервы и так натянуты. Смерть адмирала накануне боя... Пользуясь временем погрузки разослали по судам последний приказ. Начинается словами: «Быть ежечасно готовыми к бою...»

«... Здоровье Фелькерзама совсем плохо. Грузим уголь. Погода пасмурная, но тихо, прохладно. Многие уже надели тужурки... Придется самому отправлять эти листки. Желающих послать письма домой не нашлось — «Отправим, говорят, из Владивостока. Оттуда скорее дойдут». Во-первых придется ли посылать из Владивостока, и, во-вторых, еще неизвестно, откуда скорее дойдут. До Владивостока осталось около 1200 миль. При благоприятных условиях пройдем этот путь в шесть или семь дней...»

«Париж, 10 (23) мая. Лондонский специальный корреспондент «Мэтин» узнал, что Того решил избегать настоящего боя и ограничиться тем, что будет тревожить русскую эскадру и топить угольные суда, транспорты и вспомогательные суда. Того находит, что крейсера приносят мало пользы».

«Токио, 10 (23) мая (Сообщение через Лондон). Имеются указания, что русская эскадра вышла уже в открытые воды Тихого океана, но подтверждения этому еще не имеется».

«Гонконг, 10 (23) мая. Пароход «Монмутшир» видел 8 мая близ бухты Ханкоэ вспомогательный крейсер без огней».

«Шанхай, 10 (23) мая. По сведениям из надежного источника, эскадра Того стоит еще у Мозампо».

«Капитану 1-го ранга Исида. Легкий крейсер «Идзуми». Наиболее вероятен проход эскадры противника через зону вашего патрулирования. Усиьте бдительность, особенно, в плохую погоду. Като...»

11 МАЯ

Ночью скончался младший флагман эскадры контр-адмирал Фелькерзам. Эскадра шла без топовых огней, ослабив отличительные и гакабортные огни. Ночные сигналы производили слабыми клотиковыми лампочками. Искровым телеграфом было запрещено пользоваться. Однако шедшие в нескольких кабельтовых от эскадры госпитальные суда «Орел» и «Кострома» несли все отличительные огни и ярко подсвеченные знаки Красного Креста. Ночь была холодной, пасмурной, временами налетал шквал с дождем. В полдень эскадра находилась в точке 29,38 СШ и 124,17 ВД. Суточное плавание 156 миль. Средний ход 7 узлов. В 17:15 эскадра застопорила машины. Транспорты отдали буксиры миноносцев, которые по сигналу с «Суворова» подошли к кораблям, в распоряжение которых были назначены: «Бедовый» и «Быстрый» — к броненосцу «Князь Суворов», а «Бравый» и «Буйный» — к броненосцу «Император Николай I». В 17:25 эскадра дала ход, продолжая идти курсом норд-ост 23° со скоростью 5 узлов. В течение ночи на горизонте было замечено несколько больших парусных джонок.

«... Погода явно портится. Тем лучше. Ни поломок, ни задержек. Ни одного встречного. Это отлично. Настроение — ничего. Подтянулись, выглядят бодро...»

«Шанхай, 11 (24) мая («Морнинг Пост»). Из достоверного источника сообщают, что эскадра адмирала Того все еще находится в виду Мозампо».

«Командирам всех патрульных судов в квадратах 99 — 106. С сегодняшнего дня устанавливается предупредительный период по инструкции № 27...»

12 МАЯ

В 05:00 эскадра изменила курс на норд-вест 80°. В 08:00 броненосец «Князь Суворов» показал свое место: 31,00 СШ и 123,11 ВД. Сигналом с «Суворова» транспорты были отпущены в Шанхай. В 09:00 эскадра повернула на курс норд-ост 73°, направляясь в Корейский пролив. На всех кораблях шли приготовления к бою. В 21:00 корабли изменили курс на норд-ост 64°...

«... Свежий ветер уныло гудит в стальных снастях рангоута и сердито гонит низкие рваные тучи. Мутные волны Желтого моря глухо плещутся о борта броненосца. Мелкий холодный дождь слепит глаза. Сырость пронизывает до костей... Группа офицеров все еще стоит на заднем мостике, провожая глазами медленно скрывающиеся за сеткой дождя силуэты транспортов. На мачтах, на ноках рей развешаются сигналы — это наши спутники в дальнем и тяжелом плавании шлют нам свое последнее «прости», свои последние пожелания... Снова заперстрили сигналы — эскадра, отпустив транспорты в Шанхай, перестроилась в новый и последний походный порядок. Горизонт сужен дождем до 2 — 3 миль. Все данные полагают, что от южной оконечности Формозы и до сего места нас никто не видел. Недурно. Дай Бог, и впредь также. Свенторжецкий бродит по мостику мрачнее тучи. Взял его под руку.

— Ну, вот, видите, дошли-таки и...

— Что «и»?

— И... дальше, пока что идем.

— Идем, идем... как это вы говорили? Забыл... Ах, да! К РАСПЛАТЕ...

День прошел спокойно. К вечеру на «Сенявине» случилось повреждение в машине. Всю ночь шли малым ходом. В кают-компании «Суворова» офицеры сердились и бранили «самотопы». Впрочем, раздражение было хотя и естественное, но не совсем справедливо: мы сами были немногим лучше. Наше долгое плавание — это был длинный скорбный лист наших котлов и механизмов и мар-

тилорог наших механиков, которым приходилось и рожь в обухе молотить, и тришкин кафтан перешивать наново... За ночь, по первому холодку после полугода тропиков, отлично выспались, хотя, конечно, «повахтенно»...»

«Нью-Йорк, 12 (25) мая («Ассошейтед Пресс»). Сегодня утром распространился слух, что между японским и русским флотами произошел бой у берегов Формозы, причем японцы потерпели поражение. Официального подтверждения не имеется».

«Манила, 12 (25) мая. По циркулирующим здесь непроверенным слухам русская и японская эскадры встретились к югу от Формозы. Японцы потерпели поражение» («Рейтер»).

«Шанхай, 12 (25) мая («Рейтер»). По сведениям из достоверных источников, 5 судов добровольного флота, 3 угольщика и один русский крейсер прибыли сегодня после полудня к устью реки Янцзы. Крейсер затем удалился. 3 судна добровольного флота прибыли сегодня в Вузун».

«Лондон, 12 (25) мая («Сентрал Ньюз»). Никаких достоверных сведений относительно морского боя в Лондоне не получено. Из Токио известий нет».

«Лондон, 12 (25) мая. Телеграмма, помещенная в вечерних газетах, подтверждает сообщение из Токио от 10 мая о том, что 50 судов Балтийской эскадры были замечены 7 числа в Тихом океане, к востоку от о. Батан (к югу от Формозы), причем они направлялись на северо-восток. Слухи о морском сражении, исходящие все из Манилы, еще не подтвердились».

«Манила, 12 (25) мая. По официальной телеграмме из Вигана, свыше 50 военных судов были замечены 7 мая около восточного побережья Батанских островов. Суда направлялись к северо-востоку. Полагают, что это русская эскадра».

«Нагасаки, 12 (25) мая. Капитан парохода «Оскар II» сообщает, что 6 мая в 9 ч утра он был остановлен в Батанском проливе (он же пролив Баши) русскими военными судами. Он видел 14 судов, обращенных в крейсера, и 6 контр-миноносцев».

«Токио, 12 (25) мая. Полагают, что в настоящее время часть русской эскадры находится близ Гайанана, главные же силы вышли в Тихий океан».

«Токио, 12 (25) мая. Японские власти осмотрели английский пароход «Чифу», шедший из Моджи в Шанхай с грузом угля. Английскому пароходу «Лангтайл» с 4700 тоннами угля запрещен выход из порта Моджи в Гонконг. В Цусимском проливе и Японском море густой туман».

«Легкий крейсер «Идзуми». Капитану 1-го ранга Исида. В квадрате 102 ничего подозрительного не обнаружено. В связи с перерасходом угля смогу продержаться на позиции до рассвета 14-го. «Синато-Мару». Нирикава».

«Всем береговым постам Западного побережья. Находиться в постоянном контакте по цепи связи. Усилить наблюдение. Като».

13 МАЯ

Эскадра шла в полной боевой готовности. На «Суворове» убрали все лишнее дерево, шлюпки наполнили водой и обвили сетями минного заграждения, рубки обвили перлинями, в палубах устроили траверзы из мешков с углем и песком. Комендоры круглосуточно у орудий. В 16:30 на «Суворове» подняли сигнал: «Приготовиться к бою». В 18:00 — новый сигнал: «Завтра к рассвету иметь пары для полного хода». В полдень «Суворов» показал свое место: 32,40 СШ и 126,33 ВД. Суточное плавание 187 миль. Средний ход 8 узлов.

«... 13 мая тучи поредели, выглянуло солнышко, но по морю еще стлалась густая мгла, хотя дул довольно свежий зюйд-вест. Предполагая использовать все светлое время на пароход вблизи японских берегов, где вероятнее всего было ожидать минных атак, адмирал назначил быть эскадре в средней точке ее пути Цусимским проливом в полдень 14 мая. При таком расчете у нас оставалось в запасе около 4 часов, которые и были установлены на последнее обучение маневрированию... Перестроение в боевой порядок (по своей простоте) еще выходило довольно сносно, но дальше... Особенно портил дело 3-й отряд. Среди маневрирования день 13 мая прошел незаметно. Не знаю, как на других судах, но на «Суворове» настроение было бодрое и хорошее. Чувствовалась некоторая озабоченность, но без суеты. Офицеры чаще обыкновенного заглядывали в команду, обходили

свои части, разъясняли, толковали, даже спорили со своими ближайшими помощниками. Некоторые, вдруг надумавшись, сдавали на хранение в денежный сундук дорогие по воспоминаниям вещи, только что написанные письма.

— Совсем точно в отъезд собираются, — остановил меня старший артиллерист лейтенант Владимирский, показывая на матроса, сосредоточенно копавшегося в чемодане.

— А вы уже собрались?

— Я? — удивился он и вдруг рассмеялся, — представьте, уже собрался!

— То-то, то-то! — вмешался в наш разговор старший минер, лейтенант Богданов, ветеран прошлой войны, раненый при взятии Таку, — ведь завтра, а не то и сегодня ночью — пожалуйста в контору — к расчету стройся. Подошли еще офицеры. В несчетный раз поднялся спор: весь ли японский флот встретим у Цусимы или часть его?

Оптимисты утверждали, что Того обманется и пойдет караулить нас на север, так как «Терек» и «Кубань» еще 9-го ушли к восточным берегам Японии и уж, наверно, там шумели. Противная партия возражала, что Того не хуже нас понимает обстановку и знает, что для похода кругом Японии в один прием угля не хватит. Надо грузиться. Где? Это не тропики. Здесь на погоду нельзя рассчитывать, а значит, и нельзя рассчитывать и на погрузку в открытом море. Укрыться в какой-нибудь бухте? Везде телеграф и, конечно, повсюду, наблюдательные посты. Того будет своевременно уведомлен и спешить на север ему незачем. Если бы даже нам удалось погрузиться в море и незаметно подойти к одному из проливов, то тут уж никак не спрячешься, а благодаря их узкости получи и минное заграждение, и плавающие мины, и атаки миноносцев, возможные даже среди белого дня. В туман или ненастье в эти проливы не сунешься, особенно эскадрой, да еще с транспортами. Да, наконец если Бог и пронес нас через все это, что дальше? Та же встреча с японским флотом, который от Цусимы всегда успеет выйти на пересечку нашей эскадре, притом уже претерпевшей от миноносцев и мин всякого рода в

проливе... Пройти во Владивосток с победой, овладеть морем нельзя и думать! Можно только проскочить. А проскочивши — за 2 — 3, много 4, выхода сожжем все запасы угля и отцветем, не успевши расцвести. Будем готовиться к осаде, свозить пушки на берег, обучать команду штыковому бою...

По-видимому, до сих пор судьба нам благоприятствовала: нас еще не обнаружили. На эскадре всякое телеграфирование было прекращено, зато мы тщательно принимали телеграммы японцев, а минеры прилагали все усилия, чтобы определить и направление, откуда они идут. В ночь на 13 мая, а затем днем того же числа, начался разговор двух станций, вернее донесения одной, ближайшей, находившейся впереди нас, которой отвечала другая, более отдаленная и левее. Несмотря на непривычку наших телеграфистов к чужой азбуке и на пропуски, оказавшиеся в самой азбуке, у нас имевшейся, можно было разобрать отдельные слова и даже фразы (телеграммы были нешифрованные): «Вчера ночью... ничего... одиннадцать огней, но в беспорядке... яркий огонь... тоже звезда» и т.п. Вероятнее всего, это была сильная береговая станция на островах Гото, которая куда-то далеко доносила о том, что видит в проливе. К вечеру слышался разговор еще и других станций. К ночи их набралось до семи. Телеграммы были уже шифрованные, но по их краткости, однообразию и по тому, как они начинались и прекращались в определенные периоды, можно было с большой вероятностью сказать, что это не донесения, а переключки разведчиков. Несомненно, мы еще не были открыты...»

Шанхай, 13 (26) мая. По сведениям Ллойда, русские суда «Владимир», «Воронеж», «Ярославль», «Ливония», «Метеор» и «Курония» стоят на якоре в виду Шанхая. Сообщают, что несколько русских военных судов показались в виду Седельных островов.

Циндао, 13 (26) мая. Вследствие того, что адмирал Рожественский подвигается на север и часть Балтийской эскадры показалась в виду Вузуна, германская эскадра в Циндао готовится ко всяким случайностям.

«Шанхай, 13 (26) мая. По-видимому, адмирал Рожественский разделит свою эскадру: 14 русских судов про-

шлой ночью стояли на якоре близ Седельских островов. Полагают, что они там грузились углем и затем направляются на север».

«Общая дислокация. 1-я и 2-я эскадры (адмиралы Того и Камимура) на рейде Мозампо. Главная часть 3-й эскадры (вице-адмирал Катаока) — в заливе Озаки (о. Цусима). 3-й боевой отряд (вице-адмирал Дева): «Кассаги», «Читозе», «Отава» и «Ниитака» у северо-западной оконечности Сирозе (о-ва Гото). Вспомогательные крейсера: «Америка-Мару», «Садо-Мару», «Синато-Мару» и «Манджу-Мару» — на линии к западу от Сирозе, между островами Гото и Кельпарт. Восточнее крейсера «Идзуми» и «Акицусима». 7-й боевой отряд контр-адмирала Ямада у мыса Казаоки. Контр-адмирал Того в поддержке отряда Ямада. Строго секретно. Катовице — адмирал, начальник штаба объединенного флота».

14 МАЯ

«С заходом солнца эскадра сомкнулась как можно теснее. В ожидании минной атаки половинное число офицеров и команды дежурили у орудий, прочие спали не раздеваясь, близ своих мест, готовые вскочить по первому звуку тревоги. Ночь наступила темная. Мгла, казалось, стала еще гуще, и сквозь нее едва мерцали редкие звезды. На темных палубах царила напряженная тишина, изредка прерываемая вздохами спящих, шагами офицера или вполголоса отданными приказами. У пушек словно замерли неподвижные фигуры комендоров. Все бордствовавшие зорко вглядывались во мрак — мелькнет ли где темный силуэт миноносца, чутко вслушивались — не выдаст ли незримого врага стук машины, шум пара... Осторожно ступая, чтобы не разбудить спящих, я обошел палубы, мостики и спустился в машину. Яркий свет на мгновение ослепил меня. Здесь царили жизнь и движение. Люди, бойко стуча ногами, бегали по трапам, раздавались звонки, окрики, приказания передавались полным голосом... но, вглядевшись пристальнее, и здесь я заметил, туже напряженность и озабоченность, то же особое настроение, которое господствовало наверху. И вдруг мне показалось, что все — и высокая, слегка сгорбленная фигура адмирала на крыле мостика, и нахму-

ренное лицо рулевого, склонившегося над компасом, и застывшая на своих местах оружейная прислуга, и эти громко разговаривающие и бегающие люди, и гигантские шатуны, тускло поблескивающие своей сталью, и мощное дыхание пара в цилиндрах — все это одно... Старая морская легенда о корабельной душе вдруг всплыла в моей памяти, о душе, которая живет в каждой заклепке, которой держится каждый гвоздь, каждый винтик, и которая в роковые минуты властно охватывает весь корабль с его экипажем, превращая его в единое неделимо сверхъестественное существо... Казалось, на мгновение я постиг это существо, которому имя «Суворов», в котором любому из нас цена — не более любой заклепки... Кают-компания, обыкновенно в этот час шумная и людная, пустовала. Два — три офицера от «подачи» и ближайших плутонгов крепко спали на диванах в ожидании тревоги или своей очереди вступить на вахту... Опять кругом — жуткая тишина... Оставшись в кают-компании, я перебрался в кресло, устроился поудобнее и задремал. Смутно слышал, как в полночь сменялась вахта. Некоторые из сменившихся офицеров пришли выпить чаю и вполголоса бранили чертову сырость. Кто-то растянулся на диване, крикнув от удовольствия, и громко сказал: «Всхрапнем до четырех! И на нашей улице праздник!» Я тоже заснул. Проснулся в третьем часу ночи. Опять обошел палубы и вышел наверх. Все та же картина, что и с вечера, но посветлело. Луна в последней четверти стояла уже довольно высоко, и на фоне мглы, тускло посеребренной ее лучами, четко рисовались трубы, мачты, снасти. Засвежевший ветер пронизывал холодом и заставлял глубже прятать голову в воротник тужурки... Вышел на передний мостик. Адмирал спал в кресле. Командир, в мягких туфлях, неслышными шагами быстро ходил поперек мостика, с одного крыла на другое.

— Заснул? — кивнул я головой на адмирала.

— Только что. Я уговорил. Чего, в самом деле? Можно считать, ночь прошла благополучно. До сих пор не обнаружили — все перекликаются. А теперь, хоть обнаружь — поздно. До рассвета всего два часа. Миноносцев, если даже и под рукой, не успеют собрать... Да и где найти в такую погоду? Смотрите — хвоста эскадры не

видно! Разве кто случайно уткнется носом, — все равно, что двести тысяч выиграть!.. Вот только ветер мне не нравится. Свежеет. Как бы не разогнал тумана... Ну, тогда завтра же и крышка. Кому — что, а «Суворову» — капут... А вдруг еще гуще станет? — внезапно оживился он, — ведь уж сутки кругом бродят, а не видят. Вдруг и завтра тоже. Прозевают начисто! Ходят, бродят, перекликаются, а нас уж и нет! Ищи до второго нашего пришествия, т.е. уже из Владивостока! Там другой разговор будет! Но как встраются! Сами себя от злости сгрызут! Потеха-то! — И командир, чтобы не разбудить адмирала, зажимая платком рот, расхохотался так весело и беспечно, что мне даже завидно стало... Хорошо зная капитана 1-го ранга В. В. Игнациуса, я искренне верю, что он от всей души смеялся, представляя себе злобу и разочарование японцев, если бы они нас действительно прозевали...»

Часы в ходовой рубке японского вспомогательного крейсера «Синато-Мару» показывали 02:25. Два часа до рассвета. Командир крейсера капитан 2-го ранга Нарикава, стоял на крыле мостика и, не отрывая бинокля от глаз, вглядывался в кромешную мглу. По последнему определению своего места «Синоно-Мару» находился в точке 33,10 СШ и 128,10 ВД в 40 милях от острова Сирозе в наружной линии дозорной цепи. По графику дозорной службы Нарикава должен был находиться на позиции до 18:00 14 мая, однако перерасход угля вынуждал его через несколько часов вернуться на базу. Неожиданно по левому борту Нарикава увидел огни парохода, идущего на северо-восток. Сблизившись с неизвестным судном, Нарикава обнаружил, что на грот-мачте парохода горят белый, красный и белый огни. Светившая в глаза луна мешала наблюдению, и Нарикава, приказав увеличить скорость, обошел пароход с кормы и вышел у него по левому борту. Было 04:02 14 мая 1905 г. Теперь пароход был ясно виден — две трубы, три мачты, длинный изящный корпус со стремительными обводами форштевня. По типу пароход очень напоминал имевшийся в составе русской эскадры вспомогательный крейсер «Днепр». Но почему же он несет такие яркие огни? И тут только Нарикава увидел подсвеченные знаки Красного Креста.

Госпитальное судно «Орел» из состава эскадры Рождественского. У командира «Синано-Мару» перехватило дыхание. Они пришли! Кончились долгие недели томительного ожидания. Нарикава впился глазами в бинокль, осматривая горизонт. Ничего. Мгла и тусклая луна временами появляющаяся над рванными, лохматыми тучами. Ключья тумана... Капитан 2-го ранга Нарикава решил осмотреть плавгоспиталь, надеясь из опроса его экипажа выяснить местонахождение главных сил противника. Он уже направил «Синано-Мару» к «Орлу», как вдруг примерно в миле слева по носу обнаружил силуэты и дымы. Корабли, много кораблей шли прямо на него. Казалось, что все море занято ими. Нарикава понял, что находится прямо в центре эскадры противника. Быстро, положив руль на борт, Нарикава стал увеличивать дистанцию между собой и кораблями противника, передав первое сообщение об обнаружении эскадры Рождественского. Было 04:28. «В квадрате 203 обнаружил эскадру противника, идущую, видимо, в Восточный канал». Скрываясь в темной части горизонта, «Синано-Мару» продолжал наблюдать за русскими кораблями, пока их в 05:03 не закрыла мгла. Идя прежним курсом, Нарикава в 05:48 снова обнаружил корабли противника и продолжал с ними контакт, уклоняясь от русских миноносцев и снова выходя на курс, непрерывно передавая данные о курсе и скорости эскадры. (Интересно, что «Синано-Мару» заметили в 05:00 только с броненосца «Орел», когда японский разведчик на несколько минут показался из мглы, но приняв его за обычный торговый пароход, не придали этому значения...)

Капитан 1-го ранга Исида, командовавший отрядом сторожевых кораблей передового дозора, в момент получения первой телеграммы Нарикавы находился на своем крейсере «Идзуми» в 40 милях к западу от о. Оку-Сима. Ретранслировав сообщение «Синано-Мару» главным силам, Исида полным ходом пошел на перехват противника, и в 06:33 сигнальщики «Идзуми», несмотря на держащуюся над морем мглу и дымку, обнаружили на горизонте несколько дымков, а затем близко от себя — госпитальное судно «Орел». В 06:38 Исида сообщил адмиралу Того точное место русских: 33,30 СШ и 128,50 ВД.

«... То, что мы обнаружены, сейчас же открылось по изменению характера телеграмм: это была уже не переключка разведчиков, а донесение, передававшееся дальше и дальше на север. Около 6 ч утра «Урал», догнав нас полным ходом, семафором донес, что сзади эскадры ее курс пересекли справа налево корабли, опознать которые в тумане не было возможности. В 6 ч 45 мин утра справа, позади траверза, смутно обозначился силуэт какого-то судна. Оно шло сближающимся курсом и вскоре в нем опознали «Идзуми»...»

А между тем сигнал тревоги уже ревел на всех радиоволнах объединенного флота. Командующий 3-й эскадрой вице-адмирал Катаока получил сообщение с «Синано-Мару» на борту своего флагманского крейсера «Сума» в заливе Озаки. Ретранслировав сообщение главным силам в Мозампо, Катаока немедленно приказал своим кораблям выходить в море. В 05:27 из залива вышел 5-й боевой отряд, сопровождаемый 10-м и 15-м отрядами миноносцев. Находящийся северо-западнее Сираसे вице-адмирал Дева получил сообщение «Синано-Мару» на борту своего флагманского крейсера «Касаги». Адмирал немедленно развернул отряд на юго-восток и, набирая ход, в 05:50 обнаружил госпитальное судно «Орел», уточняющее место противника. Развернув отряд на северо-восток, адмирал с мостика «Касаги» напряженно вглядывался в горизонт. Японские крейсера шли полным ходом, нагоняя проскочившие на север русские корабли.

Около 05:00 сообщение «Синано-Мару» приняли на флагманском броненосце объединенного флота «Микаса», стоявшем на якоре на рейде Чинкай-Ван. На всех кораблях 1-го, 2-го и 4-го боевых отрядов завывли сирены и заревели колокола громкого боя. Заработали шпиги, поднимая с илистого дна бухты якоря. Шланги смывали со звеньев якорных цепей грязь и ил. На мачте «Микаса» запестрели флаги сигнала: «Контакт с противником. Приготовиться к бою». Одновременно с этим радиостанция флагманского броненосца передала в главную квартиру в Токио: «Согласно сообщению об обнаружении противника объединенный флот выходит в море, чтобы его разгромить. Сегодня стоит ясная погода, но в море боль-

шая волна. Того». В 06:17 «Микаса», неся флаг командующего объединенным флотом адмирала Того Хайхачиро, вышел из пролива Путо и, встав во главе 1-го и 2-го боевых отрядов, повел их на перехват противника, получая от разведчиков сообщения о курсе, строе и скорости русских кораблей и отдавая распоряжения по различным боевым отрядам объединенного флота.

«... Около 8 ч утра, несмотря на мглу, определили расстояние до «Идзуми» — 50 кабельтовых. У нас пробили тревогу, и кормовая башня уже грозно подняла свои 12-дюймовые орудия, но «Идзуми», словно угадав опасность, начал быстро удаляться...»

«... В начале девятого часа впереди левого траверза показались из тумана шедшие почти параллельным курсом «Чин-Иен», «Мацусима», «Ицукусима» и «Хашидате». Впереди их держался маленький легкий крейсер, по-видимому, тотчас, как мы их (а значит, и они нас) хорошо увидели, поспешно убежал на север, а весь отряд стал медленно увеличивать расстояние и постепенно скрылся из виду...»

На мостике легкого крейсера «Касаги» вице-адмирал Дева с трудом подавил вздох облегчения. После трех часов гонки со своими четырьмя крейсерами на полном боевом ходу он увидел сквозь дымку тумана русскую эскадру. Заняв место в 5 милях по траверзу противника, адмирал Дева пошел параллельным курсом с русскими, сообщая на «Микаса» данные об эскадре Роже-стенвенского...

В 08:00 по сигналу с «Суворова» все корабли подняли стеньговые флаги по случаю дня священного коронавания их величеств. В 09:00 было отдано распоряжение броненосцам в случае появления противника с тыла выстроить фронт вправо и влево, а крейсерам и транспортам проходить вперед. Все корабли были предупреждены сигналом с «Суворова» о предстоящей в полдень перемене курса на норд-ост 23°. «... В конце 10-го часа также слева, почти на траверзе, увидели отряд легких крейсеров — «Касаги», «Читозе», «Нинтака» и «Отова». Становилось очевидным, что решительный момент приближается...»

«... В 11 ч 20 мин утра расстояние от нас до легких

крейсеров было 50 кабельтовых. В это время с «Орла» (как он немедленно донес об этом семафоре) произошел нечаянный выстрел. Не имея возможности (при бездымном порохе) разобрать, кто именно из головных судов сделал этот выстрел, эскадра приняла его за сигнал с «Суворова» и открыла огонь. Особенно живо стрелял 3-й отряд. Японские крейсера круто повернули влево и, яростно отстреливаясь, начали быстро увеличивать расстояние...»

Во флагманской рубке броненосца «Микаса» адмирал Того с офицерами своего штаба анализировал данные, полученные с крейсеров-разведчиков. Командующему объединенным флотом обстановка была уже почти ясна. «Несмотря на туманное утро, так что далее, чем на 5 миль ничего не было видно,— писал позднее Того в своем строевом рапорте,— и, несмотря на то что неприятель был от меня на расстоянии 20 миль, я тем не менее имел совершенно точное представление о том, что происходит. Хотя я и не видел еще неприятеля, но я знал, что неприятельский флот состоит из всех судов 2-й и 3-й Балтийских эскадр, и что этот флот сопровождается 7-ю вспомогательными судами; что неприятельские суда построены в две кильватерные колонны; что их сильнейшие суда находятся в голове правой колонны, а вспомогательные суда в той же колонне в кильватере у них, что неприятель идет на северо-восток со скоростью 12 узлов... На основании всех этих сведений я решил напасть на неприятеля со своими главными силами около 2-х часов дня около Окиносимы и притом нападение вести на головные суда левой колонны».

«... В разгар стрельбы по крейсерам адмирала Дева на «Суворове» был поднят сигнал: «Не бросать снарядов понапрасну». И огонь прекратился. В тоже время сигналом приказано было: «Команде обедать посменно». В полдень, находясь на параллели южной оконечности Цусимы, мы легли курсом норд-ост 23° на Владивосток.

Офицеры завтракали тоже посменно и наскоро. В этот день, по обычаю, в кают-компании полагался торжественный завтрак с присутствием в качестве гостей адмирала, командира и штаба. В данном случае он, конечно, не мог состояться — адмирал и командир не сходили с мостика, а штабные только забежали что-нибудь наскоро съесть в

адмиральскую столовую. Спустившись в свою каюту, чтобы пополнить перед боем запас папирос, я случайно попал в кают-компанию в самый торжественный момент. Несмотря на то что блюда подавались все сразу, и ели, их как придется, по бокалам было разлито шампанское, и все присутствовавшие, стоя, в глубоком молчании слушали тост старшего офицера А.П.Македонского: «В сегодняшней высокоторжественный день священного коронования их величеств, помоги нам Бог с честью послужить дорогой Родине! За здоровье государя императора и государыни императрицы! За Россию!»

Дружное, смелое «ура!» огласило кают-компанию и последние его отголоски слились со звуками боевой тревоги, донесшейся сверху. Все бросились по своим местам. Легкие японские крейсера опять приблизились слева, но на этот раз в сопровождении миноносцев, выказывающих явное намерение выйти на наш курс... Подозревая план японцев — пройти у нас под носом и набросать плавающих мин (как они это сделали 28 июля), адмирал решил развернуть 1-й отряд фронтом вправо, чтобы угрозой огня пяти лучших своих броненосцев отогнать неприятеля...»

Около полудня адмирал Того приказал миноносцам, сопровождавшим 1-й и 2-й боевые отряды, укрыться в заливе Миура. Разошедшаяся к полудню большая волна захлестывала маленькие корабли. Миноносцы получили инструкцию присоединиться к эскадре, как только позволит погода. В полдень «Микаса», ведя за собой броненосцы и броненосные крейсера 1-го и 2-го боевых отрядов, вышел в точку в 12 милях к северу от острова Окиносима. На флагмане было получено очередное донесение адмирала Катаока: «Противник в 12 милях севернее острова Вакамия. Курс норд-ост-норд»...

«... С целью отогнать легкие крейсера противника 1-й броненосный отряд сначала повернул «последовательно» вправо на 8 румбов, а затем должен был повернуть на 8 румбов влево «все вдруг». Первая половина маневра удалась прекрасно, но на второй вышло недоразумение с сигналом: «Александр» пошел в кильватер «Суворову», а «Бородино» и «Орел», уже начавшие ворочать «вдруг», вообразили, что ошиблись, отвернули и пошли за «Алек-

сандром». В результате вместо фронта 1-й отряд оказался в кильватерной колонне, параллельной колонне из 2-го и 3-го отрядов, и несколько выдвинутой вперед. Однако и неудавшийся маневр достиг намеченной цели: неприятельские крейсера и миноносцы, испугавшись возможности быть взятыми в два огня, оставили намерение пересечь наш курс и поспешно начали уходить влево... Как только японцы стали уходить с курса, 1-й отряд тотчас увеличил ход, склонился влево, чтобы снова занять свое место впереди 2-го отряда...»

В 12:55 с мостика «Микаса» заметили прыгающие на волнах легкие крейсера адмирала Дева. Зарываясь носами по ходовую рубку во встречную волну и выскакивая из нее в тучах брызг, крейсера Дева также увидели подход своих главных сил. На мачтах «Касаги» взвились сигналы с последними данными о противнике: «Русские идут в двух колоннах, начав неудачное перестроение. Более слабая колонна — левая. Курс... скорость...» В 03:07 с «Микаса» на западе увидели корабли своих 5-го и 6-го боевых отрядов, идущих на северо-восток. И, наконец, в 13:15 далеко на юге открылась русская эскадра. Стоя с офицерами на переднем мостике броненосца «Микаса», адмирал Того внимательно рассматривал своего долгожданного противника в бинокль. Вот они: четыре броненосца типа «Бородино», о которых он столько слышал. «Мощные, практически непотопляемые корабли, значительно улучшенные варианты знаменитого «Цесаревича», чудо военно-морской технологии». Правда, разведка сообщала, что у них плохая устойчивость. Что дальше? «Ослябя», это типа «Пересвета» и «Победы», которые уже в наших руках. А за ним? Дальше уже ничего серьезного: «Сисой Великий», «Наварин», «Адмирал Нахимов», «Николай I». На всех этих кораблях он и сам бывал лично и до, и после войны с Китаем... Адмирал опустил бинокль и обратился к своему начальнику штаба контр-адмиралу Като: «Атаковать правую колонну! Пересечь курс противника. Бой на контркурсах!» На мачте броненосца «Микаса» взвился сигнал: «Жизнь и смерть империи зависят от этого боя! Сделайте все, что в ваших силах!»

«... В 1 ч 20 мин, когда первый броненосный отряд

вышел под нос 2-му и 3-му и начал склоняться на старый курс, был сделан сигнал: «2-му отряду вступить в кильватер 1-му отряду». Около того же времени далеко впереди смутно обозначились во мгле главные силы неприятеля. Они шли нам навстречу справа налево курсом, близким к юго-западному. Выйдя нам на левую сторону, «Микаса» круто склонился на юг. За «Микаса» шли «Шикишима», «Фудзи», «Асахи», «Касуга», «Ниссин». Адмирал Рожественский со своим штабом находился еще на верхнем переднем мостике «Суворова», хотя управление броненосцем уже было перенесено в боевую рубку. Признаться откровенно, я не вполне был согласен с идеей, что Того поведет сам в одной колонне все свои 12 броненосных кораблей: ведь 28 июля он не присоединил к своим 6 судам двух броненосных крейсеров, тут же находившихся, а предоставил им держаться самостоятельно. Я склонен был думать, что Камимура будет действовать по способности, и, когда ясно обрисовались шесть старых артурских знакомых, не утерпел, чтобы не сказать с некоторым торжеством: «Вот они, ваше превосходительство! Все шесть, как 28 июля...» Адмирал, не оборачиваясь, отрицательно покачал головой: «Нет, больше: все тут!» — и начал спускаться в боевую рубку. Действительно: вслед за первыми шестью кораблями медленно выступали из мглы слегка оттянувшиеся крейсера Камимуры — «Ижзумо», «Якумо», «Сасмо», «Токива», «Ивате»...

— По местам, господа! — торопливо проговорил флаг-капитан, следуя за адмиралом...

«Ну, будет игра!» — думалось мне, когда, расставшись с адмиралом и высшими чинами штаба, уходящими в боевую рубку, я направился на кормовой мостик, откуда можно было видеть не только неприятеля, но и свою эскадру... Тут же (на заднем мостике) оказался командир правой кормовой шестидюймовой башни лейтенант Редкин, выбежавший «посмотреть», так как бой, видимо, должен был начаться с левого борта, и его башня пока обрекалась на бездействие. Мы стояли, обмениваясь отрывочными замечаниями, недоумевая, почему японцы вздумали переходить нам на левую сторону, когда наше слабое место, транспорты и их прикрытие —

крейсера — находились у нас справа и сзади. Может быть они рассчитывали, приняв бой на контркурсе и воспользовавшись своим преимуществом в скорости, обойти нас с кормы, чтобы напасть сразу и на транспорты, и на слабейший арьергард? Но в такой обстановке легко было и самим угодить под амфиладный огонь...»

На мостике «Микаса» адмирал Того понял, что совершает тактическую ошибку. Ведомая им колонна броненосцев шла контр-курсом с русской эскадрой, и «Микаса» уже выходил на траверз «Орла» — четвертого корабля левой (со стороны японцев) колонны противника. Напутали крейсера-разведчики со всеми правыми и левыми колоннами противника. И немудрено — они вели наблюдения с предельной дистанции, сквозь мглу и дымку тумана, хотя, в общем, описанная ими обстановка была верной. Того хотел для начала воспользоваться тем, что лучшие броненосцы русских закрыты колонной, которую вел «Ослябя», уничтожить «Ослябю» и шедшие за ним старые броненосцы, а затем, пройдя у них под кормой, догнать главные силы Рождественского и уничтожить их. Однако этот план рушился на глазах — русская эскадра, пусть громоздко и медленно, но перестраивалась на его глазах в одну кильватерную колонну. Рождественский разгадал его маневр и принял самое правильное решение. Теперь принять бой на контркурсах — это значит, поставить свои лучшие корабли против наименее ценных в боевом отношении старых русских броненосцев и одновременно подвергнуть риску полного уничтожения относительно слабые броненосные крейсера Камимуры, которым придется действовать против ядра русских — четырех броненосцев типа «Бородино». Конечно, можно сейчас увеличить дистанцию, разойтись с русскими контркурсами, снова догнать их и занять более выгодную для боя позицию. Но сколько на это уйдет времени? Так уже было в бою 28 июля, когда он дважды терял боевое соприкосновение с противником и долгими часами, изнурая броненосцы режимами маскированного хода, страшно перерасходуя уголь, вел утомительное преследование. Но тогда еще была хорошая погода, а сейчас — туман, постоянно находит мгла. Так можно вообще потерять противника. Что делать? Ложиться на обратный

курс! Конечно, огромный риск — колонна сдвоится, все корабли должны будут проходить через неподвижную точку поворота. Нет, риск большой, но пошел же на риск Нельсон в Трафальгарском бою, спускаясь двумя кильватерными колоннами на эскадру Вильнева, ставя свои корабли под продольный огонь французов. Надо рискнуть, пока русские корабли не закончили перестроение. Они не очень инициативны, судя по их поведению с утра, и, видимо, совсем не умеют маневрировать на полном ходу. Вон как громоздко перестраиваются в одну кильватерную колонну. На обратный курс и охватить их колонны! На мачте «Микаса» взвился сигнал: «Последовательный поворот влево на 16 румбов»...

« — Смотрите! Смотрите! Что это? Что они делают? — крикнул Редкин, и в голосе его были и радость, и недоумение. Но я и сам смотрел, смотрел, не отрываясь от бинокля, не веря глазам: японцы внезапно начали вращать «последовательно» влево на обратный курс!... При этом маневре все японские корабли должны были последовательно пройти через точку, в которой повернул головной. Эта точка оставалась как бы неподвижной на поверхности моря, что значительно облегчало нам пристрелку, а кроме того, даже при скорости 15 узлов, перестроение должно было занять около 15 минут, и все это время суда, уже повернувшие, мешали стрелять тем, которые еще шли к точке поворота.

— Да ведь это — безрасудство! — не унимался Редкин. — Ведь мы сейчас раскатаем его головных!

«Дай-то Бог!» — подумал я.

Для меня было ясно, что Того увидел нечто неожиданное, почему принял новое, внезапное решение. Маневр был безусловно рискованный, но, с другой стороны, если он нашел необходимым лечь на обратный курс, то другого выхода не было. Конечно, можно было повернуть эскадрой «всем вдруг», но тогда головным кораблем, ведущим ее в бой, оказался бы концевой крейсер «Ивате». Очевидно, Того не желал допустить этого и решил на поворот «последовательно», чтобы вести эскадру лично и не ставить успех начала боя в зависимость от находчивости и предприимчивости младшего флагмана контр-адмирала Симамура, державшего флаг на «Ива-

те». Сердце у меня билось, как никогда за 6 месяцев в Артуре... Если бы удалось! Дай, Господи! Хоть не утопить, хоть только выбить из строя одного!.. Первый успех!...» *

В боевой рубке «Суворова» быстро оценили всю выгоду неожиданно создавшейся обстановки. В рубке находилось все руководство кораблем и эскадрой: командующий вице-адмирал Рожественский, начальник штаба капитан 1-го ранга Клапье де Колонг, флагманский артиллерист полковник Берсенев, флагманский штурман полковник Филипповский, старший флаг-офицер лейтенант Свербеев, флаг-офицер лейтенант Кржижановский, командир корабля капитан 1-го ранга Игнациус, старший артиллерист лейтенант Владимирский и вахтенный штурман мичман Шишкин. За штурвалом стоял рулевой кондуктор Зайсун. Подъемом сигналов распоряжался сигнальный кондуктор Кантуров. Вне боевой рубки находился флаг-офицер мичман Демчинский, распоряжавшийся рассыльными. Рядом с ним мичман князь Церетели. Стояла мертвая тишина. Бинокли и наблюдательные трубы неотрывно следили за броненосцем «Микаса», который, пройдя с изящным креном точку поворота, уже створился с третьим кораблем японской колонны — броненосцем «Фудзи». Следующий за «Микаса» броненосец «Шикишима» разворачивался в сторону русских, следуя к точке поворота. В этот момент адмирал Рожественский приказал открыть

* После войны, в официально изданном строевом рапорте адмирала Того, говорилось, что адмирал сознательно желал создать у русских впечатление, будто бы он собирается вести эскадренный бой на контркурсах. Этим он хотел вынудить русских перестроиться на его глазах, а затем, пользуясь преимуществом в скорости, охватить голову русской эскадры и, держа ее головные корабли в центре большого круга, последовательно их уничтожать. Поскольку все это ему удалось, то и сомнений никаких по этому поводу не возникло. Однако внимательный анализ боя говорит о другом: разведывательные крейсера адмиралов Дева и Катаока проглядели перестроение русских, и сам Того, дезинформированный донесениями крейсеров, проглядел начало перестроения русских из двух колонн в одну. И уж ни один адмирал в мире, а тем более столь талантливый, как Того, не запланировал бы такого рискованного маневра, который ему пришлось выполнять... Американский историк Уэствуд в связи с этим считает, что Того, чья репутация уже не нуждалась ни в какой рекламе, своим рапортом пытался прикрыть ошибки, совершенные его подчиненными.

огонь и левая носовая 6-дюймовая башня эскадренного броненосца «Князь Суворов» с дистанции 32 кабельтова начала пристрелку по флагманскому броненосцу противника. На мачте «Суворова» взвился сигнал: «Бить по головному!». Было 13:49 14 мая 1905 г...

«Я жадно смотрел в бинокль... Перелеты и недолеты ложились близко, но самого интересного, т.е. попаданий, как и в бою 28 июля, нельзя было видеть: наши отряды при разрыве почти не дают дыма, и, кроме того, трубки их устроены с расчетом, чтобы они рвались, пробив борт, внутри корабля. Попадания можно было заметить только в том случае, когда у неприятеля что-нибудь свалит, подобьет... Этого не было...»

В боевой рубке броненосца «Микаса» царила такая же напряженная тишина. Рядом с адмиралом Того находился его начальник штаба контр-адмирал Като и флаг-офицеры: капитан 2-го ранга Акияма, капитан-лейтенант Йида и старший лейтенант Киокава. Командир броненосца капитан 1-го ранга Идзичи с волнением смотрел в бинокль, как тяжело клюнув носом и кренясь, точку поворота проходит «Шикишима». Японские корабли шли со скоростью 15 узлов, и в рубке прекрасно понимали, что перестроение займет минимум минут 10 — 15 при общей длине их колонны в 2,8 мили. Дальномеры показывали, что до флагманского корабля противника «Князь Суворов» 7000 метров. В бинокли было ясно видно, как в носовой части «Суворова» появился белый дымок, и ветер донес рокочущий раскат выстрела. В двух кабельтовых от нестреляющего борта «Микаса» поднялся и стал медленно оседать грязно-зеленый столб воды. Перелет! И тут же открыла огонь вся эскадра противника, дождь пристрелочных всплесков поднялся вокруг флагманского броненосца адмирала Того. Находившийся на кормовом мостике старший офицер «Микаса» капитан 2-го ранга Мацумури почувствовал, что что-то ударило его в плечо, и с удивлением увидел красное пятно на белоснежном рукаве своего кителя. Прошло несколько секунд, прежде чем Мацумури понял, что «Микаса» получил первое попадание, и сам он ранен. В 13:53 адмирал Того, увидев, что «Шикишима», благополучно вступил в кильватер флагманскому бро-

неносцу, приказал открыть ответный огонь. «Микаса» содрогнулся от бортового залпа...

«... Началось с перелетов. Некоторые из длинных японских снарядов на этой дистанции опрокидывались и, хорошо видимые простым глазом, вертятся, как палка, брошенная при игре в городки, летели через наши головы не с грозным ревом, как полагается снаряду, а с каким-то нелепым бормотанием.

— Это и есть «чемоданы» («чемоданами» в Артуре называли японские снаряды больших калибров)? — спросил, смеясь, Редкин.

— Они самые...

Однако меня тут же поразило, что «чемоданы», нелепо кувыркаясь в воздухе и падая, как попало, в воду, все-таки взрывались. Этого раньше не было... После перелетов пошли недолеты. Все ближе и ближе. Осколки шуршали в воздухе, звякали о борт, о надстройки...»

Столбы воды от русских недолетов, вздымаясь выше мостиков, обрушивались на палубу «Микаса». По меньшей мере пять русских броненосцев вели сосредоточенный огонь по японскому флагманскому кораблю. «Микаса» уже содрогнулся от нескольких прямых попаданий. Рухнула на палубу сбитая стенга грот-мачты. Осколками в грудь был тяжело ранен стоявший рядом с Того флаг-офицер капитан-лейтенант Иида, упал пораженный осколками в голову еще один флаг-офицер — старший лейтенант Киокава. В боевой рубке был разбит дальномер левого борта. Поступило сообщение, что снарядом противника разбито одно 6-дюймовое орудие правого борта, 8 человек убиты, ранен старший минер броненосца капитан-лейтенант Сучино. Дым из труб смешивался с дымом разрывов русских снарядов, брызги воды мешали наблюдать за противником. Проклятые английские башни приходилось после каждого выстрела ставить для перезарядки почти по диаметральной плоскости. А между тем точку поворота прошел уже третий броненосец — «Фудзи». С «Микасы» было видно, как начал разворот на обратный курс «Асахи». Было 13:54. По «Суворову» уже вели огонь 3 японских броненосца...

Стоявший за боевой рубкой флаг-офицер мичман Демчинский инстинктивно прижался к броне. Против пе-

редней трубы «Суворова» поднялся гигантский столб воды, дыма и пламени. Находившийся рядом с Демчинским мичман князь Церетели, согнувшись, схватился за живот и сказал: «Готово». Но оказалось, что осколок всего лишь раздробил ему правую руку в локте. Демчинский проводил товарища на перевязку, а сам остался у трапа, ведущего в боевую рубку, где было его место по боевому расписанию. Тут же были сосредоточены рассыльные, сигнальщики и санитары с носилками...

«Первый снаряд, попавший в «Суворова», угодил как раз во временный перевязочный пункт, развернутый доктором, казалось бы, в самом укромном месте — в верхней батарее, у судового образа между средними шестидюймовыми башнями. Много народу перебило. Доктор как-то уцелел, но судовой священник иеромонах о. Назарий был тяжело ранен. Он находился на пункте в эпитрахили, с крестом и запасными дарами. Когда к нему, сраженному целым градом осколков, бросились доктор и санитары, чтобы уложить на носилки и отправить вниз, в операционную (под броневой палубой), он отстранил их, приподнялся и твердым голосом начал: «Силою и властью», но захлебнулся кровью, подступившей к горлу, и торопливо закончил: «... отпускаю прегрешения... во брани убиенным», благословил окружающих крестом, которого не выпускал из рук, и упал без сознания. Мне захотелось пойти взглянуть. Судовой образ, вернее образа, так как их было много — все напутственные благословения броненосцу — остались совершенно целыми. Даже не разбилось стекло большого киота, перед которым в висячем подсвечнике мирно горело несколько свечей. Кругом — ни души. Только между исковерканными столбами, табуретами, разбитыми бутылками и разбросанным перевязочным материалом — несколько трупов, да груды чего-то, в чем с трудом можно было угадать остатки человеческих тел...

Следующий снаряд ударил в борт у средней 6-дюймовой башни, а затем что-то грохнуло сзади и подо мной у левой кормовой. Из штабного выхода повалил дым и показались языки пламени. Снаряд, попав в капитанскую каюту, пробив палубу, разорвался в офицерском отделении, где произвел пожар... Я вынул часы и запис-

ную книжку, чтобы отметить первый пожар, но в этот момент что-то кольнуло меня в поясницу, и что-то огромное, мягкое, но сильное ударило в спину и бросило на палубу... Вероятно, несколько мгновений я пролежал без сознания, потому что пожар был уже потушен, и вблизи, кроме 2 — 3 убитых, на которых хлестала вода из разорванных шлангов,— никого не было. Удар шел со стороны кормовой рубки, скрытой от меня траверзом из коек. Там должны были находиться флаг-офицеры — лейтенант Новосильцев и мичман Козакевич и волонтер Максимов — с партией ютовых сигнальщиков. Снаряд прошел через рубку, разорвавшись о ее стенки. Сигнальщики (10 — 12 человек) как стояли у правой 6-дюймовой башни, так и лежали тут тесной кучей. Внутри рубки — груды чего-то, и сверху зрительная труба офицерского образца. Каким-то чудом Новосильцев и Козакевич были только ранены и с помощью Максимова ушли на перевязку...»

Русский снаряд с грохотом разорвался за кормовым мостиком «Микаса». Стоявший на мостике мичман Ямамото был сбит с ног и на какое-то мгновение потерял сознание. Очнувшись, он обнаружил, что два пальца на его правой руке оторваны. Зажав рану платком и пересиливая боль, будущий командующий объединенным флотом и главный организатор налета на Перл-Харбор, остался на боевом посту. «Микаса» уже обгонял «Суворов», ведя за собой все четыре броненосца. Начавшие поворот броненосные крейсера «Касуга» и «Ниссин» прямо с точки поворота вели огонь по «Ослябя», на котором был виден пожар. Было 13:57...

Адмирал Того, опустив бинокль, обратился к стоявшему рядом с ним командиру «Микаса» капитану 1-го ранга Идзичи. «Цакуга-дзен», — сказал адмирал. И Идзичи, и услышавший слова адмирала контр-адмирал Като настороженно взглянули на него. Начиная с 1898 г. в японском флоте велись сверхсекретные эксперименты под кодовым наименованием «Цакуга-дзен». Цакуга-дзен — способ стрельбы из лука, которым пользовались самураи средних веков во время бесконечных феодальных междоусобиц и в войнах с монголами. Способ основывался на признании философии «дзен», почти недоступной для

европейца и уходящей корнями в таинственные познания древних народов Ближнего Востока, откуда далекие предки японцев прибыли в страну богов Ямато — великого богатыря и избранника божественной Аматерасу: если в твоих руках лук и стрела, не целься, а воссоединись душою с одним из великих превращений Будды и стрела твоя попадет точно в цель. Результаты поражали своей эффективностью и поражают до сих пор. С появлением огнестрельного оружия этот способ применялся, хоть и с не меньшей эффективностью, но в гораздо меньшем масштабе. Почему-то считалось, что боги не любят огнестрельного оружия. Адмирал Того был одержим идеей опробовать этот способ в морском бою. Английские инструкторы скептически улыбались и советовали не тратить время и ресурсы на всякую ерунду, а лучше увеличить продолжительность занятий математикой и астрономией в Эвадзиме. Англичане, будучи суровыми практиками, не одобряли введения в строго научные элементы морского боя непонятных им элементов восточного мистицизма. Сомневались и мудрые старцы из синтоистских монастырей. Способ очень индивидуален. Не всякая душа способна воссоединиться с Буддой — искусство медитации познается годами духовного совершенства воина, если он выполняет многочисленные правила в личной жизни и сложнейшие обряды. Но если души всех объединятся в едином порыве, то такая душа — единая душа эскадры — не останется незамеченной для богов. Специально отбирали комендоров-наводчиков на броненосцы, проводили опыты. На учебных стрельбах летом 1901 г. получили ошеломляющие результаты. Более трезвые предупреждали, что такая практика может дать самые печальные результаты, ибо боги капризны, а порой и коварны. Обычная боевая подготовка более надежна. Но ею не пренебрегали. Конечно, нужно почувствовать волю богов. 28 июля Того не решился применить «Цакуга-дзен», ибо еще не был уверен в милости богов, особенно после гибели «Хатцузе», «Яшима», «Миако» и «Иошино». Но когда японский снаряд разорвал на куски командующего Русским Флотом, а русский снаряд упал у ног адмирала Того и не разорвался, и когда боги отдали ему в руки практически всю артурскую эскадру, он поверил, что

можно применить «Цакуга-дзен» в предстоящем бою с Балтийской эскадрой. Все имели соответствующие инструкции и подготовку, даже христианин Иван Номото — командир «Асахи»...

«Микаса», «Фудзи» и «Шикишима» уже обогнали «Суворов» и начали склоняться вправо, охватывая голову русской эскадры. В 13:59 на мачте «Микаса» поднялся условный сигнал: «Цакуга-дзен». В течение минуты сигнал приняли командиры следующих за «Микаса» кораблей: капитаны 1-го ранга Терагаки («Шикишима»), Мацумото («Фудзи»), Номото («Асахи»), Като («Кассуга»), Такеноучи («Ниссин»), передавая сигнал дальше по линии на совершающие поворот броненосные катера адмирала Камимура, громящие «Ослябю». Что-то страшное, жуткое и непонятное произошло на японских броненосцах, о чем никто впоследствии толком рассказать не мог. Души и помыслы всех людей слились в единую силу, энергия которой поступала из источника, чье название вообще невозможно точно перевести на бедные философскими терминами европейские языки, ибо энергия эта шла из того невидимого мира, который с момента появления человека на земле окружает его своей таинственной силой, порождая религии и мифы, столь разные и столь удивительно общие для всего человечества. И эта энергия превратила броненосцы и людей в единое, сверхъестественное существо, подобное легендарным драконам, в течение веков в трудный для народа Ямато час покидающим свои небесные дворцы и появляющимся на земле, чтобы своим страшным огнем испепелить полчища врагов...

Лейтенант американского флота Роберт Уайт, находящийся в качестве наблюдателя на борту «Шикишима» — второго броненосца японской линии — почувствовал, что сходит с ума. Все, что он увидел, было настолько нереально, что американскому офицеру показалось каким-то кошмарным сновидением. Он никогда бы не поверил, что армстронговские башни главного калибра могут развить такую скорострельность. Залпы следовали один за другим, как-будто это были не 12-дюймовые орудия с раздельным заряжанием и продольной перезарядкой, а митральезы. Артиллерийский офицер, участ-

ник боя при Сантьяго, Уайт не мог себе представить, как в этом случае подаются снаряды и полузаряды из погребов, как продувается канал ствола после выстрела и как вообще, да и когда, японцы успели модернизировать свои башни, что они перезаряжаются в положении «на борт»? Уайт с ужасом подумал, что вот сейчас башни японских броненосцев начнут взрываться одна за другой и весь флот Того, либо вознесется куда-то в небеса, либо низвергнется в страшную пучину. Американцу стало трудно дышать, ему показалось, что какая-то сила приподнимает его в воздух, чтобы швырнуть за борт прямо в огромные гейзеры русских недолетов. Уайт судорожно вцепился в поручни и взглянул в сторону русских. Четыре первых корабля русской эскадры были охвачены пламенем гигантских пожаров, которые на глазах разгорались все сильнее, превращаясь в огненный смерч...

Примечание. Цакуга-дзен — более общая философская концепция специальной боевой подготовки в рамках обрядов кэндо (кэндзюцу) и кюдо (кюдзюцу), уходящие своими корнями в глубокую древность. Кюдо (путь лука) — рыцарское искусство стрельбы из лука — было очень распространено среди японского дворянства, ибо лук и стрелы считались у самураев священным оружием, а фраза «юмия-но мити» (путь лука и стрел) была синонимом выражения «путь самурая» (бусидо). Искусство стрельбы из лука включило в себя ряд религиозных элементов, было пропитано мистицизмом, что делает кюдо своеобразным и не похожим на стрельбу из лука в Европе видом боевого мастерства. Кюдо, по высказыванию его толкователей, дается человеку только после длительной учебы и подготовки, в то время как индивидууму, не понявшему его сути, оно вообще будет недоступно. Многие в кюдо выходят за рамки человеческого разума и не доступны пониманию. Стрелку в этом мистическом искусстве принадлежит второстепенная роль, роль посредника и исполнителя «идеи», при которой выстрел осуществлялся в некоторой степени без его участия. Действия стрелка в цакуга-дзен-кюдо имеют двуединый характер: он стреляет в цель как бы сам, но, с другой стороны, это обусловлено не его во-

лей и желанием, а влиянием сверхъестественных сил. Стреляет «оно», т.е. «дух» или «сам Будда». Воин не должен думать в процессе стрельбы ни о цели, ни о попадании в нее — только «оно» хочет стрелять, «оно» стреляет и «оно» попадает. Так учили идеологи кюдо. В луке и стрелах стреляющий мог видеть лишь «путь и средства» для того, чтобы стать причастным к «великому учению» стрельбы из лука. В соответствии с этим кюдо рассматривалось не так техническое, а как абсолютно духовное действо. В этом тезисе и заложено глубокое религиозное содержание стрельбы, являющейся одновременно искусством метода дзен-буддизма. Цель стрельбы из лука — соединение с божеством, при котором человек становится действенным Буддой. Во время выстрела воин должен быть совершенно спокоен, что достигается медитацией. «Все приходит после достижения полного спокойствия», — говорили специалисты кюдо. В дзеновском смысле это значило, что стреляющий погружал себя в беспредметный, несуществующий мир, стремясь к сатори. Просветление, по японским понятиям, означало в кюдо одновременно «бытие в небытии, или положительное небытие». Только уйдя в состояние «вне себя», при котором воин должен отказаться от всех мыслей и желаний, он связывался «с небытием», из которого возвращался снова «в бытие» лишь после того как стрела отлетала к цели. Таким образом, единственным средством, ведущим к просветлению, служили в данном случае лук и стрела, что делало бесполезным, по толкованию идеологов кюдо, в данном случае всякие усилия человека в работе над самим собой без этих двух элементов. В начальной стадии сосредоточения стрелок концентрировал внимание на дыхании, имевшем в кюдо большее значение, чем в других видах военных искусств, затем оно регулировалось бессознательно. Для того чтобы уравновесить дыхание, воин, сидя со скрещенными ногами, принимал положение, при котором верхняя часть туловища держалась прямо и расслаблено, как во время медитации дзен. Стрельба могла производиться из положения стоя, с колена и верхом на коне. После момента, предшествующего непосредственному пуску стрелы (вай), производился выстрел (ханарэ). В это время физические и психические силы самурая были сконцентрированы на

«великой цели» (дзансин), т.е. на стремлении соединиться с божеством, но ни в коем случае не на мишени и желании попасть в цель. Отличительная особенность всех видов японской боевой подготовки (бугэй) состоит в том, что основной акцент делался прежде всего на нравственно-моральную сторону и развитие «духовных способностей воина», а затем уже на физическую подготовку. Моральное содержание таких дисциплин, как кюдо, кэндо и пр. показывалось иероглифом, звучащим, как «до». Моральный принцип в боевой подготовке японских воинов был обусловлен учением Конфуция. В конфуцианстве «до» рассматривалось как определенная этическая категория, имеющая непосредственную связь с дзэн-буддизмом. Познавание «до» («правильного, истинного пути» или «правды») считалось главным во всех видах боевой подготовки. Восточная философская традиция часто называет «до» путем, обладающим жизнедающими силами, испускающими лучи света, подобно солнцу. В этом плане «до» идентично понятию «дао», трактуемому в философии и эстетике Китая как вечная и неотъемлемая первопричина всего существующего духовного и материального. «До» должно было помочь воину найти «единичное бытие во всем», «войти в соприкосновение с божеством, уловить его присутствие, увидеть его существование». Это согласуется с дзэнскими положениями об «изначальной природе Будды», присутствующей во всем (живом и неживом), которая постигается человеком посредством сатори, обретения нирваны на земле, среди живых. По этой программе и прошли подготовку комендоры 1-го и 2-го боевых отрядов объединенного флота, а частично, но в гораздо меньшей степени, других боевых отрядов. Программа называлась Сабу-Кюдо — путь огненного лука. (См. Накаоне М. Кюдо в использовании артиллерии; Ичикава С. Кюдо — путь лука // Естественная история. 1933. Т. 33, № 2; Спевковский А. Самурай — военное сословие Японии. М.: Наука, 1981; Цусима — воспоминания участников. Токио, 1955; Кюдо в Цусиме // Секай-но-Консен. 1975. № 5; Инагуи М. Цусима — победа духа. Токио, 1955 и др.)

На палубе «Суворова», в башнях, в плутонгах, на постах управления царило смятение, близкое к полной

деморализации. Даже капитан 2-го ранга Семенов, обстрелянный офицер, участник боя 28 июля был ошеломлен не меньше, а видимо, даже больше других. Ему было с чем сравнить. «28 июля за несколько часов боя «Цесаревич» получил только 19 крупных снарядов, и я серьезно собирался в предстоящем бою записывать моменты и места отдельных попаданий, а также производимые ими разрушения. Но где ж тут было записывать подробности, когда и сосчитать попадания оказывалось невозможным! Такой стрельбы я не только никогда не видел, но и не представлял себе. Снаряды сыпались непрерывно, один за другим... За 6 месяцев на артурской эскадре я все же кой к чему пригляделся, — и шимоза, и мелинит были, до известной степени старыми знакомыми, — но здесь было что-то совсем другое совершенно новое! Казалось, не снаряды ударялись о борт и падали на палубу, а целые мины... Они рвались от первого прикосновения к чему либо, от малейшей задержки в их полете. Поручень, бакштаг трубы, топрик шлюпбалки — этого было достаточно для всеразрушающего взрыва... Стальные листы бортов и надстроек на верхней палубе рвались в клочья и своими обрывками выбивали людей. Железные трапы свертывались в кольца, неповрежденные пушки срывались со станков... Этого не могла сделать ни сила удара самого снаряда, ни тем более сила удара его осколков. Это могла сделать только сила взрыва. По-видимому, японцам удалось реализовать ту идею, которую пробовали осуществить американцы постройкой своего «Везувия»...

А потом — необычно высокая температура взрыва и это жидкое пламя, которое, казалось, все заливает! Я видел своими глазами, как от взрыва снаряда вспыхивал стальной борт. Конечно, не сталь горела, но краска на ней! Такие трудногорючие материалы, как койки и чемоданы, сложены в несколько рядов траверсами и политые водой, вспыхивали мгновенно ярким костром...

Временами в бинокль ничего не было видно — так искажались изображения от дрожания раскаленного воздуха...»

По «Суворову» уже вели концентрированный огонь шесть японских броненосцев, которые, идя впереди по

дуге большого круга, держали русский флагманский броненосец в его центре. Залпы своих орудий, взрывы снарядов противника, лязг и скрежет разрушаемого железа и рвущейся стали, смешались в сплошной грохот, потрясая корабль от клотика до киля. Весь корабль был окружен какой-то хаотически колеблющейся стеной из пламени, дыма и морских смерчей. Не было никакой возможности вести правильное наблюдение. Все, кто находился в боевой рубке, были потрясены и деморализованы неожиданным бедствием.

Начальник штаба эскадры капитан 1-го ранга Клапье де Колонг видел, как в районе боевой рубки и носовой части «Суворова» один за другим стали рваться японские снаряды. Они давали при взрыве «очень много мелких осколков, громадное (все зажигающее) пламя и дым, иногда черный, иногда ярко-желтый, а также удушливые газы». Обожженные и отравленные люди «падали без стонов, пораженные на смерть целыми группами... В боевую рубку непрерывно попадали осколки снарядов, мелкие щепки дерева и брызги воды от недолетов и перелетов... Шум от непрерывных ударов снарядов вблизи боевой рубки и своих выстрелов заглушал все. Бушующее пламя и дождь осколков не давали возможности вести через прорези рубки правильное наблюдение в нужном направлении. Только урывками можно было иногда видеть отдельные части горизонта...»

Находившийся в боевой рубке лейтенант Кржижановский видел, как неожиданно залпы с японских броненосцев стали следовать один за другим. Было 14:02. «С этого момента начался прямо ад: снаряды попадали с различных сторон... Первым убило сигнального кондуктора Кандаурова, затем ранило старшего артиллериста лейтенанта Владимирского. Левый дальномер Барра и Струда был разбит. Его заменили правым. К нему стал флагманский артиллерист полковник Берсенева, но тут же свалился мертвым, пораженный в голову осколками. Были также убиты рулевой кондуктор Зайсун и матрос-рулевой. К штурвалу встали справа лейтенант Свебеев, слева я. Ручки штурвала были в крови, а у меня вся правая сторона тужурки была забрызгана мозгами. Стояла ужасная вонь... Через минуту нас сменили запасные

рулевые. Все начали держать головы ниже края брони... Около 02:05 адмирал приказал повернуть на 2 румба вправо, чтобы не дать неприятелю пристреляться. Приходил в рубку лейтенант Зотов, но его ранило и он ушел...»

«Я вдруг заторопился в боевую рубку, к адмиралу, — вспоминает капитан 2-го ранга Семенов, — зачем? Тогда я не отдавал себе в этом отчета, но теперь мне кажется, что я просто хотел взглянуть на него и этим взглядом проверить свои впечатления: не кажется ли мне? Не кошмар ли это? Не струсил ли я просто-напросто?.. Вбежав на передний мостик, чуть не упав, подскользнувшись в луже крови (здесь только что был убит сигнальный кондуктор Кандауров), я вошел в боевую рубку. Адмирал и командир, оба, нагнувшись, смотрели в просвет между броней и крышей.

— Ваше превосходительство! — Как всегда, оживленно жестикулируя говорил командир, — надо изменить расстояние! Очень уж они пристрелялись — так и жарят!

— Подождите. Ведь и мы тоже пристрелялись! — ответил адмирал. По сторонам штурвала, справа и слева, лежали двое. Оба в тужурках офицерского образца, ничком...

— Рулевой кондуктор и Берсенев! — крикнул мне на ухо мичман Шишкин, которого я тронул за руку, указывая на лежащих. — Берсенева первым! В голову — наповал!

Дальномер работал. Владимирский резким голосом отдавал приказания и гальванеры бойко вертели ручки указателей, передавая в башни и плутонги расстояния до неприятельских судов... Казалось, что тут (если не обращать внимания на убитых и раненых) все идет, как на учении... Оглядевшись, я поспешил выйти, но не вернулся на задний мостик, а остался на переднем, откуда лучше всего была видна неприятельская эскадра. Не отрывая глаз от бинокля, я жадно смотрел: не сбылись мои надежды, мои мечты, которых я сам себе не смел громко высказывать — не посчастливилось ли нам хоть на этот раз, первый, единственный раз за все время войны — сорвать первый успех, если не утопить, то хоть подбить, хоть временно вывести из строя один из японских кораб-

лей и тем внести в среду неприятеля, хотя бы временное расстройство...

Нет!..

Неприятель уже закончил поворот. Его 12 кораблей в правильном строю, на тесных интервалах, шли параллельно нам, постепенно выдвигаясь вперед... Никакого замешательства не было заметно. Мне казалось, что в бинокль Цейса (расстояние было немногим больше 20 кабельтовых) я различаю даже коечные ограждения на мостиках, группы людей.. А у нас? — Я оглянулся. Какое разрушение! Пламя рубки на мостиках, горящие обломки на палубе, груды трупов... Сигнальные и дальномерные станции, посты, наблюдающие за падением снарядов, — все сметено, все уничтожено... Позади — «Александр» и «Бородино», тоже окутанные дымом пожара...

Нет! Это было совсем непохоже на 28 июля! Там было впечатление, что сошлись два противника, почти равные по силам, что оба они сражаются равным оружием, что это был бой... А здесь? Не бой, а бойня какая-то! Неприятель, выйдя вперед, начал быстро склоняться вправо, пытаясь выйти на пересечку нашего курса, но мы тоже повернули вправо и снова привели его почти на траверз... Было 14:05...»

В боевой рубке лейтенант Кржижановский заметил, что расстояние до противника уменьшилось и броненосец «Микаса» уже находится почти по носу «Суворова». «Снаряды противника стали попадать непрерывно. Свои выстрелы перестали быть слышны. Определение расстояния прекратилось из-за дыма и газов, которые красной, колеблющейся стеной стали кругом. Неприятеля не было видно. Койки, прикрывающие до половины прорезь в рубке, были оборваны. Начался пожар в рострах и вокруг рубки. При бешеном огне противника невозможно было высунуться из рубки, чтобы поднять флажные сигналы: снаряды немедленно сметали людей. Кроме того, все фалы были перебиты, а ящик с флагами сгорел. Об этом доложил лейтенант Свербеев. Рухнула срезанная снарядом грот-мачта и свалилась за борт. С фок-мачты упал нижний рей. Командир просил адмирала переменить курс, говоря, что неприятель пристрелялся. Адми-

рал несколько времени выдерживал и говорил: «Василий Васильевич, успокойтесь, Василий Васильевич, успокойтесь». По переговорной трубе донесли, что получена подводная пробоина у левого носового подводного аппарата. Тогда адмирал скомандовал: «4 румба вправо!»

В 14:05 флагманский минный офицер лейтенант Леонтьев находился в рубке беспроволочного телеграфа «Суворова». Аппараты непрерывно принимали телеграммы противника. Однако вскоре все антенны были сбиты, и помещение пришлось оставить из-за бушующего пожара. «Снаряды стали попадать почти непрерывно. Скоро оказалось, что для уборки раненых не хватает ни носильщиков, ни носилок. Первым мимо меня пронесли помощника старшего инженер-механика Кримера с раздробленной рукой, за ним тащили непрерывный ряд раненых... В носовом кочегарном отделении погасло электричество, но вскоре освещение было восстановлено. При исправлении там находился лейтенант Вырубов... Раненый мичман Церетели шел на перевязочный пункт. Он сказал, что только что один снаряд поранил сразу всех флаг-офицеров, бывших у задней рубки при сигналах. Спустившись после этого по левой шахте к боевым динамомашинам, я нашел распределение нагрузки их равномерным и работу правильной, но заметил, что в машину поступает масса дыма через вентиляторные трубы. Через левую же шахту, по которой я спустился, шел вниз чистый воздух. По просьбе старшего инженер-механика, я послал унтер-офицера Чебурова, бывшего все время при мне, открыть дверь левой шахты в батарею, а сам поднялся по правой шахте и тоже открыл дверь для доступа вниз чистого воздуха. В тот же момент я был сшиблен с ног сильным ударом по голове. Придя в себя, я заметил, что лежу на матросе с развороченною грудью, чувствовал сильную боль в затылке и левой стороне головы. Какой-то матрос, я не заметил, дал мне фуражку и помог встать, после чего я пошел к носовым турбинам...»

Сообщение о попадании в кормовую башню главного калибра заставило капитана 2-го ранга Семенова броситься на кормовой мостик, что еще можно было сделать по продольному проходу, хотя и с большим трудом. «Придя на задний мостик и взглянув вниз, перегнувшись через

его поручень, я увидел, что часть броневой крыши башни со стороны левого орудия была разорвана и отогнута кверху, но башня вращалась и энергично стреляла. Очевидно, попадание не причинило серьезных повреждений. Сигнальная рубка была охвачена пожаром. Впереди из-за дыма ничего не было видно. Я решил вернуться на нос, но это оказалось не так просто: в полпути продольный мостик был разрушен, и ярким пламенем пылала рубка беспроволочного телеграфа. Вернулся назад — трапы сбиты. По каким-то стойкам и повисшим снастям спустился на верхнюю палубу. Очутился на шканцах. Здесь энергично работали пожарные партии, руководимые старшим офицером А. П. Македонским. Хлопнул «чемодан». Меня швырнуло на палубу, завалило какими-то обломками... но, выбравшись из-под них, я с удивлением мог убедиться, что опять не ранен и отделался только ушибами. Зато Македонскому оторвало ногу выше колена. Верно, были и другие раны, так как китель и спереди, и с правого бока был весь залит кровью. Пока его клали на носилки, он уже потерял сознание и вряд ли дожил до прибытия на перевязочный пункт. Пожарные партии оставались без руководителя... Я принял начальствование над ними. Впрочем, — ненадолго... Людей становилось все меньше. Отовсюду, даже из башен, куда осколки могли проникнуть только через узкие просветы амбразур, требовали подкреплений на замену выбывших. Убитых, конечно, оставляли лежать там, где они упали, но и на уборку раненых не хватало рук... Единственный ресурс, которым мы располагали, это была прислуга 47-мм пушек и пулеметов, которая, чтобы не подвергать ее напрасному расстрелу, с началом боя была убрана под броневую палубу. Теперь эти люди оказались совершенно свободными, так как вся их артиллерия, стоявшая на мостиках, была уже уничтожена без остатка. Ими и пользовались. Но это была капля в море... Относительно пожара, — если бы даже нашлись люди, то не было средств для борьбы с огнем. Шланги, сколько раз их не заменяли запасными, немедленно превращались в лохмотья. Наконец запасы иссякли. А без шлангов как было подавать воду на мостики и на ростры, где бушевало пламя? Особенно ростры, где пирамидой стояли 11 деревянных

шлюпок... Пока этот лесной склад горел только местами, так как в шлюпках еще держалась вода, налитая в них перед боем. Но она вытекала через многочисленные дыры, пробитые осколками, а когда вытечет... Разумеется, делали, что могли. Взбирались по спинам товарищей (трапов уже не существовало), пытались затыкать дыры в шлюпках, таскали воду ведрами. Не знаю, нарочно были закрыты шпигаты или просто засорились, но вода плохо стекала за борт и на верхней палубе ее было по щиколотки. Это обстоятельство принесло большую пользу, так как, во-первых, сама палуба не горела, а во-вторых, в этой же воде мы тушили валившиеся сверху горящие обломки, просто растаскивая и переворачивая их. Довольно скоро под моей командой осталось всего 2 — 3 человека. Пошел искать людей. Близ правой носовой 6-дюймовой башни, у трапа на передний мостик увидел флаг-офицера мичмана Демчинского с партией баковых сигнальщиков. Подошел к нему. Мичман Головнин (командир башни) угостил нас холодным чаем, который был у него запасен в бутылках. Кажется пустяки, а стало веселее...»

Стоящему у трапа на передний мостик мичману Демчинскому доложили, что на правом борту из-за пожара рвутся сложенные там снаряды для 47-мм орудий. Взяв матросов, мичман бросился к месту происшествия. Ничего сделать было нельзя, поскольку место, где были сложены снаряды, было охвачено огнем и завалено обломками. Перейдя на правый борт, Демчинский стал убирать сложенные там снаряды, перенося их в носовую 6-дюймовую башню мичмана Головнина. В этот момент башня открыла огонь. В распоряжении Демчинского оставалось всего четыре человека, так как матросы, посылаемые им с носилками на перевязочный пункт, назад не возвращались. Мичман отвел своих матросов в укрытие на батарейной палубе, понимая, что наверху они будут все перебиты...

Боевая рубка «Суворова» еще продолжала выполнять свою роль главного центра управления кораблем. Туда поступали доклады со всех боевых постов, из рубки отдавались приказы и велось управление артиллерийским огнем:

14:07. Доложили, что у левой средней 6-дюймовой башни подача производится вручную. Левую кормовую 6-дюймовую башню питают подачей из правой кормовой.

14:09. В 12-дюймовых башнях все благополучно.

14:13. В боевой рубке сбило второй и последний дальномер Барра и Струда.

14:15. Повернули влево и легли на прежний курс норд-ост 23°. Снаряды попадают непрерывно. Сообщили о подводной пробое у левого подводного аппарата.

14:16. Ранило в шею флаг-капитана, мичмана Шипкина в голову и лейтенанта Владимирского, незадолго пришедшего перед этим в боевую рубку, вторично в голову.

14:17. Доложили, что все остальные фалы перебило, часть их сгорела.

14:18. Ранило в плечо лейтенанта Зотова — старшего штурманского офицера.

14:20. Лейтенант Редкин доносит, что левая кормовая 6-дюймовая башня не может действовать от дыма и жары, просил изменить курс — в чем пришлось отказать...

14:20. Повернули на 4 румба вправо.

Страшный удар сбил с ног и бросил на палубу боевой рубки лейтенанта Кржижановского. В момент поворота снаряд противника попал в боевую рубку, оборвав полосу в верхней части рубки угловое железо. Град осколков ударил внутрь рубки. «Адмирал был ранен в голову, флаг-капитан — в затылок, лейтенант Свербеев — в спину, мичман Шипкин — в спину и ноги. Мне попало по рукам и в лицо мелкими осколками. Я бросился помочь адмиралу, но видя, что кровь не идет из раны и что адмирал продолжает сидеть на месте, побоялся дотронуться неумелыми руками и перешел на другое место рядом с полковником Филипповским.

Следующий снаряд ударил в рубку прямо с носа. Осколком вторично ранило адмирала в ноги. Меня сбросило с рельсов для передвижения дальномеров, на которых я сидел, на палубу, сорвало чехол с фуражки. Обе руки покрылись язвами от мелких осколков. В воздухе закружились серые стружки. Сидящий передо мной на короточках командир был ранен в голову. Я видел, как у

него на голове кожа вскрылась конвертом в двух местах и оттуда хлынула кровь струйками во все стороны. Он откинулся назад и его вынесли из рубки. Лейтенант Владимирский был ранен еще раз. Он сказал: «На этот раз попало здорово».

Капитан 2-го ранга Семенов увидел, как по трапу сверху спускается Демчинский, поддерживая с трудом держащегося на ногах флаг-офицера лейтенанта Свербева. «Свербеев задыхался и просил пить. Я зачерпнул из ведра воды в десантный котелок, валявшийся тут же и подал ему. Но руки у него тоже слушались плохо. Демчинский и я помогли ему. Он жадно пил, произнося отрывочные фразы: «Пустяки... скажите флаг-капитану... сейчас приду... задохнулся проклятыми газами... только отдышаться...» Его посиневшие губы с усилием втягивали воздух. В горле и в груди что-то хрипело, но, конечно, не ядовитые газы — с правой стороны груди и спины тужурка была сильно порвана и оттуда обильно сочилась кровь. Демчинский дал ему двух провожатых, чтобы довести до перевязочного пункта, а мы опять поднимались вверх... Тут я узнал о тяжелой потере, понесенной броненосцем в лице трюмного механика штабс-капитана Криммера. Узнав о смертельной ране старшего офицера, он поспешил наверх с целью руководить пожарными партиями, но по пути шальной осколок перебил, почти оторвал ему руку близ локтя. Моряки хорошо поймут, какой это урон — потерять трюмного механика в самом начале боя. Правда, у нас был человек, приблизительно той же специальности — флагманский корабельный инженер Политовский, но он не состоял при постройке «Суворова», не был так детально, как Криммер, осведомлен о всех подробностях и особенностях водоотливной системы броненосца. К тому же (не берусь судить по каким причинам) он наметил своей обязанностью в бою — помощь медицинскому персоналу. Еще при первой тревоге, пробегая по жилой палубе, я видел его в операционной, одетого в белый халат с перевязью Красного Креста. Кажется даже, это было его место по «боевому расписанию штабных чинов»...

Выйдя на верхнюю палубу, я прошел на левую сторону между носовой 12- и 6-дюймовыми башнями по-

смотреть на японскую эскадру... Она была все та же! Ни пожаров, ни крена, ни подбитых мостиков... Словно не в бою, а на учебной стрельбе! Словно наши пушки, неумолчно гремящие уже полчаса, стреляли не снарядами, а черт знает чем!.. С чувством, близким к отчаянию, я опустил бинокль, отвернулся и пошел на корму. Было 14:20... Пробираясь между обломками на корму, столкнулся с Редкиным, спешившим на бак. «Из левой кормовой стрелять нельзя, — возбужденно заговорил он, — под ней, кругом пожар. Люди задыхаются от жары и дыма. Доложите адмиралу!»

Для его успокоения, я обещал доложить немедленно и мы расстались, чтобы уже не встречаться более... В рубке лежало уже не двое, а пять — шесть человек убитых. За неимением рулевых, на штурвале стоял Владимирский. По лицу его текла кровь, но усы лихо торчали кверху, и вид был такой же самоуверенный, как, бывало в кают-компании при спорах о «будущности артиллерии». На мой доклад адмирал только пожал плечами: «Пусть тушат пожар. Отсюда помочь нечем...» Выйдя из рубки, я предполагал отправиться к Редкину, чтобы передать ответ адмирала и помочь в тушении пожара, но задержался на мостике, глядя на японцев. За четверть часа на новом курсе они опять много выдвинулись вперед, и теперь «Микаса», ведя колонну, постепенно склонялся вправо на пересечку нам. Я ждал, что мы тоже немедленно начнем ворочать в ту же сторону, но адмирал еще некоторое время, выдерживал на старом курсе. Я догадался, что этим маневром он хочет, сколько можно, уменьшить дистанцию, так как со сбитыми дальномерами и наблюдательными постами наша артиллерия годилась только для стрельбы почти в упор. Однако выпускать неприятеля поперек курса и подвергать себя продольному огню — тоже было не расчет. Напряженно считая мгновения, я смотрел и ждал... «Микаса» ближе и ближе подходил к нашему курсу... В этот момент мы быстро покатались вправо. Я облегченно вздохнул и оглянулся. Демчинский со своими людьми все еще не ушел и с чем-то возился (оказалось, он убирал в башню стоявшие на палубе ящики 47-мм патронов, чтобы они от пожара не начали рваться и бить своих). Я спустился к нему, спросить в

чем дело, но не успел сказать ни слова, как следом за мной на верху трапа появился командир. Голова у него была вся в крови. Он шатался и судорожно хватался руками за поручни. Где-то совсем близко разорвался снаряд. От этого толчка он потерял равновесие и полетел с трапа головой вперед. По счастью, мы это видели и успели принять его на руки. «Это ничего! Это пустяки! Голова закружилась!» — обычной скороговоркой, почти весело уверял он, вскочив на ноги и порываясь идти дальше. Но так как дальше, до перевязочного пункта, было еще три трапа, то, несмотря на протесты, мы его все же уложили на носилки.

— Кормовую башню взорвало! — передали откуда-то (с соседних кораблей видели, как в вихре огня и желтого дыма крыша кормовой башни главного калибра «Суворова» взлетела выше мостиков и рухнула на ют)... Почти одновременно над нами раздался какой-то особенный гул, послышался пронзительный лязг рвущегося железа, что-то огромное и тяжелое словно ухнуло, на рострах трещали и ломались шлюпки, сверху валились какие-то горящие обломки, и непроницаемый дым окутал нас... Тогда мы не сообразили в чем дело — оказывается, это упала передняя труба... Растерявшиеся, ошеломленные сигнальщики, тесной кучей, увлекая нас за собой, шарахнулись в сторону, как раз под разрушающиеся ростры. Едва удалось силой остановить их, образумить... Было 14:30...»

В этот момент еще один крупный снаряд попал в боевую рубку, убив вторую смену рулевых. Штурвал оказался заклиненным, и «Суворов» покатился вправо, никем не управляемый. Вскочив на ноги, лейтенант Кржижановский пытался ранеными руками поставить руль прямо, но вскоре понял, что руль заклинен. Встал на ручки машинного телеграфа полковник Филипповский и, обливаясь кровью от многочисленных ран, пытался управлять машинами. Но с заклиненным в положение на борт рулем «Суворов» продолжал описывать циркуляцию. Командование кораблем принял вызванный в рубку третий лейтенант Богданов, сменивший полковника Филипповского на ручках машинного телеграфа. Лейтенант Кржижановский видел, как корабль все время бросало из стороны в сторону. «Одно время мы шли на свою

эскадру, мне показалось, что впереди «Сисой» или «Николай». Машинами тотчас же отвернули. Кругом рубки загорелся такой пожар, что стало невыносимо жарко и ничего не было видно. Полковник Филипповский задался вопросом, как поставить руль прямо, чтобы он не мешал управляться. Телефонное сообщение с рулевым отделением было прервано. Адмирал приказал пойти поставить руль прямо. Сначала хотел пойти лейтенант Богданов, но сказал, что кругом огонь и вернулся к машинному телеграфу. В это время случайно ветром прижало огонь к палубе. Это дало мне возможность заметить большую дыру в палубе и несгоревший еще привальный брус. Тогда, сказав, что я пойду, одним прыжком перескочил сквозь огонь на привальный брус мостика. Поручней уже не осталось, я прямо дальше прыгнул на 6" левую башню, спустился с нее вниз и пошел дальше через батарейную палубу в рулевое отделение...»

В этот момент мичман Демчинский пытался пробиться с палубы в боевую рубку. Поднимаясь по трапу, мичман услышал взрыв снаряда и почувствовал удар по обоим рукам, которыми он держался за остатки поручней. Придя в себя, Демчинский увидел, что указательный палец на его правой руке оторван, а на левой — раздроблен большой. Кровь из раны била фонтаном. «Я зажал в кулак болтавшийся палец правой руки и пошел на перевязку. Там доктор перевязал обе руки, причем забинтовал все пальцы и я лишен был возможности делать что-либо. Уходя из перевязочного пункта я увидел сидящего Новосильцева (кажется он был ранен в ногу) и около него стояли Свербеев, Казакевич и князь Церетели. Я к ним подошел и уговорил идти наверх, так как офицеров почти нет и некому распорядиться. Сам же ушел, причем видел много народу даже без царапинки — очевидно забившиеся от страха...»

Между тем попадания в боевую рубку и передний мостик становились все чаще. Осколки снарядов, масса ми врываясь под грибовидную крышу рубки, уничтожили в ней все приборы, разбили компас. По счастью, уцелели телеграф — в одну машину, переговорная труба — в другую. Начался пожар на самом мостике — загорелись койки, которыми предполагалось защититься от

осколков, и маленькая штурманская рубка, находившаяся позади боевой. Пылали ростры и верхняя штурманская рубка. Внутри боевой рубки лежали небрунные трупы офицеров и матросов. Жара становилась нестерпимой, а главное — густой дым застилал все кругом, и без компаса держать какой-либо курс было совершенно невозможно. В рубке в это время находились: адмирал, флаг-капитан и флагманский штурман — все трое раненые, а также лейтенант Богданов, мичман Шишкин и один матрос как-то до сих пор уцелевшие. Им предстояла страшная участь — или задохнуться в дыму, или сгореть, так как боевая рубка, охваченная со всех сторон пламенем, напоминала теперь «кастрюлю, поставленную на костер». Первым вышел из рубки на левую сторону мостика лейтенант Богданов. Смело расталкивая горящие койки, он бросился вперед и исчез в пламени, провалившись куда-то. Шедший за ним флаг-капитан повернул на правую сторону мостика, но здесь все было разрушено, трапа не существовало — дороги не было. Оставалось только одно — выйти через центральный пост. Раскидали лежащих на палубе убитых, подняли решетчатый люк над броневой палубой, и все четверо стали спускаться вниз по вертикальной трубе, уходящей в глубину корабля, почти на самое его днище. Адмирал, раненый в голову, в спину и правую ногу, с трудом спускался по скоб-трапу, рискуя каждую минуту сорваться и разбиться вдребезги, однако он благополучно добрался вместе с остальными до центрального поста. Находясь в центральном посту, флагманский штурман полковник Филипповский принял управление кораблем. Закопченный и окровавленный, в рваном кителе он сразу стал распоряжаться, чтобы наладить связь с румпельным отделением и поставить руль прямо. Флаг-капитан ушел из центрального поста, но из-за полученных в голову ран совершенно потерял память и возможность соображать. Намереваясь отправиться на перевязку, он почему-то направился в батарею 75-миллиметровых орудий. Адмирал же направился наверх, отдав Филипповскому приказ держать броненосец на старом курсе. Верхняя палуба представляла из себя горящие развалины, и Рождественский не мог пройти дальше верхней батареи. В этот момент адмирал

был ранен — осколок перебил ему щиколотку левой ноги. Теряя сознание от боли, адмирал Рожественский пытался доползти до правой 6-дюймовой башни. Какие-то матросы помогли командующему добраться до башни и усадили там на ящик с инструментами. Сама башня уже была повреждена и не вращалась...

Между тем капитан 2-го ранга Семенов, придя в себя после падения передней трубы, решил пройти на корму, чтобы узнать, что случилось с кормовой башней главного калибра. По верхней палубе из-за пожаров и обломков с носа на корму пройти уже было невозможно. Семенов попробовал пройти верхней батареей, откуда через адмиральскую каюту был прямой выход на ют, но здесь штабное помещение было охвачено сплошным пожаром. Вернувшись назад, Семенов встретил быстро спускавшегося по трапу лейтенанта Кржижановского. «Куда вы?» — «В румпельное отделение! Руль заклинило!» — крикнул на бегу Кржижановский. «Только этого и не хватало», — подумал Семенов, бросаясь наверх...

Закончив проверить энергооборудование броненосца, лейтенант Леонтьев встретил мичмана Демчинского, от которого узнал, что в руле какая-то неисправность и что туда послан лейтенант Кржижановский. Бросившись в рулевое отделение, Леонтьев застал там Кржижановского с несколькими матросами. Руль уже был поставлен прямо и соединен с паровой машинкой, работу которой как раз опробовали. Компаса в рулевом отделении не было, связи с боевой рубкой и центральным постом тоже. Леонтьев опробовал электрический золотниковый привод и электрический рулевой мотор. Все работало исправно, но поскольку в отделении не было компаса, Леонтьев решил провести в боевую рубку специально приготовленные провода, предназначенные для управления электрическим приводом руля из любого пункта корабля. «К разнесу этих проводов тотчас же было приступлено. Выйдя наверх для указаний, как и куда вести проводники, я был снова сшиблен с ног разорвавшимся снарядом, осколок которого попал мне в правую ногу. Унтер-офицер Чебуров с другим матросом повели меня к перевязочному пункту, но по дороге, вытащив торчащий из ноги осколок, я сам стал ступать на ногу и после перевязки уже

поднимался по трапу наверх, но возвратился обратно, так как меня потребовал к себе находившийся здесь же командир броненосца капитан 1-го ранга Игнациус, который меня спросил: «В чем дело?». Я доложил ему, что знал. У капитана 1-го ранга Игнациуса была перевязана голова. Тут же находились лейтенанты Свербеев и Новосильцев, мичман князь Церетели и другие раненые. В этом помещении было очень много лежащих на палубе и рундуках тяжело раненых...»

Выбежав наверх, капитан 2-го ранга Семенов в первый момент не смог правильно сориентироваться. «Недалеко справа, почти контркурсом, проходила наша эскадра. Особенно врезался в память «Наварин», который, должно быть отстав, теперь нагонял, работая полным ходом и неся перед носом огромный бурун... Очевидно, «Суворов» раньше, чем послушаться машин, успел под действием заклиненного руля повернуть почти на 16 румбов. Линия нашей эскадры была очень неправильная и очень растянутая, особенно третий отряд. Головных я не видел — они были у нас под ветром и заслонялись дымом пожара. В том же направлении находился и неприятель... На случай, если в бою «Суворов» выйдет из строя, миноносцы «Бедовый» и «Быстрый» должны были немедленно подойти к нему, снять адмирала со штабом и перевезти его на другой, исправный корабль. Однако, сколько я не высматривал по сторонам — миноносцев не было... Сделать сигнал, но чем? Все средства сигнализации давно были уничтожены... Между тем, если мы за дымом собственного пожара почти не видели неприятеля, он нас хорошо видел и всю силу своего огня сосредоточил на подбитом броненосце, пытаясь добить его окончательно. Снаряды сыпались один за другим. Это был какой-то вихрь огня и железа... Стоя почти на месте и медленно разворачиваясь машинами, чтобы привести на должный курс и следовать за эскадрой, «Суворов» по очереди подставлял противнику свои избитые борта, бешено отстреливаясь из уцелевших (уже немногих) орудий...»

«Суворов» был обезображен до неузнаваемости. Лишенный грот-мачты, передней дымовой трубы, с уничтоженными кормовыми мостиками и рострами, охваченный пламенем по всей верхней палубе, с бортами, зияв-

шими пробоинами, он уже более ничем не напоминал флагманского корабля эскадры. Заволакиваемый клубами черного дыма, с остатками фок-мачты и еле державшейся задней трубой, «Суворов» издали теперь походил на силуэт японского крейсера типа «Мацусима». После попытки «Александра III» прорваться на север под хвостом у японцев, «Суворов», ковылявший в районе боя, прорезал линию русских кораблей и оказался между противниками. Задние русские корабли, не видевшие выхода флагманского броненосца из строя, приняли его за противника и обстреляли. Обстрел прекращался, по мере того как сигнальщики с ужасом опознавали в этой гряде пылающего металлалома свой некогда могучий флагманский корабль.

С мостика «Орла» наблюдал за агонией флагманского броненосца капитан 2-го ранга Шведе: «В это время неприятельская эскадра, сильно обогнав нас, начала склоняться вправо, нажимая на голову нашей колонны. Около 14:25 «Князь Суворов», сильно подбитый, начал поворачивать вправо и вышел из строя, описав циркуляцию около 16 румбов. Броненосец «Император Александр III», следовавший за ним в кильватер, увидев, что флагманский корабль не может управляться, лег почти на ост и, оставшись головным, повел нашу колонну... Наша эскадра, продолжая склоняться вправо, легла почти на зюйд. В это время «Князь Суворов» без грот-мачты и передней дымовой трубы, с половиною фок-мачты, с разрушенной кормовой 12" башней, с громадным пожаром на шканцах и шкафуте, по-видимому, успевший исправить свои повреждения и шедший на ост, прошел за нашей колонной и вышел на ее левую сторону. Неприятель же, разойдясь с нами, снова повернул «вправо вдруг» и, выстроившись в прежний строй, имея «Микаса» головным, догонял нас слева, идя параллельным курсом... Увидав «Суворова», неприятель сосредоточил на нем огонь. «Бородино», видя это, снова лег на ост, и наша колонна приблизилась к «Князю Суворову», отвечая с возможной энергией на огонь неприятеля. «Бородино», пройдя мимо «Суворова», оставил его с левого борта. «Князь Суворов» быстро отстал и мы снова легли в зюйд-остовую четверть, продолжая

вести бой с неприятельской броненосной эскадрой, обгонявшей нашу колонну. Справа же шли и неприятельские броненосные крейсера, вероятно обошедшие нашу колонну с тыла... Около 16:00 мы снова увидели «Суворов», который уже был без труб и без мачт со сплошным пожаром от носовой до кормовой 12" башни. Он прорезал наш строй справа налево позади броненосца «Наварин» и перешел на левую от нас сторону. Мы снова легли в остовом направлении. В это время на «Князь Суворов» производилась атака неприятельскими миноносцами. С «Орла» был открыт огонь всем левым бортом (кроме 12" башен, которые продолжали действовать на правый борт против броненосных крейсеров противника) по показавшимся миноносцам. Миноносцы, не выдержав огня, отошли, а слева из мглы снова показались неприятельские броненосцы...»

Находившийся на крейсере «Аврора» лейтенант Лосев, руководивший артиллерийским огнем своего корабля, внимательно следил и за трагедией своего флагманского броненосца: «...В указанный момент «Суворов», жестоко страдавший от меткого и сосредоточенного града японских снарядов, был в положении, недалеко от трагического. С уничтоженными мачтами, при своем падении погубившими не одну человеческую жизнь, с пожаром, тоже, вероятно, стоившим многих жертв, и, кроме того, будучи ежеминутно расстреливаем сосредоточенным огнем японской артиллерии, «Суворов», все время сопровождаемый адскою канонадою, вырывавшею чуть ли не при каждом неприятельском выстреле целую кучу матросов, а равно и офицеров, еще недавно так героически шедших на последний решительный бой — «Суворов», как величественно задумчивый морской витязь, отягченный смертельными ранами, заботясь не о себе, а о шедшей за ним морской дружине, окрыленной надеждою «погибнуть или победить», медленно и торжественно шел в этой хаотической и адской сфере ужасного огня, изрыгаемого разъяренными жерлами японских орудий...»

На броненосце «Орел» командир кормовой башни главного калибра мичман Щербачев получил по переговорной трубе приказ: «Не стрелять по судну справа, это «Суворов». «Я оглянулся. По правому борту, кабельто-

вых в 10 шел контркурсом «Суворов». Вся его средняя часть над коечными сетками была в огне. Дым стлался за ним, крыши кормовой 12" башни не было — оттуда шел бурый дым. Трубы его стояли, но передняя сильно наклонилась назад... Неприятель нас догонял, открыв снова огонь. В этот момент между неприятельской и нашей колоннами снова показался «Суворов». Он шел параллельным нам курсом, на расстоянии 10 — 15 кабельтовых. Грот-мачты и передней трубы на нем не было. Задняя еще стояла, но наклонившись. От носового мостика до кормовой 12" башни под коечными сетками шла непрерывная лента яркого огня. «Суворов» был весь закутан серым, густым дымом. Неприятель, видимо, сосредоточил на нем огонь, так как вокруг него стали подниматься столбы от перелетов и недолетов. Мы повернули немного влево и приблизились к «Суворову», отвечая с возможной энергией на огонь неприятеля. ...В 16:20 (я посмотрел на часы) я снова увидел «Суворов», или вернее развалины его. Он шел слева, кабельтовых в 10, параллельным курсом. Труб и мачт у него не было. От носовой 12" башни вплоть до самой кормы шел сплошной пояс огня и дыма. Из борта вырывались тоже огненные языки. Он не стрелял. Кабельтовых же в 35 шли броненосцы неприятеля параллельным нам курсом...»

На броненосце «Сисой Великий» лейтенант Овандер увидел, как «Суворов» пошел вправо. В этот момент Овандеру подали бумажку с каким-то принятым сигналом, полученным, видимо, по телеграфу, так как другим способом принять сигнал уже было невозможно. «Стоял я у машинного телеграфа, разбирая сигнал, сидя на корточках. В рубке в это время шел разговор, что делать — эскадренный броненосец «Суворов» прямо держит на нас и уже очень близко, а «Жемчуг», кажется, собирается прорезать строй, пройдя нам под нос, чтобы перейти на левую сторону. Разобрав сигнал: «Адмирал не управляется», я встал на ноги и увидел, что «Суворов» идет прямо на нас, уже очень близко, но чуть позади траверза, а потому инстинктивно взялся за ручки машинного телеграфа и сказал: «Надо дать самый полный вперед». Командир сказал на это: «Да, давайте», и я согласно приказанию командира три раза, один за другим, ставил руч-

ки машинного телеграфа на полный ход. В машине, услышав тревогу и звонки «полный ход», дали требуемый ход и мы проскочили у эскадренного броненосца «Суворов» под носом. Он прорезал наш строй, пройдя в нескольких саженях у нас за кормой, так что эскадренному броненосцу «Наварин», чтобы избежать столкновения, пришлось свернуть на 12 румбов влево...»

С мостика броненосца «Генерал-Адмирал Апраксин» лейтенант Таубе внимательно следил за всеми событиями боя, хотя многого он и не видел, поскольку его корабль шел в хвосте колонны. «Около 15:15 с левой стороны виднеется горящий «Суворов», который находится между нами и неприятелем... «Александр III» меняет курс, и мы проходим от «Суворова» на расстоянии от 10 до 15 кабельтовых, оставив его с левой стороны. На нем видны очень сильные разрушения, но ход «Суворов» имеет еще довольно большой и, видимо, следует за эскадрой... В 16:30, с правой стороны, опять увидели броненосец «Суворов», которого сперва было приняли за неприятельский корабль. Он был уже весь объят пламенем и не имел больше ни труб, ни мачт. Наша эскадра около него прошла на этот раз довольно близко — около 5 кабельтовых. Он все еще имел ход и, кажется, попытался вступить в строй в конце нашей колонны, но ему это, по видимому, не удалось, и больше я его уже не видел...»

Находящемуся на крейсере «Адмирал Нахимов» мичману Энгельгардту трагедия флагманского корабля представилась следующим образом: «Между эскадрами, в равном приблизительно расстоянии от обеих колонн, стоял разбитый «Суворов», без мачт и труб, весь в дыму. Его должно быть у нас приняли за японский броненосец, так как некоторое время видны были попадания снарядов. Но «Суворов» повернулся, показывая левый борт, которым он отстреливался от японцев, и огонь с нашей стороны по нему прекратился...»

Мичман Затурский с крейсера «Дмитрий Донской» был ошеломлен видом огненного смерча, бушевавшего над «Суворовым»: «Около 3 ч пополудни «Суворов» был выведен из строя, и было видно, как наши броненосцы, с «Александром» во главе, понемногу оставляли его за собой. Видя, что «Суворов» подбит, хотя и не потерял спо-

способности двигаться вперед, японцы сосредоточили на нем убийственный огонь и прошло не более получаса, как «Суворов» был превращен в страшно дымящийся костер, без мачт, без труб, без мостиков. Трудно было себе представить, чтобы такой стальной колосс мог так гореть...»

Командующий отрядом крейсеров контр-адмирал Энквист, увидев трагедию флагманского корабля, бросился было к нему на помощь с «Олегом» и «Авророй». Но связанный боем и необходимостью охранять транспорты вынужден был вернуться обратно. Находившийся в этот момент на кормовом мостике «Авроры» доктор Кравченко с трудом поверил своим глазам: «Мы не узнали «Суворова». Это был не корабль, а какая-то черная головня, окутанная дымом, с языками огня, выскакивавшими из полупортиков и пробоин. Мачты, обе трубы, все задние мостики, шканечные надстройки — все было снесено. Боевую рубку лизали огненные языки. То, что называлось броненосцем «Князь Суворов», стояло на месте, не двигаясь и... отстреливаясь от «Ниссин» и «Кассуги», потом куда-то вдаль (должно быть от миноносцев) и еще от одного судна типа «Чин-Иен»... Увидев «Олег» и «Аврору», «Ниссин» и «Кассуга» перенесли огонь на них. И был бы здесь славный конец двум зарвавшимся небронированным крейсерам, если бы не приближение наших броненосцев, также повернувших на обратный курс... И вот сильно уже избитые броненосцы наши грудью прикрыли «Суворова» и стали описывать вокруг него круги... «Суворов», объятый дымом и пламенем, продолжал стоять на одном и том же месте — вдруг он дал ход и двинулся, оставляя за собою вбок густое черное облако дыма. На следующем галсе «Аврора» увидела его уже вошедшим в строй и идущим в кильватер «Ушакову». Каков молодец!... Затем «Суворов» исчез, и за дымом и мглой его никак не удавалось открыть. На «Авроре» все спрашивали друг друга: «Где «Суворов»? Что с ним?» Заключение свелось к тому, что он остался где-то позади в беспомощном состоянии...»

Наблюдатели с «Авроры» ошиблись — «Суворову» не удалось занять место в строю за «Ушаковым». Находившийся на «Ушакове» мичман Дитлов около 16:00 увидел

«Суворов»: «Суворов» показался на правом траверзе без труб и мачт. Он шел параллельно с нами, но вскоре отстал и скрылся из виду...»

На кормовом мостике «Микаса» капитан 1-го ранга Ватанабэ внимательно следил за «Суворовым» в бинокль. Офицер исторического отдела морского генерального штаба Ватанабэ иероглифической скорописью заносил в свою записную книжку подробности боя, которые позднее легли в основу официальной японской истории войны на море: «Вышедший из строя «Суворов», охваченный пожаром, все еще двигался, но скоро под нашим огнем потерял переднюю мачту, обе трубы и весь был окутан огнем и дымом. Положительно никто бы не узнал, что это за судно, так оно было избито. Однако и в этом жалком состоянии все же, как настоящий флагманский корабль, «Суворов» не прекращал боя, действуя, как мог, из уцелевших орудий... Флагманский корабль «Князь Суворов», выйдя из строя, шел зигзагами на север. Он снова подвергся огню наших кораблей. При этом на нем были разрушены все надстройки над верхней палубой, броненосец был покрыт дымом, и пламя вырывалось из пушечных портов. Поистине, картина была ужасная... «Суворов», поражаемый огнем обеих наших эскадр, окончательно вышел из строя. Вся верхняя часть его была в бесчисленных пробоинах, и весь он был окутан дымом. Мачты упали. Трубы упали одна за другой. Он потерял способность управляться, а пожар все усиливался... Но, и находясь вне боевой линии, он все же продолжал сражаться так, что наши воины отдавали должное его героическому сопротивлению...»

«В таком истерзанном виде корабль уже не представлял никакой боевой ценности и только связывал маневрирование эскадры, которая не желала бросать своего адмирала. Броненосец окончательно лишился всех труб и надстроек, его пожары выбрасывали над грудой железного лома чудовищные языки пламени, напоминавшие извержение вулкана. От накаливания верхняя палуба на «Суворове» осела настолько, что придавила батарейную. Броневые плиты на бортах разошлись у ватерлинии, давая во многих отсеках течь. Но несмотря на такие разрушения, корабль продолжал упрямо держаться на воде.

Со стороны нельзя было без содрогания смотреть на эту картину опустошения и смерти...»

Между тем на «Суворове» флагманский штурман полковник Филипповский, находясь в центральном посту управления в глубине корабля, пытался наладить управление броненосцем. Руль был поставлен прямо, рулевая машина работала исправно, но оказалось, что не действует передача к золотнику из центрального поста к рулевой машине. Пробовали перевести руль на электромотор, но и тот неожиданно отказал. Стали править рулем из рулевого отделения паровым золотником вручную, но оказалось что из центрального поста в рулевое отделение невозможно передать приказаний: переговорных труб в рулевое отделение не было, телефон не действовал, а так называемые электрические приказатели вышли из строя. Полковник Филипповский пробовал установить голосовую передачу между ЦП и рулевым отделением, но двое рулевых, посланные один за другим, были убиты на батарейной палубе. «Управляясь машинами, я старался удержать броненосец на курсе норд-ост 23°, но при рисковости броненосца очень трудно было удержать его, хоть самое непродолжительное время на курсе, так что надо считать, что с трех до пяти часов броненосец держался на месте, катаясь до 10 — 12 румбов в обе стороны от курса... «Флагманский штурман продолжал прилагать все усилия, чтобы наладить управление кораблем и организовать командование, взяв фактически на себя роль командира. Около 16:00 инженер-механик Федюшин доложил Филипповскому, что броненосец получил пробойну над левым подводным минным аппаратом. В отделение минных аппаратов поступает вода. Полковник Филипповский приказал задрать «все, что только возможно» и убрать из этих отсеков людей. Затем Филипповскому доложили, что над правым погребом 75-миллиметровых снарядов бушует сильный пожар, горящие обломки и искры сыпятся в погреб, а тушить пожар некому. Полковник приказал ревизору броненосца лейтенанту Орнатову затопить погреб...

Лейтенант Кржижановский покинул рулевое отделение и хотел вернуться в боевую рубку, пройдя через офицерское отделение. «По правому борту от нескольких кают

ничего не осталось. Огромные пробоины выше человеческого роста позволяли видеть большую часть горизонта. Никаких кораблей не было видно. Был крен небольшой (около 5°) на левый борт. Палуба была покрыта обломками дерева и железа. Слышно было журчание воды. Огонь неприятеля почти прекратился. Ко мне подошел один из нижних чинов с просьбой помочь остановить воду, бьющую струей из какой-то перебитой трубы. Я обещал вызвать трюмных. У трапа вниз встретил флаг-капитана, который сказал, что адмирал, флагманский штурман и он спустились по трубе в центральный пост, и управление теперь ведется оттуда. Флаг-капитан просил меня вызвать доктора к нему наверх, но так как доктор был очень занят, то мне пришлось упросить флаг-капитана спуститься вниз для перевязки. В перевязочном пункте я видел раненых командира, лейтенанта Свербеева, Новосильцева и мичмана Козакевича. Так как двое трюмных, которых я там нашел, куда-то скрылись, то по просьбе командира мне пришлось самому отправиться в машину и доложить о перебитой трубе старшему механику. В машине все было исправно, только в левой машине погасло электричество и приказания из центрального поста передавались по переговорной трубе. Старший механик спросил меня о подводной пробойне и о положении наверху. Я сообщил ему все, что знал и просил передать в центральный пост о том, что руль поставлен прямо...»

Капитан 1-го ранга Клапье де Колонг не помнил, как оказался у одного из полупортиков 75-миллиметровой батареи правого борта. Орудия были разбиты или сброшены со станков. Броненосец имел крен на левый борт. Через открытые порты захлестывала волна, держась на палубе вдоль левого борта корабля. Все помещение батареи было «исковеркано до неузнаваемости и переполнено листами железа. Везде следы пожара, трапы изломаны, много дыму». Слышались взрывы рвущихся в беседах снарядов. В орудийном портике флаг-капитан увидел, что «Сувовров» идет прямо на проходящую у него под носом линию эскадры противника. Появившийся в этот момент лейтенант Кржижановский отвел капитана 1-го ранга на пункт первой помощи, где доктор Матавкин сделал ему перевязку...

Находившийся на остатках носового мостика капитан 2-го ранга Семенов увидел, что броненосец разворачивается, становясь кормой против ветра. Дым и пламя с горящих роствр хлынули прямо на мостик, с которого Семенов пытался разглядеть, не появятся ли миноносцы, чтобы снять с разбитого флагманского корабля адмирала и штаб. В этот момент капитан 2-го ранга оказался в непроницаемом дыму. «Раскаленный воздух жег лицо и руки, едкая гарь слепила глаза, дышать было нечем. Надо было спастись, и притом спастись, идя навстречу пламени, так как вперед, на бак, схода не существовало. Одно мгновение у меня мелькнула мысль соскочить с мостика на носовую 12" башню, но ориентироваться, выбрать место и направление для прыжка было невозможно... Как я вылез из этого пекла? Может быть, кто-нибудь из команды, ранее видевший меня на мостике, выволок? Как я попал на верхнюю батарею, на знакомое место, к судовому образу — совершенно не помню и не могу себе представить... Отдышавшись, выпив воды и промыв глаза, я осмотрелся. Здесь было совсем уютно. Большой киот судового образа оставался невредимым и, по-видимому, кроме первого шального снаряда, уничтожившего временный перевязочный пункт, ни одного больше не залетало в этот укромный уголок. Тут же стояло несколько человек команды. Среди них я признал нескольких сигнальщиков Демчинского и спросил о нем. Ответили, что ранен и ушел на перевязку... Позади средних 6" башен уже начинал разыгрываться пожар. Туда мы и пошли. Начали растаскивать горящие предметы и выбрасывать их за борт через гигантские пробойны. Нашли уцелевший пожарный кран, даже обрывок шланга, появились ведра. Работали молча и сосредоточенно, словно делали серьезное дело. Между тем мы тушили здесь какую-то рухлядь, а рядом, за тонкой, раскаленной стальной переборкой, отделявшей нас от штабного помещения, бушевал настоящий пожар, рев которого слышался временами даже среди шума битвы... Иногда кто-нибудь падал и либо оставался лежать, либо поднимался и шел или полз к трапу, ведущему вниз. На него даже не смотрели: не все-ли равно? Одним больше, одним меньше...»

Занимаясь этим в общем-то бессмысленным делом,

капитан 2-го ранга Семенов неожиданно вспомнил, что в вихре пламени осталась боевая рубка со всем командованием броненосца и эскадры. Что там происходит и может ли он чем-нибудь помочь? «Я бросился наверх. Усталость, угнетенное состояние духа исчезли бесследно. Мысль работала с поразительной ясностью. Я мгновенно сообразил, что дым заносит в пробоины левого борта, а значит, правая сторона — наветренная, и направился туда. Не без затруднений вылезши через развороченный люк на верхнюю палубу, я едва узнал то место, где еще недавно мы стояли с Демчинским. Тут, как говорится, ступить было некуда: сзади — провалившиеся, костром пылающие ростры, впереди — груды обломков. Трапа на мостик не существовало. Все правое крыло мостика было разрушено и даже проход под мостиком на другой борт был завален. Пришлось опять спуститься вниз и снова подняться уже на левую сторону. Здесь было несколько чище. Ростры, хотя и горели, но не рассыпались такой безобразной кучей, как справа. 6" башня, видимо, вполне исправная, поддерживала энергичный огонь. Трап на мостик был цел, но завален горящими койками. 5 — 6 человек команды, неотступно следовавших за мной и тоже вышедших наверх, деятельно принялись по моему приказанию растаскивать эти койки и тушить их в воде, стоявшей на палубе. Вдруг где-то близко и особенно резко звякнул снаряд. Кругом запрыгали и застучали осколки... Когда дым рассеялся, из 6" башни торчала только одна, как-то беспомощно вверх задранная пушка... Из броневой двери высунулся командир башни лейтенант Данчич: «У меня — кончено: одной — снесло дуло, у другой — разбита установка...» Я подошел и заглянул в дверь. Из прислуги двое лежали, странно свернувшись, а один сидел, неподвижно уставя широко открытые глаза и обеими руками держась за развороченный бок... «Узнав, что капитан 2-го ранга Семенов хочет пробраться в боевую рубку, лейтенант Данчич ответил: «Там — никого. Сейчас прошел Богданов. Рассказывал — все перебито, пожар, все ушли. Он вышел — мостик разбит — провалился. Удачно — прямо ко мне. Цел». В это время опять совсем близко раздался взрыв, и что-то не сильно и не больно ударило меня сзади по правой ноге. Я обернулся. Никого из моих людей не оста-

валось на палубе. Были они перебиты или просто ушли вниз?.. От правой ноги по палубе расходилась лужа крови, но боли не было. Когда в самом начале сражения маленький осколок попал мне в поясницу — это было больно, но теперь — никакого впечатления... (Потом уже, в госпитале, когда меня повсюду таскали на носилках, я понял, почему во время боя не было слышно ни стонов, ни криков. Это уж после приходит. Очевидно, все наши чувства одинаково имеют строгие пределы для восприятия внешних впечатлений, и глубоко правильно, на первый взгляд, нелепое изречение: так больно, что вовсе не чувствуешь, так ужасно, что совсем не боишься...) Миновав верхнюю и нижнюю батареи, я спустился в жилую палубу (под броневой), где был главный перевязочный пункт, но невольно попятился назад к трапу... Жилая палуба была полна ранеными. (Возможно, здесь их было больше, чем на всей японской эскадре.) Они стояли, сидели, лежали. Иные на заранее приготовленных матрацах, иные на спешно разостланных брезентах, иные на носилках, иные просто так... Здесь они уже начинали чувствовать. Смутный гул тяжелых вздохов, приглушенных стонов разливался в спертom, влажном воздухе, пропитанном каким-то кислым, противно-приторным запахом. Свет электрических люстр, казалось, с трудом пробивался через этот смрад. Где-то впереди мелькали суетливые фигуры в белых с красными пятнами халатах. И к ним поворачивались, к ним мучительно тянулись, от них чего-то ждали все эти искалеченные люди... Я не стал дожидаться очереди, не захотел пробраться вперед других, но быстро поднялся в нижнюю батарею и здесь столкнулся с флаг-капитаном. Голова у него была перевязана — три осколка в затылке...» Рассказав вкратце Семенову об эвакуации боевой рубки, капитан 1-го ранга Клапье де Колонг приказал изменить курс на 8 румбов вправо, затем еще на 2 румба и еще на 2 румба вправо, пытаясь поставить «Суворов» в линию русских судов позади броненосца береговой обороны «Адмирал Ушаков». Приказы флаг-капитана передавали в центральный пост полковнику Филипповскому мичман Демчинский и прапорщик Курсель.

В нижней батарее настоящего пожара еще не было —

он шел сверху, но через люки, развороченные дымовые кожухи и пробоины в средней палубе вниз валялись горящие обломки и то тут, то там происходили мелкие возгорания. Вспыхнул пожар у боевой станции беспроволочного телеграфа, заблиндированной угольными мешками. Огонь начал угрожать скученным из-за повреждения рельсов подачи в этом месте тележкам с 75-миллиметровыми снарядами. Под руководством капитана 2-го ранга Семенова пожар удалось потушить, снаряды выбросили за борт. Два небольших осколка угодили Семенову в бок, он был контужен в левую лопатку, но остался в строю...

Покинув машинное отделение, лейтенант Кржижановский поспешил наверх. Когда он подходил к трапу, ведущему на перевязочный пункт, палубой выше разорвался снаряд, уничтожив целую группу людей, около сорока человек, толпившихся между каютами у трапа. «Я должен сознаться, что в этот момент нервы не выдержали. Я совершенно безотчетно, как-будто мной руководила посторонняя сила, повернул обратно и опустился опять в машину. В это время наверху опять раздался треск и мимо меня по трапу пролетел большой осколок с ярко горевшим составом. Конечно, я тотчас же опомнился и бросился наверх, тем более, что офицерское отделение запылало. Внизу огонь был небольшой. Сильно горели каюты штаба палубой выше, но туда нельзя было подняться и пришлось их заливать снизу. У меня работало только два человека с одним шлангом. За это время палубой выше разорвалось несколько снарядов. Один снаряд разорвался и в нашем отделении, ранив одного матроса и перебив шланг в нескольких местах. У меня осколок пробил сапог, сорвал кожу с двух пальцев и вылетел. Первое время мне казалось, что пальцы оторваны, но так как они сгибались и крови не было, то я решил не обращать на это внимания. Матрос тоже не пошел на перевязку. Мы продолжали работать, но струя воды была очень слабая, огонь все разгорался и, наконец, мы отступили перед ним в батарею 75-мм орудий. Здесь было около 20 — 30 человек, которые поспешно передвигали беседки с 75-мм снарядами к носу, где, впрочем, тоже был виден огонь в нескольких местах. Полупортики были

разбиты и волна все время вкатывалась на выпуклую броневую палубу и скатывалась обратно. Однако часть воды могла сквозь небольшие пробоины и другие отверстия вливаться внутрь и затоплять корабль. Я поспешно направился в центральный пост, чтобы предупредить адмирала об угрожающем положении корабля, но не мог найти прохода. Груды обломков с обеих сторон судна преграждали путь. На правой стороне вдобавок были нагромождены беседки со снарядами. Огонь неприятеля опять затих. «Суворов» тоже молчал. Изредка рядом раздавались взрывы рвущихся от пожара 75-мм снарядов, но эти взрывы были, как хлопанье хлопучек по сравнению со взрывами настоящих снарядов. Команда продолжала работать в непосредственной близости от этих снарядов, заботясь, главным образом, об удалении целых беседок с 75-мм снарядами. На верхнюю палубу вел один трап, но он был спиной ко мне и огонь не позволял к нему пробраться. Здесь в батарейной палубе я последний раз встретился с Богдановым, который сказал мне, что есть проход по самому правому борту. Однако из-за изменения курса, весь дым, который был сзади, сразу заполнил все отделение. Нельзя было дышать, воцарилась полная тьма, в которой мелькали огоньки. Раздумывать было нечего. Я бросился в огонь, добрался до трапа и выскочил на верхнюю палубу. Тут решительно все было исковеркано, жар невыносимый, всюду пламя. Палуба спардека прогнулась, местами прогорела. Всюду обгоревшие тела. Бегом между языками пламени я искал выхода и случайно очутился против двери правой 6" башни. Заглянув в башню я увидел там адмирала, сидящего возле правой пушки. Адмирал приказал мне вызвать комендоров и стрелять. Однако, башня уже не вращалась, подача была испорчена, а впереди никого не было видно. Вообще внутренность башни была в таком виде, что стрельба казалась более опасной для себя, чем для неприятеля. На всякий случай я вышел, чтобы позвать сведущих людей привести башню в исправность. Войти внутрь броненосца уже нельзя было — там был сплошной огонь. На нос пройти было тоже невозможно — горели свалившиеся коечные сетки. Я пошел на ют посмотреть, где наши суда и неприятель. Было около 15:30...

На юте я увидел 12" башню, с которой крыша была сорвана и сброшена вперед на левую сторону. Орудия в башне стояли не параллельно. Спардек весь пылал. Остался обрубок грот-мачты, остальное все было разрушено. Подняв воротник тужурки, поднялся к левой 6" башне (правый трап был сорван). Снаружи башня была цела, но к ней нельзя было прикоснуться так она была накалена. С кормы раздались выстрелы. Спустившись на ют, совсем близко, кабельтовых в трех — четырех, увидел 4 неприятельских четырехтрубных миноносца. По ним изредка стреляла одна 75-мм пушка с кормы. Они изредка тоже отвечали...»

В 15:22, продолжая двигаться в северо-западную четверть, отряд японских броненосных крейсеров адмирала Камимура неожиданно среди тумана обнаружил «Князя Суворова», окутанного дымом и пламенем. Камимура открыл по русскому флагману огонь в упор с расстояния около 2000 м. Крейсер «Якумо» выпустил в «Суворов» торпеду. Видя беспомощность русского броненосца, отряд Камимуры прекратил по нему огонь и передал через авизо «Чихая» приказ атаковать «Суворов» миноносцам 5-го отряда капитана 2-го ранга Хироэ. «Чихая», шедший в хвосте отряда Камимуры, передал приказ на миноносцы 5-го отряда, и сам в 15:24 с расстояния 1600 м выпустил в «Суворов» две торпеды. С «Чихая» заметили взрыв, а затем столб воды и дыма, поднявшийся у борта «Суворова». Ави́зо хотел продолжить атаку, но, попав под обстрел уцелевших орудий «Суворова» и подходящих кораблей русской эскадры, получил три снаряда, от взрыва одного из которых получил подводную пробоину в угольной яме. «Чихая» вышел из боя, чтобы исправить повреждения, и вернулся в строй только после захода солнца. Получив приказ с «Чихая», командир 5-го отряда истребителей капитан 2-го ранга Хироэ с миноносцами «Сирануи», «Мураками», «Югири» и «Кагеро» лихо прошел под носом крейсеров Камимуры и, прорезая высокие волны, бросился в атаку на «Суворов». Сблизившись на расстояние 400 — 800 м и идя параллельным с «Суворовым» курсом, каждый из японских миноносцев выпустил в агонизирующий русский броненосец по торпедке. С японских миноносцев ясно видели попадания «по

крайней мере двух торпед». «Кагеро» и «Югири» открыли даже артиллерийский огонь по «Суворову». Как и авизо «Чихая», миноносцы 5-го отряда попали под огонь подходящей русской эскадры и спешно отошли. На отходе в миноносец «Сирануи» попали два снаряда, убив четырех и ранив шестерых матросов...

Из портов правой батареи за уходом японских миноносцев и подходом своих кораблей наблюдал капитан 2-го ранга Семенов: «Мы могли теперь хорошо видеть «Александра», который был у нас почти на траверзе и держал прямо на «Суворов». За ним следовали остальные. Расстояние уменьшалось. В бинокль уже отчетливо видны были избитые борта броненосца... Следующим шел «Бородино», сильно горевший. Японцы уже успели выйти вперед и завернуть на пересечку. Наши подходили справа — они же оказались слева от «Суворова». Стреляли и в нас, и через нас. Наша носовая 12" башня (единственная до сих пор уцелевшая) принимала деятельное участие в бою. На падающие снаряды не обращали внимания. Меня ранило в левую ногу, но я только досадливо взглянул на рассеченный сапог. Затаив дыхание, все ждали. По-видимому, вся сила огня японцев была сосредоточена на «Алексадре». Временами он казался весь окутан пламенем и бурным дымом... Расстояние не больше 10 кабельтовых... «Александр» круто ворочает вправо (был ли этот поворот намеренным или случайным — вследствие повреждения рулевых приводов — навсегда осталось тайной), почти на обратный курс и уходит... За ним «Бородино», «Орел» и другие... Глухой ропот пробежал по батарее: «Бросили! Уходят! Сила не взяла!» — раздавались отрывочные восклицания среди матросов... Они, эти простые люди, конечно, думали, что наша эскадра возвращается к «Суворову», имея целью его выручить. Их разочарование было тягостно, но еще тягостнее было тем, кто понимал истинное значение происшедшего... Беспощадная память, неумолимое воображение так ясно, так отчетливо воссоздали перед моими глазами другую, такую же ужасную картину: так же спешно, в таком же беспорядке уходили на северо-запад наши броненосцы 28 июля после сигнала князя Ухтомского...

Рядом со мною стоял Богданов. Мы переглянулись

и, кажется, поняли друг друга. Он уже хотел сказать что-то, но вдруг остановился, потом оглянулся и промолвил деланно-равнодушным тоном: «А ведь у нас порядочный крен на левую!» «Да, градусов восемь будет», — согласился я и, вынув часы и записную книжку, отметил: «3 часа 25 мин пополудни. Сильный крен на левую. В верхней батарее большой пожар»... После поворота «Александра» японцы тоже повернули «все вдруг» на 16 румбов. Идя обратным курсом, японцы проходили у нас под носом и с «Суворова» казалось, что это мы идем вразрез их колонны. Повернули вправо за нашей эскадрой. Конечно, не более, как самообман, управляясь машинами, да еще не по окрестным предметам, а по компасу из боевого поста, мы никуда не шли, а только ворочались вправо и влево, оставаясь почти на одном месте. Проходя мимо, неприятель, разумеется, не упустил случая сосредоточить огонь на упрямом корабле, который не хотел тонуть. Кажется, в это время была подбита наша последняя башня — носовая 12-дюймовая... Один снаряд так удачно попал в порт четвертого с носу 75-мм орудия нижней батареи левого борта, что, снеся орудие, еще пробил и броневую палубу. Вода, захлестывавшая, вследствие крена на левую, в разбитый порт, не стекала обратно, а лилась через эту пробоину и жилую палубу, что представляло серьезную опасность. Богданов первый обратил на нее внимание, и мы начали складывать из мешков (и чего попало под руку) нечто вроде бруствера, ограждающего дыру от притока воды. Говорю «мы», потому что в это время немногочисленная команда, оставшаяся на батарее, не отзывалась ни на какие приказания. Люди в каком-то оцепенении жались по углам. Приходилось вытаскивать их чуть не силой и подавать пример, работая собственными руками. К нам присоединились пришедший откуда-то флагманский минер лейтенант Леонтьев и Демчинский. Последний мог действовать только силой убеждения, так как кисти обеих рук у него были забинтованы. В этот момент капитан 1-го ранга Клапье де Колонг попросил провести его на срез к адмиралу. Писарь Матисен проводил флаг-капитана на срез. Который тогда был час — не знаю. Войдя на срез, увидел в средней 6" башне адмирала, сидящего в забытьи.

Сам остался на срезе, который оказался наветренным, и огня и дыма туда почти не попадало. Кроме меня, туда, на срез пришли пять нижних чинов штаба. Послал ли я писаря или он уже был в башне, не помню, но приказывал ему передавать через переговорные трубы из башни в центральный пост управление машинами для привода «Суворова» к своим броненосцам, стараясь все же оставить срез наветренным, чтобы от огня и дыма не скрылись совсем наши корабли. Горели паровые и минные катера, местами горела шпаклевка борта, и сам борт казался серым. С кормы, с правой стороны, очень недалеко видел три или четыре неприятельских миноносца. Пришел на срез лейтенант Кржижановский. Из-под носа и кормы «Суворова» начали одно за другим выходить наши суда — порядка не помню, но вид их не имел вида избыточных судов... В этот момент почему-то закричали: «Ура!» и часть команды ринулась наверх...»

Крики «Ура! Японский броненосец перевернулся!» заставили броситься наверх лейтенанта Леонтьева. Все кричали: «Ура!». Прислуга малокалиберной артиллерии и способные двигаться раненые ринулись наверх. Вместе с ними вышел наверх командир броненосца капитан 1-го ранга Игнациус, вызвав с собою лейтенанта Дандича. «Выходившей наверх командой, я был прижат к рундуку у самого трапа, на котором лежал тяжело раненый священник. Он стал меня что-то просить, но не успел договорить, как над самым трапом разорвался снаряд. Трап был совершенно разбит и завален телами убитых. На палубе лежал с перерезанным горлом мичман Кульнев, а я снова получил в правую ногу три небольших осколка и был отброшен назад вместе с минным унтер-офицером Чебуровым и матросом Бардиным. В это помещение сверху через шахты сыпались искры и головни, обжигавшие лежащих здесь раненых и очень дымившие. Заливали эти пожары при помощи имеющихся здесь шлангов. Оба доктора перевязывали все время раненых. Им помогал корабельный инженер Политовский...»

Около 15:30 крики «ура!» с палубы, облетевшие весь корабль, услышал возвращающийся из центрального поста мичман Демчинский. «Из жилой палубы ринулись наверх люди. Этот минутный подъем духа дал возмож-

ность направить часть команды для закидывания полупортиков мешками, а часть направить наверх для тушения пожара. Но несчастье и тут не покинуло нас. Не успела толпа в 20 — 30 человек столпиться у трапа, пытаясь пройти наверх, как снаряд попадает в самое отверстие трапа и укладывает на месте человек 10 — 15. При чем тут же убит командир и один из офицеров. Лицо и вся фигура этого офицера столь обезображены, что нельзя даже узнать, кто это был. По показаниям одних это лейтенант Сверебеев, по показаниям других это лейтенант Дандич. Конечно, минутный подъем духа моментально сменился на полную панику...»

Услышав крики «ура!», капитан 2-го ранга Семенов подумал, что сходит с ума. «В 3 ч 40 мин по батарее, а затем и по всему броненосцу пронеслось торжествующее «ура!» Где и кто закричал его впервые? Кому что померещилось? — осталось неизвестным... Передавали, будто откуда-то видели, как пошел ко дну японский корабль. Иные утверждали даже, что не один, а два! Во всяком случае этот торжествующий крик внезапно и резко изменил настроение команды: стряхнул угнетение, вызванное зрелищем расстрела «Александра» и ухода эскадры. Люди, только что прятавшиеся по углам, глухие к приказаниям и даже просьбам офицеров, теперь сами бежали к ним с вопросами: «Куда идти? Что делать?» Слышались даже шутливые восклицания: «Ходи! Ходи веселей! Небось! Это 6-дюймовые! Чемоданы все вышли!» Действительно, с удалением главных сил нас расстреливали только легкие крейсера адмирала Дева, а это в сравнении с прежним было почти неощутимо... Капитан 1-го ранга Игнациус, после перевязки второй раны в голову оставшийся в жилой палубе, конечно, не выдержал этого момента и, не слушая докторов, бросился по трапу на батарею с криком: «За мной, молодцы! На пожар! Только бы одолеть пожар!» К нему хлынули разные нестроевые, находившиеся в жилой палубе (санитарные отряды) и легкораненые, уже побывавшие на перевязке... Шальной снаряд ударил по люку и, когда дым рассеялся, ни трапа, ни окружавших его людей — никого не было... Опомнившись от впечатления взрыва, мы бросились на помощь. Но помогать было некому. Перед нами была

груда чего-то... С трудом выволокли одного, подававшего слабые признаки жизни. Командира не нашли — уж очень надо было раскапывать, ища какой-нибудь уцелевший погон или сапог. Несколько в стороне лежал свернувшийся кольцом железный трап, и в нем, как запеленатое, чье-то тело. По кителю видно — офицер. Снесено полголовы. Кто такой? — разобрать трудно. По некоторым приметам (главным образом по небольшой русой бородке) решили, что лейтенант Дандич. Зачем-то пробовали разогнуть трап, освободить тело из тисков, — оказалось не под силу. Так и оставили его лежать в железных пеленках...

Этот кровавый эпизод (один из сотни других) не расхолодил однако же настроения команды. В нижней батарее, где за недостатком рук начали чаще и чаще заниматься пожары, появились люди, закипела работа... Из судовых офицеров, кроме Богданова, прибежал лейтенант Вырубов. Молодой, рослый, здоровый, в кителе нараспашку, он всюду бросался в первую голову, и один его окрик: «Навались! Не сдавай!» — раздававшийся среди дыма и пламени, казалось, удваивал силы работающих... Приходил ненадолго Зотов, раненый в левый бок и руку. Видимо, бродил через силу. Скоро ушел куда-то, сказав: «Николай Иванович Богданов вступил в командование...» Выглядывал из жилой палубы мичман князь Церетели, спрашивал: «Как дела?» Конечно, ответил ему, что идет взаимная разделка, что нам «попало», но зато и «им» здорово влетело, а чем кончится — еще неизвестно. Он, успокоенный, сполз по трапу под броневую палубу. Пронесли мимо, вторично и тяжело раненного Козакевича, потом капельмейстера старика Дитша... Появился откуда-то мой вестовой Матросов, и чуть не силой стал тащить меня на перевязку. Едва от него отделался, приказав прежде всего принести мне папирос из каюты. Он бойко крикнул: «Есть, ваше высокоблагородие!» и убежал. Больше мы не виделись...»

В этот момент русская эскадра на некоторое время скрылась во мгле. Опустившийся туман отделил противников друг от друга. Было 16:15. Бой главных сил прекратился. Адмирал Камимура некоторое время продолжал, преследуя русскую эскадру, уклоняться вправо и в

16:17 лег на юго-восточный курс. В 16:27 Камимура повернул на юго-запад, но русской эскадры так и не обнаружил. Зная, что 1-й боевой отряд адмирала Того ушел на север, Камимура также развернул свои броненосные крейсера на северо-запад, чтобы не разойтись со своим командующим. При выполнении этого маневра адмирал Того приказал через подбитый авизо «Чихая» 4-му отряду истребителей капитана 2-го ранга Судзуки атаковать «Князь Суворов», который шел некоторое время курсом, параллельным русской эскадре, держась левее ее, ближе к противнику, прорезав около 16:15 линию эскадры впереди «Сисоя Великого». В 16:25, получив приказ с «Чихая», капитан 2-го ранга Судзуки повел свои миноносцы «Асагири», «Мурасаме», «Асасиво» и «Сиракумо» в атаку на «Суворов». В это время на русском флагманском броненосце уже не было мачт и труб, он был весь охвачен пламенем и окутан черным дымом, но все-таки уходил с почти 10-узловой скоростью, отстреливаясь из одной кормовой пушки. Заметив приближение миноносцев, «Суворов» внезапно повернул вправо, уклоняясь от возможной атаки. В тучах брызг от крутой встречной волны миноносцы Судзуки пошли в атаку с носовых курсовых углов левого борта «Суворов». В 16:45 «Асагири», «Мурасаме» и «Асасиво», сблизясь с «Суворовым» до 600 м и идя параллельным с ним курсом, выпустили по торпеде в пылающий корпус русского флагмана. Повернув на обратный курс, «Асагири» и «Мурасаме», сблизились на этот раз с «Суворовым» до 300 м и выпустили в него еще по торпеде. С миноносцев снова ясно видели попадание торпеды в кормовую часть левого борта броненосца — поднялся столб воды, и «Суворов» сразу накренился градусов на 10. Концевой миноносец «Сиракумо» также вышел в точку выпуска торпед, но, видя, что «Суворов» полностью потерял боеспособность, не стал выпускать торпеду и с тремя другими миноносцами вышел за пределы дальности огня «Суворова» и «других кораблей русской эскадры». В «Асагири» попал снаряд, ранив одного матроса и причинив полуподводную пробоину, которую быстро заделали. 3-й отряд истребителей капитана 2-го ранга Йосидзима также пытался выйти в атаку на «Суворов»,

но его отогнали появившиеся из тумана крейсера «Олег» и «Аврора»...

«По орудиям! Миноносцы подходят! По орудиям!» — пронеслось по палубе «Суворова»... Легко было сказать — «по орудиям!» Из всех двенадцати 75-миллиметровых пушек нижней батареи оказалась неподбитой только одна с правого борта... Впрочем, и ей не пришлось стрелять на этот раз. Миноносцы осторожно приблизились к нам с кормы (по японским сведениям, это было в 16:20), но в кормовом плутонге (позади кают-компани) еще уцелела 75-миллиметровая пушка. Волонтер Максимов, принявший командование плутонгом после гибели в самом начале боя мичмана Фомина, открыл по миноносцам частый огонь, а те, увидев, что эта странная избитая посудина все еще огрызается, ушли, выжидая более благоприятного времени...» Вероятно, вид этого объятых пламенем и дымом броненосца, который представлял собой гигантский костер, но шел 10-узловым ходом и продолжал стрелять из единственной уцелевшей пушки, был еще настолько внушительным, что из выпущенных по нему в упор полтора десятков торпед не попала ни одна. «Видя беспомощное состояние корабля, противник решил добить его минными атаками. Из-за линейных кораблей на «Суворов» бросился дивизион миноносцев. Но израненный лев еще сохранил достаточно сил, чтобы отогнать шакалов, раньше времени явившихся за добычей.

Развернувшись с помощью машин правым бортом, он встретил их огнем из оставшихся орудий и отбил атаку, показав несколько уцелевших клыков», — патетически рисует этот эпизод Новиков-Прибой...

Но «израненный лев» был не один. Еще более слабые клыки, чем его собственные, помогли «Суворову» отогнать «шакалов» капитана 2-го ранга Судзуки. Те на «Суворове», кто еще не окончательно потерял голову, заметили, что справа от броненосца появилась плавмастерская «Камчатка», ведя огонь по миноносцам противника из своих ничтожных 47-миллиметровых орудий. «Камчатка», скандальная «Камчатка», спровоцировавшая Гульский инцидент, постоянно задерживавшая эскадру своими бесчисленными поломками, «Камчатка», против которой выдвигалось обвинение, что проникшие на нее

японские шпионы сознательно срывают поход эскадры, неуклюжая, грязная плавмастерская с 400-ми вольнонаемными рабочими на борту, эта самая «Камчатка» огнем своих игрушечных пушечек пыталась облегчить агонию своего тяжело умирающего флагманского броненосца. В начале боя «Камчатка» находилась с остальными транспортом в хвосте колонны под охраной крейсеров контр-адмирала Энквиста. Отряды японских легких крейсеров, зайдя с тыла, обрушились на колонну беззащитных транспортов. Те пытались укрыться за своими крейсерами, но вскоре крейсера сами стали прятаться за транспорты. Командир «Камчатки» капитан 2-го ранга Степанов и его старший офицер лейтенант Никонов были офицерами, достойными гораздо лучшего назначения. Их опытность и энергию подчеркивает уже то, что они довели эту преступно халтурно сработанную новым адмиралтейством посудину до Цусимы через три океана. Когда транспорты, как обезумевшее стадо коров, стали шарахаться то в одну, то в другую сторону от линии своих крейсеров, которых японцы поставили в два огня, капитан 2-го ранга Степанов увидел, в каком состоянии находится флагманский броненосец. Уцелевшие с «Камчатки» рассказывают, что капитан 2-го ранга Степанов, взбешенный тем, что русские крейсера в ходе боя стали прятаться за охраняемые ими транспорты (а затем просто бросили их и полным ходом ушли в Манилу), решил показать им пример мужества и полным ходом повел свою плавмастерскую на помощь пылающему, окутанному клубами густого черного дыма флагманскому броненосцу своей эскадры. С «Суворова» этого, конечно, не видели, но противник сразу же заметил выход из толпы (именно из толпы, а не из строя) транспортов «Камчатки» и понял намерение героической плавмастерской.

Японские крейсера сосредоточили свой огонь на «Камчатке». Первым снарядом ей сбило мачту, второй разорвался в районе офицерских кают, третий, пробив палубу, разорвался между машинами. «Камчатка» продолжала идти к «Суворову», окруженная столбами воды от падающих вокруг японских снарядов. С «Камчатки» видели атаку миноносцев капитана 2-го ранга Судзуки на «Суворов» и открыли по ним огонь, продолжая пол-

ным ходом идти на помощь своему флагману. В этот момент очередной снаряд противника, пробив борт «Камчатки», уничтожил один из цехов и вывел из строя цилиндр высокого давления. Обе машины встали. Доблестная плавмастерская беспомощно закачалась на волнах, лишившись хода всего в 4 — 5 кабельтовых от «Суворова». Противник продолжал огонь, и в стоящую «Камчатку» попал еще один снаряд, разорвавшийся в кормовой кочегарке. Взрывом перебило главную паровую магистраль и вспомогательные паропроводы. В кормовой кочегарке погибли все, из носовой двоим удалось выскочить наверх. Но «Камчатка» продолжала отстреливаться...

А на «Суворове» неугомонный капитан 2-го ранга Семенов решил выяснить степень оставшейся боеспособности броненосца. «В нижней батарее оказалось команды человек 50 самых разнообразных специальностей. Из них только два комендора. Пушек, как ни искали, нашлась вполне исправная только одна, да еще другую комендоры предполагали наладить, собрав взамен поврежденных частей соответственные части от остальных десяти, окончательно выведенных из строя. Затем была еще пушка Максимова, в кормовом плутонге... Закончив инспекторский смотр нижней батареи, я поднялся в верхнюю, в носовой плутонг (из башен к тому времени уже ни одна не действовала). Здесь меня поразила картина, наиболее ярко характеризующая действие японских снарядов: пожара не было — что могло сгореть, уже сгорело. Все четыре 75-миллиметровые пушки были сброшены со станков, но тщетно искал я на орудиях и на станках следов непосредственного удара снарядом или крупным его осколком. Ничего. Ясно, что разрушение было произведено не силой удара, а силой взрыва. В плутонге не хранилось ни мин, ни пироксилина... Значит, неприятельский снаряд дал взрыв, равносильный минному. Могут показаться странными эти прогулки по добываемому броненосцу, осмотр повреждений, их оценка... Да это было странное, если хотите — даже ненормальное состояние, господствовавшее, однако, на всем корабле. «Так ужасно, что совсем не страшно». Для всякого было совершенно ясно, что все кончено. Ни прошедшего, ни будущего не существовало. Оставался только настоящий

момент и непреборимое желание заполнить его какой-нибудь деятельностью, чтобы не думать и не сойти с ума...»

Мичман Демчинский тоже бродил по кораблю. Он зашел в подбашенное отделение носовой 12-дюймовой башни. Все матросы стояли на своих местах. Присутствовавший кондуктор сообщил мичману, что башня исправна. Подняться в башню по вертикальному трапу Демчинский не мог и, побыв немного в подбашенном отделении, пошел бродить по броненосцу дальше...

В отличие от них лейтенант Леонтьев еще пытался выполнять свои обязанности и обязанности корабельных минеров. Для этого нужно было выбраться из перевязочного пункта, что было не так просто. «Чтобы выйти из этого помещения, я направился к правому коридору, но в этом коридоре дождем падали сверху искры, головни и даже целые обгорелые доски. В это время броненосец стал сильно крениться на левый борт и падавшие сверху головни, хотя и образовали уже костер в коридоре, но падая при крене на переборку коридора, они дали возможность пробраться на нос. Здесь оказалось, что выкачивавшая воду турбина, вследствие образовавшегося бокового сообщения, едва работает. Я вырезал предохранитель ответвления, где было боковое сообщение, и турбина пошла работать полным ходом. Выйдя на палубу, я пошел в отделение подводных аппаратов, но оно оказалось задраено. Находившийся здесь трюмный унтер-офицер доложил мне, что ему приказано было задрать помещение, поскольку из-за пробоины палубой выше, через люк вода в большом количестве попадала и в отделение подводных аппаратов...»

Закончив «инспекторский смотр» артиллерии «Суворова», капитан 2-го ранга Семенов едва спустился в нижнюю батарею, где столкнулся с прапорщиком Вернером фон Курселем*. Как обычно, невозмутимый Курсель

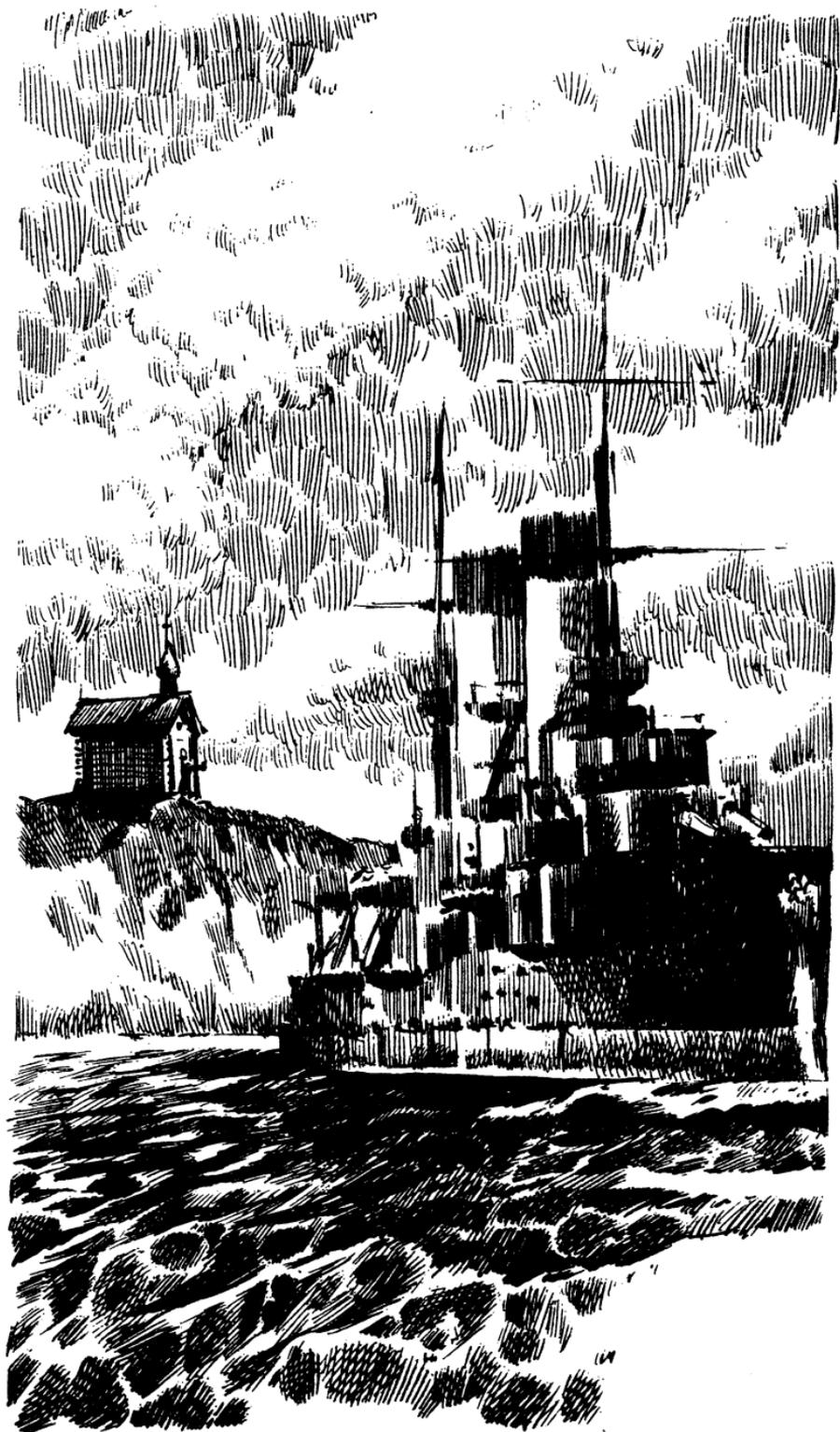
* Прапорщик по морской части Вернер фон Курсель, курляндец, любил кают-компанию «Суворова». Он чуть ли не с пеленок плавал на судах торгового флота и мог говорить на всех европейских языках. Не получив в бою ни царапины, Курсель отказался покинуть «Суворов» и героически погиб вместе с кораблем, ведя в одиночку огонь из последнего уцелевшего орудия по миноносцам противника.

улыбнулся и спросил Семенова: «Ну, какие дела вы поделяваете?»

«Идет ликвидация дел», — ответил Семенов. Курсель, видимо, тоже уже «бродил» по броненосцу, ибо, узнав, что Семенов хочет зайти к себе в каюту за папиросами, вызвался его проводить, и сказал, что знает туда дорогу, свободную от огня и обломков. В действительности же, Курсель знал и то, что офицерских кают более не существует, но почему-то повел туда Семенова, видимо, пытаясь развлечься. «Добравшись до офицерского отделения, я в недоумении остановился — вместо моей каюты и двух смежных была сплошная дыра. Курсель весело хохотал, радуясь своей шутке. Внезапно рассердившись, я махнул рукой и быстро пошел обратно. В батарее Курсель меня догнал и угостил сигарой...»

Поднявшись на батарейную палубу, лейтенант Леонтьев остановился против тумбы разбитого 75-миллиметрового орудия. В борту зияла пробоина от крупного снаряда, взрывом которого пушка была сброшена со станка и лежала рядом, высунувшись дулом в полупортик. В открытый полупортик и пробоину вкатывалась и откатывалась назад волна, пенясь в груде наваленных обломков. Лейтенант машинально отметил, что это был ближайший к корме полупортик левого борта. В этот момент к Леонтьеву подошел с докладом минный унтер-офицер, которого лейтенант, еще находясь на перевязочном пункте, послал проследить за проводкой проводников из рулевого отделения в боевую рубку. Узнав, что боевой рубки давно уже не существует, Леонтьев решил направиться в рулевое отделение, чтобы проверить электрооборудование рулевых машин...

Капитан 2-го ранга Семенов и прапорщик Курсель вдвоем спустились в нижнюю батарею, чтобы руководить борьбой с пожарами. «В нижней батарее всякие возгорания были уже прекращены, и, ободренные успехом, мы решили попытать счастья в верхней. Двое трюмных достали откуда-то совсем новые, необделанные шланги. Один конец проволокой найтовили к пожарному крану, а на другой тем же способом наращивали пипку... Вооружившись шлангами и прикрываясь от огня мокрыми мешками, мы сначала только высунулись через церковный люк,

а затем, залив горевшую здесь рухлядь перевязочного пункта, вылезли в верхнюю батарею. Команда работала с увлечением, и скоро в церковном отделении пожар был потушен. Зато позади средних 6" башен бушевало пламя. Двинулись туда, но тут... Сюда, как в место более укрытое, убраны были с мостиков ящики 47-миллиметровых снарядов, и надо же было, чтобы как раз в то время, когда мы собирались тушить окружавшее их пламя, они начали рваться. Несколько человек сразу же упало убитыми и ранеными. Произошло замешательство... Взрывы все учащались. Новые шланги были перебиты один за другим. В тоже время где-то близко раздался оглушительный взрыв, сопровождаемый лязгом рвущегося железа... Еще и еще... Это были уже не 6-дюймовые, а опять «чемоданы»... Людьями овладела паника. Никого и ничего не слушая, они бросились вниз. Когда огорченные неудачей, казалось, так хорошо начатого дела, мы спускались в нижнюю батарею, что-то (должно быть какой-нибудь обломок) ударило меня в бок, и я пошатнулся...» Когда капитан 2-го ранга Семенов и прапорщик Курсель снова спустились в нижнюю батарею и закурили, встав у одного из полупортиков, «Суворов» снова оказался среди русской эскадры, нестройно двигавшейся на север. «Одни суда проходили у нас справа, другие — слева. Головным, ведя эскадру, шел «Бородино», «Александр», сильно избитый, с креном и севший в воду почти до бортов нижней батареи, держался вне линии, медленно отставая, но не прекращал боя, действуя из уцелевших орудий... Крейсера и транспорты, примкнувшие к главным силам, шли сзади и несколько влево от них, атакуемые отрядами крейсеров адмиралов Катаока, Дева, Уриу и Того-младшего. Камимура держался правее, т. е. к востоку, идя тоже на север... «Чемоданы» так и сыпались. Из машины уже некоторое время тому назад сообщали, что «вентиляторы» качают не воздух, а дым, что люди задыхаются, падают, и что скоро некому будет работать...»

Стоя рядом с флаг-капитаном на правом срезе броненосца, лейтенант Кржижановский также наблюдал за действиями появившейся из тумана русской эскадры. «Наши суда резали нам нос кабельтовых в 10 — 15, ухо-

дили вправо и затем на некотором расстоянии опять вворачивали немного влево. Крейсера резали ближе и проходили по правому борту в 10 кабельтовых. В одной линии шли «Олег», «Аврора» со сбитой фор-стенггой и с приспущенным флагом «Донской». В другой линии шли в большом беспорядке транспорты «Анадырь», «Иртыш», с креном на нос, и «Корея» почти вплотную друг к другу. Не в строе я заметил еще «Алмаз», «Свирь» и миноносцы... Броненосцы «Бородино», «Александр III» шли под большим креном, «Орел», 3-й броненосный отряд: «Сисой Великий», «Наварин» со скрещенными реями и приспущенным флагом, «Нахимов». Неприятельские броненосцы, а также «Кассуга» и «Ниссин» без заметных повреждений шли догонять 1-й броненосный отряд, на котором были пожары. Стоя на срезе, я руками семафорил на «Сисой Великий», «Наварин» и на миноносец, который шел у «Нахимова» и приказал такой же семафор: «Снимите адмирала» сделать судовому сигнальщику Сиверову...»

Командир миноносца «Буйный» капитан 2-го ранга Коломейцев, дерзко маневрируя под огнем противника в районе гибели «Осляби», принял на борт своего крохотного корабля (350 т) более 200 человек из экипажа погибшего броненосца. Огонь противника усиливался, и перегруженный спасенными «ослябцами» миноносец в 15:30 покинул место гибели несчастного броненосца, бросив там свой единственный вельбот, и полным ходом пошел догонять ушедшую далеко вперед эскадру. Появившийся стук в машине заставил предположить, что миноносец, маневрируя между всплывшими обломками «Осляби», погнул себе правый винт. На левый же намотался стальной трос и, подтянув кусок «ослябского» грот-рея к днищу, застопорил машину. Миноносец остановился среди всплесков непрерывно падающих снарядов, каждый из которых мог отправить маленький кораблик на дно. Действуя с полным хладнокровием, капитан 2-го ранга Коломейцев приказал машине дать несколько оборотов назад, трос ослаб, матросы зацепили его баграми, вытащили на палубу и перерубили. Развернувшись и ведя ответственный огонь по противнику, «Буйный» снова дал полный ход и вскоре пристроился к хвосту колонны русских крейсеров. Стоя

на мостике вместе с вахтенным начальником мичманом Храбро-Василевским, капитан 2-го ранга Коломейцев увидел на правом крамболе далеко от эскадры какой-то горящий броненосец. «Он был без труб, без мачт, весь в дыму, но, по-видимому, еще двигался. Он шел на зюйд, и при зюйд-вестовом ветре дым от пожара, разлохмачиваясь, загнулся громадной черной гривой на левый борт и корпус... Мысль о «Суворове» промелькнула у всех нас, но я еще сомневался и, приближаясь, попытался рассмотреть в бинокль, но было еще очень далеко, да и трудно было опознать кого-либо в этой бесформенной горящей массе. От зюйд-оста к нему шли неприятельские броненосные крейсера и открыли огонь по нему и по «Камчатке», которая была вблизи него. Медлить больше было невозможно: если это «Суворов», то надо подойти к нему раньше, чем его утопит неприятель, и снять адмирала, если его уже не снял «Бедовый». Но «Бедового» мы видели на месте гибели «Осляби». Подходил ли он к «Суворову»? Решившись подойти к «Суворову», я объявил об этом команде. Все сняли шапки и осенили себя крестным знаменем. Я дал полный ход...

Миноносцу предстояло опаснейшее испытание. Перегруженный, с поврежденным винтом, но управляемый доблестным командиром, «Буйный» смело ринулся на помощь горящему броненосцу, вокруг которого вздымались огненные смерчи «чемоданы» с броненосных крейсеров Камимуры, способные даже при близком разрыве разнести на атомы маленький кораблик капитана 2-го ранга Коломейцева. С мостика «Буйного» еще долго не могли опознать в плавающей и дымящейся развалине своего прежнего могучего флагманского корабля. И только подойдя ближе, с ужасом поняли, что не ошиблись — перед ними качалось на волнах то, что осталось от «Суворова». «Подойдя к кораблю, я глазам своим не верил! Да, это он, «Суворов», но в каком виде! Мачты сбиты, обе трубы сбиты, весь борт, где нет брони, избит, буквально, как решето. Это не корабль, а просто какая-то жаровня вроде тех, что употребляют на юге для печения каштанов. Справа — «Камчатка». Я видел, как в нее попал большой снаряд и, разорвавшись у трубы, поднял черный столб дыма. Труба свалилась...»

Мысль о том, что там, среди огня, груды стальных обломков и трупов, возможно, находится командующий эскадрой, пронизала мозг капитана 2-го ранга Коломейцева. Пренебрегая всякой опасностью, на виду у ведущих огонь японских крейсеров «Буйный» понесся к пылающему броневому остову «Суворова», надеясь за его бортом укрыться от огня противника...

Между тем на «Суворове» уже меркло электричество — динамо-машинам не хватало пара. Находившийся все еще в нижней батарее капитан 2-го ранга Семенов неожиданно услышал крик: «Миноносец подходит!» Бросились к нашей единственной пушке (другой так и не удалось «наладить», но оказалось, что это «Буйный», случайно проходивший мимо и по собственной инициативе приблизившийся к искалеченному броненосцу, чтобы спросить, не может ли он быть чем-нибудь полезен. Флаг-капитан, находившийся на срезе, приказал Кржижановскому сделать ему семафор (руками): «Примите адмирала»...

На мостике «Буйного» по мере приближения к «Суворову» росло возбуждение, весьма близкое к ужасу. Вид флагманского броненосца убивал, подавляя волю. «Суворов» теперь стоял с застопоренными машинами. Только грузный броневой корпус сохранил свою прежнюю форму, а все остальное зияло проломами, бугрилось рваным железом. Краска на борту обгорела. Кормовая двенадцатидюймовая башня была взорвана и броневая крыша с нее сброшена на ют. Остальные башни, заклиненные и поврежденные, щетинились погнутыми и оторванными стволами орудий, поднятыми под разными углами возвышения. Бушующий пожар пожирал уцелевшие остатки корабля. С мостика «Буйного» людей на «Суворове» видно не было. Японские снаряды ложились близко от миноносца, но пока все шло благополучно. Капитан 2-го ранга Коломейцев вел биноклем вдоль обуглившегося борта «Суворова», надеясь увидеть какие-нибудь признаки жизни. «Подойдя совсем близко к борту я увидел на правом срезе у 6" башни флаг-капитана и еще несколько офицеров. Они что-то кричали и махали руками. (Как выяснилось потом, семафорили.) Развернувшись и подойдя ближе, мы могли объясняться голосом: у них шлюп-

ки все разбиты, «Бедовый» не подходил, адмирал ранен — надо его во чтобы то ни стало взять на миноносец. Мой вельбот брошен у «Осляби». Оставался один выход, правда, отчаянный, в виду крупной зыби и наветренного борта — пристать на миноносце вплотную. С подветра, т.е. с левого борта, японцы расстреливали несчастный корабль...»

Задача предстояла чрезвычайно трудная. С подветренной стороны было меньше зыби, но там сыпались японские снаряды, а из отверстий и проломов в борту «Суворова», как из окон пылающего здания, вырывались языки огня и густые клубы черного и бурого дыма. Пришвартоваться здесь нечего было и думать. Оставался наветренный борт... «Поставив свою команду по борту с койками и пользуясь ими как кранцами, мне удалось быстро пристать. К счастью для меня, «Суворов» имел уже крен на левый борт, так что оголенная правая поверхность была гладкой и опасные башмаки от шести минных сетей были высоко...» «Буйный» быстро пристал к броненосцу и, застопорив машину, пришвартовался к его борту. При подходе «суворовский» выстрел, немного откинувшись, свернул на зыби тумбу 4-миллиметрового орудия миноносца и повредил площадку 75-миллиметровой пушки. «Выстрел» немедленно обрубили...

Капитан 2-го ранга Семенов и прапорщик Курсель наблюдали из порта батареи за подходом «Буйного», когда внезапно откуда-то появился адмиральский вестовой Петр Пучков и кинулся к Семенову: «Ваше высокоблагородие! Пожалуйте в башню! Миноносец пришел — адмирал пересаживаться не хочет!»... Адмирал не был на перевязке, и никто на броненосце не знал, насколько тяжело он ранен, так как в моменты получения ран на все вопросы отвечал, что это пустяки... После того, как его ввели, вернее, внесли в башню и посадили на ящик, он так и оставался в этом положении, временами впадая в забытие... Теперь, на доклад о подходе миноносца он, очнувшись, отчетливо приказал: «Собрать штаб!», а затем только хмурился и, казалось, не хотел ничего больше слушать... Через откинутый полупортик нижней батареи я при помощи Курселя выбрался на правый бортовой срез впереди средней 6" башни. Помощь мне уже требовалась.

Правая нога, разорванная осколком от бедра до колена, подверглась и плохо слушалась, но, по крайней мере, не болела. Зато левой ногой, на которой был рассечен большой палец с раздроблением кости, я мог ступать только на пятку. Всякий толчок носком причинял жестокую боль. К тому же сапог, через свою пробоину, был полон не только кровью, но и грязной, соленой водой, стоявшей на палубе по щиколотки... На срезе боцман и несколько матросов работали, очищая его от горящих обломков, свалившихся с ростр. Справа по носу, совсем близко, не дальше 3 — 4 кабельтовых, я увидел «Камчатку», стоявшую неподвижно. Крейсера Камимуры расстреливали ее с таким же увлечением, как и нас, с той лишь разницей, что по отношению к «Камчатке» задача была много легче. «Буйный» держался на ходу недалеко от борта. Командир его, капитан 2-го ранга Коломейцев, кричал в рупор: «Есть ли у вас шлюпка перевезти адмирала? У меня нет! Флаг-капитан и Кржижановский что-то ему отвечали. Я взглянул в башню, броневая дверь которой была повреждена и не отодвигалась вовсе, так что полному человеку пролезть в нее вряд ли было бы возможно. Адмирал сидел, весь как-то осунувшись, низко опустив голову, обмотанную окровавленным полотенцем. «Ваше превосходительство! — крикнул я. — Пришел миноносец! Надо перебираться!» «Приведите Филипповского»... — глухо ответил адмирал, не меняя положения... «Его сейчас приведут!» Адмирал только отрицательно покачал головой... Я не настаивал, так как раньше, чем выводить адмирала, надо было позаботиться о средствах для пересадки его на миноносец. В компании с Курселем, боцманом и еще двумя-тремя матросами достали из верхней батареи несколько полуобгорелых коек, какой-то конец и начали из этого материала вязать нечто вроде плота, на котором рассчитывали спустить адмирала на воду и так передать на миноносец. Рискованно, но другого выхода не было... Плот готов. Пришел и Филипповский. Его вели под руки. После двух часов в тесном помещении боевого поста, наполненном дымом, он с трудом держался на ногах. Лицо, черное от копоти и почти сплошь покрытое потеками запекшейся крови. Бросились к башне: «Ваше превосходительство! Выходи-

те! Филипповский здесь!» Адмирал молча смотрел на нас, покачивая головой... Не то соглашался, не то — нет... «Что вы разглядываете! — вдруг закричал Курсель, — берите его! Видите, он совсем раненый!»... Несколько человек пролезло в башню. Адмирала схватили под руки, подняли, но едва он ступил на левую ногу, как мучительно застонал и окончательно лишился сознания. Это было и лучше... Матросы свободно проходили через заклиненную дверь башни, но в узкое отверстие было очень трудно протащить грузное тело адмирала. Бились с ним долго, заноса его то головой вперед, то ногами, ворочая с боку на бок. За ноги адмирала Рождественского держал машинист Колотушкин, за плечи — штабной писарь Матизен, спину поддерживали двое комендоров...

«Адмирала с большими усилиями, разорвав на нем платье, протащили сквозь узкое отверстие заклиненной двери башни на кормовой срез и уж хотели подвязывать к плоту, когда Коломейцев сделал то, что можно сделать только раз в жизни, только по вдохновению... Сухопутные читатели, конечно, не смогут представить себе весь риск маневра, но морякам оно должно быть понятно. Он пристал к наветренному борту искалеченного броненосца с его повисшими, исковерканными пушечными полупортиками, торчащими враздрай орудиями и перебитыми стрелами сетевого заграждения. Мотаясь на волне, миноносец то поднимался своей палубой почти в уровень со срезом, то уходил далеко вниз, то отбрасывался от броненосца, то стремительно размахивался в его сторону, каждое мгновение рискуя пропороть свой тонкий борт о любой выступ неподвижной громады...»

Капитан 2-го ранга Коломейцев стоял на качающемся мостике «Буйного» и терпеливо ждал, прекрасно осознавая опасность, которая угрожала его собственному кораблю. Вокруг падали снаряды и, взрываясь, поднимали огненные и буро-зеленые смерчи воды. Каждое мгновение можно было ждать, что маленький кораблик провалится в пучины со всем экипажем и с двумя сотнями «ослябцев», уже переживших катастрофу своего броненосца и нахлебавшихся соленой воды. В стремительных размахах миноносец на зыби, в пожаре флагманского корабля, в грохоте японской артиллерии и в непрекра-

щающихся взрывах снарядов дышала «сама смерть». Даже воздух, пронизываемый сталью, колебался и гулко вибрировал, как гигантская струна. При каждом полете снаряда «ослябцы», находившиеся на верхней палубе миноносца, приседали и вздрагивали, прикрывая головы руками. Их бледные лица с выпученными глазами были безумными. Коломейцев, отдавая четкие, короткие команды, продолжал ждать...

А между тем адмирала Рожественского тащили на руках с кормового среза на носовой по узкому проходу между башней и раскаленным бортом верхней батареи. Командующий был без сознания, форма на нем была разорвана и покрыта грязью и копотью. Одна нога адмирала была обута в ботинок, а другая обернута матросской форменкой. Голова Рожественского была перевязана полотенцем, лицо выпачкано сажей и кровью, часть бороды обгорела. С носового среза адмирала по спинам людей, стоявших на откинutom полупортике и уцепившихся руками за борт, спустили (почти сбросили) на миноносец, выбрав момент, когда палуба «Буйного» поднялась на волне и метнулась в сторону «Суворова»...

Одной из спин, по которым передавали адмирала на «Буйный», была спина флагманского минера лейтенанта Леонтьева. Леонтьев так и стоял у разбитого 75-миллиметрового орудия, глядя в полупорт, когда его вывел из созерцательного состояния вестовой адмирала Петр Пучков, сообщивший, что подошел миноносец, а адмирал все еще находится в правой 6-дюймовой башне. «Зная, что трапы все наверху разбиты, я, чтобы пройти наверх, пошел с минным унтер-офицером Чебуровым к одному из правых портов 75-миллиметровых пушек и, забравшись на нижнюю откинутую ставню этого порта, увидел, что несколько человек нижних чинов на срезе, впереди правой средней 6-дюймовой башни, держат на руках раненого командующего эскадрой. Тут же у борта держался миноносец «Буйный», которого било о борт броненосца. Чтобы подать на миноносец командующего эскадрой, я стал рядом с матросом на нижнюю ставню. По нашим спинам и был передан на миноносец командующий эскадрой. Вслед за командующим влез на миноносец и я...»

Мичман Демчинский продолжал слоняться без дела.

Он покинул подбашенное отделение и находился в нижней батарее. Подошедший матрос, не видя больше на палубе офицеров, доложил Демчинскому, что по носу подходит какой-то миноносец, и попросил разрешения открыть огонь из единственной уцелевшей 75-миллиметровой пушки. Мичман приказал зарядить орудия, а сам выглянул в полупортик и увидел «Буйный». Приказав разрядить орудия, Демчинский быстро выбрался на верхнюю палубу и, несмотря на свои израненные руки, ловко перебрался на палубу «Буйного».

Лейтенанту Кржижановскому сделать это было гораздо легче, поскольку в бою он практически не получил никаких ран, не считая ссадин и царапин от мелких осколков. Выждав удобный момент, он перепрыгнул на палубу миноносца, услышав в последнее мгновение, как флаг-капитан отдал приказ писарю Устинову разыскать остальных флаг-офицеров и флагманских специалистов...

Флаг-капитан капитан 1-го ранга Клапье де Колонг, еще не пришедший в себя от контузии, ран и впечатлений, полученных в боевой рубке, не очень реально представлял себе все происходящее, находясь как бы в полусне. В его памяти запечатлелось, как, несмотря на большую волну, миноносец «Буйный» «удивительно умело» подошел к правому наветренному борту против средней 6-дюймовой башни, как сломанный выстрел «Суворова» бил палубу миноносца, как мачты «Буйного» вздымались и опускались с двух сторон башни, как било сам миноносец о борт «Суворова». Ему казалось, что он слышит крики: «Ура! Адмирал на миноносце!», но он не помнил, как он сам оказался на палубе «Буйного»...

Не помнил этого и капитан 2-го ранга Семенов. Израненные ноги уже немели и отнимались. Он лежал на горячем кожухе между трубами «Буйного» и не отрываясь смотрел на «Суворов», впервые увидев со стороны, как страшно выглядит бывший флагманский броненосец... Кто бы узнал в этой искалеченной громаде, окутанной дымом и пламенем пожара, недавно грозный броненосец... Грот-мачта была сбита на половине высоты, фок-мачты и обеих труб не было вовсе. Возвышенные мостики и переходы были словно срезаны, и вместо них над палубой подымались бесформенные груды исковер-

канного железа. Левый борт низко склонился к воде, а с правой стороны широкой полосой краснела подводная часть, обнажившаяся вследствие крена. В бесчисленных пробоинах бушевало пламя пожара...»

Несмотря на приказ собрать штаб, «собрать» удалось из находившихся внизу только полковника Филипповского и лейтенанта Леонтьева. Филипповский, как уже говорилось, находился в центральном боевом посту, наглухо отделенном от жилой палубы. Свежий воздух сюда поступал через броневую трубу боевой рубки. Электричество гасло, и в БЦП зажгли свечи. Матросы извлекли Филипповского наверх по прямому приказу Рождественского. К этому времени электричество уже погасло на всем корабле. Жилая палуба, заполненная удушливым газом, полностью погрузилась в темноту. Матросы, бросившиеся искать штабных офицеров, могли только окликать их, но не получали ответа ни от тех, кого они звали, ни от кого-либо другого. В дымной тьме царило мертвое молчание. Видимо, все, находившиеся в закрытых помещениях под броневой палубой, куда вентиляторы давали «не воздух, а дым», постепенно угорали и теряли сознание. Машины работали, электричество погасло от недостатка пара, но снизу не вышел никто. Вероятно, из 900 человек экипажа «Суворова» к этому времени оставались живыми только те немногие, что собрались в нижней батарее и на наветренном срезе...

Это отлично понимал и вступивший в командование кораблем лейтенант Богданов. В его подчинении оставались двое офицеров: лейтенант Вырубов и прапорщик Курсель, а также около 50 матросов. Видя со стороны, что гибель «Суворова» неизбежна, капитан 2-го ранга Коломейцев предложил офицерам «Суворова» перейти к нему с остатками команды и добить броненосец торпедой. Богданов отказался. Вырубов и Курсель также отказались перейти на миноносец. Ведь для того чтобы принять решение, предлагаемое командиром «Буйного», прежде всего нужно было осмотреть весь корабль, убедиться, что все, оставшиеся живыми, собраны и готовы покинуть броненосец. А времени на это не было. Каждое мгновение было дорого, в любую секунду шальной снаряд мог пустить на дно миноносец и всех, кто на нем

находился. На миноносце уже были убитые и раненые осколками...

«Отваливайте скорее! Отваливайте! Не утопите адмирала!» — ревел Богданов, перевесившись за борт и грозя кулаком Коломейцеву. Со среза что-то кричал, размахивая фуражкой, Курсель. Позади носовой правой 6-дюймовой башни был виден лейтенант Вырубов, высунувшись в пушечный порт и тоже что-то кричавший. Матросы, выбравшиеся на срез и выглядывавшие из портов батареи, махали бескозырками. Перед лицом неминуемой смерти они были прекрасны. Капитан 2-го ранга Коломейцев только позднее сможет оценить всю трагическую грандиозность события, в котором он участвовал. Сейчас же он сознавал только то, что времени больше терять нельзя. Под прощальные крики «Ура!», несшиеся с «Суворова», Коломейцев выбрал момент, когда миноносец откинуло от борта, и дал задний ход. «Наступил самый критический момент. Отвалить от наветренного борта при такой зыби можно было, только сдавшись за корму, и там уже разворачиваться. Дав задний ход и отойдя за корму, я стал разворачиваться, и в это время на миноносце сосредоточился убийственный огонь. На юте убит наповал только что спасенный с «Осляби» квартирмейстер Шуваев, а крупный снаряд, разорвавшись о воду, осколком пробил носовую часть выше ватерлинии. Пробоина была быстро заделана. Отошел от «Суворова» около 17:30 и снова стал догонять нашу эскадру, далеко ушедшую вперед. Тело квартирмейстера Шуваева с краткой молитвой предали морю. С «Суворова» сняты следующие чины: начальник эскадры, вице-адмирал, генерал-адъютант Рожественский, флаг-капитан 2-го ранга Семенов, флагманский минный офицер лейтенант Леонтьев, флаг-офицеры: лейтенант Кржижановский и мичман Демчинский, флагманский штурман полковник Филипповский, юнкер Максимов, боцман Наумов, писарь Матизен, комендор Фирсов, минер Жильцов, матрос вестовой Пучков, матрос вестовой Балмасов, матрос Суханов, матрос Конченко, машинист Колотушкин, кочегар Замышляев, сигнальщик Суверов, матрос Никитин, матрос-ординарец Бардин, писарь Степанов, писарь Филь,— всего 7 офицеров и 16 нижних чинов...»

С палубы уходящего полным ходом «Буйного» не-

много пришедший в себя капитан 1-го ранга Клапье де Колонг бросил последний взгляд на «Суворов»: «Когда «Буйный» отвалил от «Суворова», на последнем в это время не было ни было ни мачт, ни труб, ни сигнальных рубок. Горели верхняя и батарейная палубы, паровые и минные катера, электричество погасло, все было полно дымом. Пожар увеличивался, в батарее слышны были взрывы патронов, мостики с 47-миллиметровыми орудиями разрушены, крен на левый борт был до уровня полупортиков 75-миллиметровых орудий. Когда отошли на «Буйном» от «Суворова», то увидели по носу справа транспорт «Камчатка» без хода, державший на грот-мачте флаг Красного Креста. В это время неприятель, бывший слева, стрелял по «Суворову», «Камчатке» и «Буйному»...»

Около 18:30 с мостика японского крейсера «Ицукусима», ведущего под флагом вице-адмирала Катаока 5-й боевой отряд, заметили на горизонте густые клубы дыма. В кильватер за «Ицукусима» шли такие же старые, как и он, крейсера — ветераны войны с Китаем: «Чин-Иен», «Мацусима», «Хасидате» и aviso «Яема». Слева от отряда держался 2-й отряд миноносцев-истребителей. Старые крейсера осторожно начали сближение и вскоре «слева по носу увидели плывущих по воле волн, почти разрушенных «Камчатку» и «Суворова». В 18:48 с дистанции 4500 м, продолжая сближение, японцы открыли огонь». «Камчатка» уже имела значительный крен на правый борт и, казалось, не могла идти самостоятельно. На «Суворове» также были большие разрушения: над верхней палубой оставалась лишь полусломанная грот-мачта. Этот корабль, весь обгоревший и еще горящий, перенесший немислимое количество попаданий, имевший только одну случайно уцелевшую пушку в кормовой части, все же открыл из нее огонь, выказывая решимость защищаться до последнего момента своего существования...» В 19:03 «Камчатка» опрокинулась на правый борт и затонула. Не желая более задерживаться, вице-адмирал Катаока приказал добить «Суворов» миноносцами 2-го отряда капитан-лейтенанта Фудзимото. Получив приказ, капитан-лейтенант Фудзимото развернул для атаки четыре маленьких, номерных миноносца своего отряда (№ 72, 73, 74 и 75). Миноносцы обошли «Суворов» с носа, чтобы не попасть под огонь все

еще стрелявшей в корме 75-миллиметровой пушки, вышли на левый борт броненосца и в 19:20 с дистанции 300 м выпустили в «Суворов» четыре торпеды. С миноносцев ясно видели попадания по меньшей мере трех торпед. В 19:28 «Суворов», окутанный черно-желтым дымом и извергая пламя, наконец перевернулся. На какое-то время над поверхностью воды показалось его днище, а в 19:30 нос «Суворова» высоко поднялся в воздух и затем броненосец быстро затонул. На месте гибели остались только клочья дыма, которые стлались по поверхности моря. Спасенных не было...» «Вечная слава героям-мученикам, исполнившим долг свой, как умели, до конца», — подвела итог действиям «Суворова» историческая комиссия при Морском Генеральном штабе, описывающая действия на море в русско-японской войне...

Корабль находился в строю 9 месяцев: зачислен в списки Русского Флота 10.06.1900 г. Исключен из списков 15.09.1905 г. Эскадренный броненосец «Князь Суворов» числился в 16-м флотском экипаже. Погиб 14 мая 1905 г., в 19:30 в 13 милях на северо-восток от острова Окиносима.

Токио. 14(27) мая. Распространился слух о происходящем в настоящее время морском сражении между эскадрами Того и Рожественского в Корейском проливе.

Токио. 14(27) мая. Адмирал Рожественский находится вблизи острова Цусима в Корейском проливе.

Токио. 14(27) мая (Сообщение через Лондон). Эскадра Рожественского пришла к острову Цусима.

Лондон. 14(27) мая («Сентрал Ньюз»). Согласно официальному сообщению 50 судов Балтийской эскадры взяли курс на северо-восток от островов Саддль. Здесь полагают на основании этого, что сражение произойдет в воскресенье. Сообщенный из Нью-Йорка слух, будто бой уже начался, маловероятен. Корейский пролив находится на расстоянии 400 английских миль от островов Саддль, и Балтийская эскадра не может достигнуть пролива ранее, как в воскресенье утром.

Гонконг. 14(27) мая. Рано утром 11 мая судно «Санте Хильда», шедшее из Кучинодзу, видело стоящими в 140 милях к юго-востоку от Седельных островов 45 русских судов: броненосцев, крейсеров, контр-миноносцев,

госпитальных судов, угольных транспортов. Большинство угольных транспортов были наполовину пусты. Вслед за тем вся эскадра пошла на север.

Шанхай. 14(27) мая (Сообщение через Берлин). Согласно частным сведениям Владивостокская эскадра опять вышла в море.

Нью-Йорк. 14(27) мая («Сентрал Ньюз»). Здесь ходит слух, пришедший из Токио, что в Корейском проливе сегодня начался морской бой.

Шанхай. 14(27) мая («Сентрал Ньюз»). Пятьдесят судов Балтийской эскадры погрузили уголь вчера ночью близ островов Саддль и ушли сегодня утром. Шесть угольщиков остались в Вузуне. Китайцы приказали им уйти ранее истечения 24 часов, но русские отказались исполнить приказание под предлогом, что суда эти коммерческие. Русские суда, по-видимому, в наилучшем состоянии, команда уверена в победе.

Чифу. 15 (28) мая («Сентрал Ньюз»). Здешние британские морские власти получили только что телеграмму о том, что один броненосец потоплен, другие суда получили повреждения. Японцы поспешно преследуют их по направлению к Владивостоку. Согласно сведениям, полученным из китайского источника, японцы атаковали русских всеми своими силами...

Париж. 15 (28) мая. Депеша корреспондента «Темпс» из Чифу подтверждает телеграмму итальянского министерства относительно морского боя в проливе Цусима, но без подробностей пессимистического характера. Согласно телеграмме из Шанхая пять русских броненосцев, три крейсера и семь контрминоносцев были замечены вчера в открытом море у Цусимы.

Париж. 16 (29) мая. Рождественский прошел через Корейский пролив, пожертвовав наиболее старыми и менее быстроходными судами. Благодаря этому он дойдет теперь до Владивостока.

Нью-Йорк. 16 (29) мая («Сентрал Ньюз»). Американский консул в Нагасаки послал Министерству иностранных дел телеграмму о том, что русский броненосец потоплен японцами. Подробности не сообщаются, но предполагается, что это броненосец «Бородино».

Париж. 16 (29) мая. По сведениям из японского ис-

точника, адмирал Рожественский появился на широте о. Цусима 14 мая утром во время густого тумана. После полудня погода прояснилась, и японцы заметили русских. Бой начался в третьем часу дня. Дул сильный ветер при сильном волнении. Нет возможности получить из Токио сведенья относительно боя. Японское правительство опубликует сегодня официальное сообщение. Английская эскадра вышла из Гонконга, направляясь на север. Полученная в Риме телеграмма из Владивостока сообщает, что эскадры Камимуры и Уриу появились у Владивостока с целью преградить путь адмиралу Рожественскому. Второй бой, по-видимому, неизбежен. По сведениям из частного источника в Чифу, одно судно эскадры Рожественского 13 мая прибыло в Киао-Чао, сильно поврежденное от столкновения с другим судном.

Париж. 16 (29) мая. По слухам из Чифу, японский крейсер «Ниссин» выведен из строя.

Берлин. 16 (29) мая. Япония представила Китаю ноту, требуя, чтобы русские суда в Вузуне были разоружены. Из Парижа сообщают, что согласно сведениям из Тяньзиня японские потери значительны. Погибший броненосец должно быть наткнулся на подводную мину. Американский консул в Нагасаки добавляет в своей телеграмме, что ему запрещено сообщать что-либо о японских потерях.

Токио. 16 (29) мая («Таймс»). Морской бой начался в субботу между двумя и тремя часами дня. До сих пор не опубликовано никаких официальных сообщений.

Вашингтон. 16 (29) мая («Дейли Мейл»). Государственный департамент получил известие, что потопленным в Корейском проливе русским судном является броненосец «Бородино». Здешние русское и японское посольства не получили еще официальных сообщений о положении дел.

Берлин. 17 (30) мая. Ввиду того, что в Японии по кабелям и телеграфным линиям почти не пропускают газетных депеш, прямых известий нет. Все, что известно о морском бое, сообщается по слухам, доходящим обходными путями, большею частью из китайских источников. Поэтому господствует большая неуверенность относительно хода событий. Шанхайская телеграмма в «Ло-

каль Анцельгер», отправленная вчера в половине второго пополудни, гласит: «Русские ушли к северу. Четыре русских судна, в том числе «Бородино», потоплены». Согласно телеграмме из Парижа броненосец погиб от удара подводной мины. О японских потерях ничего неизвестно, но они тоже должны быть велики. «Берлинер Тагеблатт» получила из Токио телеграмму, отправленную вчера утром, сообщающую, что большая часть Балтийского флота идет к северу через Тихий океан, лишь меньшая часть направилась через Цусимский пролив. Японское посольство не имеет прямых известий.

Берлин. 17 (30) мая. Судя по последним известиям с театра военных действий, часть Балтийской эскадры идет на север, преследуемая японцами. Судам, прибывшим к Шанхаю, также грозит, по-видимому, опасность, так как, по сведениям из Лондона, японские суда напали в открытом море в виду Вузана на отдельную русскую эскадру. Беспроволочный телеграф ещё раз оказал величайшую услугу японцам. С пятницы 13 мая о всех движениях русских судов сообщалось японцам по беспроволочному телеграфу с острова Квельпарт.

Лондон. 17 (30) мая. Полученные с театра военных действий известия производят здесь впечатления, что урон, понесенный русской эскадрой, был причинен миноносцами и подводными минами. Адмирал Рожественский принужден был выбрать наиболее опасный путь вследствие недостатка угля, помешавшего ему пойти кружным путем. Ходят слухи, что бой был упорный и что японцы понесли значительный урон.

Пока информационные агентства лихорадили мир, ловя обрывки слухов и сообщений, пытаясь предугадать дальнейшие действия адмирала Рожественского, сам Рожественский уже два дня как находился в плену, приходя в себя от ран и потрясений в военно-морском госпитале в Сасебо. Получив на «Буйном» первую медицинскую помощь, адмирал пришел в сознание и передал командование контр-адмиралу Небогатову, который, воспользовавшись полученной властью, сдал японцам на следующий день уцелевшие остатки эскадры. А доблестный «Буйный» шел во Владивосток, но его героический путь был оборван аварией в машине. Передав раненого адми-

рала и офицеров его штаба на наконец появившийся миноносец «Бедовый», капитан 2-го ранга Коломейцев перешел со своим экипажем и спасенными «ослябцами» на крейсер «Дмитрий Донской», после чего его миноносец был потоплен артогнем с крейсера. Миноносец «Бедовый», отстав ночью от «Дмитрия Донского», утром 15 мая вместе с повстречавшимся миноносцем «Грозный» продолжал идти во Владивосток. Офицеры штаба и, видимо, сам адмирал Рожественский хорошо понимали всю нелепость своего прибытия во Владивосток на одном из уцелевших миноносцев, когда все корабли огромной эскадры либо были уничтожены, либо попали в руки противника. Адмирал Рожественский лежал в каюте командира, то теряя сознание, то приходя в себя, а штаб, как говорится, мечтал о плене. Исключение составлял разве что капитан 2-го ранга Семенов, которому в плен было попадать никак нельзя — ему грозила виселица. Что же касается остальных, т.е. Клапье де Колонга, Филипповского и Леонтьева, то они и не скрывали своих планов. Кржижановский и Демчинский, хотя, возможно, им и не сочувствовали, но, по крайней мере, и не возражали. Не возражал против этого и командир «Бедового» капитан 2-го ранга Баранов — личность во многих отношениях странная. Беда была только в том, что сдаваться было некому. Миноносцы продолжали идти во Владивосток. Наконец, уже в видимости о. Дажелетт русские миноносцы были перехвачены двумя японскими миноносцами «Кагеро» и «Сазанами». «Грозный» ушел, преследуемый «Кагеро», и в итоге добрался до Владивостока. «Бедовый» же при виде противника остановился, подняв флаг «Красного Креста», сигнал: «Имею раненых» и белый флаг. Лейтенант Леонтьев, оттолкнув сигнальщика, лично спустил Андреевский флаг. Видимо, нужно побывать в огненном аду «Суворова», чтобы как-то судить этих людей, не желавших более драться. Командир «Сазанами» капитан-лейтенант Айба, впоследствии награжденный одной из высших боевых наград Японии орденом Золотого Змея, не сразу поверил, что ему удалось взять в плен командующего русской эскадрой вместе со штабом. Адмирал Рожественский и офицеры штаба были доставлены в военно-морской госпиталь в Сасебо, где Рожествен-

ского посетил адмирал Того, преподнеся своему русскому коллеге цветы и сказав несколько любезных слов о мужестве русских моряков в прошедшем бою. Поблагодарив адмирала Того за любезность, Рожественский через него направил официальное донесение царю: «Токио. Его величеству государю императору. 14 мая в 1 час 30 мин дня между южной оконечностью о. Цусима и Японии начат бой с главными силами японскими в числе 12-ти судов и с крейсерами японскими в числе не менее 12-ти. В 2 ч 30 мин на «Суворове» управление пришлось перенести в центральный пост, а в 3 ч 30 мин часть штаба и меня, терявшего сознание, посадили на «Буйный», где уже была часть экипажа погибшего «Ослябя». Командование сдано Небогатову. Ночью «Буйный» потерял эскадру. Утром увидели «Донской» с двумя миноносцами. На «Донской» сдали команду с «Осляби», меня перенесли на «Бедовый», который отправился дальше с «Грозным». Вечером 15-го узнал, что «Бедовый» сдался двум японским миноносцам. «Бедовый» приведен в Сасебо 17-го. 18-го извещен, что Небогатов находится в Сасебо. Генерал-адъютант Рожественский». Русский царь-добряк немедленно прислал ответ: «Токио. Генерал-адъютанту Рожественскому. От души благодарю вас и всех тех чинов эскадры, которые честно исполнили свой долг в бою, за самоотверженную их службу России и мне. Волею Всевышнего не суждено было увенчать ваш подвиг успехом, но беззаветным мужеством вашим Отечество всегда будет гордиться. Желаю вам скорого выздоровления и да утешит вас всех Господь. Николай».

Видимо, ранение в голову у Рожественского было достаточно серьезным, потому что 12 июня, находясь в плену, он вдруг послал царю еще одну телеграмму: «Его величеству государю императору. За несколько часов до получения всемилостивейшей телеграммы Вашего Величества дошло до моего сведенья о сдаче неприятелю 15 мая броненосцев «Орел», «Николай I», «Сенявин» и «Апраксин». Узнав об этом несчастьи, я не могу прийти в себя. Полагаю — полная ответственность за это падает на меня. Прошу всемилостивейшего прощения Вашего Величества находящимся здесь в жалком положении чинам. Генерал-адъютант Рожественский». Говорят, что

когда царь получил эту телеграмму, в его кабинете находился великий князь Николай Николаевич. Государь, показав ему телеграмму, спросил, хотел бы тот быть русским царем. Великий князь ответил, что он очень бы хотел быть палачом при царе. Царь на эту телеграмму не ответил.

Цусима потрясла русское общество, как никакое другое событие со времен взятия Киева Батыем. Общественное мнение требовало крови и козла отпущения. После ратификации мирного договора военнопленные стали возвращаться на родину. Вернулся и Рожественский с офицерами своего штаба. Вернулся и капитан 2-го ранга Семенов. Японцы не повесили его, даже не судили. В сиянии небывалого триумфа незачем было сводить мелкие счеты. Другое дело было в России. Попытка объявить виновниками поражения евреев, несмотря на серию хорошо организованных погромов, успеха не имела. Газеты, набравшие полный голос после Манифеста 17 октября, требовали суда над виновниками небывалой катастрофы. Но кто был виновником этого небывалого в истории разгрома и позора? Россия тем и замечательная страна, что виноватых в ней никогда не найти. Тем не менее в июне 1906 г. Рожественский, офицеры его штаба и командир «Бедового» предстали перед судом особого присутствия Кронштадтского военно-морского суда по делу о сдаче 15 мая 1905 г. неприятелю без боя миноносца «Бедовый». Суд оправдал, как тяжело раненного, адмирала Рожественского, а всех остальных приговорил к расстрелу. Однако, принимая во внимание смягчающие обстоятельства и перенесенные подсудимыми потрясения, суд постановил ходатайствовать перед государем о замене им смертной казни (или заключения в крепости вместо нее) исключением и увольнением со службы. Государь Николай Александрович, проклиная тех, кто втянул его в авантюру с Японией, вовсе не желал сводить счеты с неудачниками-исполнителями и ублажать общественное мнение смертными казнями. Он заменил расстрел следующими наказаниями: «гвардейского экипажа капитана 2-го ранга Баранова — исключить из службы с лишением чинов, орденов и других знаков отличий; капитана 1-го ранга Клапье де Колонга — исключить из службы без

лишения чинов; корпуса флотских штурманов полковника Филипповского и лейтенанта Леонтьева — отставить от службы, с законными для всех последствиями сих наказаний». Отставного вице-адмирала Рождественского, капитана 2-го ранга Семенова, лейтенанта Кржижановского и мичмана Демчинского повелено было считать оправданными.

Итак, попав в итоге своих необычайных военных приключений на скамью подсудимых, капитан 2-го ранга Семенов, несмотря на то что его «высочайше» повелели считать оправданным, не мог уже оправиться от потрясения гибелью двух эскадр, унижений в плену, унижительных же следственных процедур на родине, включая медицинские осмотры в доказательство его ранений, предания суду, который вынес ему в первом слушании смертный приговор, сопровождаемый воем газет, которые объявили Семенова «главным сатрапом» Рождественского, приводившем в исполнение смертные приговоры над матросами во время похода эскадры... Владимир Иванович Семенов демонстративно ушел в отставку и, поселившись на Фурмштатдтской улице в Петербурге, написал свою знаменитую трилогию «Расплата» и несколько других брошюр, посвященных вопросам возрождения флота. Умер В.И. Семенов в 1910 г. от инфаркта. Его судьба очень характерна для многих людей в нашей стране, которые слишком любят свое дело... Не на много пережил Семенова и адмирал Рождественский. После суда адмирал вел замкнутую жизнь в своей петербургской квартире и умер также от инфаркта за праздничным столом в ночь на Рождество 1910 г...

Капитан 1-го ранга Клапье де Колонг, у которого уже не суде начались приступы истерии, вскоре покончил с собой, видимо, в припадке безумия. Полковник Филипповский умер в 1912 г.

Никто из них, кроме Семенова, не оставил после себя никаких записок и воспоминаний. Еще в 1905 г. Софья Политовская опубликовала письма своего погибшего мужа. Несколько позже тоже самое сделал отец лейтенанта Вырубова. В 1906 г. профессор Московского технического училища П.К. Худяков издал книгу «Путь к Цусиме», посвятив ее выпускникам училища, погибшим

на различных кораблях в Цусимском бою. Худяков вел большую переписку с родными погибших, в том числе и с матерью инженера-механика Федюшина. После революции А.С.Новиков-Прибой разыскал Софью Владимировскую — вдову старшего артиллериста «Суворова», которая разрешила ему прочитать некоторые письма своего мужа, главным образом те, где он ругает адмирала Рожественского. А в 1930 г. во Франции были опубликованы воспоминания вице-адмирала Коломейцева — бывшего командира миноносца «Буйный». Благодаря этим материалам более-менее мне удалось восстановить трагедию флагманского корабля 2-й Тихоокеанской эскадры. Я говорю более-менее не только потому, что у меня явно не хватает знаний и таланта для восстановления таких событий, не потому, что трагедию «Суворова» просто невозможно передать словами. Человеческий язык для этого беден, и то, что творилось на «Суворове», рассказать можно лишь примитивно и упрощенно. Надо иметь слишком большое воображение, чтобы правильно представить себе весь ужас происходящего на флагманском корабле во время боя. Мы знаем, что раненому командующему в течение нескольких часов не была оказана медицинская помощь, что приказы офицеров не исполнялись деморализованным личным составом и что сами офицеры через некоторое время на все махнули рукой, слоняясь по кораблю или укрывшись под броневой палубой. Чтобы это произошло, мало просто взрывов, осколков и пожаров. Возможно, что кюдо, направляя стрелу в цель, парализует и саму цель, но на этот вопрос, конечно, ответа нет...

Мы мысленно побывали во время боя повсюду: в боевой рубке, в центральном посту, в башнях, казематах и батареях, в радиорубке, в румпельном отделении, на носовом и кормовом мостиках, в церкви, в машине, в помещении главных динамо-машин, в подбашенных отделениях, на перевязочном пункте и в операционной, и даже в помещении подводных торпедных аппаратов. Но нигде мы не видели лейтенанта Петра Свенторжецкого — офицера, наиболее близкого к адмиралу Рожественскому, фактически руководившего штабом эскадры. Интересно, что даже Новиков-Прибой, писавший свою «Цусиму» в такие годы, когда само слово «офицер» было в нашей

стране синонимом ругательства, и о царских офицерах положено было писать только плохое, дал Свенторжецкому следующую характеристику: «Из всех штабных чинов яркую личность представлял собой только один человек — старший флаг-офицер, артиллерист по специальности, лейтенант Свенторжецкий. Наряду со знанием своего дела и опытносью, он, этот мужчина средних лет, крепкого телосложения, круглолицый, черноусый, с головой, гладко обточенной полевой машинкой, обладал еще и твердым характером. Это чувствовалось и в его речи, резкой и обрывистой, иногда безапелляционной, когда он был уверен в своей правоте. Держался он скромно, но в тоже время независимо и с достоинством. Непосредственный его начальник — Клапье де Колонг — постепенно превращался в исполнителя его решений. Даже такой самодур, как Рожественский, не позволял себе распекать Свенторжецкого...» Более того, Рожественский вообще не предпринимал ничего, предварительно не посоветовавшись с Свенторжецким. Только адмирал и Свенторжецкий были в курсе всей секретной информации, поступающей на «Суворов», при этом Свенторжецкий выполнял еще и обязанности шифровальщика, лично зашифровывая и расшифровывая депеши секретной корреспонденции. Капитан 2-го ранга Семенов пишет, что во время похода он очень сдружился именно со Свенторжецким, передавая почти со стенографической точностью содержание своих многочисленных бесед с ним. Из многочисленных писем и официальных выступлений Свенторжецкого на совещаниях видно с какой безнадежностью смотрел этот офицер на судьбу 2-й Тихоокеанской эскадры. Последняя запись в дневнике Семенова о разговоре со Свенторжецким датирована ночью с 12 на 13 мая. Семенов повстречал Свенторжецкого на мостике, тот был «мрачнее тучи». И все. Дальше, как обрезало. Ни Семенов, ни другие уцелевшие офицеры штаба более ни словом не упоминают о Свенторжецком. Особенно странно это выглядит у Семенова, который очень подробно описывает события на борту «Суворова» во время боя, не говоря при этом ни слова о судьбе своего лучшего друга. Спасшиеся флаг-офицеры, для которых Свенторжецкий был непосредственным начальником, в своих

обширных показаниях следственной комиссии также совершенно не упоминают о нем, как будто его и не было. Мы видим, что в боевой рубке и на переднем мостике Свенторжецкого не было, не было его и на заднем мостике, не было его и в центральном посту, не было его даже на перевязочном пункте. А между тем судьбу всех без исключения остальных офицеров штаба можно проследить с достаточной точностью. Вспомним: капитан 1-го ранга Клапье де Колонг, флаг-капитан — в начале боя находился в боевой рубке, был ранен, спустился по скобтрапу в ЦП, перешел на батарейную палубу, оттуда перебрался на срез правого борта, снят на «Буйный», попал в плен; полковник Берснев, флагманский артиллерист — находился в боевой рубке, убит в самом начале боя осколком, попавшим в голову; полковник Филипповский, флагманский штурман — находился в боевой рубке, ранен, спустился в ЦП, откуда управлял броненосцем, вызван наверх по приказу Рожественского, снят на «Буйный», попал в плен; лейтенант Леонтьев, флагманский минер — находился в радиорубке, в румпельном отделении, на перевязочном пункте, в помещении динамо-машин, в помещении подводных минных аппаратов, легко ранен, снят на «Буйный», попал в плен; Политовский, флагманский корабельный инженер — находился на операционном пункте, помогая врачам, погиб вместе с броненосцем; капитан 2-го ранга Семенов — находился повсюду, ранен, снят на «Буйный», попал в плен; лейтенант Свербеев, старший флаг-офицер — находился в боевой рубке, тяжело ранен в начале боя, отправлен на операционный пункт, погиб вместе с броненосцем; лейтенант Новосильцев, флаг-офицер — находился на кормовом мостике, ранен в начале боя, отправлен на операционный пункт, погиб вместе с броненосцем; лейтенант Кржижановский, флаг-офицер — находился в боевой рубке, легко ранен, направился в румпельное отделение, затем на перевязочный пункт, в машину, на батарейной палубе встретил флаг-капитана, перешел с ним на срез, снят на «Буйный», попал в плен; мичман Церетели, флаг-офицер — находился в боевой рубке и на переднем мостике, ранен в начале боя, направлен на перевязочный пункт, погиб вместе с броненосцем; мичман Козакевич —

находился на кормовом мостике, ранен в начале боя, направлен в операционную, погиб вместе с броненосцем; мичман Демчинский, флаг-офицер — находился на переднем мостике, легко ранен, руководил борьбой с пожарами на батарейной палубе, снят на «Буйный», попал в плен.

А что же случилось с лейтенантом Свенторжецким?

Случилось, видимо, что-то необычное, если о нем начисто забыли. Адмирал Рожественский, давая обширные показания различным комиссиям и судебно-следственным органам, не упомянул Свенторжецкого ни разу даже мимоходом. Капитан 1-го ранга Клапье де Колонг, отвечая на дополнительные опросные пункты следственной комиссии, упомянул Свенторжецкого следующим образом: «... старший флаг-офицер лейтенант Свенторжецкий и я считали, что хорошего, удачного исхода ждать было нельзя. Частное письмо этого погибшего офицера, посланное с Мадагаскара 25 января 1905 г., т. е. за пять месяцев до Цусимы, лучше всего излагает будущую судьбу эскадры...» Капитану 2-го ранга Семенову комиссия поставила прямой вопрос о характере служебной деятельности лейтенанта Свенторжецкого: «Еще вопрос о характере служебной деятельности лейтенанта Свенторжецкого. Могу подтвердить, что лейтенант Свенторжецкий — старший флаг-офицер — ведал всей секретной перепиской адмирала и, за исключением флаг-капитана, был единственным лицом вполне в ней осведомленным. Что касается его осведомленности в настроении, взглядах и намерениях адмирала, то смело можно сказать, что непосредственно докладывая расшифрованные телеграммы, получая ответы адмирала на них для шифровки, часто производя эту работу в каюте адмирала и в его присутствии, он имел наиболее случаев слышать и знать самые сокровенные мысли своего начальника лучше и полнее чем даже флаг-капитан. Высказывал ли Свенторжецкий в своих письмах взгляды личные или общие? Решить трудно. Были это взгляды адмирала? Ответить может только сам адмирал...» Лейтенант Леонтьев: «Некоторые мало верили в успех эскадры. К таковым принадлежал, например, лейтенант Свенторжецкий, погибший в бою»... Да, лейтенанта

Свенторжецкого все считают погибшим на «Суворове». Но при каких обстоятельствах? В 7-й книге Исторической комиссии по описанию действий флота в войну 1904 — 1905 гг. при МШ на с. 164 говорится: «Было приказано... миноносцу «Бедовому» подойти к «Суворову» и принять с него оставшихся там чинов штаба полковника Берсенева, лейтенантов Свенторжецкого и Свербеева». Странность этого сообщения очевидна. Полковник Берсенев и лейтенант Свербеев погибли в самом начале боя, и об этом не могли не знать или забыть офицеры штаба, отдавшие этот приказ. Так что же произошло? Слабый ключ к разгадке нам неожиданно предоставляет таблица потерь в личном составе, помещенная в той же 7-й книге работы Исторической комиссии при МГШ на с. 220. Среди 38 погибших офицеров броненосца «Князь Суворов» 9 значатся убитыми, 28 — погибшими от невыясненных причин и один... утонувшим. Что значит «утонувшим»? В конце концов, все остальные тоже утонули. Почему понадобилось отдельно от погибших в бою выделять одного «утонувшего»? И ответ напрашивается сам собой: в ночь с 13 на 14 мая лейтенант Свенторжецкий в припадке нервного стресса, вызванного упадническим настроением, выбросился за борт. Другого объяснения этого загадочного случая у меня нет.

* * *

Сразу же после окончания русско-японской войны было решено построить храм-памятник, который стал бы «символом братской могилы для погибших без погребения героев-моряков». Уже в 1906 году во дворе Церкви Милующей Божьей Матери в Гавани был поставлен временный сруб, украшенный иконами покойного командира «Суворова» капитана 1-го ранга Игнациуса. Одновременно был учрежден комитет для сбора средств на постройку каменного храма-памятника. Комитет находился под покровительством императрицы Александры Федоровны, королевы эллинов Ольги Константиновны и великого князя Константина Константиновича. Быстро было собрано 273 тысячи рублей, при-

чем почти треть этой суммы пожертвовал государь Николай Александрович. Крупные суммы пожертвовали остальные члены царской фамилии, родственники погибших офицеров, экипажи кораблей, личный состав воинских частей. Рубли и медяки несли матросские вдовы, инвалиды русско-японской, турецкой и крымской войн. Как и при создании храма Христа Спасителя в Москве, вся Россия откликнулась на строительство храма-памятника морякам.

Проект памятника был заказан крупнейшему зодчему начала XX века М. М. Перетятковичу. Храм был заложен 15 мая 1910 года. Работы под руководством инженера-строителя С. Н. Смирнова шли фантастически быстро, и 31 июля 1911 года храм-памятник был уже освящен в присутствии царя под салют стоящих на Неве боевых кораблей возрождающегося флота. Храм получился уникальным. Построенный в старорусском стиле, облицованный белым камнем, он исключительно красиво смотрелся с Невы, замыкая перспективу Английской набережной. Прекрасные мозаики были выполнены по эскизам В. М. Васнецова и Н. А. Бруни, каменные рельефы на фасаде создал выдающийся скульптор Б. М. Микешин. В храме было две церкви: верхняя во имя «Спаса на водах», нижняя во имя Николая Чудотворца. Иконостас в древне-византийском стиле был выполнен из светло-серого камня, а царские врата — по типу древних ростовских церквей. В алтаре помещались в три ряда изображения из мозаики. В верхнем ряду — почти шестиметровое изображение Спасителя, идущего по водам, во втором — большое изображение таинства Евхаристии, а внизу в полный рост фигуры Святителей. Нижняя церковь была также отделана в стиле ростовско-ярославских церквей и находилась почти под землей, подчеркивая скорбь. Алтарные царские двери нижнего храма были очень древними, времен Ивана Грозного, Новгородского письма, пожертвованные инженером-строителем Смирновым. Королева эллинов Ольга Константиновна пожертвовала храму древнюю икону Шуйской Божьей Матери, а великий князь Константин Константинович написал посвящение, выбитое на мраморе перед входом в храм:

*России Слава, Гордость
и Любовь,
За Подвиг Ваш,
Страдания и Кровь
Мы Скорбью платим
Вам и Восхищеньем.*

А ниже золотом горела надпись «Иждивением русского народа для вечного поминовения моряков, погибших в войну с Японией».

Но не это, вернее не только это, придавало храму небывалую уникальность, а бронзовые мемориальные доски, висевшие на стенах и колоннах верхнего храма с названиями погибших кораблей и фамилиями погибших на них моряков. Над каждой доской помещалась либо корабельная икона, либо икона работы доблестного Василия Васильевича Игнациуса. На одной из бронзовых плит было выбито:

2-я ТИХООКЕАНСКАЯ ЭСКАДРА

**Эскадренный броненосец
«КНЯЗЬ СУВОРОВ»**

В бою 14 мая 1905 года у о-ва Цусима

ПОГИБЛИ:

**ШТАБ КОМАНДУЮЩЕГО 2-ю ЭСКАДРОЮ ТИХОГО
ОКЕАНА**

Капитан 2-го ранга

**Флагм. минный офицер
ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ МАКЕДОНСКИЙ 1-й**

**Флагм. арт. офицер полковник
ФЕДОР АРКАДЬЕВИЧ БЕРСЕНЕВ**

**Ст. флагм. офицер лейтенант
ПЕТР ВЛАДИМИРОВИЧ СВЕНТОРЖЕЦКИЙ**

**Ст. флагм. офицер лейтенант
СЕРГЕЙ ДМИТРИЕВИЧ СВЕРБЕЕВ 1-й**

**Мл. флагм. офицер лейтенант
АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ НОВОСИЛЬЦЕВ**

Мл. флагм. офицер мичман
ГЕОРГИЙ РОСТОМОВИЧ князь ЦЕРЕТЕЛИ

Мл. флагм. офицер мичман
ВЛАДИМИР ПЕТРОВИЧ КОЗАКЕВИЧ

И. д. флагм. инж-мех. полковник
ЛЕОНИД НИКОЛАЕВИЧ СТРАТОНОВИЧ

Флагм. кор. инж. Ст. пом. суд.
ЕВГЕНИЙ СИГИЗМУНДОВИЧ ПОЛИТОВСКИЙ

СУДОВЫЕ ОФИЦЕРЫ:

Командир капитан 1-го ранга
ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ИГНАЦИУС

Старший офицер капитан 2-го ранга
АНДРЕЙ ПАВЛОВИЧ МАКЕДОНСКИЙ

2-й Ревизор лейтенант
ПЕТР ИЛЛАРИОНОВИЧ ОРНАТОВ

Ст. минный офицер лейтенант
НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ БОГДАНОВ 1-й

Мл. минный офицер лейтенант
ПЕТР АЛЕКСАНДРОВИЧ ВЫРУБОВ 1-й

Ст. арт. офицер лейтенант
ПЕТР ЕВГЕНЬЕВИЧ ВЛАДИМИРСКИЙ

Мл. арт. офицер лейтенант
АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ ПРОХОРОВ 2-й

Мл. арт. офицер мичман
НИКОЛАЙ ИЛЬИЧ КУЛЬНЕВ 1-й

Ст. штурм. офицер лейтенант
ВЛАДИМИР ПЕТРОВИЧ ЗОТОВ

Мл. штурм. офицер мичман
МИХАИЛ СЕРГЕЕВИЧ КРАЕВСКИЙ

Вахт. нач. лейтенант
АНАТОЛИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ РЕДКИН

Вахт. нач. лейтенант
БОРИС АРСЕНЬЕВИЧ ДАНЧИЧ

Вахт. нач. мичман
ВЛАДИМИР МИТРОФАНОВИЧ БАЛЬ 4-й

Вахт. нач. мичман
АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ ФРОЛОВ

Вахт. офицер мичман
ВЛАДИМИР ЮРЬЕВИЧ ФОМИН

Вахт. офицер мичман
БОРИС НИКОЛАЕВИЧ ШИШКИН

Вахт. офицер мичман
ГЕОРГИЙ ИВАНОВИЧ ЖУКОВСКИЙ

Вахт. офицер мичман
ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ ГОЛОВНИН 2-й

И. д. ст. суд. мех. капитан
БОРИС ВИКТОРОВИЧ ВЕРНАРДЕР

Прап. по мор. части
ВЕРНЕР ИВАНОВИЧ фон КУРСЕЛЬ

Мл. суд. мех. поручик
ПАВЕЛ СТЕПАНОВИЧ ФЕДЮШИН

Мл. суд. мех. поручик
ГЕНРИХ РУДОЛЬФОВИЧ КРИММЕР

Мл. суд. мех. поручик
СЕРГЕЙ МИТРОФАНОВИЧ МАЛЫГИН

Мл. суд. мех. прап. мех. части
НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ БЕЛЫЙ

Мл. суд. мех. прап. мех. части
ГЕОРГИЙ ГОТЛИБОВИЧ ГИРБУРГЕР

Ст. суд. врач надворный советник
АЛЕКСАНДР МИТРОФАНОВИЧ НАДЕИН

Мл. суд. врач. коллежский ассессор
АПОЛОНИЙ МИХАЙЛОВИЧ МАТАВКИН

Капельмейстер Фридрих ДИТШ
Судовой священник отец НАЗАРИЙ

15 кондукторов и 871 нижний чин

В 1932 г. по приказу Кирова храм-памятник был взорван, разрушен, сравнен с землей. Священные реликвии разворованы, уничтожены, осквернены, выброшены и развеяны по ветру. В 1934 г. Киров получил пулю в затылок. Так родина воздаст своим героям...

Но сохранились деревья, которые были посажены вокруг храма. Их можно видеть и ныне с противоположного берега Невы. Между ними иногда возникает призрак погибшего храма, поставленного в память погибших моряков и кораблей, будя воспоминания и скорбь...

ПРИЛОЖЕНИЕ

Спуск на воду броненосца «Князь Суворов»

«12 сентября состоялось в Высочайшем присутствии двойное торжество на Балтийском судостроительном и механическом заводе: закладка крейсера 2-го ранга «Алмаз» и спуск на воду эскадренного броненосца «Князь Суворов».

На торжество собрались с 10 ч утра высокопоставленные лица и депутации: от 62-го пехотного суздальского генералиссимуса князя Италийского графа Суворова-Рымникского полка и от Варшавского суворовского кадетского корпуса. В исходе одиннадцатого часа под брейд-вымпелом Его Величества прошла из Петергофа по Неве мимо Балтийского завода при восторженных криках «ура» собравшегося на набережной народа Императорская яхта «Александрия», которая, поднявшись несколько выше Балтийского завода, кинула на Неве якорь. Государь сошел с яхты на Императорский паровой катер «Петергоф» и при восторженных криках народа отбыл к левой Царской пристани Балтийского завода. По входе на пристань Его Величество прошел к месту закладки крейсера 2-го ранга «Алмаз». После закладки Его Величество прошел в каменный эллинг завода. На пути следования рабочие завода имели счастье поднести Государю Императору хлеб-соль. Государь Император, приняв хлеб-соль, изволил в ответ на всеподданнейшее обращение депутации произнести следующие милостивые слова: «Спасибо вам за вашу хлеб-соль и за высказанные

чувства. Трудитесь честно, ведите себя спокойно и не давайте смущать себя дурным людям, которые такие же враги Вам, как враги и Мне. Уверен, братцы, что вы впредь поддержите добрую славу Балтийского завода». Дружное, несмолкаемое «ура» было ответом на эти знаменательные слова. Поднявшись затем на верхнюю палубу уже построенного и готового к спуску броненосца «Князь Суворов», Государь Император обошел, здороваясь, стоявший на шканцах судовой караул, офицеров и команду, опоясавшую по борту верхнюю палубу броненосца. Осмотрев подробно новый колосс и приказав готовиться к спуску, Государь Император спустился по трапу и направился в Царскую палатку. На пути следования Его Величество обошел и удостоил милостивых расспросов прибывшие к морскому торжеству депутации.

Когда Его Величество вошел в Царский шатер-палатку, раздался стук молота, началась выбивка последних подпор и стрел, удерживавших гиганта прикованным к полозьям. С грохотом полетели в разные стороны подпорки, и колоссальный броненосец сначала медленно, а затем все быстрее и быстрее полетел вниз по заранее устроенному скату. Наконец он вылетел, как стрела, из темной пасти эллинга и бурно запенил невскую воду, врезавшись в нее кормой. От его движений в реке поднялся огромный вал, величественно прошедший до другого берега и закачавший все мелкие суда кругом: яхточки, пароходы, катера.

Около двенадцати часов Государь Император, ее величество королева эллинов с августейшим сыном королевичем Христофором и великий князь Константин Константинович отбыли на паровом катере «Петергоф» на стоящие на Неве и уходящие в скором времени на Тихий океан крейсера: 1-го ранга «Диана» и 2-го — «Новик». Государь Император подробно осмотрел суда и пожелал им счастливого плавания. Этим высочайшим смотром судов закончились описываемые морские торжества 12-го сентября».

Ива, 1902, № 39, с. 778

В ночь на 20 апреля скончался капитан 2-го ранга В. И. Семенов, герой русско-японской войны и известный писатель. Покойный был сотрудником нашего журнала, и наши читатели, наверно, помнят прекрасные, яркие и живые рассказы его и очерки из морской жизни. Как писатель В. И. Семенов выступил уже довольно давно, но особенную известность не только у нас, но и за границей (за границей даже более, чем у нас), он приобрел за последние три-четыре года. Крупную популярность создали ему его публицистические статьи по военно-морскому делу и воспоминания о морской войне с японцами, столь несчастной для нас. Эти воспоминания были художественно обработаны покойным в его трилогии: «Расплата», «Бой при Цусиме» и «Цена крови», имевшей особенный успех за границей. В короткое сравнительно время все три книги В. И. Семенова были переведены на все европейские языки, причем в Германии их издало морское министерство. Такой интерес, проявленный за границей к трилогии покойного, объясняется прежде всего, конечно, тем обстоятельством, что автор описал в ней личные впечатления, т. е. то, чему он был непосредственным свидетелем. А ему пришлось быть свидетелем грандиознейшей военной катастрофы, которая поразила весь мир. Явный художественно-беллетристический талант проникает и другие произведения В. И. Семенова и его стихотворения: например, прекрасную поэму «Петропавловск», которая была напечатана в нашем журнале. Вообще приходится с горьким сожалением сказать, что в лице покойного бытописателя Цусимы безвременно погиб крупный писатель-художник. Последняя книга покойного — «Страшное слово» — свидетельствовала о полной зрелости его таланта, о выработавшемся художественном такте и чувстве, и о тех огромных шагах вперед, которые делал его талант. Но тут-то и подкралась смерть... Скончался В. И. Семенов всего 42 лет от роду, — обидно рано, не совершив и десятой части того, что он мог и должен был совершить.

Боевая карьера покойного началась еще с Боксерского восстания, когда он участвовал в штурме Таку. Затем

он вновь выступил на боевое поприще с первых же дней русско-японской войны. Он участвовал во всех морских делах, происходивших после гибели адмирала Макарова и особенно отличился в бою 28 июля, когда «Диана» провалилась и ушла в Сайгон. Во время этого боя В. И. Семенов с громадным риском для жизни заделал подводную пробоину. После разоружения «Дианы» он бежал из Сайгона, не желая сидеть сложа руки, когда война еще была в полном разгаре. Явившись в Либаву, он вступил в состав 2-й Тихоокеанской эскадры и в штабе адмирала Рождественского совершил весь исторический поход русской армады вплоть до самой Цусимы. В бою при Цусиме В. И. Семенов получил тяжкие раны и, будучи перегружен вместе с Рождественским на миноносец «Буйный», а с него на «Бедовый», попал в плен к японцам. В плену покойный пролежал четыре месяца в госпитале, а по возвращении в Россию был отдан под суд по обвинению в сдаче миноносца «Бедовый». На суде, однако, выяснилось, что в день сдачи, несмотря на тяжкие раны, В. И. Семенов выполз наверх и требовал, чтобы миноносец шел полным ходом. Спустившись вниз, он потерял сознание и пришел в себя, когда миноносец был уже сдан. Узнав об этом, он пытался застрелиться, но доктор вырвал у него револьвер. Суд оправдал покойного, но после того он не захотел более оставаться на действительной службе и вышел в отставку.

Покойный сотрудничал, кроме нашего журнала, в газетах «Русь» и «Новое время», а за последнее время в «Вестнике Европы». Он прекрасно знал японский язык, и в свое время с большим интересом читались его статьи о японской поэзии. Вообще это был чрезвычайно даровитый и деятельный моряк-офицер и талантливый писатель, и кончина его — обидная утрата, о которой грустно писать...

Нива, 1902, № 32, с. 412.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 9

ПОРТ-АРТУРСКАЯ ЛОВУШКА

«РЕТВИЗАН» 12

«ПЕТРОПАВЛОВСК» 50

«СЕВАСТОПОЛЬ» 74

«ПОЛТАВА» 108

«ПЕРЕСВЕТ» 131

«ПОВЕДА» 172

МУЧЕНИКИ ЦУСИМЫ

«КНЯЗЬ СУВОРОВ» 199

Литературно-художественное издание

Игорь Бунич

В ОГНЕ ВОЙН И ПЕРЕВОРОТОВ

РОМАН В ДВУХ КНИГАХ

КНИГА I

Редакционная коллегия:

*А. Бобита
Н. Селиверстова
Н. Парфенова
Г. Остапченко
А. Гергеша*

ЛР № 062888

Подписано в печать с оригинал-макета
24.03.95. Формат 84x108/32. Бумага Тип №2.
Гарнитура «Школьная». Усл. печ. л. 25,2.
Заказ № 4843. Тираж 20 000 экз.

Издательство «Проф-Пресс». 344037, г. Ростов-
на-Дону, ул.Ченцова, 71.

Издательский центр «Единорог». 310007,
г. Харьков, ул. II Пятилетки, 3, кв. 5.

Смоленский полиграфический комбинат Ко-
митета Российской Федерации по печати.
214020, Смоленск, ул. Смольянинова, 1.
OCR - Давид Титиевский, январь 2017 г., Хайфа

«Неприятель уже закончил поворот. Его 12 кораблей в правильном строю, на тесных интервалах, шли параллельно нам, постепенно выдвигаясь вперед. Никакого замешательства не было заметно. Мне казалось, что в бинокль. Сейчас (расстояние было не больше 20 кабельтовых) я различаю даже конечные ограждения на мостиках, группы людей... А у нас? Я отянул. Какое разрушение! Плавающие рубки на мостиках, горящие обломки на палубе, груды трупов... Сигнальные и дальномерные станции, посты, наблюдающие за падением снарядов, — все сметено, все уничтожено... Позади «Александр» и «Бородино», тоже окутанные дымом пожара...»

Игорь БУНИЧ
«В огне войны и переворотов»

